

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Агапов В.С. — д-р психол. наук, проф.
Агранат Д.А. — д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф.
Азоев Г.А. — д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. — д-р психол. наук, проф.
Верещагина А.В. — д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. — д-р психол. наук, проф.
Грошев И.В. — д-р экон. наук, д-р психол. наук, проф.
Долматович И.А. — д-р экон. наук, проф.
Дубицкий В.В. — д-р социол. наук, канд. хим. наук, проф.
Ионцева М.В. — д-р психол. наук, проф.
Каменева Т.Н. — д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. — д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
Ковалев В.В. — д-р социол. наук, проф.
Красовский Ю.А. — д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. — д-р психол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. — д-р экон. наук, канд. техн. наук, проф.
Ломовцева О.А. — д-р экон. наук, проф.
Магомедов М.А. — д-р экон. наук, проф.
Максимова С.Г. — д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. — д-р экон. наук, проф.
Мищенко В.В. — д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. — д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. — д-р экон. наук, проф.
Сорокина Г.П. — д-р экон. наук, проф.
Строев В.В. — д-р экон. наук, проф.
Тихонова Е.В. — д-р социол. наук, проф.
Чудновский А.А. — д-р экон. наук, проф.
Шаповалова И.С. — д-р социол. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. — д-р экон. наук, канд. юрид. наук,
канд. ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК (K2) рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 5.2.1 — Экономическая теория (экономические науки), 5.2.2 — Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки), 5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.4 — Финансы (экономические науки), 5.2.5 — Мировая экономика (экономические науки), 5.2.6 — Менеджмент (экономические науки), 5.3.1 — Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 5.3.3 — Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки), 5.3.4 — Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки), 5.3.5 — Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки), 5.3.7 — Возрастная психология (психологические науки), 5.4.1 — Теория, методология и история социологии (социологические науки), 5.4.2 — Экономическая социология (социологические науки), 5.4.3 — Демография (социологические науки), 5.4.4 — Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.5 — Политическая социология (социологические науки), 5.4.6 — Социология культуры (социологические науки), 5.4.7 — Социология управления (социологические науки).

Главный редактор

В.В. Строев

Ответственный за выпуск

Л.Н. Алексеева

Редактор

А.В. Большова

Выпускающий редактор

и компьютерная верстка

Е.А. Гусева

Технический редактор

А.Р. Волкова

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.

Подп. в печ. 06.06.2025 г.

Формат 60×90/8

Объем 31,25 печ. л.

Бумага офисная

Печать цифровая

Тираж 1 000 экз.

(первый завод 26 экз.)

Заказ № 102_Т

Издается в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи проходят
обязательную процедуру рецензирования

Издательство: Издательский дом ГУУ

(Государственный университет управления)

Адрес редакции:

109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Тел.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.vestnik.guu.ru>

Статьи доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

EDITORIAL BOARD

Agapov V.S. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Agranat D.L. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Jur.), Prof.
Azojev G.L. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Antonenko I.V. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Vereshchagina A.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Voronin V.N. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Groshev I.V. – Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Dolmatovich I.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Dubitsky V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Chem.), Prof.
Iontseva M.V. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Kameneva T.N. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Kleiner G.B. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., RAS Corresponding Member
Kovalev V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krasovsky Yu.D. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krupnov A.I. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Kuznetsov N.V. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Engr.), Prof.
Lomovtseva O.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Magomedov M.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Maximova S.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Mitrofanova E.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Mishchenko V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Novikov V.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Raychenko A.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Sorokina G.P. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Stroev V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Tihonova E.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Chudnovskii A.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Shapovalova I.S. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Eriashvili N.D. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Jur.),
Cand. Sci. (Hist.), Prof.

The journal is part of the Higher Attestation Commission list of peer-reviewed scientific publications, in which are released the principal scientific results of dissertations for the Degree of Candidate of Sciences, but also the Degree of Doctor of Sciences, the following areas are published: 5.2.1 – Economic theory (economic sciences), 5.2.2 – Mathematical, statistical and instrumental methods in economics (economic sciences), 5.2.3 – Regional and sectoral economics (economic sciences), 5.2.4 – Finance (economic sciences), 5.2.5 – World economy (economic sciences), 5.2.6 – Management (economic sciences), 5.3.1 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 5.3.3 – Labour psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics (psychological sciences), 5.3.4 – Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences), 5.3.5 – Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences), 5.3.7 – Age psychology (psychological sciences), 5.4.1 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 5.4.2 – Economic sociology (sociological sciences), 5.4.3 – Demography (sociological sciences), 5.4.4 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.5 – Political sociology (sociological sciences), 5.4.6 – Cultural sociology (sociological sciences), 5.4.7 – Sociology of management (sociological sciences).

Editor-in-chief

V.V. Stroev

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editor

A.V. Bolshova

Executive editor and desktop publishing

E.A. Guseva

Technical editor

A.R. Volkova

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI No. FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI No. FS 77-76215 from 12.07.2019

I.R. No. 020715 from 02.02.1998
Signed to print 06.06.2025
Format 60×90/8
Size 31,25 printed sheets
Offset paper
Digital printing
Circulation 1,000 copies
(the first factory 26 copies)
Print order No. 102_T

Published in author's edition

The authors are responsible for the information
presented in the publication

All published articles have undergone
a peer review procedure

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Editor's office:

109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99
State University of Management
Tel.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
<http://www.vestnik.guu.ru>

The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0 International CC BY 4.0. This license allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format, so long as attribution is given to the creator. The license allows for commercial use.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

Гулькова Е.А., Крикунова Т.Е. Обзор тенденций развития современных систем электронного документооборота	5
Свистунов В.М., Агеева О.А., Мапкуляк И.Д. Цифровизация как инструмент экономической безопасности современной организации	15
Токарев Б.Е., Россихин Б.А. Путь потребителя образовательной услуги высшей школы: легитимизация искусственного интеллекта в подготовке маркетологов	28

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО
И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Александрова И.Ю. Полисенсорный геобрендинг города: специфика подхода, возможности и ограничения практической реализации	38
Любимова Н.Г., Лебедева А.Д., Флакسمан А.С. Маркетинговое исследование рынка электроэнергии Ярославской области	48
Тихомиров А.А. Структурные изменения в промышленности: компетентностный подход на примере роли администратора проекта	60
Трунин Г.А., Баранова А.Ф. Экономическая и технологическая оценка строительства первичных медицинских пунктов в сельской местности Российской Федерации	70
Шелгинская В.А. Четверть века эволюции событийного менеджмента 2000–2024 гг.: общее и особенное существующих подходов	80

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ,
РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аксентьев А.А. Неопределенные налоговые позиции и преимущества налоговой сверки: международный опыт	93
Дьяконова М.А. Турция в реализации экономической стратегии Китая на Ближнем Востоке	105
Зотиков Н.З. Налоговая реформа 2025 г.: нагрузка на физических лиц	112
Кротов Д.П. Анализ влияния платформенной занятости на экономику в Российской Федерации и перспективы ее развития	126
Симонов С.В. Методологические основы оценки баланса устойчивого развития региональных экономик в условиях инновационной активности	138
Шарилов Ф.Ф. Управление продовольственной безопасностью Китая	146

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИЙ

Астафьева О.Е., Хвостов Ю.Е. Влияние стабильности финансовых показателей и потенциала роста на инвестиционную привлекательность организации	153
Головнин Р.С. Сравнительный анализ экологической составляющей при присвоении ESG-рейтинга	160
Панков Д.А., Байкова О.В. Инвестиционный и деловой климат стран Африки в области энергетики	171

ФИНАНСЫ
И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Кереева Д.З. Необанки как инновационные разработчики финансовых технологий на рынке финансовых услуг	180
Сергиенко Н.С. Инициативное бюджетирование: выбор вектора развития в условиях цифровизации	190
Тарасов А.А. Сравнительный анализ международных синдицированных кредитов	200

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И ПРОЦЕССЫ

Давлетшина А.А., Карманов М.В. Хостелы: особенности и аспекты статистического исследования	209
Ефимова Г.З. Управление академическим развитием научно-педагогических работников в контексте дисциплинарных социологических теорий	217
Полякова О.А. Социальные ожидания взрослых пользователей социальных сетей в отношении программ краткосрочного электронного образования как предмет научного исследования	233

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ПСИХОЛОГИИ

Левин А.М. Семейные факторы риска формирования отклоняющегося поведения у несовершеннолетних правонарушителей, осужденных за преступления различной степени тяжести	241
---	-----

CONTENTS

STRATEGIES AND INNOVATIONS

- E.L. Gulkova, T.E. Krikunova**
Overview of trends in the development of modern electronic document management systems.....5
- V.M. Svistunov, O.A. Ageeva, I.D. Matskulyak**
Digitalisation as a tool for economic security of a modern organisation 15
- B.E. Tokarev, B.A. Rossikhin**
Consumer journey of higher education services: legitimisation of artificial intelligence for training marketers 28

DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL MANAGEMENT

- I.Yu. Aleksandrova**
Polysensory geobranding of the city: specifics of the approach, opportunities and limitations of practical realisation..... 38
- N.G. Lyubimova, A.D. Lebedeva, A.S. Flaxman**
Marketing research of the electric power market in Yaroslavl region 48
- A.A. Tikhomirov**
Structural changes in industry: competence-based approach on the role of a project administrator..... 60
- G.A. Trunin, A.F. Baranova**
Economic and technological assessment of construction of primary health care centres in rural areas of the Russian Federation..... 70
- V.A. Shelginskaya**
Quarter of a century of event-management evolution 2000-2024: the general and the special of existing approaches .. 80

ECONOMICS: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

- A.A. Aksent'ev**
Uncertain tax positions and benefits of tax reconciliation: international experience..... 93
- M.A. Dyakonova**
Turkey in the implementation of China's economic strategy in the Middle East..... 105
- N.Z. Zotykov**
Tax reform of 2025: burden on individuals..... 112
- D.P. Krotov**
Analysis of the impact of platform employment on the Russian economy and its development prospects 126
- S.V. Simonov**
Methodological foundations for assessing the balance of sustainable development of regional economies in the context of innovation activity..... 138
- F.F. Sharipov**
China's food security governance..... 146

INVESTMENT VALUATION

- O.E. Astafyeva, Yu.E. Khvostov**
Impact of financial stability and growth potential on the investment attractiveness of an organisation153
- R.S. Golovnin**
Comparative analysis of the environmental component when assigning an ESG rating 160
- D.A. Pankov, O.V. Baykova**
Investment and business climate of African countries in the field of energy 171

FINANCE AND BANKING

- D.Z. Kereeva**
Neobanks as innovative developers of financial technologies in the financial services market..... 180
- N.S. Sergienko**
Proactive budgeting: choosing a development vector in the context of digitalisation 190
- A.A. Tarasov**
Comparative analysis of international syndicated loans 200

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

- L.A. Davletshina, M.V. Karmanov**
Hostels: features and aspects of statistical research 209
- G.Z. Efimova**
Management of academic development of academic staff through the lens of disciplinary sociological theories 217
- O.A. Polyakova**
Social expectations of adult social media users regarding short-term e-education programmes as a subject of scientific research..... 233

CURRENT TRENDS IN PSYCHOLOGY

- L.M. Levin**
Family risk factors for the development of deviant behaviour in juvenile offenders convicted of crimes of varying severity241

Обзор тенденций развития современных систем электронного документооборота

Гулькова Елена Леонидовна¹

Канд. экон. наук, доц. каф. бухгалтерского учета, аудита и налогообложения
ORCID: 0000-0003-4218-2845, e-mail: Lega05@mail.ru

Крикунова Татьяна Евгеньевна²

Страховой агент
ORCID: 0009-0004-9933-2861, e-mail: tanya.fayzullina.01@mail.ru

¹Государственный университет управления, г. Москва, Россия

²Страховое акционерное общество «РЕСО-Гарантия», г. Москва, Россия

Аннотация

В данной работе представлен краткий аналитический обзор стратегических задач процесса цифровизации в рамках взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков, включая аспекты электронного документооборота (далее – ЭДО). Целями исследования являются изучение организационных барьеров в рамках гармонизации систем управления налогообложением и обработки документов, а также оценка преимуществ и возможных препятствий внедрения ЭДО, что позволяет сформировать объективное представление о текущем состоянии и перспективах развития данной области. Авторами проведен анализ практики применения электронных механизмов коммуникации и обмена информацией между участниками налоговых отношений. Выделены основные проблемы, возникающие в ходе мониторинга и координации экономической деятельности в контексте применения современных автоматизированных цифровых решений, определены потенциальные перспективы их преодоления. Представленные рекомендации предполагают реализацию мероприятий по урегулированию прогнозируемых рисков, связанных с процессом интеграции ЭДО в существующие налоговые процедуры. Полученные результаты могут быть использованы как при выработке решений по формированию системы ЭДО организаций и их взаимодействию с налоговыми органами, так и при разработке законопроектов по совершенствованию положений налогового администрирования в Российской Федерации.

Ключевые слова

Электронный документооборот, стандартизация процедуры, налоговое администрирование, налоговый контроль, система электронного документооборота, процесс мониторинга, цифровая интеграция

Для цитирования: Гулькова Е.Л., Крикунова Т.Е. Обзор тенденций развития современных систем электронного документооборота // Вестник университета. 2025. № 5. С. 5–14.

Overview of trends in the development of modern electronic document management systems

Elena L. Gulkova¹

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Accounting, Audit, and Taxation Department
ORCID: 0000-0003-4218-2845, e-mail: Lega05@mail.ru

Tatyana E. Krikunova²

Insurance Agent
ORCID: 0009-0004-9933-2861, e-mail: tanya.fayzullina.01@mail.ru

¹State University of Management, Moscow, Russia

²Insurance Joint-Stock Company “RESO-Garantia”, Moscow, Russia

Abstract

This paper provides a brief analytical overview of strategic objectives of the digitalisation process within the framework of interaction between tax authorities and taxpayers, including aspects of electronic document management (hereinafter referred to as EDM). The purposes of the article are to study organisational barriers within the framework of harmonisation of tax management systems and document processing systems as well as to assess the advantages and possible obstacles to the introduction of the EDM, which allows us to form an objective idea of the current state and prospects for the development of this area. The authors have analysed the practice of using electronic communication mechanisms and information exchange between participants in tax relations. The main problems arising during the monitoring and coordination of economic activity in the context of the use of modern automated digital solutions are highlighted, and potential prospects to overcome them are identified. The recommendations presented are intended to implement measures to address the projected risks associated with the process of integrating the EDM into existing tax procedures. The results obtained can be used in the development of solutions for the formation of an EDM system for organisations, in their interaction with tax authorities, and in the development of draft laws to improve the provisions of tax administration in the Russian Federation.

Keywords

Electronic document management, procedure standardisation, tax administration, tax control, EDM system, monitoring process, digital integration

For citation: Gulkova E.L., Krikunova T.E. (2025) Overview of trends in the development of modern electronic document management systems. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 5–14.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время наблюдается тенденция перехода организаций на применение электронных документов с целью минимизации использования бумажных носителей информации. Данное изменение способствует повышению эффективности работы предприятий и, как следствие, снижению затрат.оборот электронных документов позволяет не только снизить задержки в передаче данных, которые связаны с физической транспортировкой бумаг, но и способствует обеспечению экономии пространства и удобства доступа к информации с помощью системы электронного архивирования документов. Удаленный доступ из любой точки можно назвать одним из главных преимуществ электронного документооборота (далее – ЭДО), что особенно актуально для предприятий, ведущих свою деятельность не только в Российской Федерации (далее – РФ, Россия), но и за рубежом.

В процессе трансформации документооборота в электронный могут возникать некоторые сложности, которые связаны с обеспечением безопасности данных. Для избежания возможных проблем необходимо использовать системы шифрования, чтобы предотвратить несанкционированный доступ к базам данных и конфиденциальной информации. Кроме того, при обеспечении эффективного внедрения в работу цифровой инфраструктуры на предприятии требуются значительные финансовые вложения в программное обеспечение (далее – ПО), оборудование и, как следствие, обучение персонала.

Прежде чем начинать процесс перехода на цифровые системы, рекомендуется провести анализ текущего состояния документооборота и определить потенциальные риски организации при цифровизации. Основываясь на результатах анализа, следует выбрать подходящие цифровые платформы и разработать четкую стратегию внедрения.

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЭДО представляет собой многоаспектный процесс обработки документов в цифровом виде, который также известен под термином «бесбумажный документооборот». Он включает в себя создание, передачу, хранение и обработку документов в электронной форме, что позволяет значительно сократить время на выполнение операций с ними и минимизировать использование бумажных носителей информации. В процесс цифровизации документооборота вовлечены различные экономические агенты, начиная от поставщиков товаров и услуг и заканчивая конечными потребителями, а также специализированные платформы государственных органов.

Федеральная налоговая служба (далее – ФНС) России разработала стратегический план, направленный на развитие ЭДО в рамках экономической деятельности, и представила уточненную программу мероприятий для его реализации. Стратегия предусматривает формирование комплексной системы нормативно-правового регулирования, охватывающей вопросы применения электронной подписи, обеспечения долговременного хранения электронных документов и подтверждения их юридической силы. Основная цель стратегии заключается в разработке инструментов и процедур, способствующих переходу к высокотехнологичной системе документооборота, при этом обеспечивающих баланс интересов субъектов рынка и государственных структур¹.

В рамках исследования ключевых направлений развития ЭДО можно выделить следующие аспекты:

- разработка и апробация инновационных форматов цифровых документов, которые обладают высокой степенью популярности и соответствуют современным требованиям информационной безопасности;
- изучение и преодоление препятствий, связанных с использованием различных методов электронной цифровой подписи, с целью обеспечения их широкого применения и повышения уровня доверия к электронным документам;
- создание и внедрение унифицированных стандартов, направленных на единообразие процессов обмена электронными документами между различными субъектами;
- разработка нормативных стандартов, регламентирующих условия хранения и доступа к электронным документам, подтверждение их юридической силы в соответствии с действующим законодательством;
- стандартизация процедур ЭДО для обеспечения согласованности и совместимости действий между различными участниками экономической деятельности;

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 27.02.2025).

- формирование благоприятных условий для эффективного взаимодействия с органами государственного надзора и исполнительной власти;
- реализация мероприятий, направленных на стимулирование и развитие международного обмена документами в электронном виде, что предполагает гармонизацию национальных стандартов с международными практиками.

В контексте оптимизации систем налогового администрирования прогресс в сфере ЭДО занимает одно из центральных мест. Исследование преимуществ и недостатков использования такого рода документов в налоговой сфере, а также анализ возникающих проблем и перспектив развития представляют собой важные задачи².

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

В соответствии с указом Президента РФ, датированным 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2030 года и в перспективе до 2036 года», были определены многообещающие направления, определяющие вектор долгосрочного развития государства³. Рассматривая материалы указа, можно отметить, что к 2030 г. планируется достижение стадии цифровой зрелости в областях государственного и муниципального управления, а также в ключевых отраслях экономики и социальной сферы, что предполагает комплексное внедрение автоматизированных систем для систематизации операций, осуществляемых в рамках национальных цифровых платформ, и переход к модели управления, основанной на аналитике данных.

В процессе реализации принятой стратегии предусмотрено активное применение прогрессивных технологий в сфере обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта. В связи с этим становится более актуальной необходимость разработки и реализации мероприятий, направленных на совершенствование управления доходами бюджетной системы, в частности, путем развития автоматизированной налоговой системы и интеграции всех источников информации и потоков данных в единую информационную сеть. Отмеченные аспекты подразумевают усовершенствование процессов анализа данных с использованием передовых технологий обработки больших массивов информации [1; 2].

В контексте этой инициативы акцентируется внимание на оптимизации процессов взимания налогов с доходов, а также интеграции и тесного взаимодействия налоговых и таможенных органов. Например, унифицированная система мониторинга охватит все фазы движения товаров, подлежащих контролю, и создаст предпосылки для полного автоматизированного формирования отчетности посредством использования электронных счетов-фактур и универсального документационного эквивалента. В дополнение к этому внедрение цифровых технологий в управление налоговыми процессами приведет к улучшению и упрощению процедуры подготовки налоговой отчетности и ликвидации неформальных практик в сфере трудовых отношений.

ФНС России занимает лидирующие позиции в области внедрения информационных технологий среди государственных органов власти. Интенсификация процессов электронной регистрации способствовала повышению эффективности сбора налогов, в частности налога на доходы физических лиц (далее – НДФЛ), что привело к увеличению поступлений в федеральный бюджет. Согласно статистике 2023 г., объем средств, поступивших от данного налога, составил 159,5 млрд руб.⁴ Предполагались значительное увеличение этой суммы и достижение отметки в 307 млрд руб. к концу 2024 г. В начале октября 2024 г. были опубликованы новые результаты исследования, подтверждающие, что реформа налоговой системы РФ оказывает положительное влияние на динамику налоговых поступлений. Выводы основаны на анализе материалов, сопутствующих законопроекту о государственном бюджете на 2025 г. и прогнозируемый период с 2026 г. по 2027 г., зарегистрированному в Государственной думе РФ 30 сентября 2024 г.⁵ Согласно представленным аналитическим данным, прогнозируется, что доходы от НДФЛ

² Концепция развития электронного документооборота в хозяйственной деятельности (утверждена решением президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 25.12.2020 г. № 34). Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400066004/> (дата обращения: 27.02.2025).

³ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 27.02.2025).

⁴ Федеральная налоговая служба. Данные по формам статистической налоговой отчетности. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn54/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 27.02.2025).

⁵ Досье на проект Федерального закона № 727320-8 «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». Режим доступа: <https://base.garant.ru/410462258/?ysclid=m69eeh1sca602496757> (дата обращения: 27.02.2025).

в 2025 г. составят 810,5 млрд руб. с последующим увеличением до 920,7 млрд руб. в 2026 г. Указанный рост доходов объясняется введением прогрессивной шкалы налогообложения и активным использованием цифровых технологий в сфере налогового администрирования.

К началу второго полугодия 2024 г. ФНС РФ разработала и внедрила более 70 электронных сервисов, предназначенных для удовлетворения потребностей различных категорий налогоплательщиков и представителей разнообразных секторов экономики. Данные сведения отражены в официальных отчетах ведомства, датированных 2 июля 2024 г.⁶

Особое внимание заслуживает использование технологий удаленного мониторинга. Данные показывают, что в 2023 г. произошло значительное сокращение числа выездных проверок налоговой службы: их количество снизилось почти на 50 % по сравнению с предыдущим годом, уменьшившись с 10,2 до 5,4 тыс. В первой половине 2024 г. зафиксировано дополнительное снижение на 28 %. Прогнозируется, что данная тенденция к уменьшению числа таких проверок будет продолжаться в последующие годы⁷.

В текущем финансовом году субъектами предпринимательской деятельности было возвращено в экономический оборот значительное количество средств, эквивалентное почти 5 трлн руб., представляющее собой сумму налога на добавленную стоимость. Данный показатель демонстрирует увеличение, по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, на 40 млрд руб. В дополнение к этому в рамках цифровизации государственных услуг был внедрен универсальный сервис «Старт бизнеса онлайн», который обеспечивает комплексное решение задач по регистрации юридических лиц, получению электронной подписи, исключая необходимость личного обращения в Удостоверяющий центр ФНС России, а также по открытию банковского счета⁸.

В ходе интеграции в унифицированную систему налогообложения субъекты предпринимательской деятельности, включая как индивидуальных предпринимателей (далее – ИП), так и юридических лиц, отмечают значимые преимущества, которые предоставляет ЭДО. В рамках действующего законодательства обязанность по ведению учета продаж и закупок в электронной форме, а также представление налоговых деклараций в электронном виде остаются неизменными. Использование бумажных документов не имеет существенных преимуществ, особенно учитывая необходимость их последующего ввода в бухгалтерские программы. Следовательно, процесс их загрузки в цифровой формат представляется более эффективным с точки зрения ресурсозатрат и времени.

Введение в практику использования электронных форматов первичных бухгалтерских документов стало катализатором для разработки и внедрения инновационной методики налогового контроля, известной как налоговый мониторинг. Данная методика предоставляет налоговым органам инструменты для осуществления мониторинга операций налогоплательщиков в режиме реального времени. Это, в свою очередь, способствует повышению эффективности и прозрачности налогового процесса, что является значимым преимуществом для налогоплательщиков, но используется не всеми, в рамках действующего законодательства [3]. Также существуют бизнес-процессы, в которых системы ЭДО с позиции проверочных мероприятий реально экономят время и силы.

В данном контексте необходимо обратить внимание на внедрение систем цифрового документооборота в организациях, что предоставляет ряд значительных преимуществ:

- 1) оптимизация временных затрат персонала, задействованного в процессе обработки бумажных документов (достигается за счет автоматизации рутинных операций);
- 2) снижение вероятности возникновения ошибок при обработке данных и, как следствие, ускорение процесса их выявления и корректировки (автоматизированная верификация информации, исключение необходимости многократного ввода одних и тех же данных и минимизация риска их потери);
- 3) повышение эффективности трудовой деятельности: интеграция процессов документооборота с автоматизированными системами управления (исключение ручного ввода данных на каждом этапе добавления стоимости; автоматическая координация контроля за состоянием документов и связанными экономическими операциями);

⁶ Федеральная налоговая служба. Эффективность работы ФНС России. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn54/related_activities/statistics_and_analytics/effectiveness/ (дата обращения: 27.02.2025).

⁷ Федеральная налоговая служба. Закон от 27.12.2019 г. № 476-ФЗ. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/el_doc/use_electronic_sign/10071944/ (дата обращения: 27.02.2025).

⁸ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Информационные системы. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/govservices/infosystems/29/> (дата обращения: 27.02.2025).

- 4) ускорение доступа к необходимой информации: сокращение времени, затрачиваемого на согласование, принятие управленческих решений и их последующее исполнение;
- 5) повышение уровня защиты информации: реализация контроля доступа к документам (установление различных уровней прав доступа и применения методов шифрования данных) и др.

Итак, обобщим сведения о документации, используемой в организациях, подлежащих переводу в электронную форму. К ней относятся управленческая, кадровая, финансовая, договорная, корпоративная и организационная, производственная документация; документы по внутреннему контролю; архивные документы и т.п. Руководствуясь достаточно обширным перечнем внутренних документов, подлежащих переводу в электронный формат, можно говорить о том, что внедрение систем ЭДО позволит упростить процессы, снизить риск ошибок и более точно и рационально выстроить внутренние и внешние экономические отношения.

Так как концепция ЭДО предполагает трансформацию традиционного бумажного документооборота в электронную форму, то интеграция данного инструмента в корпоративные бизнес-процессы не может осуществляться мгновенно, поскольку модификация устоявшихся на протяжении длительного времени привычек требует значительного временного ресурса. В то же время государственные органы осуществляют активную поддержку данного перехода.

Бизнес-процессы подготовки, сопровождения, мониторинга и контроля документа (документов) состоят в следующем.

1. Рекомендуется использовать стандартные шаблоны, доступные в информационной системе для обеспечения соответствия необходимым стандартам и ускорения процесса подготовки. В целях интеграции отсканированных файлов система должна предоставлять функции для их добавления, например определить и выбрать соответствующий шаблон документа: заполнить все обязательные поля; обеспечить прикрепление к нему дополнительных материалов (при их наличии).

2. Необходим процесс согласования документа, в ходе которого система автоматически уведомляет всех задействованных сотрудников о необходимости их одобрения. В частности, отправка документа на согласование ответственным за данную процедуру сотрудникам; мониторинг уведомлений от участников, ответственных за предоставление согласования; внесение корректировок или добавление комментариев по мере поступления обратной связи; ожидание финального одобрения от уполномоченных лиц.

3. Требуется контроль доступа, аудита изменений и обеспечения совместной работы над документами. Например, доступ к нему только подготовленным лицам и фиксация редактирования файла (возможность восстановления предыдущих версий, автоматизация уведомлений); своевременное выполнение согласовательных процедур и других действий, а также регистрация всех операций, совершаемых с документом, включая создание, редактирование, просмотр и утверждение (полная история изменений); организация совместной работы над файлом с использованием специализированного ПО (эффективность взаимодействия и поддержка актуальности информации); надлежащее управление документацией и минимизация риска потери информации и др.

4. Рекомендуется использовать высокотехнологичное ПО для гарантии не только хранения документов, но и генерации отчетов состояния документационного потока. В рамках этого этапа алгоритма работы с документооборотом рассматриваются следующие действия: проведение анализа текущего состояния потока документов; выявление возможных отклонений и изменений в файлах во время их редактирования; проведение связи между изменениями в документах и в других процессах с последующим автоматизированным формированием отчетов в целях анализа отдельно взятого процесса и т.д.

5. Размещение в электронном виде в специализированном (облачном) хранилище (гарантия сохранности информации и доступности для последующего использования, создание системы каталогов) и др.

Таким образом, в контексте разработки и использования системы ЭДО организации важным моментом выступает тот факт, что она должна включать в себя не только стандартные маршруты документов и надежность их сохранности, но и специфические параметры настройки, являющиеся значимыми в процессе достижения эффективного взаимодействия с внешними пользователями, в нашем случае – с государственными органами.

Требуется выделить некоторый функционал, настоятельно рекомендуемый к применению: управление правами доступа (дифференциация предоставления прав для различных категорий пользователей): оптимальный поиск (фильтрация результатов нахождения необходимой информации); управление

версиями документов (обеспечение прозрачности изменений и сравнения различных версий); просто-та в использовании; адаптация для мобильных устройств; функционал электронных подписей и т.п.

В рамках данной статьи представим аналитический обзор некоторых передовых систем управления электронными документами, которые могут применяться как малыми предприятиями, так и организациями с развитой структурой:

- система «ТЕЗИС» занимает одну из лидирующих позиций на российском рынке. Преимущества: обширный функционал, включающий множество инструментов для оптимизации документооборота; возможность настройки и масштабирования в соответствии с уникальными требованиями пользователя; поддержка гибкой интеграции с разнообразными внешними сервисами. Однако внедрение системы может потребовать профессиональной технической поддержки;

- программный комплекс «1С: Документооборот» – решение, обеспечивающее комплексную цифровую интеграцию процессов документооборота как внутри организации, так и во взаимодействии с партнерами. Преимущества: многообразие функций, которые находят применение не только в сфере управления документацией, но и в бизнес-процессах в целом. Тем не менее для самостоятельной настройки системы необходима квалифицированная техническая поддержка;

- система «Контур.Диалок» – передовое решение для автоматизации процессов ЭДО, отличающееся высокой степенью удобства в использовании. Обеспечивает функционал для эффективного взаимодействия с государственными органами, включая передачу налоговых документов, таких как счета-фактуры. Однако использование цифровой подписи в рамках системы требует дополнительных финансовых затрат;

- система «Сбербанка» позволяет полностью трансформировать офисный документооборот в цифровой формат, что обеспечит при этом возможность удаленного доступа к документам из любой точки. Предусматривает функции обмена файлами между партнерами и их последующей электронной подписи, а также осуществление обновления статусов документов на сервере в режиме онлайн. Обладает функциональными возможностями для автоматизированного формирования отчетных документов, которые необходимы для представления в органы государственной власти, включая ФНС России и Фонд социального страхования РФ, обеспечивает взаимодействие с индивидуальными пользователями. Однако предоставляет бесплатный доступ только для тех предпринимателей, которые имеют расчетный счет в банке;

- программный продукт «ЭДО Лайт» – специализированный инструмент для юридических лиц, которым необходима маркировка товаров в рамках системы «Честный знак». Включает в себя неограниченное количество документов и предоставляет доступ к обучающим видеоматериалам, однако функционал обмена файлами ограничен исключительно участниками данной системы маркировки.

Рассмотренные примеры имеют как положительные качества, так и недостатки в использовании. Поэтому переход на ЭДО представляет собой стратегический шаг, направленный на выбор соответствующей системы для повышения эффективности, безопасности и надежности управления информационными потоками в организации, а также в условиях взаимодействия с налоговыми органами РФ при реализации контрольных мероприятий и осуществлении налогового администрирования.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С одной стороны, предоставление государственных услуг в электронной форме расширяет доступность и упрощает взаимодействие граждан и организаций с государственными структурами. С другой стороны, ФНС России идентифицировала ЭДО как средство для повышения эффективности контроля за соблюдением налогового законодательства. В результате с использованием автоматизированных информационных систем появляется возможность оперативно выявлять нарушения налогового законодательства среди субъектов предпринимательской деятельности [4].

Изучив ряд систем ЭДО, мы установили препятствия, которые оказывают влияние на скорость и масштаб их внедрения в практику. В частности, одним из ключевых факторов, замедляющих процесс адаптации, является различие возможностей, предоставляемых для осуществления хранения и использования документов. Это приводит к проблемам во взаимодействии между субъектами, что, в свою очередь, осложняет непрерывность процесса обмена документами и создает дополнительные барьеры на пути к оптимизации документооборота, а также к налаживанию взаимодействия с государственными органами.

В дополнение к вышеизложенному следует отметить, что малые предприятия и ИП часто проявляют сдержанность в инвестициях в автоматизацию процессов своей деятельности, воспринимая такие

финансовые вложения как рискованные или нерациональные. Данный аспект оказывает значительное влияние на замедление интеграции систем ЭДО [2; 5].

Кроме того, важно затронуть вопросы, связанные с недоверием к электронной подписи, которое присуще множеству участников рыночных отношений. Отсутствие достаточных гарантий относительно защищенности и юридической силы ЭДО вызывает у предприятий опасения касательно целесообразности его использования [6].

Необходимо отметить, что рынок электронных услуг постоянно пополняется новыми игроками и инновационными стартапами, оказывающими конкурентное воздействие на устоявшиеся компании. Это вынуждает уже долгое время функционирующие в одном режиме предприятия адаптировать свои бизнес-модели к изменяющимся рыночным условиям, что, в свою очередь, способствует более широкому внедрению и распространению ЭДО [6].

В контексте оптимизации управленческих процессов в организациях значительное внимание предполагается уделять повышению прозрачности и дисциплины в деловых операциях, что достигается за счет обеспечения доступа к информационным ресурсам, способствующим совершенствованию управленческих процедур [7].

В ходе анализа выявленных проблем и достижений представляется возможным формулирование гипотетических направлений для преодоления препятствий и модернизации существующей системы сотрудничества как внутри организации, так и во внешней среде.

В контексте повышения производительности и оптимизации документооборота в уже действующих организациях целесообразным является проведение комплексного анализа систем управления документами для выявления перспективных направлений интеграции ЭДО в существующие бизнес-процессы и возможностей внешнего взаимодействия.

Необходимо акцентировать внимание на структурировании процесса обработки документации таким образом, чтобы он был максимально понятен и доступен для всех заинтересованных сторон. Оптимизация и ясность в процедуре прохождения документов через многоступенчатые этапы представляют собой ключевые принципы, поскольку они способствуют снижению вероятности совершения ошибок и недоразумений в документообороте.

Следует принять во внимание и то, что многоуровневые системы управления документацией, характеризующиеся высокой степенью сложности, требуют значительных усилий для их настройки. Кроме того, они могут демонстрировать повышенную уязвимость к различным видам сбоев и технических неисправностей. В связи с этим поддержка и регулярное обновление данных систем могут потребовать значительных финансовых ресурсов. В контексте стремления к повышению производительности и оптимизации рабочих процессов крайне важно добиваться достижения оптимального соотношения между сложностью системы и ее функциональными возможностями, что позволит обеспечить максимальную эффективность при минимальных затратах.

Для усовершенствования системы ЭДО выделяются рекомендации, которые упростят и ускорят взаимодействие с контролирующими государственными органами. При ориентировке на их анализ возникает мысль о разработке и интеграции единой новой модели. В каждой из них имеются как положительные аспекты, так и недостатки. Разработка единой унифицированной системы ЭДО субъектов предпринимательской деятельности, которая охватит основные параметры взаимодействия как внутри субъекта, так и во внешней среде, поможет избежать различных негативных последствий.

Модель ЭДО, усовершенствованная с помощью опыта существующих аналогичных систем, сможет иметь расширенные возможности и высокую степень адаптивности. Это приведет к эффективной интеграции в области контроля и взаимодействия различных субъектов предпринимательской деятельности и государственных структур, таких как ФНС России и др.

В свою очередь, модификация в соответствии с конкретными задачами организации или спецификой отрасли предполагается как дополнительный инструмент в рамках законодательно закрепленной единой системы ЭДО, отсутствующей на данный момент (ЭДО регулируется различными нормативно-правовыми документами). Ключевыми аспектами успешного функционирования предлагаемого инструмента станут периодический мониторинг его эксплуатации и своевременная корректировка настроек и законодательных инициатив для минимизации различных рисков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в условиях развивающейся цифровой экономики переход на ЭДО становится необходимостью, открывая новые возможности для взаимодействия между бизнесом и государственными структурами. С точки зрения предпринимательской деятельности внедрение ЭДО приведет к оптимизации внутренних процессов и сокращению административных затрат. Этот переход не только способствует расширению перспектив для эффективного взаимодействия субъектов экономической деятельности и государственных органов, но и обеспечит более высокий уровень контроля за налоговыми потоками и усиление мер противодействия уклонению от налоговых обязательств.

В рамках стратегических мероприятий, направленных на укрепление доверия к ЭДО и стимулирование его применения в области государственного управления и экономической деятельности налогоплательщиков, ФНС России разработала комплексную стратегию, предусматривающую реализацию ряда инициатив, целями которых являются оптимизация качества и повышение эффективности процессов обработки документов с применением инновационных технологий. Поэтому предложенный подход следует направить на упрощение цифрового обмена информацией между субъектами хозяйственной деятельности и государственными органами, а также на усиление доверия к электронным решениям в бизнес-среде.

В результате можно сказать, что переход к системе использования электронных документов является одним из ключевых факторов в развитии цифровой экономики. Он не только оптимизирует операционные процессы предприятий, но и способствует развитию экономики РФ в целом.

Список литературы

1. Гулькова Е.А., Карп М.В., Типалина М.В. Налоговые вызовы цифровой экономики. Вестник университета. 2019;4:89–95. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-4-89-95>
2. Кирова Е.А., Морозова Н.Г., Безвержий А.С. Трансформация налоговой системы России в условиях становления цифровой экономики. Вестник университета. 2019;7:118–124. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-7-118-124>
3. Захарова А.В., Самodelko Л.С., Кирова Е.А. Оценка возможности применения цифровой платформы Федеральной налоговой службы России при определении налоговой нагрузки организации. Вестник университета. 2021;4:97–105. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-4-97-105>
4. Козыр Н.С. Актуальные вопросы цифровизации социально-экономических систем. Вестник университета. 2022;7:54–59. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-7-54-59>
5. Карп М.В., Захарова А.В., Типалина М.В., Самodelko Л.С. Обзор показателей информационно-цифровых ресурсов Федеральной налоговой службы, характеризующих деятельность субъектов малого предпринимательства. Вестник университета. 2021;6:112–120. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-112-120>
6. Шука И.О., Нестеренко И.С., Нестеренко Г.А. Перспективы, достоинства и недостатки электронной подписи. Международный научно-исследовательский журнал. 2023;2(128). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.128.7>
7. Мехдиев Э.Т., Плеханова Е.А. Развитие систем электронного документооборота в цифровой экономике. Дискуссия. 2023;1(116):58–70. <https://doi.org/10.46320/2077-7639-2023-1-116-58-70>

References

1. Gulkova E.L., Karp M.V., Tipalina M.V. Tax challenges of the digital economy. Vestnik universiteta. 2019;4:89–95. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-4-89-95>
2. Kirova E.A., Morozova N.G., Bezverkhiy A.S. Transformation of the Russian tax system in the context of establishment of the digital economy. Vestnik universiteta. 2019;7:118–124. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-7-118-124>
3. Zakharova A.V., Samodelko L.S., Kirova E.A. Assessment of the possibility of using the digital platform of the Federal Tax Service of Russia in determining the tax burden of the organization. Vestnik universiteta. 2021;4:97–105. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-4-97-105>
4. Kozyr N.S. Current issues of digitalisation of social and economic systems. Vestnik universiteta. 2022;7:54–59. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-7-54-59>
5. Karp M.V., Zakharova A.V., Tipalina M.V., Samodelko L.S. Overview of indicators of information and digital resources of the Federal Tax Service that characterize the small businesses activities. Vestnik universiteta. 2021;6:112–120. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-112-120>

6. *Shchuka I.O., Nesterenko I.S., Nesterenko G.A.* Prospects, advantages and disadvantages of electronic signatures. International Research Journal. 2023;2(128). (In Russian). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.128.7>
7. *Mekdiev E.T., Plekhanova E.A.* Development of electronic document management systems in the digital economy. Discussion. 2023;1(116):58–70. (In Russian). <https://doi.org/10.46320/2077-7639-2023-1-116-58-70>

Цифровизация как инструмент экономической безопасности современной организации

Свистунов Василий Михайлович

Д-р экон. наук, проф. каф. управления персоналом
ORCID: 0000-0001-8303-9899, e-mail: svistunov@guu.ru

Агеева Ольга Андреевна

Д-р экон. наук, проф. каф. бухгалтерского учета, аудита и налогообложения
ORCID: 0000-0002-8772-1702, e-mail: oa_ageeva@guu.ru

Мацкуляк Иван Дмитриевич

Д-р экон. наук, проф. каф. экономической политики и экономических измерений
ORCID: 0000-0002-2550-0250, e-mail: mid48@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В работе рассматривается роль цифровых технологий и ИТ-инструментов (ИТ – информационные технологии) в обеспечении экономической безопасности современной организации. Анализируется влияние процессов глобализации и усиления конкуренции на необходимость внедрения современных цифровых решений для управления хозяйственной деятельностью и оценки законности бизнес-процессов. Обосновывается важность цифровизации для повышения скорости, точности и надежности работы системы экономической безопасности, а также для противодействия внешним угрозам и реализации корпоративных интересов. Подчеркивается значимость комплексного подхода к внедрению цифровых технологий и создания единой системы цифровой экономической безопасности организации. На основе опроса экспертов из различных промышленных предприятий выявлены наиболее перспективные цифровые инструменты и технологии для ее обеспечения в ближайшие 5 лет. Проблемная область работы – цифровые технологии и ИТ-инструменты, используемые для повышения уровня обеспечения экономической безопасности организации в условиях цифровой трансформации. Цель исследования заключается в определении существующих подходов к практическому использованию последних как важного элемента системы внутреннего контроля, обеспечивающей экономическую безопасность хозяйствующего субъекта. Основные результаты исследования могут быть применены на практике при решении кейсов и управленческих задач на уровне руководителей компании, государственных учреждений, а также включены в программу при изучении курса «Экономическая безопасность».

Ключевые слова

Экономическая безопасность, цифровизация, цифровые технологии, ИТ-инструменты, искусственный интеллект, автоматизация, управление рисками

Для цитирования: Свистунов В.М., Агеева О.А., Мацкуляк И.Д. Цифровизация как инструмент экономической безопасности современной организации // Вестник университета. 2025. № 5. С. 15–27.

© Свистунов В.М., Агеева О.А., Мацкуляк И.Д., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Digitalisation as a tool for economic security of a modern organisation

Vasily M. Svistunov

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Personnel Management Department
ORCID: 0000-0001-8303-9899, e-mail: svistunov@guu.ru

Olga A. Ageeva

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Accounting, Audit, and Taxation Department
ORCID: 0000-0002-8772-1702, e-mail: oa_ageeva@guu.ru

Ivan D. Matskulyak

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Economic Policy and Economic Measurements Department
ORCID: 0000-0002-2550-0250, e-mail: mid48@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the role of digital technologies and IT (information technologies) tools in ensuring economic security of a modern organisation. We analyse the impact of globalisation and increased competition on the need to implement modern digital solutions for managing economic activities and assessing the legality of business processes. The authors substantiate the importance of digitalisation for improving the speed, accuracy, and reliability of the economic security system as well as for countering external threats and realising corporate interests. The significance of an integrated approach to the implementation of the digital technologies and creation of a unified digital economic security system for the organisation is emphasised. Based on a survey of experts from various industrial enterprises, the most promising digital tools and technologies for its insurance in the next five years are identified. The problematic area of the article is digital technologies and IT tools used to improve the level of economic security of an organisation in the context of digital transformation. The purpose of the study is to identify the existing approaches to the practical use of them as an important element of the internal control system that ensures the economic security of a business entity. The main results of the can be applied in practice when solving case studies and management tasks at the level of company leaders, government institutions, and can also be included in the programme when studying the course “Economic security”.

Keywords

Economic security, digitalisation, digital technologies, IT-tools, artificial intelligence, automation, risk management

For citation: Svistunov V.M., Ageeva O.A., Matskulyak I.D. (2025) Digitalisation as a tool for economic security of a modern organisation. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 15–27.

ВВЕДЕНИЕ

Процессы глобализации, наиболее активно протекающие в экономике и политике, сопровождаются быстрой изменчивостью внешней среды хозяйствования и постоянно растущим уровнем конкурентной борьбы, участниками которой являются большинство предприятий и организаций. Важные условия успешной конкурентной борьбы – не только разработка эффективной корпоративной стратегии, но и организация и реализация практических мероприятий, обеспечивающих экономическую безопасность предприятия. В их числе совокупность мер, реализуемых на основе использования современных цифровых технологий как эффективного инструмента управления хозяйственной деятельностью, осуществляемой экономическим субъектом. Данный подход не только позволяет результативно управлять качественной оценкой законности ключевых фактов хозяйственной деятельности и осуществлять ее, но и решает важную задачу – способствует повышению экономической безопасности хозяйствующего субъекта за счет автоматизации широкого спектра выполняемых работ. Использование таких технологий, как искусственный интеллект (англ. artificial intelligence), распределенные базы данных, автоматизированные системы управления аудитом и контролем, интерактивные дашборды, интернет вещей (англ. internet of things), мобильные приложения, криптографические методы защиты данных и др., позволяет снизить экономические и управленческие риски, обеспечить эффективный и результативный контроль по отношению к протекающим и уже реализованным в организации бизнес-процессам.

Цифровизация процессов, обеспечивающих слаженную работу всех элементов системы экономической безопасности современной организации, важна. Выполняемые работы, направленные на соответствие предприятия всей совокупности требований законодательства Российской Федерации (далее – РФ, Россия), реализуемым внутренним политикам (финансовой, организационной, экономической, кадровой, социальной, информационной, научно-технической и т.д.), регламентам и внутренним правилам, требуют высокой скорости сбора и обработки исходной информации; точности и качества формируемых итоговых результатов; надежного информационного обеспечения и сопровождения. Традиционные методы обеспечения эффективности системы экономической безопасности организации (далее – ЭБО) сегодня далеко не всегда результативны. Цифровые инструменты призваны помочь решить указанную задачу за счет:

- существенного увеличения скорости выполнения рабочих процедур и повышения их качества (возможность анализа большого объема исходной и промежуточной информации; выявление потенциальных рисков и проблемных ситуаций и своевременное предупреждение их; подготовка промежуточных и итоговых отчетов в автоматизированном режиме);
- повышения точности и достоверности информационного обеспечения решаемых управленческих и производственно-технологических задач (сбор, обработка, хранение и передача информации в автоматизированном режиме; снижение количества ошибок, имеющих место в случае использования ручного ввода и обработки данных);
- увеличения полноты и точности формируемой информации и повышения наглядности ее представления (визуализация формируемых результирующих данных);
- сокращения внутренних издержек на выполнение работ в автоматизированном режиме (обеспечивается меньшим объемом ручного труда, высвобождением части персонала и снижением затрат на него, возможностью максимально удобного и быстрого доступа к требуемой информации, сокращением общего времени на выполнение рабочих задач);
- ускоренной и адекватной реакции на потенциальные риски и возможные проблемные ситуации, связанные с различными видами нарушений и неэффективными действиями сотрудников;
- улучшения большинства видов внутрикорпоративной коммуникации и взаимодействия с внешней средой (быстрые и надежные каналы обмена информацией и документами; эффективное межличностное и командное взаимодействие).

Среди отечественных и зарубежных ученых и практиков достаточно много трудов, рассматривающих проблемы развития взаимосвязей экономической безопасности и процессов цифровизации экономики, особенностей влияния цифровых технологий и ИИ, среди которых можно выделить научные работы О.А. Агеевой [1], Ю.П. Доронина [2], А.Н. Щапова [3], С.Р. Абрамовой [4], А.И. Юрченко [5], Д.Ю. Десятниченко [6], Т.В. Погодиной [7], А.Д. Шеремет [8], В.А. Шульца [9], Ю.Г. Графова [10],

В.В. Година [11], А.А. Докукиной [12], Р.С. Близкого [13], Т.М. Рогуленко [14] и др. При этом остаются вопросы и проблемы, требующие детализации решений в современных условиях.

Таким образом, цифровые инструменты являются важным элементом ЭБО, поскольку способствуют эффективному решению задач своевременного обнаружения имеющихся текущих и итоговых отклонений от запланированных параметров функционирования организации, их фиксирования и анализа возможных финансовых, экологических, экономических, кадровых, социальных и иных последствий. Приоритет современных цифровых инструментов, по сравнению с другими технологическими инструментами, состоит в том, что они способны обеспечить непосредственное, в режиме реального времени, взаимодействие всех элементов ЭБО, выполняя как функцию информационного обеспечения, так и функцию контроля за эффективностью и результативностью деятельности хозяйствующего субъекта.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Термин «безопасность» не следует относить к числу недавно появившихся. По мнению В.И. Даля, это «отсутствие опасности; сохранность, надежность»¹. С.И. Ожегов в «Словаре русского языка» под безопасностью понимает «положение, при котором не угрожает опасность кому-либо или чему-либо»². В Федеральном законе РФ «О безопасности» термин трактуется как «состояние защищенности жизненно принципиальных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Жизненно важные интересы – это совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможность прогрессивного развития личности, общества и государства. К основным объектам безопасности относятся личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность»³.

Анализ представленных мнений и положений дает основание сделать вывод о том, что термин используется для описания характеристики состояния защищенности какого-либо субъекта/объекта от воздействия определенных, как правило, внешних и внутренних, угроз или субъекта/объекта. Применяя структурный подход, безопасность следует понимать как инструмент предупреждения или разрешения противоречий интересов, которые потенциально могут возникнуть или возникли в системе отношений «человек – организация – общество – государство». Они значительно реже проявляются в условиях определенности или стабильности развития внешней и внутренней среды. В условиях неопределенности и риска существенно возрастает вероятность возникновения противоречий у двух или более участников системы.

Большое количество ученых уделяет внимание изучению проблемы безопасности такого субъекта, как государство, и выделяет следующие виды безопасности: техническая, военная, информационная, продовольственная, экономическая, экологическая. Большинство экспертов считают основополагающим видом экономическую безопасность, являющейся фундаментом, на котором выстроены политический и правовой общественные институты [2; 4].

Структурно экономическая безопасность государства включает в себя следующие основные элементы: контроль, сохранение и преумножение национального благосостояния и ресурсов; экономическую независимость, способствующую взаимовыгодному участию в международных экономических отношениях; устойчивость и стабильность национальной экономики, предполагающие защиту существующих форм собственности; способность к прогрессу и саморазвитию, подтверждаемые созданием необходимых условий для активной модернизации производства, осуществления инновационной и инвестиционной политик и стратегий, для повышения профессионально-образовательного уровня работников.

К числу основных характеристик экономической безопасности государства, по мнению экспертного сообщества, следует отнести наличие технологий и возможностей, обеспечивающих максимально эффективное использование национальных ресурсов и контроль над ними. Указанные технологии призваны предотвратить нерациональное использование природных и иных видов ресурсов, что может нанести непоправимый ущерб национальным интересам. Такой подход призван обеспечить постоянное развитие государства как в настоящем, так и в будущем, а меры экономической безопасности не только служат гарантом государственной независимости, но и обеспечивают стабильность и эффективность жизни общества [5; 7].

¹ Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. Безопасный. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/dal/безопасный> (дата обращения: 05.03.2025).

² Словарь русского языка С.И. Ожегова. Безопасный. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov/безопасный> (дата обращения: 05.03.2025).

³ Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 05.03.2025).

В условиях обострения конкурентной борьбы важным уровнем национальной системы экономической безопасности становится экономическая безопасность отдельных организаций, являющихся экономическими агентами рынка, которая во многом определяет их экономическую состоятельность и успешность.

Проблемам последней уделяет внимание большое количество ученых, делающих акценты на аналитике целей и содержания данного процесса. Все исследователи в общем сходятся во мнении относительно ключевых из них:

- 1) управляемая система, имеющая цель и задачи [3; 9; 10];
- 2) определенное состояние, обеспечивающее достижение конкретных целей [8; 9];
- 3) целевая направленность – обеспечение защиты, устойчивости, выживаемости и развития организации [9–11];
- 4) цели достигаются реализацией совокупности различных мер [6–8];
- 5) выбор реализуемой меры определяется характером внутренней или внешней угрозы, воздействия [9–11];
- 6) меры должны обеспечить устойчивую работу организации на длительный период времени [4; 11].

Анализ авторских мнений дает основание сделать вывод о том, что собой представляет ЭБО. Во-первых, это управляемая система, имеющая конкретные цель и задачи или определенное состояние, характеризующее достигнутый уровень реализации цели, решения ранее сформулированных задач. Во-вторых, указанная система призвана при эффективном использовании всех необходимых видов ресурсов обеспечить защиту, устойчивость, выживаемость и развитие организации в длительной перспективе путем разработки и реализации совокупности практических мер, нейтрализующих или ликвидирующих последствия внутренних и внешних угроз.

На практике должны учитываться уникальность каждой организации и ее отличительные особенности. Такой подход свидетельствует о том, что при относительно общих для большинства предприятий структурах систем корпоративного управления и экономической безопасности в каждом отдельном случае во внимание должны быть приняты специфичные черты и особенности, характерные для конкретного объекта хозяйствования.

Проведенный анализ авторских позиций свидетельствует о том, что экспертное сообщество не уделяет должного внимания анализу роли и специфике использования цифровых инструментов в процессах обеспечения экономической безопасности современной организации. При этом вполне очевидно, что цифровая трансформация экономики уже давно предопределила необходимость перехода от традиционной модели функционирования организации к цифровой. Отличительные особенности последней – цифровой формат разработки и реализации решений, принимаемых на всех уровнях управления, и использование сквозных цифровых технологий для решения задач во всех сферах деятельности предприятия. Переход к цифровой модели делает очень важным параметром экономической безопасности цифровую устойчивость организации [12]. Под цифровой устойчивостью следует понимать совокупность скоординированных практических мер, реализация которых призвана обеспечить внедрение необходимых цифровых инструментов; адаптацию в организационно-производственной корпоративной среде с учетом всего спектра возможных внешних возмущающих воздействий; последующее использование для достижения сформулированных стратегических целей и требуемого уровня экономической безопасности.

Цифровая устойчивость должна быть ориентирована на устойчивое развитие организации за счет реализации:

- уже имеющегося конкурентного преимущества, являющегося следствием его нецифровых возможностей;
- вновь сформированного конкурентного преимущества, выступающего следствием качественной трансформации бизнес-процессов на новой цифровой основе.

В табл. 1 приведены цифровые инструменты и технологии, широко применяемые сегодня при решении задачи повышения ЭБО.

**Цифровые инструменты и технологии, применяемые при решении задачи
повышения экономической безопасности современной организации**

Цифровые инструменты и технологии	Характеристика и особенности практического применения
SIEM-системы	SIEM (англ. security information and event management) – системы сбора информации о безопасности организации и управления ею. Представляют собой системы специализированного ПО, назначением которого являются сбор, агрегирование и систематизация всей информации, что может быть использовано для оценки текущего и перспективного уровней безопасности организации; анализ собранных данных; формирование сообщений об отклонениях, ошибках, несанкционированных попытках проникновения в защищенные информационные массивы
DLP-системы	DLP (англ. data leak prevention) – специализированное ПО, разработанное на основе алгоритмов, призванных обеспечить надежную защиту корпоративной информации от возможных утечек и краж. Дополнительный функционал предоставляет возможность блокировать несанкционированную передачу конфиденциальной или иной информации с использованием корпоративных и иных информационных каналов; проводить мониторинг поведения сотрудников в корпоративном информационном пространстве и др.
Цифровые средства защиты данных	Цифровые средства защиты данных – специальные программные средства шифрования данных в целях защиты конфиденциальной финансово-экономической, управленческой, производственно-технической или иной информации организации от несанкционированного внешнего или внутреннего доступа и использования. Применяемое ПО способно обнаружить сотрудника (рабочее место), предпринимающего попытку несанкционированного доступа к закрытой части корпоративной информационной системы
Корпоративные антивирусы	Специализированное ПО, гарантирующее защиту всех видов корпоративной информации и цифрового оборудования (ресурсов) от вредоносного или шпионского ПО, используемого при вирусных угрозах и кибер-атаках
Системы анализа данных	Назначение систем анализа данных – проведение анализа корпоративных информационных массивов, отличающихся большим объемом данных, с целью поиска и обнаружения явных и скрытых зависимостей и тенденций. Использование цифровых инструментов и технологий способствует повышению качества итоговых данных, включая более точную вероятностную оценку определения потенциальных рисков в сфере экономической безопасности организации
Облачные технологии	Облачные технологии предполагают использование удаленных серверов как физического места хранения соответствующей корпоративной информации. Такой подход позволяет не только упростить доступ к данным, но и существенно ускорить процессы информационного обмена и повысить уровень информационной безопасности
Интерактивные дашборды	Интерактивные дашборды – специализированное ПО, назначением которого является представление по информационному запросу соответствующих результатов данных в режиме реального времени и в максимально удобной и наглядной с точки зрения визуализации форме
Роботизированные процессы	RPA (англ. robotic process automation) – цифровая технология, назначением которой является автоматизация рутинных задач на основе разработки специализированного ПО. Представляет собой цифровую систему, имитирующую действия сотрудника, выполняемые при документационном обслуживании таких процессов, как проверка документов и заполнение отчетов

Цифровые инструменты и технологии	Характеристика и особенности практического применения
Системы ИИ	Использование систем ИИ призвано существенно повысить эффективность и точность выполнения расчетных и аналитических процедур, включая автоматическое выявление отклонений в работе финансово-экономических структурных подразделений организации. Выявление отклонений позволит оперативно реагировать на соответствующую проблемную ситуацию, улучшая качество процесса управления, в частности, ЭБО
Интернет вещей	Интернет вещей – технология, позволяющая собирать данные с различных устройств, которые используются для дальнейшего агрегирования, анализа или контроля
Автоматизированные системы управления аудитом и контролем	Автоматизированные системы управления аудитом и контролем – системы автоматизированного планирования, выполнения расчетных процедур, анализа промежуточных и итоговых результатов, формирования отчетности по итогам проведения мероприятий внутреннего аудита и контроля в организации
Электронные подписи и удостоверение личности	Назначение – упрощение процессов и повышение уровня безопасности документационного обеспечения управленческой деятельности за счет использования специальных программных средств, позволяющих удостоверить личность сотрудника и подписывать документы в электронном виде
Мобильные приложения	Мобильные приложения – цифровые решения, позволяющие ответственному должностному лицу находиться в постоянном контакте с системой безопасности организации, а также получать актуальную информацию в режиме реального времени
Распределенные базы данных	Распределенная база данных, или технология блокчейн, – программно защищенная от несанкционированного внешнего доступа история финансовых транзакций, выполненных участниками системы со своими активами

Примечание: ПО – программное обеспечение

Составлено авторами по материалам источников [4; 6; 8; 11; 12]

Ключевые составляющие цифровой устойчивости организации – возможность управления угрозами экономической безопасности и сокращение негативного влияния всех видов рисков и иных возмущающих воздействий. Данный подход позволяет говорить о том, что уровень цифровой устойчивости во многом определяется широтой использования различных цифровых инструментов, способных существенно повысить ЭБО.

МЕТОДОЛОГИЯ

Отечественными компаниями, несомненно, накоплен опыт практического использования цифровых инструментов и технологий при решении задач повышения ЭБО. Обобщение применения и анализ накопленного опыта представляют как теоретический, так и практический интерес, поскольку позволяют установить перечень наиболее эффективных и перспективных цифровых решений в сфере ЭБО.

В ноябре-декабре 2024 г. авторами статьи было проведено исследование, целью которого стало определение приоритетных цифровых инструментов и технологий исходя из анализа практического опыта их внедрения и применения в системах ЭБО, накопленного отечественными компаниями. Под ними авторы понимают совокупность цифровых инструментов и технологий, подлежащих первоочередному приобретению (разработке) и последующему практическому использованию, поскольку именно они способны не только повысить контроль над реализуемыми бизнес-процессами, но и обеспечить существенное повышение ЭБО.

В рамках проведенной работы были собраны исходные данные, представленные мнениями членов экспертной группы, в которую вошли представители предприятий промышленного сектора экономики России из 5 регионов: Москвы, Московской и Калужской областей, Тулы и Казани. В исследовании приняли участие эксперты, представляющие организации, которые активно внедряют или уже используют различные цифровые решения в целях обеспечения экономической безопасности своих предприятий.

В ходе исследования проведено интервьюирование экспертов с постановкой открытых вопросов. Цель проведения интервью – выявление мнений и оценочных суждений каждого из специалистов по отношению к предложенному перечню цифровых инструментов и технологий, которые способны повысить ЭБО и могут быть актуальны для российских организаций в ближайшие 5 лет. Каждый эксперт, представляющий конкретное промышленное предприятие:

- 1) предложил собственный ранжированный перечень перспективных цифровых инструментов и технологий в рамках формулирования ответов на поставленные в исходной анкете вопросы, опираясь на свое видение будущего;
- 2) ранжировал, опираясь на свои профессиональные знания и опыт, данный перечень, сформированный после обобщения мнения всех экспертов, принявших участие в опросе.

Результаты анкетирования содержат открытые высказывания экспертов, обладающих практическим опытом использования цифровых инструментов и технологий в целях обеспечения ЭБО. Большинство специалистов используют цифровой функционал в практике своей повседневной профессиональной деятельности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Анализируя причины активного роста цифровых технологий и ИТ-инструментов (ИТ – информационные технологии) следует отметить, что одна из причин состоит в их возможностях обеспечить надлежащий уровень экономической безопасности современных организаций. Все большее число отечественных и зарубежных компаний ощущает активные внешние воздействия, направленные на причинение экономического и информационного ущерба деятельности хозяйствующего субъекта. В этих условиях менеджмент компаний должен обладать надежными инструментами, способными противостоять внешним угрозам путем быстрой и адекватной ответной реакции, обеспечивающей полноценную реализацию корпоративных коммерческих интересов и целей уставной деятельности.

Не только сохранение, но и повышение ЭБО в условиях быстро растущего числа возмущающих воздействий следует отметить как важные особенности, которыми обладают цифровые технологии и ИТ-инструменты. Эксперты все чаще отмечают возможность использования ИИ, который успешно встраивается и дополняет функционал цифровых технологий, уже применяемых при решении задачи повышения ЭБО. ИИ способен обеспечить большую предсказуемость результата решения данной задачи; существенно снизить затраты на ее реализацию; предоставить менеджменту компании возможность оперативной корректировки соответствующих бизнес-процессов в ответ на возмущающее внешнее воздействие.

Технология фрагментарного или несистемного использования цифровых технологий и ИТ-инструментов уже не способна обеспечить надлежащий уровень ЭБО и часто не может сформировать быстрый и адекватный ответ на соответствующую внешнюю угрозу. Сегодня ключевым трендом использования цифровых технологий и ИТ-инструментов экономической безопасности является стремление к созданию единой системы цифровой ЭБО. Единая цифровая система предполагает одновременное применение нескольких технологий и инструментов, функционально дополняющих и расширяющих возможности повышения уровня экономической безопасности хозяйствующего субъекта. Однако следует отметить ее следующие недостатки: высокая стоимость разработки собственной системы или приобретения готового программного решения; существенные эксплуатационные затраты, включая затраты на своевременное обновление программного продукта. Это делает ее доступной, как правило, только для крупных компаний.

Результаты проведенного анализа дают основание сформулировать следующие выводы.

1. Базовые современные тенденции в области использования цифровых технологий и ИТ-инструментов для обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов следующие: локальные цифровые решения широко применяются малым и средним бизнесом; многофункциональные цифровые решения с возможностью интеграции в цифровую корпоративную среду доступны для крупных организаций.

2. Активное использование менеджментом отечественных компаний цифровых технологий и ИТ-инструментов свидетельствует о востребованности их информационных, в том числе защитных, и технологических возможностей.

3. Современные цифровые решения с точки зрения разработки и использования все чаще базируются на принципе комплексности. Данный принцип, предполагающий интегрированные варианты разработки и применения цифровых технологий и ИТ-инструментов, способствует растущему к ним интересу со стороны хозяйствующих субъектов, решающих проблему обеспечения собственной экономической безопасности.

Принимая во внимание высокий интерес практиков к возможностям цифровых технологий и инструментов существенно повлиять на эффективность системы ЭБО, отметим, что закономерным является формирование перечня наиболее приоритетных из них. Такой перечень может и должен стать основой цифровой трансформации системы ЭБО, вставших на данный путь или собирающихся это сделать. При проведении исследования была сформулирована следующая задача – опираясь на мнение практикующих экспертов и исходя из пятилетнего стратегического горизонта, определить 5 приоритетных цифровых инструментов и технологий. К участию в исследовании были приглашены эксперты, представляющие 15 отечественных промышленных предприятий.

Общая численность экспертов составила 238 чел., из них 8 % женщин и 92 % мужчин. Средний возраст – 48 лет, возрастной диапазон – от 26 до 64 лет. Эксперты, принявшие участие в исследовании, предварительно были разделены на четыре группы. В первую вошли директора предприятий и их заместители, отвечающие за ИТ- и экономическую сферы; вторая была представлена руководителями функциональных отделов и служб предприятий; третья экспертная группа объединила линейных руководителей; четвертая – специалистов, принимающих участие в процессах цифровой трансформации своих организаций на уровне проектных мероприятий, обеспечивающих автоматизацию соответствующих корпоративных бизнес-процессов. От общего числа количество экспертов первой группы составило 10 % (24 чел.), второй – 25,6 % (61 чел.), третьей – 37,4 % (89 чел.), четвертой – 27 % (64 чел.). В выборке из числа экспертов, вошедших в четвертую группу, 67,2 % (43 чел.) составили люди, принимавшие активное участие в процессах внедрения проектных решений по автоматизации корпоративных бизнес-процессов; 32,8 % (21 чел.) используют в своей повседневной практике цифровые инструменты и технологии, в частности, в целях обеспечения экономической безопасности своих предприятий.

В целях сбора исходной информации в каждой из четырех сформированных групп экспертов было проведено анкетирование, носившее анонимный характер. Каждому из экспертов, принявших участие в анкетировании, было предложено определить три наиболее перспективные цифровые технологии и ИТ-инструменты, способные сыграть ключевую роль в повышении ЭБО в ближайшие 5 лет. При формировании своей точки зрения специалистам полагалось опираться исключительно на собственные критерии, профессиональные знания и практический опыт проектирования, внедрения и эксплуатации цифровых средств при реализации общих и функциональных бизнес-процессов, включая процессы обеспечения экономической безопасности предприятия. После этого эксперты должны были провести ранжирование среди предложенных перспективных цифровых технологий и ИТ-инструментов, расположив их в порядке приоритетности.

Общим итогом проведенного анкетирования экспертов, с учетом значительного числа непосредственных повторений, стал перечень из 27 перспективных цифровых технологий и ИТ-инструментов, практика использования которых способна положительно сказаться на динамике уровня экономической эффективности современной организации на стратегическом горизонте, не превышающем 5 лет. Из указанного перечня отобрано 14 технологий и инструментов, наиболее часто отмечавшихся экспертами. На следующем этапе исследования по отношению к перечню специалистам было предложено провести процедуру итогового ранжирования. В рамках данной процедуры каждый эксперт наиболее перспективную цифровую технологию или ИТ-инструмент располагал на 1-м месте формируемого им ранжированного списка. Те из них, что обладали наименьшим приоритетом, по мнению специалиста, соответственно, располагались на 14-м месте списка. Результаты итоговой экспертизы представлены в табл. 2.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о наличии различных мнений среди групп отечественных экспертов о наиболее перспективных цифровых инструментах и технологиях обеспечения ЭБО. Так, руководители предприятий, входящие в первую группу, отдают предпочтение инструментам и технологиям, способным обеспечить успешное решение поставленной задачи на корпоративном уровне. Эксперты, входящие в другие группы, наиболее перспективными и востребованными из них считают те, что способны гарантировать как качественную автоматизацию осуществляемого бизнес-процесса, так и реализацию цифровых процедур по надежной защите используемых и вновь формируемых данных.

Тенденцию выбора направления автоматизации в пользу цифровых средств защиты данных следует считать современной и оправданной. Эксперты трех из четырех групп поставили этот ИТ-инструмент

на 1-е место в списке своих предпочтений. Только эксперты второй группы, руководители функциональных отделов и служб предприятий, считают более приоритетным использование SIEM-систем, отдав им предпочтение перед цифровыми средствами защиты корпоративных данных.

Таблица 2

Прогнозный результат экспертной оценки перспективных цифровых технологий и ИТ-инструментов, способных влиять на повышение ЭБО

Группа экспертов	Цифровые технологии и ИТ-инструменты													
	SIEM-системы	DLP-системы	Цифровые средства защиты данных	Корпоративные антивирусы	Системы анализа данных	Облачные технологии	Интерактивные дашборды	RPA	Системы ИИ	Интернет вещей	Автоматизированные системы управления аудитом и контролем	Электронные подписи и удостоверения личности	Мобильные приложения	Распределенные базы данных
Первая	3	4	1	7	6	10	9	8	13	14	2	5	11	12
Вторая	3	4	2	7	5	12	6	9	10	14	3	12	11	8
Третья	2	4	1	9	3	8	10	11	7	14	5	13	6	12
Четвертая	2	8	1	7	5	10	12	9	6	13	3	14	4	11
Итоговые приоритеты	2	5	1	6–7	4	6–7	11–12	11–12	9–10	9–10	3	14	8	13

Примечание: количество технологий, которые используются в группах.

Составлено авторами по материалам исследования

В табл. 3 представлены результаты анализа основных преимуществ и недостатков, свойственных цифровым средствам защиты данных, базой которых являются специальные алгоритмы.

Таблица 3

Преимущества и недостатки цифровых средств защиты корпоративных данных

Преимущества	Характеристика базовых алгоритмов	Недостатки	Ключевые особенности
Обеспечение надлежащего уровня конфиденциальности	Алгоритмы кодирования данных; алгоритмы обеспечения доступа к данным только авторизованных пользователей с использованием индивидуального ключа	Высокая стоимость автоматизации средств защиты информации	Чем выше уровень защиты корпоративных данных, тем более высоки затраты на приобретение (разработку) средств защиты и их эксплуатацию
Обеспечение целостности данных	Алгоритмы защиты данных от несанкционированного изменения	Сложность алгоритмов кодирования данных	У компании есть вычислительные ресурсы большой мощности

Преимущества	Характеристика базовых алгоритмов	Недостатки	Ключевые особенности
Персонализация	Алгоритмы адаптации мер безопасности с учетом потребностей конкретного пользователя	Высокая вероятность ошибки в базовом алгоритме или использовании ПО	Ошибка кодирования способна сделать информацию уязвимой с точки зрения безопасности
Прогнозная аналитика	Алгоритмы выявления потенциальных угроз безопасности данных; алгоритмы предотвращения утечек данных	Сложность управления ключами доступа	Следствием ошибки управления ключами доступа является повышение уровня уязвимости к внешним атакам
Репликация	Алгоритм непрерывного копирования данных, поддерживающий и сохраняющий их актуальную копию	Автоматизированный контроль	Наличие ошибки в исходном алгоритме повышает уровень уязвимости к внешним атакам
Очистка данных	Алгоритм удаления данных, потерявших свою актуальность	Проблемы с обновлением ПО	Своевременное обновление ПО – гарантия требуемого уровня защиты и сохранения корпоративных данных

Составлено авторами по материалам источников [11; 13; 14]

Защита данных с помощью цифровых средств в любой отрасли и сфере сегодня весьма актуальна. При этом чем больше сотрудников работает в компании, тем сложнее и важнее отслеживать их действия. В этом случае работает следующее правило: чем крупнее предприятие, тем более важно и трудно решить задачу обеспечения ЭБО. Средства защиты данных базируются на использовании специальных программных средств, обеспечивающих требуемый уровень защиты информации, имеющей коммерческую ценность или являющейся конфиденциальной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результатом проведенного исследования явилось формирование перечня наиболее перспективных цифровых технологий и ИТ-инструментов, которые способны выполнять ключевую роль в решении проблемы повышения ЭБО в ближайшие 5 лет в отечественных компаниях. Разработанный на основе мнения экспертов, принявших участие в проведенном исследовании, перечень цифровых технологий и ИТ-инструментов следующий: приоритет 1 – цифровые средства защиты данных, приоритет 2 – SIEM-системы, приоритет 3 – автоматизированные системы управления аудитом, приоритет 4 – системы анализа данных и приоритет 5 – DLP-системы.

Перечень, приведенный в табл. 4, может быть полезен руководителям и специалистам, которые разрабатывают стратегию внедрения и практического использования цифровых технологий и ИТ-инструментов, решая задачу повышения уровня ЭБО. Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, дают основание сделать вывод, что эксперты склоняются к мнению о необходимости первоочередного внимания к внедрению цифровых технологий и ИТ-инструментов, обеспечивающих надежную защиту корпоративных данных в реальном масштабе времени в рамках взаимодействия участников системы «бизнес-процесс – ЭБО». Они, по мнению экспертов, способны в пятилетней перспективе обеспечить не только сохранение уже достигнутого уровня экономической безопасности отечественных организаций, но и способствовать его значительному росту.

Цифровые технологии и ИТ-инструменты находят все большее распространение при решении всего комплекса задач, стоящего перед менеджментом современной организации, и не наблюдается каких-либо факторов, способных остановить или изменить данную тенденцию. Для решения задачи обеспечения надлежащего уровня своей экономической безопасности данные технологии и инструменты

сегодня наиболее активно используют преимущественно крупные компании. Однако нет сомнений в том, что в ближайшей перспективе к их возможностям будет привлечено внимание большего числа отечественных организаций.

Список литературы

1. Агеева О.А., Матыцына Ю.Д. Мониторинг эффективности системы внутреннего контроля и экономической безопасности организации. Вестник университета. 2022;1:70–77. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-1-70-77>
2. Доронин Ю.П. Экономическая безопасность как один из стратегических национальных приоритетов Российской Федерации. Евразийский юридический журнал. 2023;4(179):498–500.
3. Щапов А.Н. Система показателей экономической безопасности предприятия и их пороговые значения. Вестник Московского финансово-юридического университета. 2022;1:134–143. https://doi.org/10.52210/2224669X_2021_4_134
4. Абрамова С.Р., Баширина Е.Н., Хакимов Р.М., Абрамов И.Р. Экономическая безопасность и социальная устойчивость российского общества. Евразийский юридический журнал. 2023;3(178):415–416. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2023-3-178-415-416>
5. Юрченко А.И., Мамателашвили О.В. Концепция мониторинга эффективности системы экономической безопасности на предприятии. Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023;5(173):124–129. <https://doi.org/10.34773/EU.2023.5.23>
6. Десятниченко Д.Ю., Десятниченко О.Ю., Остапенко В.В. Угрозы финансовой безопасности устойчивого функционирования предприятия. Экономика и бизнес: теория и практика. 2018;4:75–81.
7. Погодина Т.В. Финансовый менеджмент: учебник и практикум. М.: Юрайт; 2018. 351 с.
8. Шеремет А.Д. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия: учебник. 2^е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М; 2022. 374 с.
9. Шульц В.А. (ред.) Безопасность предпринимательской деятельности: учебник для вузов. 2^е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт; 2020. 585 с.
10. Графов Ю.Г. Цифровая устойчивость как условие обеспечения экономической безопасности цифрового предприятия при конкретизации целей национального развития. Индустриальная экономика. 2022;5(2):466–471.
11. Годин В.В., Терехова А.Е. Блокчейн: философия, технология, приложения и риски. Вестник университета. 2019;9:54–61. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-9-54-61>
12. Докукина А.А., Пименов В.В. Экономическая безопасность предприятий в условиях цифровой трансформации. Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2022;3:16–30. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-3-16-30>
13. Близкий Р.С., Хмелевской А.С. Актуализация цифровых форматов администрирования информационных систем в органах Федерального казначейства. Учет. Анализ. Аудит. 2024;4(11):35–46. <https://doi.org/10.26794/2408-9303-2024-11-4-35-46>
14. Розуленко Т.М., Близкий Р.С., Гун И. Экономика цифрового контакта в условиях трансформации георынков. Вестник университета. 2023;11:227–237. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-11-227-237>

References

1. Ageeva O.A., Matytsyna Yu.D. Monitoring the efficiency of organisation's internal control and economic security system. Vestnik universiteta. 2022;1:70–77. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-1-70-77>
2. Doronin Yu.P. Economic security as one of the strategic national priorities of the Russian Federation. Eurasian Law Journal. 2023;4(179):498–500. (In Russian).
3. Shchapov A.N. The system of indicators of the economic security of the enterprise and their thresholds. Herald of the Moscow University of Finance and Law. 2022;1:134–143. (In Russian). https://doi.org/10.52210/2224669X_2021_4_134
4. Abramova S.R., Bashirina E.N., Khakimov R.M., Abramov I.R. Economic security and social stability of Russian society. Eurasian Law Journal. 2023;3(178):415–416. (In Russian). <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2023-3-178-415-416>
5. Yurchenko A.I., Mamatelashvili O.V. The concept of monitoring the effectiveness of the economic security system at the enterprise. Economics and Management: Scientific and Practical Journal. 2023;5(173):124–129. (In Russian). <https://doi.org/10.34773/EU.2023.5.23>
6. Desyatnichenko D.Yu., Desyatnichenko O.Yu., Ostapenko V.V. Threats of financial safety steady functioning of the enterprise. Economy and business: theory and practice. 2018;4:75–81. (In Russian).

7. *Pogodina T.V.* Financial management: textbook and practicum. Moscow: Urait; 2018. 351 p. (In Russian).
8. *Sheremet A.D.* Analysis and diagnostics of financial and economic activity of the enterprise: textbook. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Infra-M; 2022. 374 p. (In Russian).
9. *Shults V.L. (ed.)* Safety of entrepreneurial activity: textbook for universities. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Urait; 2020. 585 p. (In Russian).
10. *Grafov Yu.G.* Digital sustainability as a condition for ensuring the economic security of a digital enterprise when specifying the goals of national development. *Industrial economy*. 2022;5(2):466–471. (In Russian).
11. *Godin V.V., Terekhova A.E.* Blockchain: philosophy, technology, applications and risks. *Vestnik universiteta*. 2019;9:54–61. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-9-54-61>
12. *Dokukina A.A., Pimenov V.V.* Enterprise economic security in time of digital transformation. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2022;3:16–30. (In Russian). <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-3-16-30>
13. *Blizkiy R.S., Khmelevskoy A.S.* Updating digital formats for administering info-systems in the treasury of Russia. *Accounting. Analysis. Auditing*. 2024;4(11):35–46. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2408-9303-2024-11-4-35-46>
14. *Rogulenko T.M., Blizkiy R.S., Gong Z.* The economy of digital contact in the conditions of geomarkets transformation. *Vestnik universiteta*. 2023;11:227–237. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-11-227-237>

Путь потребителя образовательной услуги высшей школы: легитимизация искусственного интеллекта в подготовке маркетологов

Токарев Борис Евгеньевич

Д-р экон. наук, проф. каф. маркетинга
ORCID: 0000-0001-6057-8451, e-mail: tokarevboris@gmail.com

Россихин Борис Анатольевич

Ст. преп. каф. маркетинга
ORCID 0009-0002-0459-0952, e-mail: brosin@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Исследование посвящено поиску решений по внедрению искусственного интеллекта (далее – ИИ) в учебный процесс для профессиональной подготовки маркетологов. Проведен анализ перспектив применения ИИ с точки зрения студентов для выполнения учебного плана в целом и конкретных составов работ. Представлен анализ пути потребителя образовательной услуги – студента. Определены узловые точки практических действий учащихся, в которых применение ИИ закономерно и оправдано. На примерах показано, для выполнения каких самостоятельных работ можно давать рекомендации студентам для применения ИИ. Приведены результаты опроса студентов Государственного университета управления, обучающихся на программах бакалавриата по маркетинговым дисциплинам. Результаты убедительно показали, что уровень проникновения использования ИИ среди этих учащихся находится на уровне 95 %. Опрос показал, для каких целей студенты обычно применяют эту технологию обработки информации. Составлен рейтинг востребованности нейронных сетей, используемых студентами при выполнении самостоятельных видов работ. Авторы данного исследования пытаются найти компромиссы между необходимостью обучающихся выполнять работы и задания самостоятельно, с одной стороны, и поиском вариантов использования современных технологий ИИ в учебном процессе высшей школы, с другой стороны.

Ключевые слова

Маркетинг, высшее образование, образовательная услуга, маркетолог, путь потребителя, искусственный интеллект, нейронные сети, факторы влияния, проблемы обучения

Для цитирования: Токарев Б.Е., Россихин Б.А. Путь потребителя образовательной услуги высшей школы: легитимизация искусственного интеллекта в подготовке маркетологов // Вестник университета. 2025. № 5. С. 28–37.

Consumer journey of higher education services: legitimisation of artificial intelligence for training marketers

Boris E. Tokarev

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Marketing Department
ORCID: 0000-0001-6057-8451, e-mail: tokarevboris@gmail.com

Boris A. Rossikhin

Senior Lecturer at the Marketing Department
ORCID: 0009-0002-0459-095, e-mail: brosin@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The work is devoted to the search for solutions for the introduction of artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) into educational process for professional training of marketers. The paper analyses the prospects of using the AI from the point of view of students to fulfill the curriculum as a whole and specific work compositions. The analysis of the path of the consumer of the educational service, the student, is presented. The nodal points of practical actions of learners are determined, in which the AI use is natural and justified. The examples show for which independent works it is possible to give recommendations to students for the AI use. The results of a survey of students of the State University of Management from bachelor's programmes in marketing disciplines are presented. The results convincingly show that the level of penetration of the AI among these learners is of 95%. The survey has shown for what purposes students usually apply this technology of information procession. A rating of the demand for neural networks used by students when performing independent types of work is compiled. The authors of this research try to find a compromise between the need for learners to complete work and assignments independently, on the one hand, and the search for options for using modern AI technologies in the educational process of higher education, on the other hand.

Keywords

Marketing, higher education, educational service, marketer, consumer path, artificial intelligence, neural networks, influence factors, learning problems

For citation: Tokarev B.E., Rossikhin B.A. (2025) Consumer journey of higher education services: legitimisation of artificial intelligence for training marketers. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 28–37.

ВВЕДЕНИЕ

За последние год-два повышенное внимание уделяется искусственному интеллекту (англ. artificial intelligence, далее – ИИ). Тема применения технологий ИИ активно и повсеместно обсуждается. Это связано с очевидными значительными перспективами его использования в самых разных областях науки и повседневной жизни. Технология находит применение во многих сферах жизни, таких как медицина, промышленность, образование, сельское хозяйство и др. Особо выделяется направление применения ИИ в области информационного обеспечения бизнеса в целом и маркетинга в частности. Интерес к ИИ подогревается бурными дискуссиями после резонансных событий, в частности после кейса с дипломной работой, написанной с помощью этой технологии¹.

Часто приходится сталкиваться с высказыванием представителей отечественного бизнеса, что образование хронически отстает от развития бизнеса. В таких случаях молодой специалист, пришедший в компанию после института, вынужден доучиваться в процессе, а иногда и переучиваться, что снижает эффективность его работы и всего бизнеса.

ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье анализируются возможности применения ИИ в образовании, в частности для подготовки маркетологов, именно потому, что маркетинговую деятельность нельзя, по крайней мере, в настоящий период, формализовать и алгоритмизировать, в отличие от, скажем, математики, физики, химии, медицины. Хотя и в этих сферах достаточно проблем из-за далеко не стопроцентной точности результатов ИИ.

Маркетологам приходится работать в условиях динамично изменяющихся рынков. Количество внешних и внутренних факторов, непосредственно оказывающих влияние на результаты ситуационного рыночного анализа, большое. В ряде случаев сила и результат воздействия этих факторов неочевидны. Факторы, которые оказывали критическое влияние на рынки в прошлом году, постепенно замещаются другими, предсказывать которые очень непросто. Многие из них оказывают влияние на российские рынки извне, поэтому не поддаются регулированию, а искать средства их нейтрализации и противодействия крайне затруднительно из-за сложностей добывания актуальной рыночной информации².

Наше прошлое исследование выявило проблемные места в подготовке маркетологов [1]. По результатам опроса студентов было определено, что около 80 % уже активно используют в учебном процессе технологии ИИ для выполнения своих практических аудиторных и домашних работ, семестровых и курсовых проектов во время подготовки к государственным экзаменам и дипломных работ. В цели того исследования не входило изучение практических действий студентов при выполнении своих работ.

Поскольку технологии ИИ стремительно развиваются, во многих странах очень пристальное внимание стали уделять поиску направлений легального применения ИИ для подготовки студентов. Более того, постепенно формируется понимание того, что имеет смысл уже в настоящее время готовить современных специалистов, способных использовать нынешние технологии не только для упрощения собственного обучения в вузе, но и, как результат, для повышения эффективности маркетинговой деятельности.

У руководства учебных заведений уже формализуются различные подходы регулирования применения ИИ [2]. Где-то ИИ категорически запрещен в учебном процессе, а где-то, наоборот, поощряется. На текущий момент технология уже с той или иной эффективностью применяется в различных вузах [3–5]. Где-то это делается в порядке эксперимента, а где-то уже на вполне обоснованных условиях, например в языковой подготовке. Это произошло потому, что многие задания и контроль их выполнения можно формализовать на предметах математики, физики, химии, биологии, русского и иностранных языков. Однако в вузах, готовящих будущих управленцев, такой формализации добиться непросто либо невозможно. Особенно там, где преподается такая дисциплина, как маркетинг.

В квалификационных требованиях формально не содержатся указания и ограничения по применению ИИ студентами. Вузы вводят свои регламенты, например когда для принятия к защите дипломный проект должен обладать процентом оригинальности не ниже 65 %, а при использовании ИИ – не ниже

¹ Корякин И. Искусственный интеллект не заменит работу человека. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5798187> (дата обращения: 27.02.2025).

² TAdviser. ИИ в аналитике: что за пределами BI? Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:ИИ_в_аналитике:_что_за_пределами_BI (дата обращения: 27.02.2025).

75 %³. «Учащиеся на всех бакалаврских и магистерских программах вуза должны будут показать свои навыки в применении нейросетей для решения сложных задач»⁴. В некоторых учебных заведениях задумались и сформулировали то, что можно и нужно получить от практического применения ИИ в учебном процессе⁵.

Известный специалист И.И. Кретов, работавший долгие годы в советский период за границей в торговых представительствах и использовавший маркетинг в продвижении отечественных продуктов за рубежом, называл маркетинг синтетической дисциплиной. Тем самым он подчеркивал разнообразие и многогранность дисциплины, вобравший в себя основы микро- и макроэкономики, исследовательский характер, психологию, финансы, понимание функционирования производства, применяемые на разных этапах технологии, проектную работу, системность, принципы командной работы и многое другое, что в целом пока, на наш взгляд, трудно воплотить на текущий момент времени в ИИ, даже в генеративном. Однако технологии ИИ находятся на подъеме и стремительно развиваются. Нельзя позволить пропустить этот тренд и на долгие годы отстать в развитии теории и практики маркетинга.

Цель настоящей работы состоит в изучении перспектив легитимизации возможностей применения ИИ в образовательном процессе вузов, реализующих программы по направлениям менеджмента в общем и маркетинга в частности.

Принимая во внимание поставленную цель, можно сформулировать задачи исследования:

- 1) определить уровень проникновения применения ИИ студентами;
- 2) выяснить, для выполнения каких учебных заданий студенты применяют ИИ и с какими проблемами они при этом сталкиваются;
- 3) изучить, как учащиеся предпочитают получать дополнительные навыки использования этой технологии.

В данной работе мы не ставим перед собой задачу найти решение, каким образом полностью запретить или, наоборот, официально внедрить в учебный процесс ИИ. Мы пытаемся установить факт наличия проблемы применения ИИ в вузах. Если гипотеза найдет свое подтверждение, то, во-первых, это станет темой последующего исследования непосредственных партнеров студентов по учебному процессу, то есть преподавателей, а во-вторых, после изучения готовности и подтверждения фактов применения ИИ преподавателями мы будем искать возможные решения на стыке взаимодействия «потребитель – продавец услуги». Видимо, рано или поздно возникнет задача легитимизации использования ИИ в вузах, которую должны будут решать регулирующие органы в лице Министерства науки и высшего образования РФ, если они сочтут необходимым провести такую работу.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для достижения поставленной цели воспользуемся широко применяемой в маркетинге моделью customer journey map (англ. карта пути потребителя, далее – CJM) [6]. Анализ пути потребителя с помощью данной модели призван определить важные точки взаимодействия студента с вузом. Она нацелена (на основе согласования требований преподавателя, с одной стороны, и выполнения заданий студентом, с другой стороны) достичь понимания того, как добиться эффективного результата. Под результатом в отношении учащихся будем понимать триаду «знать – владеть – уметь», как это трактуется в настоящее время требованиями к учебно-методическому комплексу дисциплины.

Обоснованием объективного характера предлагаемой модели служат следующие аргументы:

- 1) процесс обучения имеет однозначно определенную форму услуги;
- 2) в подавляющем большинстве учебных заведений на этих направлениях практически не остается бюджетных мест, вследствие чего студенты оплачивают получаемую услугу;
- 3) результат образовательной услуги проявляется в карьере выпускника, непосредственно оценивается им самим и работодателем;
- 4) чем более широким спектром современных технологий будет владеть выпускник, чем лучше он будет уметь применять их на практике, тем выше будет уровень оценки молодого специалиста представителями бизнеса.

³ Положение о выпускной квалификационной работе бакалавра к приказу 136-И от 29.03.2023 г. Режим доступа: <https://guu.ru/sveden/document/pril136i-2/> (дата обращения: 27.02.2025).

⁴ Гормалева Н. ВШЭ будет поощрять студентов за использование ИИ при подготовке курсовых и дипломов. Режим доступа: https://rb.ru/news/vshe-ai-education/?utm_order_number=1 (дата обращения: 27.02.2025).

⁵ Skillbox. Разработаны принципы для оценки студенческих работ в эпоху ИИ. Режим доступа: <https://skillbox.ru/media/edtech/razrabotany-printsipy-dlya-otsenki-studencheskikh-rabot-v-epokhu-ii/> (дата обращения: 27.02.2025).

Студент, проходя по этапам учебного цикла и осваивая набор актуальных дисциплин, формирует для себя умения и навыки решения проблем, связанных с рынком. Однако, принимая во внимание очень большое разнообразие учебных дисциплин, отметим, что для освоения каждой из них требуются различные навыки.

Применение модели СЖМ для повышения эффективности образовательного результата вполне оправдано. В нашем случае СЖМ, или путь потребителя, – это последовательность этапов, которые студент проходит от подачи документов при поступлении в вуз до его окончания и получения соответствующего диплома. На каждом из этапов предполагается набор определенных действий, которые студент обязан совершить для приобретения профессии.

Понимая многогранность практических маркетинговых действий и учитывая многочисленность разных потребителей, которые для каждой компании, в принципе, уникальные, невозможно возлагать ответственность на технологии и в результате получать адекватное ситуации решение проблем. Студент должен понимать, что ему нужно получить в результате выполненного задания, а также то, где и каким образом он сможет найти всю необходимую информацию.

Главный вопрос внедрения ИИ для целей образования неразрывно связан с пониманием сути СЖМ образовательного процесса. С одной стороны, это создает перспективы ухода от рутины, но, с другой стороны, обнажает настолько сложные явления, с которыми необходимо разбираться на междисциплинарном уровне. В этом направлении накапливаются многочисленные вопросы, ответы на которые весьма неочевидны и непросты.

Основные проблемы – с одной стороны, целесообразность внедрения технологий ИИ в учебный процесс, а с другой стороны, необходимость задействования компьютерных мощностей, сложность и затратность разработок. Нельзя также забывать про отдачу. Вряд ли можно рассуждать о коммерциализации таких внедрений, но то, что студенты получают профессиональные дополнительные компетенции, – это очевидный факт.

Анализируя области применения ИИ, специалисты полагают, что главная сложность связана с необходимостью научить ИИ разбираться в конкретных дисциплинах. По этой причине мы видим перспективы фрагментарного внедрения данной технологии для разных дисциплин, специфически настроенной на ограниченный круг задач и, согласно текущей классификации, основанной на «слабом» интеллекте [7]. «Сильный» интеллект, способный перекрыть не весь набор дисциплин, а хотя бы несколько, в ближайшее время, видимо, недостижим [8].

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ

Проанализируем этапы действий и взаимодействия основных участников процесса обучения. Для этого воспользуемся известной моделью потребительского пути. Путь студента-потребителя образовательной услуги включает циклически повторяющиеся семестровые циклы, которые состоят из следующих различных по продолжительности работ:

- посещение лекционных, практических и лабораторных занятий в течение семестра;
- выполнение заданий во время практических занятий, решение задач и кейсов в аудиториях;
- самостоятельная подготовка к практическим и лабораторным работам;
- выполнение лабораторных работ;
- домашняя работа и подготовка выполненных заданий;
- выполнение контрольных работ в аудитории;
- факультативные и дополнительные занятия;
- участие в студенческих конференциях, подготовка докладов;
- написание семестровых и курсовых работ;
- защита семестровых и курсовых работ;
- подготовка к сдаче экзаменов и зачетов.

Некоторые из них могут выполняться ежедневно, еженедельно, а другие, например написание семестровой работы – единожды в семестр по его завершении.

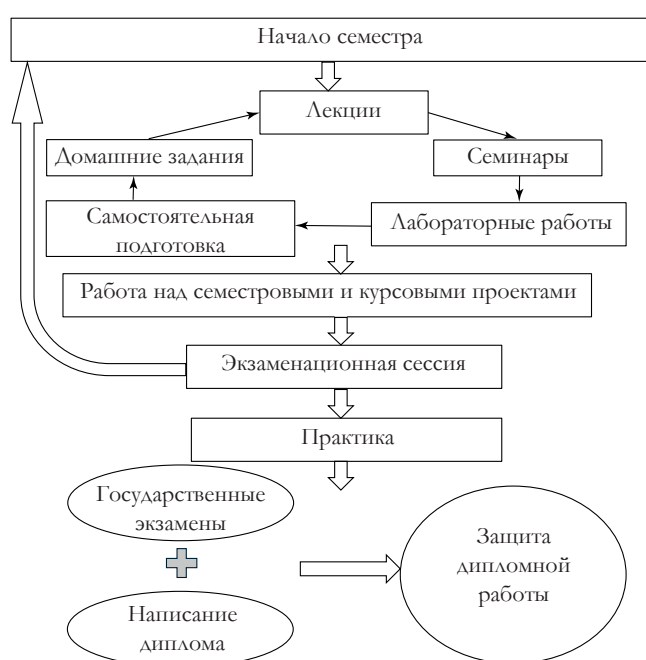
Вторая часть пути студента-потребителя предполагает однократное выполнение следующих действий для завершения учебного процесса:

- прохождение практик и составление отчетов по ним;
- подготовка и сдача государственных экзаменов;

- сбор материалов, написание и оформление дипломных работ;
- подготовка презентационных материалов для защиты дипломных работ;
- защита дипломных работ.

Очевидно, что для студента ценность использования ИИ для разных видов заданий различна. Что-то приходится делать на регулярной основе, например собирать актуальные данные и анализировать текущее состояние того или иного рынка. В этом случае спектр стоящих перед ним задач требует наработки системных принципов их разрешения. Что-то приходится сделать однократно и к этому впоследствии уже не возвращаться, например бухгалтерский учет. В таких случаях потребуются кратковременное погружение в тематику и поиск решения на сформулированные преподавателем задачи.

На рис. 1 показана схема пути потребителя услуги высшей школы. Порядок действий студента складывается из активностей, периодически повторяющихся в течение семестров и в процессе подготовки и защиты диплома. Из этой схемы следует, что регулярная семестровая работа периодически повторяется, а дипломный проект пишется единоразово. Следствием является то, что, выполняя семестровые работы, студент имеет возможность применять ИИ для получения результатов. Подготовка и защита диплома, выполняемая единоразово, может опираться на полученный обучающимися опыт регулярного использования ИИ.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Укрупненная схема СЖМ студента по освоению учебного плана бакалавриата

Студенты при выполнении работ на этапах СЖМ могут использовать различные модели нейронных сетей (далее – нейросеть), в частности, для работы с текстами, с графическими изображениями, с видеофайлами. Мы сформулировали гипотезы целеполагания, для чего они могут прибегать к помощи ИИ:

- упрощение процедуры поиска, сбора и подготовки информации;
- экономия времени и ресурсов при оформлении отчетных работ и заданий, сокращение издержек при подготовке иллюстративного материала;
- расширение спектра рассматриваемых задач и кейсов, углубление понятий и используемых точек зрения на изучаемые процессы;
- применение креативных решений при выборе конкретных инструментов, стратегий и методических приемов при решении учебных кейсов и заданий;
- повышение качества отчетных работ, материалов, заданий и выпускных работ (дипломов), получение устойчивых навыков взаимодействия со сложными и объемными документами;

- освоение новых и полезных навыков создания отчетов;
- получение новых востребованных компетенций в области ИИ, которые можно использовать в последующей профессиональной деятельности;
- углубление знаний и использование массивов дополнительной информации в короткий срок и с минимальными временными затратами;
- участие в коллаборациях и совместной практической и научной деятельности студентов и впоследствии выпускников вузов, формирование конкурентной и высоко насыщенной коммуникационной среды;
- повышение эффективности и конкурентоспособности выпускников.

Применение СЖМ моделей в области образования позволяет структурировать организационную работу. Использование ИИ в обучении самими студентами показывает назревшую необходимость рассмотрения этих методов и практического применения в учебном процессе в комплексе. Системное использование ИИ в учебном процессе может быть признано весьма востребованным для всех его участников. Поэтому его имплементация должна быть не только осмыслена, но и оформлена в виде практических научно-педагогических методик.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы провели опрос студентов факультета маркетинга Государственного университета управления в период первой декады ноября 2024 г. В нем приняли участие студенты бакалавриата с первого по четвертый курс. Отдавая себе отчет в том, что для обучающихся по другим специальностям результаты опроса могут быть иными и, возможно, даже полностью противоположными, мы акцентировали внимание именно на маркетинговых заданиях, которые, согласно учебному плану, выполняют будущие маркетологи. Среди принявших участие в опросе основная доля пришлась на студентов второго и четвертого курсов (соответственно, 39 и 32,2 %), остальные представлены в меньшем количестве (11,5 % первокурсников и 17,3 % третьекурсников).

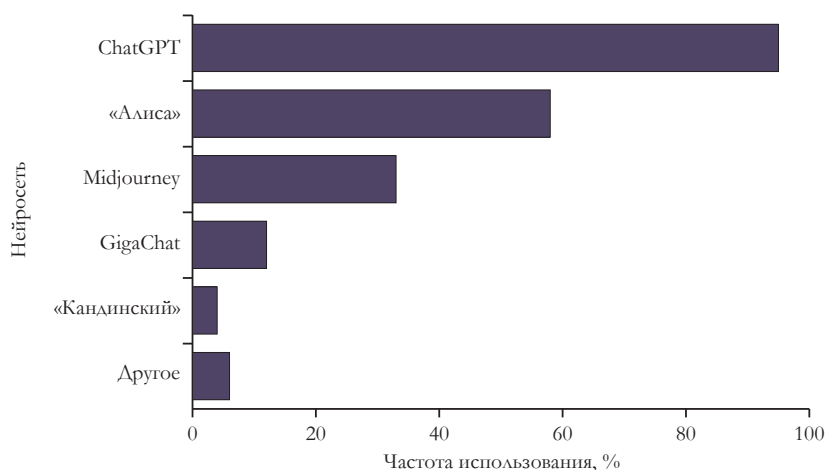
К сожалению, в этом опросе практически не исследовано использование ИИ при написании дипломных работ, поскольку на период его проведения до защиты дипломов оставалось полгода. Однако трудно спорить с предположением, что если у студента в процессе обучения были отработаны навыки регулярного применения ИИ, то и при написании диплома он этим гарантированно воспользуется.

Ответы респондентов на вопрос «Пробовали ли Вы использовать ИИ в процессе обучения?» практически полностью (на 95 %) оказались положительными. Отметим очевидный прогресс в проникновении ИИ в учебный процесс, когда по сравнению с предыдущими исследованиями, прошедшими в начале 2024 г., доля студентов, пользующихся ИИ, составляла около 80 % [1].

Далее мы во время анкетирования попытались узнать у пользователей ИИ, для каких задач и какие ресурсы студенты применяют в своей практической учебной работе. Результаты следующие.

Отвечая на вопрос «Получили ли Вы ожидаемый результат после его использования?», большинство (85 %) ответили утвердительно. Примерно 5 % ответили отрицательно. Соответственно, оставшиеся 10 % указали на детали результативности применения ИИ. Среди основных причин было указано, что необходимый результат удается получить примерно в половине случаев запросов, а также что степень точности весьма спорная. ИИ, по мнению респондентов, хорошо справляется с несложными заданиями, а ответы на более сложные необходимо корректировать либо уточнять другими промтами.

Рейтинг используемых нейросетей среди будущих маркетологов возглавил ChatGPT. Второй по частоте использования оказалась «Алиса», а на 3-м месте расположился Midjourney. Распределение частоты применения нейросетей показано на рис. 2.

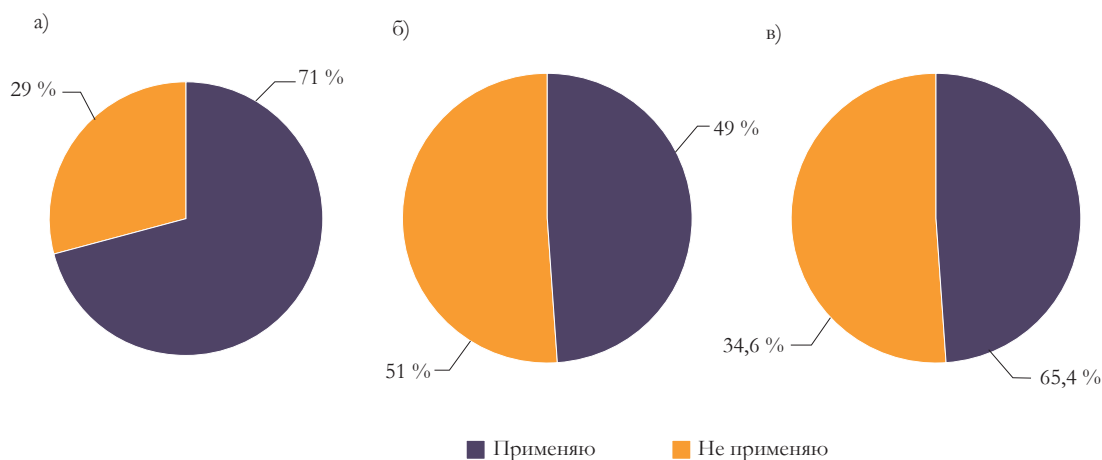
Примечание: GPT – (англ. generative pre-trained transformer (генеративный предварительно обученный трансформер)

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Частота использования нейросетей в учебных целях

Немаловажным является наше понимание динамики развития компетенций студентов в использовании ИИ. Мы получили результаты, которые свидетельствуют о росте применения ChatGPT (19 %) и «Алисы» (45 %), причем он устойчив от младших курсов к старшим. Наиболее значительный четырехкратный рост показала нейросеть Midjourney, однако уровень ее проникновения значительно уступает двум лидерам.

Далее мы попытались выяснить характер выполняемых студентами работ, для которых они используют ИИ. Согласно полученным ответам на вопрос, который был сформулирован в открытом виде («При выполнении каких типов заданий Вы испытываете наибольшие трудности?»), отмечены семестровые, курсовые, проектные виды работ. Мы уточнили характер выполняемых студентами заданий, из чего получили результаты, представленные на рис. 3.

Составлено авторами по материалам исследования

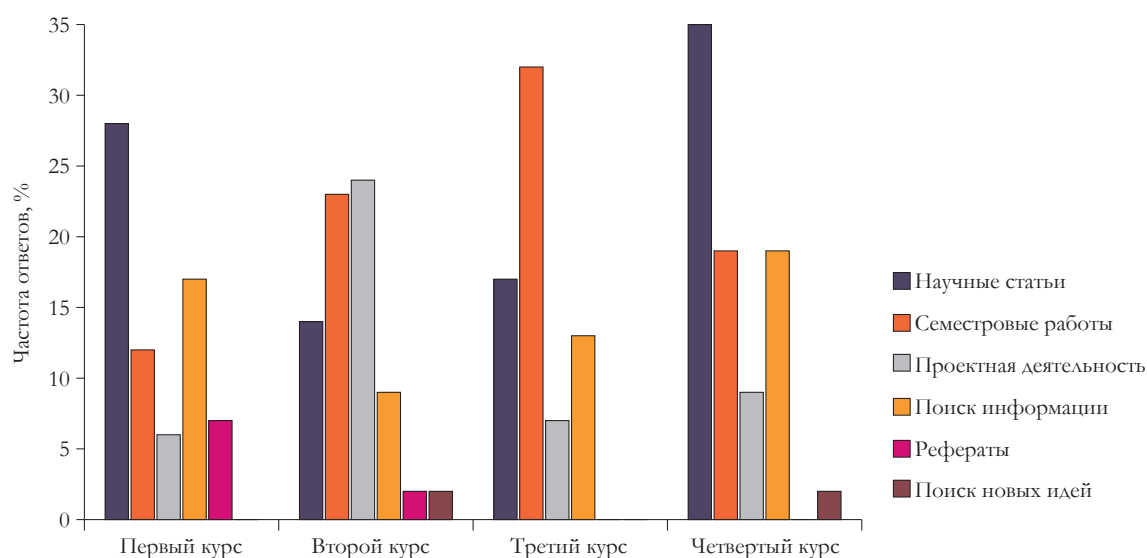
Рис. 3. Применение студентами ИИ для выполнения учебных заданий

На рис. 3, (а) представлено распределение ответов на вопрос «Использовали ли Вы ИИ при подготовке самостоятельных или семестровых работ?», на рис. 3, (б) – «Использовали ли Вы ИИ при подготовке курсовых проектов?», а на рис. 3, (в) – «Использовали ли Вы ИИ для участия в проектной деятельности?». Как следует из представленного, имеются определенные различия применения ИИ в учебных заданиях студентов.

Отвечая на вопрос о причинах неиспользования ИИ в своей учебной работе, студенты назвали принципиальное нежелание применять данную технологию, недоверие к результатам ИИ, неумение оперировать им.

Количество ответов по этим вопросам незначительное – от одного до трех. При этом варианты ответов «факторы неготовности к его применению» и «недостаточная подготовка» никто из респондентов не отметил.

Особый интерес представляет статистика трудностей, с которыми столкнулись студенты в ходе обучения по программам вуза при использовании генеративного ИИ. Вопрос был сформулирован в открытом виде – «При выполнении каких типов заданий (проектных, семестровых, научных и других) Вы испытываете наибольшие трудности?». Полученные результаты приведены на рис. 4.

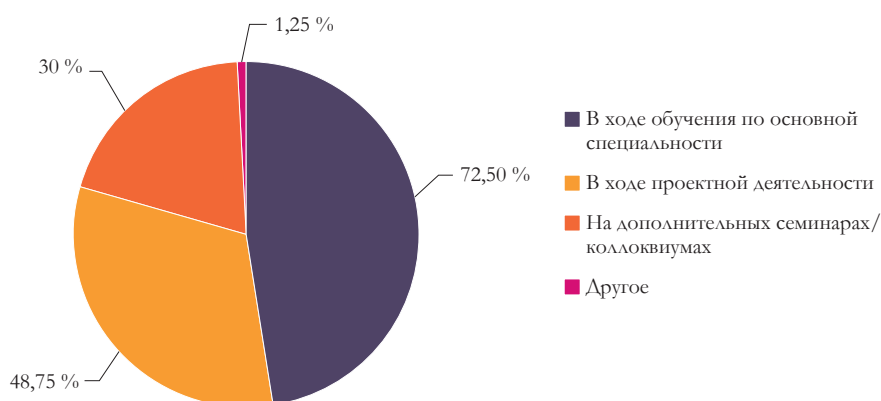
Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 4. Проблемы при использовании ИИ для выполнения различных учебных работ

Как видно из представленных данных, наибольшие трудности представляет написание научных статей и семестровых работ. Именно в этих направлениях и используется ИИ. Среди отмеченных респондентами сложностей при практическом использовании генеративных моделей можно отметить следующие:

- неполнота ответов модели. «Для серьезных задач ИИ не подходит, поскольку ищет общую информацию, не учитывая все тонкости проекта. Для легких задач – вполне подходит». «Большинство ответов бота слишком абстрактные, приходится их полностью перерабатывать»;
- необходимость перепроверки и недостоверность данных, предоставляемых моделью. «Он ошибается со статистикой, цифрами и фактами, но общую информацию и структуру подбирает хорошо»;
- недостаток знаний и умений работы студентов с моделями, шаблонность полученных ответов. «Он обладает базовыми знаниями, но не обладает гибкостью мышления», «50/50 степень доверия к результатам».

Далее мы попытались выяснить, требуется ли студентам активная помощь в изучении применения ИИ и как они относятся к предложению поучаствовать в дополнительных занятиях по этой теме. Результаты показали, что 60 % к такой идее относятся положительно, а 40 % предпочитают дополнительные занятия такого рода не посещать. На вопрос «Если да, то в каком формате наиболее удобно ее получить?» ответы позитивно настроенных студентов распределились следующим образом (одиночный выбор, рис. 5).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 5. Предпочтения форм обучения применению ИИ в учебном процессе

Видимо, проблему использования ИИ в высшем образовании как новой и многообещающей технологии будущего необходимо решать. Для этого имеет смысл объединить усилия всех регулирующих органов, вузов, преподавательского состава и студентов для поиска взаимоприемлемых решений. Было бы уместно разрабатывать и внедрять специализированные программные комплексы на основе нейросетей, которые ориентируются на специфику будущих специалистов, с подпиской для вузов на их использование. В идеале необходимо, как уже апробировано в различных областях науки и техники, применить технологию форсайта для понимания образовательных целей и способов их достижения [9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе обучения студенты сталкиваются с набором различных по характеру заданий, для чего они уже активно используют нейросети. Данный факт вызывает необходимость комплексного анализа применения ИИ в учебном процессе. Однако в то же время из этого следует необходимость регулирования использования ИИ в процессе обучения как для студентов, так и для преподавателей.

В ходе проведенного исследования было установлено, что современный студент, обучающийся по маркетинговым дисциплинам на программах бакалавриата, активно применяет ИИ для разных задач. Учащиеся используют некоторый набор распространенных нейросетей для выполнения домашних заданий, практических аудиторных, семестровых и курсовых работ. Имеются основания полагать, что при написании дипломных работ студенты также активно пользуются ИИ. Однако это тема для продолжения исследований.

Представленные результаты являются одной из частей исследования, которое авторы спланировали для углубленного изучения возможностей внедрения ИИ в учебный процесс. Как известно, студенты составляют лишь одну часть взаимодействующих элементов системы высшего образования.

По этой причине мы готовим к опубликованию результаты опроса преподавателей высшей школы. Сопоставление полученных результатов позволит уяснить аргументы «за» и «против» внедрения ИИ.

Авторы выражают надежду, что итоги данного исследования вместе с многочисленными работами коллег дадут основания для системной проработки проблемы и принятия регламентов применения ИИ в учебном процессе.

Список литературы

1. Токарев Б.Е. Анализ перспектив применения технологий искусственного интеллекта для подготовки маркетологов. *Маркетинг в России и за рубежом*. 2024;3(161):95–103.
2. Шугаль Н.Б., Варламова Т.А. Подготовка высококвалифицированных кадров в области искусственного интеллекта. М.: Институт статистических исследований и экономики знаний «Высшей школы экономики»; 2024. 60 с.
3. Ендовицкий Д.А., Гайдар К.М. Университетская наука и образование в контексте искусственного интеллекта. *Высшее образование в России*. 2021;6(30):121–131. <http://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-6-121-131>
4. Шубаева В.Г., Наумов В.Н., Сущева Н.В. Методологические основы формирования маркетинговой экосистемы искусственного интеллекта в вузе. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2023;6–1(144):130–137.
5. Токтарова В.И., Попова О.Г., Сагдуллина И.И., Белянин В.А. Технологии искусственного интеллекта в практике современного высшего образования. *Вестник Марийского государственного университета*. 2023;2(7):210–220. <http://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-2-210-220>
6. Zemke R., Bell Ch.R. Service wisdom. Creating and maintaining the customer service edge. Lakewood: Lakewood Books; 1989. 344 p.
7. Таули Т. Основы искусственного интеллекта. Нетехническое введение. Пер. с англ. В.А. Логунова. СПб.: БХВ; 2021. 288 с.
8. Дэвенпорт Т. Внедрение искусственного интеллекта в бизнес-практику. Преимущества и сложности. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер; 2021. 316 с.
9. Рожdestвенская Е.А. Образование как система: содержание форсайт-методологии. *Сибирский философский журнал*. 2022;2(20):68–78. <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2022-20-2-68-78>

References

1. Tokarev B.E. Analysis of prospects for the use of artificial intelligence technologies for the training of marketers. *Journal of Marketing in Russia and Abroad*. 2024;3(161):95–103. (In Russian).
2. Shugal N.B., Varlamova T.A. Training of highly qualified personnel in the field of artificial intelligence. Moscow: Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge of the Higher School of Economics; 2024. 60 p. (In Russian).
3. Endovitskiy D.A., Gaidar K.M. University science and education in the context of artificial intelligence. *Higher Education in Russia*. 2021;6(30):121–131. (In Russian). <http://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-6-121-131>
4. Shubaeva V.G., Naumov V.N., Susheva N.V. Methodological basis for forming an artificial intelligence marketing ecosystem in higher educational institutions. *Proceedings of Saint Petersburg State University of Economics*. 2023;6–1(144):130–137. (In Russian).
5. Toktarova V.I., Popova O.G., Sagdullina I.I., Belyanin V.A. Artificial intelligence technologies in the modern higher education. *Vestnik of the Mari State University*. 2023;2(7):210–220. (In Russian). <http://doi.org/10.30914/2072-6783-2023-17-2-210-220>
6. Zemke R., Bell Ch.R. Service wisdom. Creating and maintaining the customer service edge. Lakewood: Lakewood Books; 1989. 344 p.
7. Taulli Th. Artificial intelligence basics. A non-technical introduction. Trans. from Eng. V.A. Logunov. St. Petersburg: BHV; 2021. 288 p. (In Russian).
8. Davenport Th. The AI advantage. How to put the artificial intelligence revolution to work. Trans. from Eng. Moscow: Alpina Publisher; 2021. 316 p. (In Russian).
9. Rozhdestvenskaya E.A. Education as a system: the content of foresight methodology. *Siberian Journal of Philosophy*. 2022;2(20):68–78. (In Russian). <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2022-20-2-68-78>

Полисенсорный геобрендинг города: специфика подхода, возможности и ограничения практической реализации

Александрова Ирина Юрьевна

Канд. психол. наук, доц. каф. маркетинга

ORCID: 0000-0003-4728-5747, e-mail: alexandrova27@yandex.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В работе изучается полисенсорный подход к построению геобренда города. Цель исследования – выявление возможностей развития и совершенствования современного методологического инструментария городского геобрендинга посредством актуализации данного подхода в процессе построения высококонкурентноспособного семантического поля геобренда города. Достижение цели предполагало получение ответов на следующие практико-ориентированные вопросы: что мы хотим разработать (планируемый результат полисенсорного подхода к построению городского геобренда); возможно ли это (возможность практической реализации полисенсорного подхода в процессе построения городского геобренда); зачем мы хотим это разработать (планируемый эффект реализации полисенсорного подхода в городском геобрендинге); каким образом это сделать (алгоритм разработки синтезированного геобренда города). В результате исследования проанализирована психологическая специфика полисенсорного геобрендинга; введено понятие «синтезированный геобренд города»; выявлены и систематизированы основные требования к построению конкурентной идентичности синтезированного геобренда города; описаны главные процедуры ее разработки; проанализированы возможности и ограничения практической реализации полисенсорного подхода в городском геобрендинге. В качестве иллюстрации успешного использования инструментов полисенсорного геобрендинга представлены результаты реконструкции основных сенсорно окрашенных информационных единиц семантического поля города Сочи, которые были получены посредством анализа актуального информационного поля геобренда.

Ключевые слова

Брендинг территорий, геобрендинг города, полисенсорный геобренд города, конкурентная идентичность геобренда, синтезированный геобренд города, семантическое поле геобренда

Для цитирования: Александрова И.Ю. Полисенсорный геобрендинг города: специфика подхода, возможности и ограничения практической реализации // Вестник университета. 2025. № 5. С. 38–47.

Polysensory geobranding of the city: specifics of the approach, opportunities and limitations of practical realisation

Irina Yu. Aleksandrova

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Marketing Department
ORCID: 0000-0003-4728-5747, e-mail: alexandrova27@yandex.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article studies the polysensory approach to the construction of city geobrand. The purpose of the study is to identify opportunities for the development and improvement of modern methodological toolkit of urban geobranding through the actualisation of this approach in the process of building a highly competitive semantic field of the city geobrand. Achievement of the purpose have implied obtaining answers to the following practice-oriented questions: what we want to develop (the planned result of the polysensory approach to the construction of the urban geobrand); is it possible to be developed (the possibility of practical implementation of the polysensory approach in the process of construction of the urban geobrand); why do we want to develop it (the planned implementation effect of the polysensory approach in the urban geobranding); how to develop it – (the development algorithm of synthesised geobrand of the city). As a result of the research, the psychological specificity of polysensory geobranding is analysed; the concept of the synthesised geobrand of the city is introduced; the main requirements to the construction of the competitive identity of the synthesised city geobrand are identified and systematized; the important procedures of its development are described; the opportunities and limitations of the practical implementation of the polysensory approach in the urban geobranding are analysed. As an illustration of the successful use of polysensory geobranding tools, the results of reconstruction of the main sensorially coloured information units of the semantic field of Sochi, which are obtained by analysing the actual information field of the geobrand, are presented.

Keywords

Territory branding, city geobranding, polysensory city geobrand, competitive geobrand identity, synthesised city geobrand, geobrand semantic field

For citation: Aleksandrova I.Yu. (2025) Polysensory geobranding of the city: specifics of the approach, opportunities and limitations of practical realisation. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 38–47.

ВВЕДЕНИЕ

Полисенсорный подход в мировой практике маркетинга имеет довольно длительную историю развития. Изначально его основные идеи во многом интуитивно и часто бессистемно использовались в процессе построения маркетинговых коммуникаций с целью усиления их коммуникативной эффективности. Анализ, объективация и систематизация накопленного положительного опыта психологического воздействия на потребителя посредством актуализации в коммуникационном процессе различных сенсорных каналов привели к формированию в теории маркетинговых коммуникаций соответствующей концептуальной основы используемого практического инструментария. Это дало возможность не просто дублировать те или иные удачные приемы сенсорного воздействия на потребителя, но и, понимая, собственно, механизм этого влияния, сознательно расширять инструментарий данного подхода посредством разработки новых, более эффективных методик и приемов.

Как следствие развития теории и практики сенсорного маркетинга с течением времени возникает четкое понимание существенных отличий моносенсорного воздействия на потребителя от полисенсорного. Важно отметить, что построение последнего предполагает не только необходимость актуализации в маркетинговом послании нескольких сенсорных каналов передачи информации, но и обязательную семантическую интеграцию локальных сообщений, поступающих по этим каналам в область сознания и подсознания потребителя, то есть, другими словами, полисенсорность подразумевает достижение полного смыслового консонанса маркетинговой информации, дифференцированно адресуемой различным сенсорным регистрам (анализаторам) потребителя.

Особую ценность и практическую значимость идея построения полисенсорного взаимодействия с потребителем стала приобретать в контексте становления и развития брендинга. Объясняется данный факт тем, что базовой и константной целью бренд-коммуникаций является создание сильного, уникального, высокоинтегрированного, максимально психологически привлекательного для потребителя семантического пространства бренда. Сильный бренд отличается семантической насыщенностью своего образа, богатством и разнообразием его информационных элементов, эффективно воспроизводящих заданную бренд-концепцию, поэтому он всегда будет более конкурентоспособен, чем когнитивно простой бренд, имеющий семантически бедное информационное поле.

Универсальным и психологически обоснованным способом повышения семантической насыщенности образа бренда является полисенсорная стратегия, предполагающая включение в информационное поле его характеристик, относящихся к различным сенсорным модальностям. Научная аргументация эффективности этой бренд-стратегии достаточно проста и лежит в области закономерностей психологии восприятия человеком объектов действительности. Аппелируя к этим закономерностям в таком частном и довольно специфическом случае, как восприятие потребителем бренда, можно уверенно доказать, что все когнитивные процессы усвоения и последующего воспроизведения информации о данном объекте будут протекать более эффективно в том случае, если семантическое поле бренда сконструировать по аналогии с естественными семантическими полями природных и социальных объектов действительности.

ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ

В XXI в. в мировом брендинге особо актуальным и перспективным в контексте решения ряда обострившихся социальных, политических и экономических проблем стран мирового сообщества становится геобрендинг. В отличие от классического брендинга товаров и услуг, преимущественно нацеленного на дальнейшее развитие общества потребления и активное стимулирование переориентации потребителей на модус обладания, данное отраслевое направление вносит существенный вклад в решение задач социально-экономической стабилизации и развития территорий, повышения их благосостояния и внутреннего ресурсного потенциала [1; 2].

Геобрендинг работает с территориями различных уровней и, как следствие, наряду с общей теоретико-методологической базой имеет несколько специализированных исследовательских направлений. Одним из них является геобрендинг города, нацеленный на системное научное изучение, моделирование и алгоритмизацию процессов построения, продвижения и развития конкурентной идентичности города [3].

Исходя из цели данной работы, направленной на выявление специфики полисенсорного геобрендинга города, далее мы сконцентрируем внимание на анализе возможностей развития и совершенствования современного методологического инструментария городского геобрендинга посредством актуализации

полисенсорного подхода в процессе построения высококонкурентноспособного семантического поля геобренда города. Для этого необходимо ответить на следующие практико-ориентированные вопросы:

- 1) что мы хотим разработать (планируемый результат полисенсорного подхода к построению городского геобренда);
- 2) возможно ли это разработать (возможность практической реализации данного подхода в процессе построения городского геобренда);
- 3) зачем мы хотим это сделать (планируемый эффект реализации полисенсорного подхода в городском геобрендинге);
- 4) каким образом это разработать (алгоритм разработки синтезированного геобренда города).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Следуя логике, в результате использования в геобрендинге города полисенсорного подхода должна быть разработана и реализована модель полисенсорного геобренда, обладающего высоким уровнем конкурентоспособности. Однако даже это максимально простое утверждение требует уточнения и пояснения. Прежде всего речь идет об интерпретации понятия «полисенсорный геобренд». По своей сути, с научной точки зрения оно некорректно, так как если следовать его формальному смыслу, то из составляющих семантического поля такого геобренда должны быть исключены все несенсорные элементы, то есть элементы, полученные в процессе рационального, а не чувственного познания города потребителем. Безусловно, это утверждение не может быть верным: как отмечалось выше, основной целью использования полисенсорности в брендинге является обогащение образа бренда дополнительными составляющими, а не его кардинальная модификация. Именно поэтому в настоящее время в научных работах все чаще отдается предпочтение более точным терминам, таким как HSP-бренд (англ. *holistic selling proposition* – целостное торговое предложение) или синтезированный бренд, подразумевающими сбалансированный интеграл чувственных и рациональных информационных единиц в семантическом пространстве бренда [4; 5]. В геобрендинге оптимально использование последнего термина, так как в нем акцентируется внимание на особенностях построения бренда, а не на его рыночной сущности. Таким образом, далее в работе будет использоваться понятие «синтезированный геобренд города» в значении результата успешной реализации полисенсорного подхода к построению городского геобренда.

Далее обратимся к анализу возможностей моделирования синтезированного геобренда города, а также к содержательной специфике и практической ценности предполагаемой модели.

Для того чтобы понять, насколько осуществима реализация требования полисенсорности в геобрендинге, а также можно ли использовать этот подход в практической деятельности, необходимо понимание психологических закономерностей, лежащих в его основе. Рассмотрим их более подробно.

С точки зрения гносеологии познание человеком объектов действительности имеет две формы: рациональное и чувственное, которые в конкретном познавательном акте обычно синтезированы. Их отличие состоит в том, каким способом психика получает и усваивает информацию об объекте. В первом случае – это категориальная мыслительная деятельность и ее продукты, во втором – это непосредственное отражение объекта с помощью органов чувств и сохранение в памяти в виде соответствующих сенсорных впечатлений.

В чувственном познании участвуют такие процессы, как ощущение, восприятие и представление. Первое является видом чувственного познания, для которого характерна дискретность. Например, человек слышит звук или чувствует запах, прикосновение, видит цвет, но эти отдельные ощущения не складываются в целостный образ объекта внешнего мира. Целостность репрезентации достигается за счет процесса восприятия. Отметим, что этот термин довольно часто используется в широком смысле как синоним познания. Представление как вид чувственного познания имеет особое значение для геобрендинга, потому что благодаря его психическому механизму человек может воспроизводить перцептивные образы и их составляющие, воспринятые в прошлом и запечатленные в памяти. Например, москвич может представить Сочи в результате актуализации сенсорного образа города, сформированного в его сознании в прошлом на основе непосредственного восприятия.

Для чувственного познания характерна полисенсорность, то есть актуализация нескольких сенсорных систем (анализаторов) в процессе отражения того или иного объекта действительности. В данном случае речь идет о контактных и дистантных экстерорецептивных анализаторах и соответствующих им модальностях (где модальность – это качественная характеристика сенсорного раздражителя, а также

формируемого им ощущения) [6; 7]. Итак, в результате воздействия на органы чувств человека раздражителей различных модальностей (визуальных, аудиальных, обонятельных, вкусовых, тактильных, температурных и др.) в сознании формируется актуальный полисенсорный образ действительности, необходимый для эффективной адаптации индивида во внешней среде посредством эмоционально-оценочной реакции на объект/ситуацию и для выбора оптимального паттерна поведенческой активности.

Исходя из вышесказанного, можно с уверенностью заключить, что моделирование полисенсорного образа города осуществимо и целесообразно, так как, с одной стороны, это полностью соответствует закономерностям естественного процесса его познания как объекта действительности, а с другой – дает возможность управлять этим процессом с помощью фокусировки внимания целевых групп потребителей на наиболее конкурентоспособных характеристиках города. Как следствие, профессионально разработанный синтезированный городской геобренд с высокой вероятностью сформирует у стейкхолдеров позитивную эмоционально-оценочную реакцию на город и увеличит желательную/необходимую для его развития поведенческую активность.

Итак, мы рассмотрели вопросы специфики, актуальности и потенциальной практической значимости полисенсорного подхода в городском геобрендинге. Далее перейдем к анализу особенностей моделирования синтезированного геобренда города в процессе разработки его конкурентной идентичности.

Система конкурентной идентичности геобренда города состоит из четырех основных элементов: первичных и вторичных идентификаторов, основных и дополнительных ценностей геобренда [3]. Все эти элементы, при условии их фактического наличия, а также эффективной актуализации в информационно-коммуникационной среде, работают на формирование сильного семантического поля геобренда в сознании стейкхолдеров и, как следствие, определяют уровень его конкурентоспособности. Вместе с тем принципы содержательного наполнения элементов моделируемой системы могут быть различны. Полисенсорный подход обязывает разработчика ввести в структурные элементы конкурентной идентичности геобренда семантические единицы, апеллирующие к различным аспектам чувственного восприятия города потребителями. Как указывалось выше, принципиально важным в данном требовании является полисенсорность, то есть обязательное включение в геобрендинговую семантическую модель города характеристик, соответствующих нескольким сенсорным системам. Мы акцентируем на этом внимание, так как в построении психического образа любого материального объекта, в том числе города, как минимум задействован зрительный анализатор и, следовательно, неконкретизированная идея некой сенсорности геобренда не может лежать в основе особого подхода к его построению.

Итак, эталонно моделируемый полисенсорный образ города, наряду с рациональными (несенсорными) информационными элементами, должен включать в себя его визуальные, аудиальные, обонятельные, вкусовые, тактильные и температурные характеристики, выступающие в качестве сенсорных идентификаторов. В свою очередь, эти характеристики должны:

- 1) подчиняться концепции геобренда;
- 2) находится в семантическом консонансе друг с другом;
- 3) иметь ценность для потенциальных и реальных потребителей геобренда;
- 4) соответствовать действительности.

Последнее требование представляет собой существенное ограничение в реализации полисенсорного подхода на практике, так как, в отличие от продуктовых брендов, полисенсорный образ которых может включать в себя искусственно созданные сенсорные идентификаторы, – город как естественный сложный социокультурно-экономический и архитектурно-инженерный комплекс наделен сенсорными характеристиками объективно. Так, например, некий бренд одежды и аксессуаров с целью насыщения своей идентичности сенсорными составляющими создает уникальный визуальный образ (лицо/маскот) и аромат бренда, которые будут выступать в качестве его константных идентификаторов, превращаясь в некую сенсорную визитную карточку. Понятно, что компания может выбрать абсолютно любое «лицо» и любой аромат из потенциально привлекательных для покупателей. Однако визуальный ряд города, его запахи, а также другие городские сенсорные раздражители существуют объективно, и чем они менее привлекательны, тем более проблематичным становится процесс конструирования синтезированного геобренда.

Проиллюстрируем данное утверждение, представив следующую ситуацию: у человека, решившего посетить город с интересной историей, знаменитыми жителями, уникальным производством (рациональные элементы семантического пространства геобренда), в результате непосредственного чувственного

познания формируется следующий полисенсорный образ: обветшалые, требующие ремонта здания; смог и зловоние; сильный, не прекращающийся даже ночью, шум на улицах, гул и грохот производственных объектов, расположенных в черте города; безвкусная пища в местной сети общественного питания; разбитые дороги, неудобная мебель, грубые, жесткие постельные принадлежности в гостинице, большое количество кусающихся насекомых (комары и мошки); жара, духота на улицах. Вряд ли этот человек захочет посетить город еще раз, оставить о нем положительные отзывы и рекомендации, сформировать деловые связи с бизнес-средой, переехать туда на постоянное место жительства. Это можно объяснить тем, что сенсорные образы, как правило, эмоционально окрашены и поэтому оказывают более сильное воздействие на итоговое оценочное суждение об объекте.

Приведенный пример далеко не умозрительный: многие города мира страдают от проблем, являющихся следствием гиперурбанизации, и в настоящее время, в связи с усилением значимости экологической повестки и активным развитием экологического сознания, начинают ощущать угрозу потери местных жителей, ориентированных на безопасные, здоровые, зеленые зоны проживания.

Таким образом, при выборе полисенсорного подхода к разработке геобренда города следует понимать, что наличие в нем сильных негативных сенсорных раздражителей может стать объективным ограничением для практической реализации данного подхода инструментами геобрендинга. Вместе с тем их выявление и анализ могут быть весьма полезны для представителей системы градоуправления, в обязанности которых входят контроль и своевременная оптимизация объективных параметров города, в том числе решение проблем загазованности, производственных выбросов, шумового загрязнения, текущего и капитального ремонта зданий, сооружений, дорог и городских инженерных коммуникаций, озеленения и создания комфортных рекреационных зон, контроля и развития системы общественного питания, сохранения исторических архитектурных объектов и т.д.

Конечно, сама специфика города как населенного пункта и особенности его функционирования с высокой долей вероятности определяют наличие в городской среде тех или иных негативных сенсорных раздражителей, однако, если они не являются столь выразительными и/или интенсивными, чтобы привлечь внимание потребителя и вызвать негативную эмоционально-оценочную реакцию, геобренд-менеджеру не стоит драматизировать ситуацию. Моделируя синтезированный городской геобренд, необходимо максимально сфокусировать внимание на позитивных сенсорно воспринимаемых характеристиках города, которые будут компенсировать и нивелировать его негативные проявления; создать/спроектировать позитивные сенсорные атрибуты города в том случае, если это представляется возможным.

Так, например, в качестве аудиальных идентификаторов городского геобренда могут фигурировать особые, сенсорно привлекательные, константные звуковые позывные, гимн, оригинальная мелодия или песня, ассоциирующаяся с городом. Неизбежные неприятные запахи компенсируются в семантическом поле геобренда при концентрации внимания на ароматах деревьев и цветов городских зеленых зон, оранжерей, дендрариев, ботанических садов и т.п. (конечно, при наличии таковых). Определяя визуально эффектные сенсорные раздражители, логично сделать акцент на уникальной исторической или современной городской архитектуре, монументальной скульптуре, на рекреационных зонах, привлекательных природных окрестностях, традиционных визуально выразительных городских специальных мероприятиях (например, празднично-развлекательных, спортивных) и т.п. Вместе с тем всегда следует помнить, что базовыми константными визуальными идентификаторами геобренда города выступают его официальная символика, включающая в себя комплекс геральдического обеспечения¹, а также возникшие в ходе исторического процесса и передающиеся из поколения в поколение территориальные эмблемы и символы [8].

Направить в эффективное семантическое русло вкусовые ассоциации потенциальных и реальных потребителей городского геобренда также вполне возможно, например через акцент на особых, уникальных блюдах от шеф-поваров городских предприятий общественного питания, которые, в частности, готовятся специально для угощения гостей и самих жителей на тех или иных городских праздничных мероприятиях. Отметим, что гастрономическое направление туристического геобрендинга является очень популярным во всем мире [9]. В частности, это объясняется тем, что продукты кулинарного творчества всегда полисенсорны. Специфика городской кухни может быть связана с месторасположением

¹ Геральдика.ру. Методические рекомендации по разработке и использованию официальных символов муниципальных образований. Режим доступа: <https://sovet-geraldika.ru/article/21037> (дата обращения: 14.02.2025).

города (например, морское побережье), с его историей, этнической культурой, пищевыми привычками и гастрономическими предпочтениями местных жителей.

Роль тактильных сенсорных ощущений в контексте восприятия и оценки города может быть весьма существенна для тех посетителей и местных жителей, у которых кинестетическая репрезентативная система является ведущей. Особо привлекательными для кинестетов станут характеристики города, акцентирующие внимание на удобстве, комфортности, эргономичности его материальных объектов, с которыми непосредственно соприкасается человек. Температурные ощущения посетителя связаны прежде всего с климатическими условиями, изменить которые невозможно. Тем не менее, можно нацелить потенциальных потребителей на наиболее климатически комфортные месяцы посещения территории, чтобы они не испытывали разочарования от пребывания в городе в несезонное время.

Итак, мы рассмотрели основные сенсорно детерминированные характеристики городской среды, а также возможности и ограничения управления сенсорными впечатлениями потребителей. Далее перейдем к анализу особенностей, собственно, процесса создания модели конкурентной идентичности синтезированного геобренда города. Цель такого моделирования заключается в выявлении и систематизированном описании базовых идентификаторов и конкурентных преимуществ последнего. В итоге мы получаем особую информационно-когнитивную карту города, которая четко и однозначно определяет цели и содержательное наполнение его бренд-коммуникаций. В процессе коммуникационной активности города в сознании целевых групп потребителей формируется его психологически привлекательное семантическое поле, смысловые единицы которого соответствуют модельно заданным. Как следствие, сформированное позитивное отношение стейкхолдеров к городу с высокой долей вероятности приводит к актуализации целевых поведенческих паттернов.

Как отмечалось выше, конкурентная идентичность геобренда включает в себя идентификационную систему и систему его ценностей. Моделируя синтезированный геобренд, в каждой из этих систем необходимо выделить те элементы, которые при их описании дают возможность полностью или частично апеллировать к сенсорному восприятию. В типичной ситуации к таким элементам конкурентной идентичности геобренда города относятся следующие:

- официальная и неофициальная символика города;
- личность города;
- легендарный продукт города;
- архитектурная привлекательность города;
- комфортность городской среды (климат, экологическая ситуация, социальная инфраструктура);
- рекреационные городские зоны.

Сенсорно-окрашенное описание этих элементов дает возможность не только приблизить описание города к специфике естественного процесса его восприятия, но и направить когнитивную активность потребителя на наиболее сильные характеристики геобренда. Вместе с тем стоит еще раз подчеркнуть, что анализ геобренд-менеджером сенсорно воспринимаемых характеристик города может закончиться принятием решения о необходимости их оптимизации или создания новых объектов, сенсорное восприятие которых потребителями будет приводить к ярко выраженному позитивному эмоциональному отклику и, таким образом, работать на усиление конкурентоспособности геобренда (например, создание в городе уникального ботанического сада, новационного парка развлечений, открытие сети ресторанов с особой местной кухней и т.п.).

В качестве иллюстрации успешной реализации полисенсорного подхода в городском геобрендинге туристической направленности рассмотрим результаты реконструкции основных сенсорно окрашенных информационных единиц семантического поля Сочи, которые были получены посредством анализа информационного поля геобренда на специализированных туристических сайтах и порталах, в частности на Traveller-eu.ru, а также отзывов о городе его посетителей^{2,3}.

Сочи представляет собой легендарный российский город-курорт, имеющий длительную историю развития и большое количество достопримечательностей. В настоящее время он считается одним из наиболее престижных мест летнего отдыха на территории Российской Федерации и пользуется огромным спросом: ежегодно город обслуживает порядка 4 млн отдыхающих. Туристы едут на курорт прежде

² Traveller-eu. Сочи. Режим доступа: <https://traveller-eu.ru/sochi> (дата обращения: 14.02.2025).

³ Отзовик. Отдых в Сочи (Россия) – отзывы. Режим доступа: https://otzovik.com/reviews/otdih_v_sochi_russia/ (дата обращения: 14.02.2025).

всего за позитивными эмоциями, ощущениями, впечатлениями и развлечениями, поэтому сенсорный образ города является для них приоритетным. Следовательно, Сочи в сознании потребителей (в результате формирования его семантического пространства) с сенсорной точки зрения гипотетически должен быть красивым (визуально эффектным), мелодичным (благозвучным), ароматным, вкусным, тактильно приятным (комфортным) и теплым. Для формирования этого сенсорно детерминированного семантического резюме потребители города могут пользоваться как информационно-коммуникационным полем геобренда, который заочно знакомит их с городом, настраивая на определенные объекты и сенсорные каналы их восприятия, так и непосредственным опытом чувственного познания в процессе пребывания в нем. Поэтому далее мы проанализируем и систематизируем оценочные описания Сочи различными стейкхолдерами, которые доказывают реальность гипотетически представленного нами полисенсорного образа геобренда города и конкретизируют его.

Для начала в качестве примера весьма эффективных (несмотря на краткость) полисенсорных описаний Сочи и его достопримечательностей приведем две цитаты, представленные в веб-среде. Туристический портал Traveller-eu: «Это колоритный южный город, который славится протяженной береговой линией и замечательными пляжами, теплым и чистым морем, вкусной кухней и живописной природой»⁴. Журнал путешествий: «Дендрарий в Сочи – это уникальные деревья и изящные скульптуры, фонтаны и каскадный пруд, грот и музей на вилле „Надежда“. Здесь вдыхают целительный аромат эвкалиптов и пытаются обнять секвойю, назначают романтическое свидание на Скамье любви и фотографируются у роскошной Мавританской беседки, слушают, как трещит растущий бамбук, и наслаждаются благоухающим ароматом в розарии»⁵.

Итак, в результате выявления и систематизации сенсорно детерминированных позитивных характеристик Сочи, представленных в его синтезированном семантическом пространстве, мы получаем следующий полисенсорный образ геобренда:

- 1) визуальная привлекательность – красота, колоритность, ухоженность города, величественность архитектурных строений, захватывающие виды, очень большое количество визуально эффектных урбанистических и природных пейзажей, в частности Морской вокзал, Олимпийский парк, Сочи-парк, Сочинский дендрарий, Скайпарк, скульптурные арт-объекты, фонтаны, водопады, горные вершины, пещеры и ущелья городских окрестностей, а также уникальные историко-культурные объекты древности;
- 2) мелодичность (благозвучие) ассоциативно связывается в описании города и его непосредственном восприятии с поющими фонтанами Олимпийского парка, шумом морского прибоя, с пением птиц (в том числе экзотических), необычными звуками растущего бамбука;
- 3) ароматичность – ароматы эвкалиптов, магнолий, розариев, свежего морского воздуха, а также разнообразные гастрономические ароматы местной кухни (например, шашлыка и кавказской выпечки);
- 4) вкус Сочи – это прежде всего вкус блюд особой сочинской кухни, сочетающей в себе русские и кавказские гастрономические традиции (шашлык, долма, осетинская, армянская, грузинская, абхазская выпечка, барабулька, форель, морепродукты, кубанский борщ, окрошка, блины, чурчхела, вяленая хурма, местные вина, минеральная вода, сыры, мед, самый северный в мире чай), а также особых десертов и сладостей, например представленных в люксовом авторском кафе «Свисс Гурмэ», пользующимся большой популярностью среди определенных категорий туристов (торты, пирожные, сладкие пироги, конфеты, шоколад);
- 5) тактильная и температурная привлекательность Сочи – мягкий, теплый песок или гладкая галька пляжей; качественное, ровное покрытие автодорог; эргономичные кресла-шезлонги смотровых площадок, удобные кресла-мешки на шоу поющих фонтанов; уютные зеленые зоны отдыха; особая рельефность и фактурность уникальных экзотических растений и деревьев, а также уцелевших фрагментов каменных древних стен крепостей, базилик, храмов; теплый, умеренно жаркий субтропический климат с солнечной, безветренной погодой осеннего периода (+20–22°C); теплое море (температура воды в пик летнего периода достигает +26°C, имея средние значения +21–24°C). Оптимальное время пляжного сезона – с июля по сентябрь.

⁴ Traveller-eu. Сочи. Режим доступа: <https://traveller-eu.ru/sochi> (дата обращения: 14.02.2025).

⁵ Ржевская Л. «Дендрарий» в Сочи: скульптуры, мистическая гора и маршруты для пеших походов. Режим доступа: <https://travel.yandex.ru/journal/dendriy-v-sochi/> (дата обращения: 14.02.2025).

ВЫВОДЫ

В результате проведенного в работе исследования полисенсорного подхода к построению геобренда города можно сделать следующие выводы.

1. Логичность, корректность, потенциальная эффективность и возможность использования полисенсорного подхода в городском геобрендинге доказываются посредством следующей причинно-следственной связи: если естественный психический процесс формирования целостного образа города (как объекта действительности) в сознании человека предполагает актуализацию чувственных и рациональных механизмов познания и, как следствие, включает в себя сенсорные образы и абстрактно-логические информационные составляющие, то процесс моделирования конкурентной идентичности геобренда требует синтеза значимых для потребителей чувственных и рациональных семантических элементов, то есть создания синтезированного городского геобренда, модель которого представляет собой информационно-когнитивную карту города.

2. Сенсорная подсистема синтезированного геобренда города должна включать в себя семантические единицы, соответствующие таким модальностям сенсорных раздражителей, как зрительная, слуховая, обонятельная, вкусовая, тактильная и температурная. В качестве носителей этих семантических единиц должны выступать определенные элементы системы конкурентной идентичности геобренда.

3. В том случае, если реальные, сенсорно воспринимаемые характеристики города имеют ярко выраженные негативные параметры, полисенсорный подход к построению геобренда может быть реализован только при условии объективных позитивных изменений городской среды.

4. Практическая ценность синтезированного геобренда города заключается в том, что он с высокой долей вероятности формирует у целевых групп потребителей устойчивое эмоционально-позитивное отношение к городу и, как следствие, актуализирует целевую поведенческую активность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить, что у каждого человека на уровне индивидуально-психологических особенностей существует свой приоритетный канал восприятия (репрезентативная система), через который его психика предпочитает воспринимать и кодировать объекты действительности, а также сохранять и воспроизводить их образы в системе памяти [10]. Из этой психологической закономерности следует, что характеристики геобренда различной сенсорной модальности будут иметь разное субъективное значение для людей с несовпадающими ведущими репрезентативными системами. Так, например, для визуалов субъективно более значимыми, привлекательными и эффективно декодируемыми будут элементы семантического поля геобренда, апеллирующие к зрительному восприятию города и представленные на его информационно-коммуникационных площадках преимущественно в формате фотографий, тогда как аудиальные, кинестетические, обонятельные и вкусовые ощущения и их описания уйдут в данном случае на второй план. Аудиалов в наибольшей степени интересует звуковое наполнение геобренда, поэтому их общее впечатление и оценочная реакция на город будут складываться в первую очередь исходя из этих характеристик. Безусловно, высокий уровень шумового загрязнения территории для таких людей станет ярко выраженным негативным раздражителем, способным перекрыть иные позитивные впечатления, полученные по другим сенсорным каналам. Кинестеты, вспоминая о посещении города или изучая его описание, будут акцентировать внимание прежде всего на климатических условиях и степени физической комфортности городской среды. В том случае, если у реального или потенциального потребителя геобренда в качестве ведущих выступают вкусовая и обонятельная репрезентативные системы, особое значение в процессе восприятия города приобретут его вкус и аромат. Однако, несмотря на вышеизложенную специфику восприятия, если семантическое поле геобренда города синтезировано, то вне зависимости от психологических предпочтений обработки информации теми или иными потребителями оно будет универсально коммуникативно эффективным.

Список литературы

1. Макаров А.Н., Жук С.П., Искандарова Д.А. Бренддинг территории как инструмент развития региона: монография. Ставрополь: Логос; 2020. 234 с.

2. *Александрова И.Ю.* Проблема абсолютизации модуса обладания в современном российском обществе. В кн.: Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления. М.: Институт психологии Российской академии наук; 2020. С. 319–328.
3. *Anholt S.* Competitive identity. The new brand management for nations, cities and regions. London: Palgrave Macmillan; 2007. 134 p.
4. *Линдстром М.* Чувство бренда. Воздействие на пять органов чувств для создания выдающихся брендов. Пер. с англ. Н.Г. Яцук. М.: Эксмо; 2006. 272 с.
5. *Азоев Г.А. (ред.)* Маркетинг: модели, технологии, инструменты: учебник для вузов. СПб.: Питер; 2023. 544 с.
6. *Ломтатидзе О.В., Алексеева А.С.* Физиология сенсорных систем: учебно-методическое пособие. Екатеринбург: Уральский университет; 2022. 120 с.
7. *Ревёрчук И.В.* Психофизиология и патопсихология ощущений: учебное пособие. Ижевск: Ижевская государственная медицинская академия; 2016. 60 с.
8. *Алешникова В.И., Александрова И.Ю.* Маркетинговые модели и инструменты устойчивого развития малых городов России. М.: Государственный университет управления; 2024. 147 с.
9. *Горошко Н.В., Пацала С.В.* Гастрономический бренд как инструмент развития регионального гастрономического туризма. Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2022;4:377–400. <http://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.4.25>
10. *Бэндлер Р., Гриндер Дж.* Большая энциклопедия НЛП. Структура магии. Пер. с англ. Н. Мигаловской. М.: АСТ; 2025. 608 с.

References

1. *Makarov A.N., Zhuk S.I., Iskandarova D.A.* Branding of the territory as a tool for the development of the region: monograph. Stavropol: Logos; 2020. 234 p. (In Russian).
2. *Aleksandrova I.Yu.* The problem of absolutization of the mode of possession in modern Russian society. In: Individual, national and global in the consciousness of modern man: new ideas, problems, scientific directions. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2020. Pp. 319–328. (In Russian).
3. *Anholt S.* Competitive identity. The new brand management for nations, cities and regions. London: Palgrave Macmillan; 2007. 134 p.
4. *Lindstrom M.* Brand sense. Build powerful brands through touch, taste, smell, sight, and sound. Trans. from Eng. N.G. Yatsyuk. Moscow: Eksmo, 2006. 272 p. (In Russian).
5. *Azoev G.L. (ed.)* Marketing: models, technologies, tools: textbook for universities. St. Petersburg: Piter; 2023. 544 p. (In Russian).
6. *Lomtadidze O.V., Alekseeva A.S.* Physiology of sensory systems: teaching manual. Yekaterinburg: Ural University; 2022. 120 p. (In Russian).
7. *Reverchuk I.V.* Psychophysiology and pathopsychology of sensations: study guide. Izhevsk: Izhevsk State Medical Academy; 2016. 60 p. (In Russian).
8. *Alesnikova V.I., Aleksandrova I.Yu.* Marketing models and tools for sustainable development of towns in Russia. Moscow: State University of Management; 2024. 147 p. (In Russian).
9. *Goroshko N.V., Patsala S.V.* Gastronomic brand as a tool for the development of regional gastronomic tourism. PNRPU Sociology and Economics Bulletin. 2022;4:377–400. (In Russian). <http://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.4.25>
10. *Bandler R., Grinder J.* The structure of magic. A book about language and therapy. Trans. from Eng. N. Migalovskaya. Moscow: AST; 2025. 608 p. (In Russian).

Маркетинговое исследование рынка электроэнергии Ярославской области

Любимова Наталия Геннадьевна

Д-р экон. наук, проф. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе
ORCID: 0000-0003-4021-4487, e-mail: sebez221@rambler.ru

Лебедева Алена Дмитриевна

Студент
ORCID: 0009-0003-5952-866X, e-mail: alenchikswan@yandex.ru

Флакسمан Алина Сергеевна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе
ORCID: 0000-0001-8122-0862, e-mail: flax75@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В работе проводится маркетинговое исследование рынка электроэнергии Ярославской области, включая анализ электропотребления и тарифной политики. Цели работы – составление прогноза электропотребления в регионе, оценка динамики и структуры тарифов на электроэнергию для различных категорий потребителей. При прогнозировании электропотребления были использованы различные макроэкономические и статистические методы, в том числе методы экстраполяции; при оценке тарифной политики – общенаучные методы анализа динамики и структуры показателей. Полученные результаты доказывают возрастающую потребность региона в электроэнергии: прирост до 2030 г. около 2 % в год. Рост предельных нерегулируемых цен (тарифов) на электроэнергию (мощность) для прочих потребителей ниже темпов инфляции, за исключением 2023 г., когда наметилась тенденция уменьшения перекрестного субсидирования населения прочими потребителями. Также увеличиваются тарифы на электроэнергию (мощность) для населения и приравненных к нему категорий потребителей. Они ниже темпов роста заработной платы, но выше темпов инфляции как в целом за период, так и в отдельные годы. Доля расходов семьи на электроэнергию составляет менее 1 %, что делает возможным повышение тарифов на электроэнергию для населения при снижении перекрестного субсидирования. Полученные данные применимы в социально-экономическом мониторинге для оценки нагрузки на бизнес и население, прогнозирования последствий тарифной политики. Перспективы исследования связаны с углубленным анализом влияния внешних факторов (санкций, технологический изменений) на энергетический рынок.

Ключевые слова

Электропотребление, прогнозирование спроса, тарифная политика, тарифы на электроэнергию, тарифы для населения, нерегулируемая цена, цена на электроэнергию, цена на мощность, прочие потребители, перекрестное субсидирование, доля электроэнергии, расходы семьи, стареющая инфраструктура

Для цитирования: Любимова Н.Г., Лебедева А.А., Флакسمан А.С. Маркетинговое исследование рынка электроэнергии Ярославской области // Вестник университета. 2025. № 5. С. 48–59.

Marketing research of the electric power market in Yaroslavl region

Natalya G. Lyubimova

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Economics and Management in the Fuel and Energy Complex Department
ORCID: 0000-0003-4021-4487, e-mail: sebez221@rambler.ru

Alyona D. Lebedeva

Student
ORCID: 0009-0003-5952-866X, e-mail: alenchikswan@yandex.ru

Alina S. Flaxman

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics and Management in the Fuel and Energy Complex Department
ORCID: 0000-0001-8122-0862, e-mail: flax75@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article contains a marketing study of the electricity market in Yaroslavl region, including analysis of electricity consumption and tariff policy. The purposes of the work are to forecast the electricity consumption in the region, and to assess the dynamics and structure of electricity tariffs for various categories of consumers. When forecasting the electricity consumption, various macroeconomic and statistical methods have been used, including extrapolation methods; when assessing the tariff policy, general scientific methods of analysing the dynamics and structure of indicators have been applied. The results obtained prove the growing need of the region for electricity: an increase of about 2% per year until 2030. The growth of marginal unregulated prices (tariffs) for the electricity (capacity) for other consumers is below the inflation rate, with the exception of 2023, when a trend towards a decrease in cross-subsidisation of the population by other consumers emerged. Also, the electricity tariffs (capacity) for the population and equivalent categories of consumers increase. They are below the rate of wage growth, but above the rate of inflation both in general for the period and in individual years. The share of household expenses on the electricity is less than 1%, which makes it possible to increase the electricity tariffs for the population while reducing the cross-subsidisation. The obtained data are applicable in socio-economic monitoring to assess the burden on businesses and population, and to forecast the consequences of the tariff policy. The prospects of the study are associated with an in-depth analysis of the impact of external factors (sanctions, technological changes) on the energy market.

Keywords

Electricity consumption, demand forecasting, tariff policy, electricity tariffs, tariffs for population, unregulated price, electricity price, capacity price, other consumers, cross-subsidisation, share of electricity, household expenditures, aging infrastructure

For citation: Lyubimova N.G., Lebedeva A.D., Flaxman A.S. (2025) Marketing research of the electric power market in Yaroslavl region. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 48–59.

ВВЕДЕНИЕ

Ярославская область находится в центре Восточно-Европейской равнины в Центральном федеральном округе и является крупным и наиболее развитым регионом Российской Федерации (далее – РФ, Россия), обладающим высоким промышленным потенциалом. Одним из ключевых аспектов развития региона является рынок электроэнергии, который поддерживает функционирование всех секторов экономики, включая потребление населением, промышленностью и сельским хозяйством. Проведение маркетингового исследования рынка электроэнергии необходимо для углубленного понимания текущей ситуации, анализа проблемных зон и формирования вариантов эффективных мер поддержки. Это также становится более востребовано с учетом постоянно растущих потребностей региона. Однако на экономическую устойчивость энергетических компаний, надежность и качество поставки электроэнергии потребителям негативно влияет стареющая инфраструктура, которая требует модернизации и значительных капиталовложений, что является ощутимой проблемой электроэнергетики региона.

История Ярославской энергетической системы берет свое начало с осуществления плана ГОЭЛРО (Государственная комиссия по электрификации России). В Ярославле началось строительство гидроэлектростанций и электростанций на угле, что способствовало значительному увеличению производства и потребления электроэнергии, росту экономики и созданию новых рабочих мест¹. На данный момент энергетическая система региона входит в Единую энергетическую систему (далее – ЕЭС) России, являясь частью Объединенной энергосистемы Центра, находится в операционной зоне филиала акционерного общества «СО ЕЭС» (СО – Системный оператор) «Региональное диспетчерское управление энергосистемы Ярославской области» и представляет собой комплексное объединение различных источников энергии, обеспечивающее надежное электроснабжение населения и промышленности [1].

АНАЛИЗ И ПРОГНОЗ ЭЛЕКТРОПОТРЕБЛЕНИЯ РЕГИОНА

По данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (далее – ЕМИСС), в 2023 г. суммарное электропотребление экономикой и населением региона составило 8 693,7 млн кВт·ч. В целом, оценивая потребление электроэнергии области за 2000–2023 гг., можно сделать вывод, что общий тренд представляет собой увеличение анализируемого показателя при незначительном снижении в некоторые периоды. В большинстве случаев его можно обосновать кризисной ситуацией в стране либо температурными изменениями на территории исследуемой местности.

Изучая структуру электропотребления в настоящее время, констатируем, что на население приходится примерно 17 %, в то время как на долю промышленных предприятий, которые являются основными потребителями электроэнергии, – приблизительно 37 %. Доля остальных потребителей – 46 %. Таким образом, увеличение электропотребления может свидетельствовать о положительных тенденциях развития экономики региона [2].

В будущем регион будет развиваться и, соответственно, будут происходить изменения в области электропотребления. Такие трансформации необходимо заранее предвидеть, в частности, за счет прогнозирования последнего. Существует несколько методов прогнозирования, среди которых выделяются макроэкономический и статистический (табл. 1) [3].

Таблица 1

Методы прогнозирования, используемые в маркетинговом исследовании

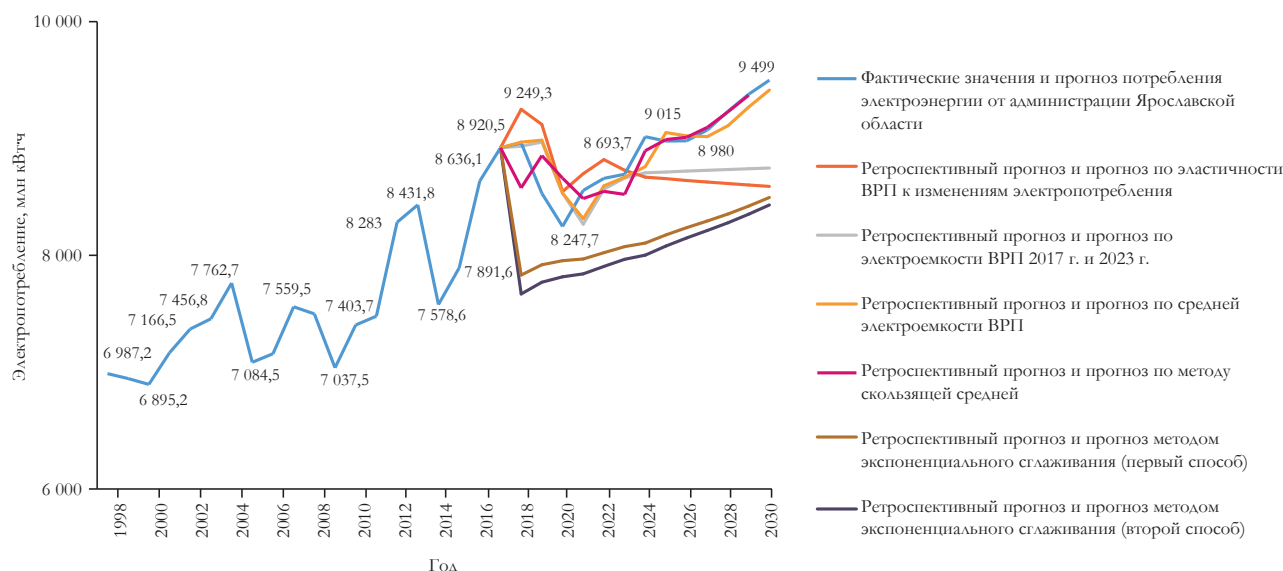
Макроэкономические методы	Статистические методы (экстраполяция)
По коэффициенту эластичности ВРП от изменения электропотребления	По скользящей средней
По электроемкости ВРП	С помощью экспоненциального сглаживания: 1) определение начального значения через среднюю арифметическую; 2) определение экспоненциально взвешенного среднего начального значения

Примечание: ВРП – валовый региональный продукт

Составлено авторами по материалам исследования

¹ Энергострана.ру. К 100-летию ГОЭЛРО: образование Ярославской энергосистемы. Режим доступа: <https://energostrana.ru/news/powerindustry/k-100-letiyu-goelro-obrazovanie-yaroslavskoj-energosisistemy.html> (дата обращения: 17.02.2025).

Для прогнозирования электропотребления Ярославской области важно сделать ретроспективный прогноз, который поможет выявить тенденции изменения за прошлые годы, оценить точность используемых методов прогнозирования путем сравнения результатов ретропрогноза с фактическими данными, предусмотреть изменения в будущем и понять, как поведение разных участников рынка поменяется в ответ на определенные события, что приведет к принятию более обоснованных решений и стратегий развития электроэнергетики региона (рис. 1).

Составлено авторами по материалам источников^{2,3}

Рис. 1. Фактические данные и ретроспективный прогноз электропотребления до 2023 г., прогноз до 2030 г.

На рис. 1 представлены фактические данные и среднесрочный прогноз на 6 лет с 2024 г. до 2030 г. по электропотреблению. По данным ЕМИСС, начиная с 2000 г. можно увидеть общий тренд на увеличение потребления электроэнергии с 6 987,2 до 9 015 млн кВт·ч. Хотя заметные падения электропотребления происходили в 2004 г., 2008 г., 2013 г. из-за финансово-экономических кризисов в экономике страны, в 2018 г. из-за влияния температурного фактора, так как среднемесячная температура повысилась на 1,2°C по сравнению с 2017 г., снизив объемы потребления на 2,3 %, и в 2020 г. по причине распространения пандемии COVID-19.

Анализируя представленный выше график, можно сделать вывод, что при прогнозировании методом скользящей средней (розовая линия) мы получаем наиболее близкие значения к фактическим данным и к прогнозу администрации области (голубая линия). Это может указывать на корректность выбранного метода, который подходит для конкретной ситуации и временного периода, а также на понимание трендов и динамики электропотребления, на минимизацию ошибок. При прогнозировании администрация региона учитывала изменения, связанные с погодными условиями, внедрением новых технологий и разработкой программ по энергоэффективности, со строительством новых объектов и модернизацией сетевой инфраструктуры, с увеличением объемов перекачки газа обществом с ограниченной ответственностью «Газпром трансгаз Ухта» и с желаемым повышением уровня жизни населения⁴.

В РФ ожидают увеличение электропотребления в среднем на 2 % в год. Согласно информации, предоставленной администрацией (правительством) Ярославской области, средний прирост за 6 прогнозируемых лет будет достигать от 0,1 до 1,7 % в год. На основании проведенных расчетов наиболее приближенными к ожидаемым по России значениям являются ежегодные приросты, полученные

²Единая межведомственная информационно-статистическая система. Производство и потребление электроэнергии в Российской Федерации. Режим доступа: <https://fedstat.ru/indicator/33942> (дата обращения: 17.02.2025).

³Обосновывающие материалы. Схема и программа развития электроэнергетических систем России на 2025–2030 годы. Энергосистема Ярославской области. Режим доступа: https://www.so-ups.ru/fileadmin/files/company/future_plan/public_discussion/2025-30_final/86_JAroslavskaja_oblast.pdf (дата обращения: 17.02.2025).

⁴Обосновывающие материалы. Схема и программа развития электроэнергетических систем России на 2024–2029 годы. Энергосистема Ярославской области. Режим доступа: https://www.so-ups.ru/fileadmin/files/company/future_plan/public_discussion/support_materials/2023/78_JAroslavskaja_oblast.pdf (дата обращения: 19.02.2025).

с использованием метода скользящей средней. Они составляют от 0,5 до 2,3 % в год, что в целом соответствует ожидаемым приростам по России.

АНАЛИЗ НЕРЕГУЛИРУЕМЫХ ЦЕН (ТАРИФОВ) НА ЭЛЕКТРОЭНЕРГИЮ (МОЩНОСТЬ) ДЛЯ ПРОЧИХ КОНЕЧНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Региональная энергетическая комиссия (далее – РЭК) Ярославской области устанавливает тарифы для населения и приравненным к нему категориям потребителей, а гарантирующие поставщики – предельные нерегулируемые цены на электроэнергию (мощность) для прочих потребителей [4].

В табл. 2 приведены предельные нерегулируемые цены на электроэнергию (мощность) только для первой категории прочих потребителей, так как, во-первых, только они представлены в виде одноставочной цены (тарифа). Во-вторых, большинство прочих потребителей региона имеют максимальную мощность до 670 кВт. В-третьих, к последним относятся все потребители региона, кроме населения и приравненных к нему потребителей, а также электрических сетей, которые покупают электроэнергию для компенсации потерь.

Таблица 2

Предельные нерегулируемые цены на электроэнергию (мощность) для прочих потребителей (первой категории до 670 кВт)

Год	Первое полугодие, руб./кВт·ч	Второе полугодие, руб./кВт·ч
2012	2,70	2,70
2013	2,73	3
2014	3,15	3,15
2015	3,15	3,38
2016	3,38	3,74
2017	3,74	3,83
2018	3,83	3,92
2019	3,92	4,03
2020	4,03	4,15
2021	4,15	4,26
2022	4,26	4,26
2023	4,65	4,65
2024	4,65	5,02

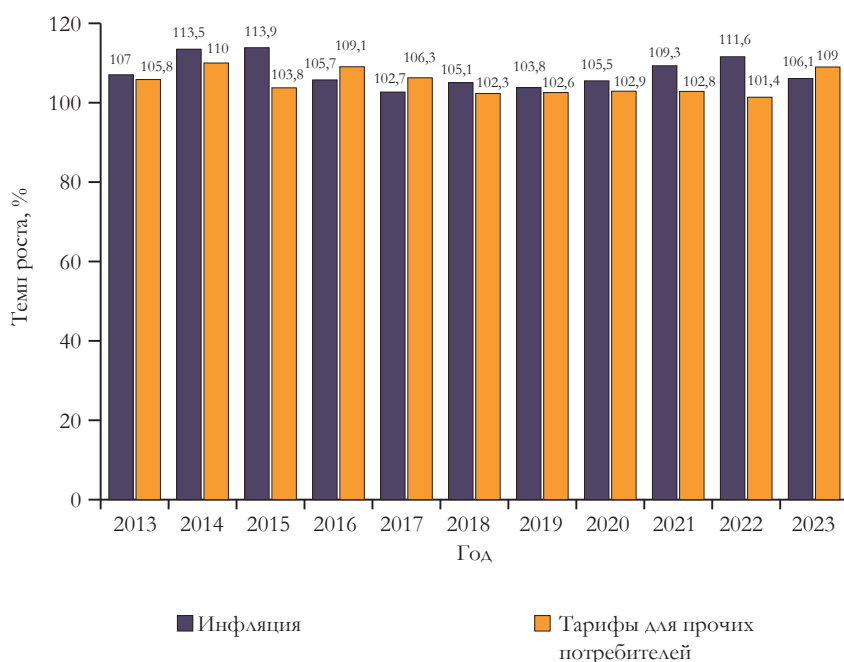
Составлено авторами по материалам источника⁵

Анализ динамики нерегулируемых цен показывает устойчивый рост стоимости электроэнергии для прочих потребителей с 2012 г. по 2024 г. со второго полугодия. В то же время в 2012 г., 2014 г., 2022 г. и 2023 г. они оставались неизменными в течение всего года. Наибольшие изменения произошли во втором полугодии 2013 г. и 2016 г., когда цены выросли примерно на 10–11 % (с 3,38 до 3,74 руб. и с 2,73 до 3 руб. соответственно), и в 2024 г., когда увеличение составило 8 % (с 4,65 до 5,02 руб.). В остальные периоды в среднем ежегодный прирост варьируется в пределах 2,3–7 %.

Полученные данные табл. 2 являются важным инструментом для анализа изменения стоимости электроэнергии для указанной категории потребителей, позволяя отслеживать тенденции и планировать расходы бизнеса.

Сопоставление показателей (рис. 2) дает возможность оценить реальную финансовую нагрузку на бизнес, показывая, как быстро увеличивались расходы на электроэнергию по сравнению с общим ростом цен в экономике. Эти данные крайне важны для предприятий малого и среднего бизнеса при планировании своих расходов, анализе конкурентоспособности в отраслях экономики и при прогнозировании потенциального роста себестоимости продукции.

⁵ ТНС энерго Ярославль. Единые (котловые) тарифы на услуги по передаче электрической энергии по распределительным сетям на территории Ярославской области. Режим доступа: <https://yar.tns-e.ru/legal-entities/prices/network-tariffs/?PARAMS=%7B%22YEAR%22:%5B%222024%22%5D%7D> (дата обращения: 20.02.2025).

Составлено авторами по материалам источников^{6,7}

Рис. 2. Сравнение темпов роста нерегулируемых цен на электроэнергию для прочих потребителей (первой категории до 670 кВт) и темпов роста инфляции с 2013 г. по 2023 г.

Также сравнительный анализ позволяет выявить, насколько увеличение нерегулируемых цен на электроэнергию соотносится с макроэкономическими показателями, какие последствия имели регуляторные решения (такие как сокращение перекрестного субсидирования), а также обнаружить возможные дисбалансы в системе ценообразования на энергетическом рынке.

Оба рассматриваемых показателя демонстрируют колебания, но темпы роста инфляции стабильно превышают темпы роста нерегулируемых цен на электроэнергию почти во все годы, что говорит о способности энергокомпаний повышать энергоэффективность даже в условиях усиления инфляции.

Однако в 2016–2017 гг. темпы роста нерегулируемых цен на электроэнергию для прочих потребителей составляли 109,1 и 106,3 %, в то время как темпы роста инфляции были 105,7 % и 102,7 % соответственно. Основной причиной такого положения стало проведение ряда мероприятий на энергетических рынках, в рамках которых сокращалось перекрестное субсидирование – механизм, при котором прочие потребители компенсируют низкие тарифы, установленные для населения. Были введены долгосрочный рынок мощности на оптовом рынке и новая методика расчета сбытовой надбавки гарантирующих поставщиков (энергосбытовых компаний), что привело к заметному удорожанию электроэнергии для прочих потребителей в эти годы в регионе. В 2023 г. дополнительное влияние на рост нерегулируемых цен на электроэнергию оказали включение в необходимую валовую выручку энергокомпаний новых видов расходов (в частности, предпринимательской прибыли, расходов на коммерческий учет), санкционное давление, рост стоимости импортного оборудования и пр. Также значительное влияние на динамику цен оказали инвестиционные программы местных энергетических компаний. Специфика Ярославской области, где значительная часть сетевого хозяйства требовала срочного обновления, создавала дополнительные предпосылки для опережающего роста цен (тарифов). Необходимость модернизации изношенных генерирующих и сетевых мощностей, цифровизация инфраструктуры и меры по повышению надежности энергоснабжения требовали существенных финансовых вложений, что неизбежно отражалось на тарифной политике.

При этом региональные власти, стараясь минимизировать социальную нагрузку, искусственно сдерживали тарифы для населения за счет более интенсивного роста цен для прочих потребителей. Важно отметить, что общая инфляция в регионе в отдельные периоды могла быть ниже среднероссийских

⁶ТНС энерго Ярославль. Единые (котловые) тарифы на услуги по передаче электрической энергии по распределительным сетям на территории Ярославской области. Режим доступа: <https://yar.tns-e.ru/legal-entities/prices/network-tariffs/?PARAMS=%7B%22YEAR%22:%5B%222024%22%5D%7D> (дата обращения: 20.02.2025).

⁷Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ярославской области. Инфляция. Режим доступа: <https://76.rosstat.gov.ru/search?q=инфляция> (дата обращения: 20.02.2025).

показателей, тогда как цены (тарифы) на электроэнергию в большей степени зависели от общегосударственных нормативов и отраслевой специфики.

Наибольшую ценность такой анализ приобретает при комплексном рассмотрении электропотребления и ценовой политики с другими показателями, например с динамикой доходов предприятий, изменениями законодательства, а также с учетом влияния макроэкономических кризисов, санкционного давления или ограничений при пандемии.

АНАЛИЗ ВЕЛИЧИН ПЕРЕКРЕСТНОГО СУБСИДИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ПРИРАВНЕННЫХ К НЕМУ КАТЕГОРИЙ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРОЧИМИ ПОТРЕБИТЕЛЯМИ

Как уже было указано ранее, перекрестное субсидирование в электроэнергетике – это механизм перераспределения затрат между группами потребителей, при котором одни (чаще промышленные и коммерческие предприятия) оплачивают часть стоимости электроэнергии для других (населения и приравненных к нему категорий). Этот инструмент играет ключевую роль в социальной политике, обеспечивая доступность энергетических ресурсов для населения, но одновременно создает дисбалансы на энергетическом рынке. Изучение величины перекрестного субсидирования позволяет оценить финансовую нагрузку на бизнес, устойчивость тарифной системы и эффективность государственного регулирования [5].

В табл. 3 отражена величина перекрестного субсидирования, учтенная в тарифах на услуги по передаче электроэнергии, с 2015 г. по 2024 г.

Таблица 3

Величина перекрестного субсидирования

Год	Величина перекрестного субсидирования, учтенная в ценах (тарифах) на услуги по передаче электрической энергии, тыс. руб., без НДС
2015	1 194 180,10
2016	1 373 751,44
2017	1 470 968,72
2018	1 369 969,91
2019	1 423 618,92
2020	1 453 483,22
2021	1 452 196,00
2022	1 449 592,04
2023	3 792 980,69
2024	1 798 662,74

Примечание: НДС – налог на добавленную стоимость

Составлено авторами по материалам источника⁸

Анализ динамики величины перекрестного субсидирования показывает, что с 2015 г. по 2022 г. она колебалась в относительно стабильном диапазоне от 1,19 до 1,45 млрд руб. Наибольший показатель за этот период зафиксирован в 2020 г. (1 453 483,22 тыс. руб.), а наименьший – в 2015 г. (1 194 180,10 тыс. руб.). В 2023 г. произошел резкий скачок до 3 792 980,69 тыс. руб., что более чем в 2,5 раза превышает значения предыдущих лет. Это может свидетельствовать о структурных изменениях в экономике в связи с санкционным режимом, об износе инфраструктурных активов, внедрении нового механизма дифференциации тарифов на электроэнергию для населения, когда при росте потребления домохозяйства тариф растет. Однако уже в 2024 г. величина субсидирования снизилась до 1 798 662,74 тыс. руб., оставаясь при этом выше среднего уровня 2015–2022 гг. [6].

На основании постановления Правительства РФ от 29.12.2011 г. № 1178 (редакция от 20 февраля 2025 г.) «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» в Ярославской области предельная величина перекрестного субсидирования, учитываемая в ценах (тарифах) на услуги

⁸ Русэнергосбыт. Архив тарифов. Режим доступа: <https://www.ruses.ru/ru/clients/pricing/archive/> (дата обращения: 20.02.2025).

по передаче электрической энергии для потребителей, не относящихся к населению и приравненных к нему категориям потребителей, в 2025 г. может составлять 2 843 775 тыс. руб. (без НДС)⁹. С 2024 г. появилась положительная динамика по снижению перекрестного субсидирования в регионе. Значения величины последнего уже в 2024 г. оказались существенно ниже предельного уровня, что свидетельствует о работе регулирующих органов по уменьшению и неперевышению предельного уровня перекрестного субсидирования в Ярославской области.

Такой анализ позволяет отследить ключевые изменения в объеме перекрестного субсидирования, что важно для оценки финансовой нагрузки на участников рынка электроэнергии и рассмотрения тарифной политики.

АНАЛИЗ ТАРИФОВ НА ЭЛЕКТРОЭНЕРГИЮ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ И ПРИРАВНЕННЫХ К НЕМУ КАТЕГОРИЙ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Изучение тарифов на электроэнергию для граждан будет проводиться по одноставочному тарифу, определенному РЭК Ярославской области в тарифном меню для населения и приравненных к нему категорий потребителей (табл. 4).

Таблица 4

Одноставочные тарифы на электроэнергию для городских жителей, дома которых оборудованы газовыми плитами

Тариф для населения, руб./кВт·ч	Год												
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
	2,45	2,59	2,9	3,14	3,28	3,36	3,49	3,63	3,76	3,92	4,05	4,55	5,26

Составлено авторами по материалам источника¹⁰

По данным табл. 4, за период 2012–2024 гг. наблюдался устойчивый рост тарифов на электроэнергию для населения: с 2,45 руб./кВт·ч в 2012 г. до 5,26 руб./кВт·ч в 2024 г., что более чем в два раза превышает начальный показатель. Наибольший скачок произошел в 2023–2024 гг.: увеличение на 0,50 руб. (с 4,05 до 4,55 руб./кВт·ч) и на 0,71 руб. (с 4,55 до 5,26 руб./кВт·ч) соответственно. В остальные годы прирост был более плавным – в среднем на 0,10–0,15 руб. ежегодно.

На рис. 3 представлена динамика изменения ключевых вышеуказанных экономических показателей в Ярославской области за период с 2013 г. по 2023 г. Анализ этих данных позволяет оценить, насколько рост цен на коммунальные услуги соотносится с изменением доходов граждан и общим уровнем инфляции. В целом темпы роста тарифов на электроэнергию для населения демонстрируют незначительные колебания на протяжении всего периода с особенно резкими и заметными скачками в 2014–2015 гг. и 2023 г. Темпы роста заработной платы следуют восходящему тренду, но в 2014–2015 гг. и 2020 г. наблюдается небольшой спад, а темпы роста инфляции колеблются, достигая пиков в 2014–2015 гг. и 2022 г., что связано с экономическими кризисами.

Рис. 3 наглядно демонстрирует, что темпы роста заработной платы повышаются быстрее, чем темпы роста тарифов на электроэнергию для населения. Однако в 2014–2015 гг. увеличение стоимости электроэнергии для населения (112, 108,3 %) значительно превышает увеличение заработных плат (110,6, 105 %), что приводит к усилению финансовой нагрузки на домохозяйства и к отсутствию возможности полностью оплачивать потребляемую электроэнергию. Это происходило из-за нескольких факторов, которые характерны не только для изучаемой области, но и для страны в целом:

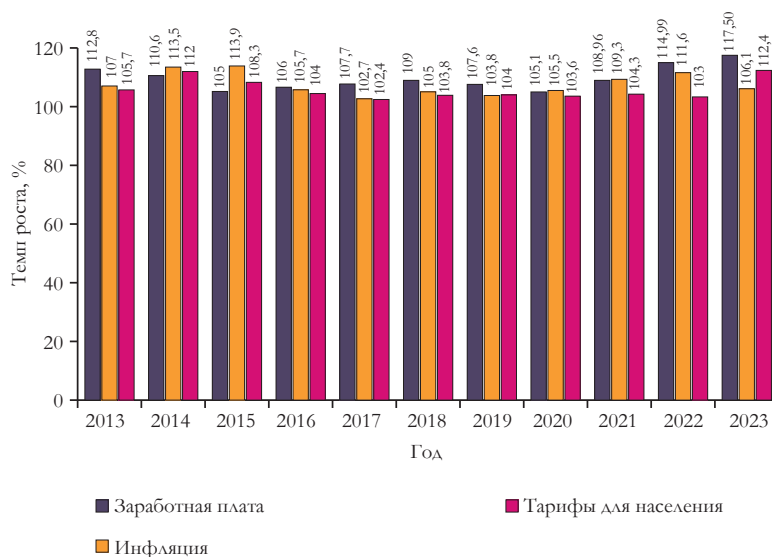
1) экономический кризис в 2014 г. был вызван наложенными на РФ санкциями, а также падением цен на нефть, что привело к девальвации рубля и росту инфляции. Компании стали экономить, замораживая или сокращая заработные платы;

2) рост цен опережал увеличение доходов населения, что снижало реальную покупательную способность заработных плат;

⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2011 г. № 1178 (редакция от 20.02.2025 г.) «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125116/ (дата обращения: 22.01.2025)

¹⁰ ТНС энерго Ярославль. Таблица тарифов. Режим доступа <https://yar.tns-e.ru/population/tariffs/tariff-table/> (дата обращения: 23.01.2025).

3) в условиях кризиса тарифы на жилищно-коммунальные услуги (далее – ЖКУ), (включая электроэнергию) повышались для покрытия дефицита бюджета, тогда как зарплаты в бюджетном секторе и частных компаниях оставались на прежнем уровне или медленно увеличивались.

Составлено авторами по материалам источников^{11,12,13}

Рис. 3. Сравнение темпов роста тарифов на электроэнергию для населения (с газовыми плитами), заработной платы и инфляции с 2013 г. до 2023 г.

Кроме того, по данным рис. 3 видно ежегодное опережение темпов роста инфляции по сравнению с темпами роста тарифов на электроэнергию, что делало потребление последней доступным для населения. Исключение составляли 2019 г. и 2023 г. Только в 2023 г. увеличение тарифов на электроэнергию (112,4 %) существенно превысило темпы роста инфляции (106,1 %). Это объясняется ускоренной индексацией коммунальных платежей после их искусственного сдерживания в предыдущие кризисные годы и сокращением социальных норм потребления электроэнергии, что автоматически увеличило нагрузку на домохозяйства без соответствующей компенсации в доходах. Еще одной ключевой причиной роста тарифов в 2023 г. стало столкновение энергетических компаний с резким возрастанием издержек (ремонт сетей, дорогое топливо, импортные комплектующие), что требовало значительного повышения тарифов.

В 2019 г. разрыв между показателями наименее заметен и составляет 104 и 103,8 %. Соответственно, он обосновывается повышением ставки НДС с 1 января рассматриваемого года с 18 до 20 %.

Однако в целом за рассматриваемый период с 2013 г. по 2023 г. рост тарифов на электроэнергию для населения превысил темпы роста инфляции.

На рис. 4 отражена динамика повышения цен на продовольственные товары, тарифов на электроэнергию для населения (с газовыми плитами) и общего уровня инфляции примерно за последние 10 лет.

Несмотря на значительный рост тарифов на электроэнергию, основной вклад в усиление инфляционного давления вносят продовольственные товары, цены на которые увеличиваются опережающими темпами. Например, такие продукты, как маргарин (257,05 %), чай черный (249,39 %), рис (240,98 %), рыба мороженная (216,35 %), макаронные изделия (209,74 %), говядина (202,31 %), масло сливочное (200,12 %), огурцы свежие (192,95 %), демонстрируют рост, значительно превышающий повышение тарифов на электроэнергию (156,9 %). Это свидетельствует о том, что инфляционный всплеск в большей степени обусловлен удорожанием продуктов питания, а не коммунальных услуг.

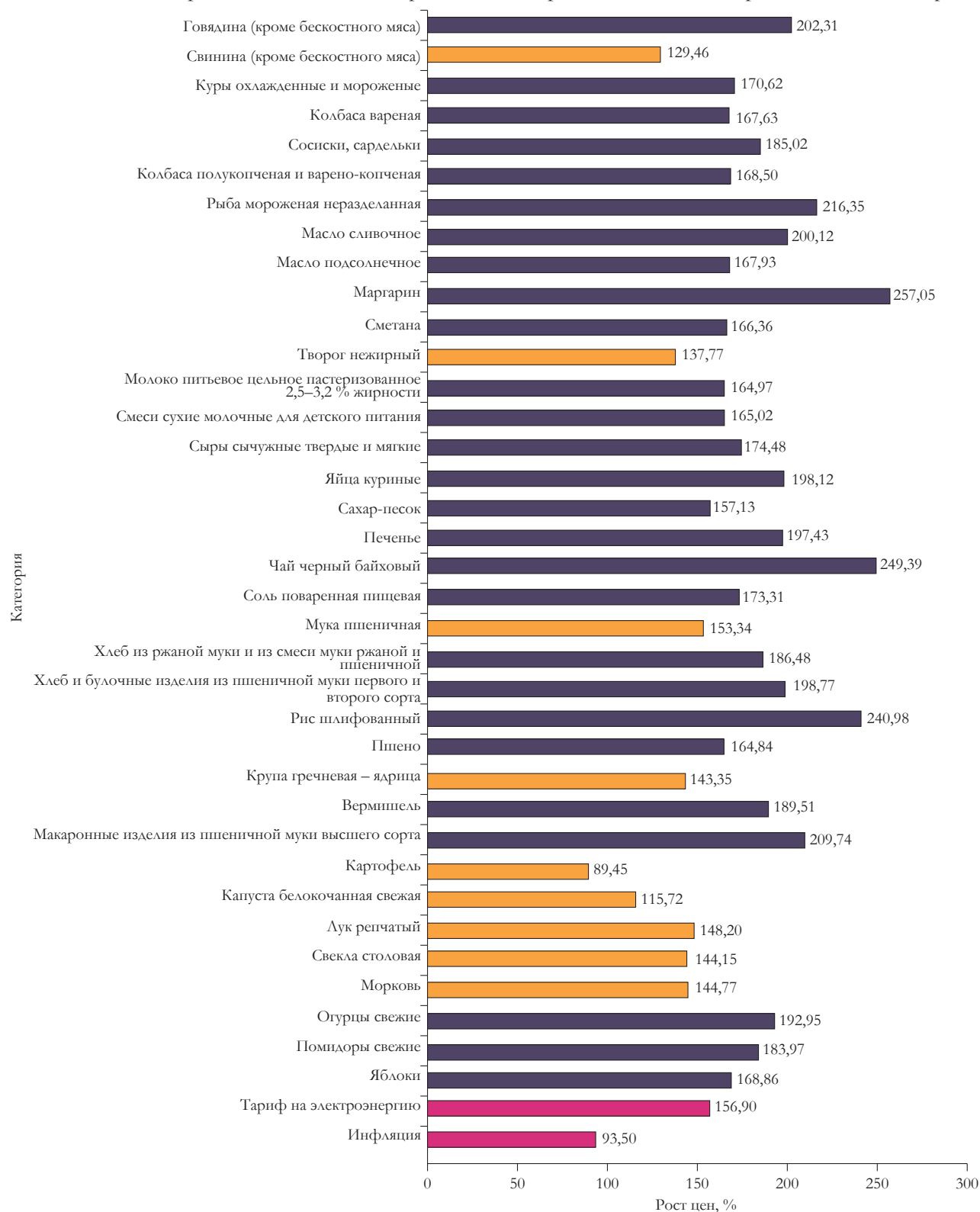
Кроме того, рост цен на социально значимые товары, такие как хлеб, молочные продукты, мясо и овощи, оказывает прямое давление на потребительский спрос и общий уровень инфляции. Тарифы на электроэнергию хотя и являются важной статьей расходов, но, учитывая их долю в расходах готовой продук-

¹¹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ярославской области. Официальный сайт. Режим доступа: <https://76.rosstat.gov.ru/> (дата обращения 25.01.2025)

¹² Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ярославской области. Инфляция. Режим доступа: <https://76.rosstat.gov.ru/search?q=инфляция> (дата обращения: 20.01.2025).

¹³ ТНС энерго Ярославль. Таблица тарифов. Режим доступа <https://yar.tns-e.ru/population/tariffs/tariff-table/> (дата обращения: 23.01.2025).

ции, не вносят существенного вклада в общий рост цен. Таким образом, инфляцию в большей степени снижают именно продовольственные товары, что подтверждается данными, представленными на рис. 4.

Составлено авторами по материалам источника^{14,15,16}

Рис. 4. Сравнение темпов роста цен продовольственных товаров, тарифов на электроэнергию для населения (с газовыми плитами) и инфляции за период 2013–2023 гг.

¹⁴ Единая межведомственная информационно-статистическая система. Средние потребительские цены (тарифы) на товары и услуги. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indica-tors/start.do> (дата обращения: 28.01.2025).

¹⁵ ТНС энерго Ярославль. Таблица тарифов. Режим доступа <https://yar.tns-e.ru/population/tariffs/tariff-table/> (дата обращения: 23.01.2025).

¹⁶ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ярославской области. Инфляция. Режим доступа: <https://76.rosstat.gov.ru/search?q=инфляция> (дата обращения: 20.01.2025).

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ РАСХОДОВ СЕМЬИ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

Структура расходов семьи в Ярославской области отражает ключевые приоритеты и экономические условия жизни домохозяйств в регионе. Анализ этих данных позволяет выявить долю затрат на обязательные нужды (питание, ЖКУ, транспорт) и дискреционные расходы (образование, отдых, товары длительного пользования), что служит индикатором уровня жизни и финансовой устойчивости населения (табл. 5).

Таблица 5

Структура потребительских расходов семьи в Ярославской области

Наименование статей расходов	Объем, %
Продукты питания	35,1
Другие услуги (услуги учреждений культуры, пассажирского транспорта, санаторно-оздоровительные и др.)	16,2
Непродовольственные товары	13,9
ЖКХ (без электроэнергии)	11,5
Одежда, обувь	6,4
Транспорт	5,7
Отдых и увлечения	4,3
Кафе, рестораны	4,1
Медицинские услуги	2,2
Электроэнергия	0,9

ЖКХ – жилищно-коммунальное хозяйство

Составлено авторами по материалам источника [7]

В табл. 5 представлена детализированная структура потребительских расходов семей в Ярославской области, выраженная в процентном соотношении от общего бюджета. В основу расчета была взята средняя заработная плата на 2023 г. в размере 55 682 руб.

Наибольшую долю в расходах семьи, а именно 35,1 %, занимают продукты питания, что характерно для стандартной потребительской корзины. Также значительными статьями, отражающими все разнообразие потребностей семей, являются непродовольственные товары (13,9 %) и другие услуги (16,2 %), к которым относятся услуги учреждений культуры, пассажирского транспорта, санаторно-оздоровительные и многое другое. Далее следует ЖКХ (без учета электроэнергии), которое составляет примерно 11,5 % и указывает на весомость коммунальных платежей в расходах семейного бюджета [8].

Рассмотрев отдельно расходы на электроэнергию (около 0,9 %) и уделив им особое внимание, можно сделать вывод об их относительно низком влиянии на общий бюджет семей изучаемой области в сравнении с другими статьями затрат. В целом по РФ этот показатель составляет менее 1,5 %. Однако даже такая незначительная доля требует мониторинга, особенно в условиях роста тарифов или изменения климата, которые могут повлиять на увеличение потребления энергии [9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование убедительно доказало растущие потребности в электроэнергии, необходимые для развития промышленно развитого региона – Ярославской области. Методами прогнозирования электропотребления пока являются статистические методы, продлевающие тенденции прошлого периода в будущее. Приросты электропотребления пока невелики – около 2 % в год. Тарифную политику в регионе реализуют гарантирующие поставщики в отношении прочих потребителей и РЭК Ярославской области, устанавливающий тарифы для населения и приравненных к нему категорий потребителей. Нерегулируемые цены для прочих потребителей постоянно растут, не только покрывая затраты на собственное потребление энергии, но и частично субсидируя потребление электроэнергии населением и приравненных к нему категорий потребителей. Намечалась тенденция по снижению перекрестного субсидирования в регионе. Повышение нерегулируемых цен на электроэнергию в основном не превышает темпы инфляции. Тарифы на электроэнергию для населения и приравненных к нему категорий потребителей также

постоянно увеличиваются, но не превышают темпов роста заработной платы, что делает их доступными. К сожалению, инфляция в регионе за рассматриваемый период растет медленнее тарифов на электроэнергию, но ее усиливают в основном цены на потребительские товары. В расходах семьи оплата за электроэнергию составляет менее 1 %, что свидетельствует о допустимости повышения тарифов на последнюю при сокращении перекрестного субсидирования.

Полученные результаты анализа создают прочную основу прогнозирования и регулирования в энергетической сфере. Они дают веские основания для своевременной корректировки тарифной политики, разработки адресных компенсационных мер для бизнеса и населения, оптимального планирования инфраструктурных инвестиций в энергетический сектор.

Список литературы

1. Грехов А.Н. Исследование регионального рынка электроэнергии. Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Новосибирск: Новосибирский государственный университет; 2000. 189 с.
2. Иванов А.В., Петрова С.К. Методы прогнозирования электропотребления в регионах РФ. Энергетика: экономика, технология, экология. 2022;3:45–5.
3. Шичкин Д.В. Известные методы прогнозирования потребления электроэнергии. Вестник науки. 2025;1(82(2)):1205–1214.
4. Белов П.С. Сравнительный анализ тарифной политики в регионах ЦФО. Вопросы экономики. 2020;7:89–102.
5. Золотова И.Ю., Долматов И.А., Минкова В.С. Перекрестное субсидирование в электроэнергетике: эмпирический анализ. Энергетическая политика. 2017;2:51–59.
6. Федорова Е.А. Региональные особенности субсидирования тарифов на электроэнергию. Энергетическая политика. 2021;2:56–68.
7. Чиркун С.И., Харитонов О.Н., Неклюдов В.А. (ред.) Ярославская область. 2024: статистический сборник. Ярославль: Ярославстат; 2024. 383 с.
8. Зайцева М.К. Структура расходов семей на ЖКУ: региональный аспект. Социологические исследования. 2023;6:78–91.
9. Митрошин И.В. Доходы и потребительские расходы домашних хозяйств в России. Научный результат. Экономические исследования. 2022;2(8):74–84. <http://doi.org/10.18413/2409-1634-2022-8-2-0-8>

References

1. Grekhov A.N. Research of the regional market of electric power. Diss. ... Cand. Sci. (Econ.): 08.00.05. Novosibirsk: Novosibirsk State University; 2000. 189 p. (In Russian).
2. Ivanov A.V., Petrova S.K. Methods of forecasting electricity consumption in the regions of the RF. Energy: Economics, Technology, Ecology. 2022;3:45–5. (In Russian).
3. Shichkin D.V. Known methods of forecasting electric power consumption. Science Bulletin. 2025;1(82(2)):1205–1214. (In Russian).
4. Belov P.S. Comparative analysis of the tariff policy in the regions of the CFD. Voprosy Ekonomiki. 2020;7:89–102. (In Russian).
5. Zolotova I.Yu., Dolmatov I.A., Minkova V.S. Cross-subsidization in electric power industry: empirical analysis. Energy Policy. 2017;2:51–59. (In Russian).
6. Fedorova E.A. Regional peculiarities of subsidising electricity tariffs. Energy Policy. 2021;2:56–68. (In Russian).
7. Chirkun S.I., Kharitonova O.N., Neklyudov V.A. (eds.) Yaroslavl region. 2024: statistical compendium. Yaroslavl: Yaroslavlstat; 2024. 383 p. (In Russian).
8. Zaitseva M.K. Structure of family expenditures on HSC: regional aspect. Sociological Studies. 2023;6:78–91. (In Russian).
9. Mitroshin I.V. Income and consumer spending of households in Russia. Research Result. Economic Research. 2022;2(8):74–84. (In Russian). <http://doi.org/10.18413/2409-1634-2022-8-2-0-8>

Структурные изменения в промышленности: компетентностный подход на примере роли администратора проекта

Тихомиров Алексей Анатольевич

Соискатель

ORCID: 0009-0009-1730-1233, e-mail: tikhomirov.001@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В настоящей работе рассматривается подход к формированию модели компетенций на примере роли администратора проекта исходя из опыта внедрения изменений в применяемую методологию в проектах, реализуемых на предприятиях промышленности различных отраслей. Отдельное внимание уделено тому, как, опираясь на современные методологии проектного управления, возможно сформировать функциональную модель роли в организационной структуре проекта, а также применить базовые знания теории множеств. Рассмотрено разделение общего функционала роли администратора проекта по наиболее важным, по мнению автора, соответствующим направлениям деятельности. Помимо укрупненных множеств декомпозированных функций, приведен подход к последующим шагам декомпозиции, по результатам которых сформированы соответствующие детализированные подмножества требуемых к выполнению функций указанной ранее проектной роли. Представлены подход к формированию математической записи функциональной роли, а также взаимосвязь между функциями и компетенциями сотрудника, которого планируется назначить на ту или иную проектную роль. При детализации функционала на примере роли администратора проекта приведены некоторые применяемые инструменты из практического опыта автора исследования. Помимо разобранного примера, приводятся формализованная универсальная графическая модель проекта, а также краткое описание других ключевых ролей.

Ключевые слова

Бизнес-процессы, промышленность, эффективность хозяйственной деятельности, методология проектного управления, проектное управление, моделирование стратегии, организационная структура, функциональный анализ, эффективность реализации проекта, система управления проектом, менеджмент, развитие международных методологий, региональное применение практик

Для цитирования: Тихомиров А.А. Структурные изменения в промышленности: компетентностный подход на примере роли администратора проекта // Вестник университета. 2025. № 5. С. 60–69.

Structural changes in industry: competence-based approach on the role of a project administrator

Aleksey A. Tikhomirov

Applicant

ORCID: 0009-0009-1730-1233, e-mail: tikhomirov.001@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

This article discusses an approach to the formation of a competence model on the example of the role of a project administrator based on the experience of introducing changes to the methodology used in projects implemented at industrial enterprises of various sectors. Special attention is paid to how, based on modern project management methodologies, it is possible to form a functional role model in the organisational structure of a project as well as to apply basic knowledge of the set theory. The article considers the division of the general functionality of the project administrator role into the most important, in the opinion of the author, relevant areas of the activity. In addition to the enlarged sets of decomposed functions, an approach to the subsequent decomposition steps is given, the results of which form the corresponding detailed subsets of the functions required to perform the previously specified project role. We present an approach to the formation of a mathematical record of the functional role as well as the relationship between the functions and competencies of an employee who is planned to be assigned to a particular project role. When detailing the functionality, using the example of the project administrator role, some of the tools applied from the practical experience of the author are given. In addition to the analysed example, this article provides a formalised universal graphical project model as well as a brief description of other key roles.

Keywords

Business processes, industry, economic efficiency, methodology of project management, project management, strategy modelling, organisational structure, functional analysis, effective project realisation, project management system, management, development of international methodologies, regional application of practices

For citation: Tikhomirov A.A. (2025) Structural changes in industry: competence-based approach on the role of a project administrator. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 60–69.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время при реализации проектов в различных отраслях промышленности руководители все чаще приходят к выводу, что без применения современных и актуальных подходов, без внедрения и поддержки изменений невозможно достигать целей организаций в условиях постоянно меняющейся внешней среды. Подобная потребность обуславливает соответствующее развитие объема адаптируемых изменений. Например, при проектировании организационных структур на основе функционального анализа применение моделирования способно значительно увеличить эффективность внедряемых решений. Сформировав организационную структуру управления проектом на основе моделей требуемых к реализации функций [1], возможно осуществить соответствующую декомпозицию для каждой конкретной проектной роли. Таким образом, возможно построить формализованную систему управления проектом, при которой величина ошибки управления [2] за счет человеческого (личностного) фактора будет минимизирована. При этом решение вопроса персонального назначения сотрудников в проектную команду может быть выполнено через другую модель – модель компетенций, в соответствии с которой осуществляются подбор, найм и назначение сотрудников.

В соответствии со считающейся классической теорией и методологией проектного управления [3], в состав обязательных участников проектной команды включаются следующие роли: куратор, руководитель проекта, администратор, планировщик, риск-менеджер и т.д. С учетом типа и масштаба проекта в составе возможны как совмещение ролей, так и их кратное увеличение, особенно в зависимости от поставляемого продукта/результата. Ярким примером может служить реализация проекта, направленного на разработку, изготовление и поставку оборудования, где большую часть проектной команды будут составлять именно технические специалисты со своей, возможно, развитой структурой, в которую входят дивизионы, департаменты, секторы, отделы, группы и т.д.

Целью исследования является формализация подхода к построению функциональной модели и модели компетенций на примере проектной роли «администратор проекта» при реализации деятельности предприятий промышленности различных отраслей.

Методология настоящего исследования состоит из следующих основных теоретических методов:

- 1) анализ: приводятся рассмотрение тенденций к структурным изменениям на предприятиях промышленности в условиях изменений, описание основных проектных ролей и функционала;
- 2) моделирование: сформированы иерархическая модель проекта, модель функций роли «администратор проекта»;
- 3) формализация: в настоящем исследовании приведено формализованное описание процессов в виде математических и графических схем, формул.

ТЕНДЕНЦИИ К СТРУКТУРНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Предприятия промышленности в настоящее время осуществляют свою работу в условиях существенных изменений, касающихся как внутренней, так и внешней среды, что влечет за собой реализацию простого тезиса – либо деятельность компании продолжается в меняющихся условиях, либо неминуем спад активной деятельности. Естественным образом руководители выбирают первый из указанных вариантов, что, в свою очередь, открывает существенный простор для действий, направленных на требуемые к внедрению изменения.

Так, на протяжении нескольких последних десятилетий на предприятиях промышленности укоренилась такая теоретическая и в большей степени практическая дисциплина, как управление проектами. В открытых источниках сети интернет размещена информация о приверженности к структурированному и системному подходу при управлении проектами таких компаний с государственным участием, как «Росатом», «Объединенная судостроительная корпорация», «Ростех», «РЖД» и многих других. Что касается актуальных применяемых практик проектного управления, довольно существенным является исследование, согласно которому авторы приходят к выводам о распространенных методах, а также к обобщенной модели ведения проекта¹.

¹ SKOLKOVO. Moscow School of Management. Исследование «Современные практики управления проектами 2022–2024». Режим доступа: <https://www.skolkovo.ru/researches/issledovanie-sovremennye-praktiki-upravleniya-proektami-2022-2024/> (дата обращения: 15.01.2025).

Учитывая эволюционное развитие организаций, особенно с государственным участием, применение современных методологий, в частности проектного управления, требует от предприятий управленческих решений, направленных на определенный объем структурных изменений. Суть указанных изменений на практике заключается в создании корпоративных ресурсных центров, позволяющих внедрять методологии проектного управления в прибылеобразующих бизнес-единицах. Так, распространенным в настоящее время структурным преобразованием на предприятиях является разделение прибылеобразующих направлений и сервисных, функциональных центров. Например, если в компании несколько бизнес-направлений и реализуется мультипродуктовая стратегия, то сервисные организационные блоки, такие как HR (англ. human resources – человеческие ресурсы), управление финансами, безопасность, аудит и т.п., в организационной структуре компании могут быть выделены относительно тех направлений, которые обеспечивают получение выручки для предприятия.

Другой распространенный пример структурных преобразований – это внедрение логики проектных офисов на предприятиях промышленности с учетом разделения реализуемых проектов по типам – доходные, затратные, инновационные, проекты развития и т.д.

ОСНОВНЫЕ РОЛИ КОМАНДЫ ПРОЕКТА

Как было сказано ранее, при реализации структурных изменений в направлении внедрения методологий системно-ориентированного подхода в виде проектного управления возникают такие формализованные сущности, как проект, укрупненные объединения в виде программы или портфеля, понятия роли, команды проекта, стадии/фазы и многое другое. Современные методологии управления проектами [4], основанные на британском, японском и американском стандартах, строят иерархическую модель проекта в виде перевернутой пирамиды, представленной на рис. 1.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Иерархическая модель проекта

При внедрении методологий управления проектами, реализуя структурные изменения на предприятиях промышленности через создание проектных офисов, методологических подразделений в виде офиса по управлению проектами, формализации подходов через управленческие документы проектов, руководители так или иначе приходят к тому, что в целях повышения эффективности выполняемых работ необходимо формирование таких проектных команд, работа которых будет отвечать критериям оптимальности, производительности и управляемости. В настоящей статье процесс формирования проектной команды исходя из вышеуказанных принципов, а также методологические подходы, касающиеся слабой и сильной матрицы управления, не являются предметом рассмотрения, но для целей однозначного трактования изучаемого подхода далее приведен пример создания команды, включая основной функционал ключевых ролей.

При реализации проекта как временного мероприятия, направленного на достижение конечного результата с учетом существующих ограничений, необходимо определиться, кто конкретно будет выполнять

ту или иную работу. Важно отметить существенное различие двух понятий – должность и роль, так как часто данные понятия отождествляют, но это не всегда верно. Должность того или иного сотрудника в компании определяет его подчинение и нахождение в конкретном структурном подразделении. Обязанности фиксируются в соответствующей должностной инструкции. При этом сотрудник может быть задействован в нескольких проектах, реализуемых на предприятии, причем выполнять в разных проектах разный функционал. Для проектных структур, которые создаются для реализации проекта, а по его завершении расформируются, возникает такое понятие, как роль. Роль – это иерархическое/структурное место сотрудника предприятия в том или ином проекте с определенным набором функционала, полномочий и ответственности.

Набор проектных ролей для каждого проекта может быть уникален, но в любом случае основные роли часто применяются с небольшими изменениями. Ими являются:

- 1) куратор проекта. Сотрудник назначается на данную роль для целей стратегического контроля реализации проекта. С данной роли эскалация соответствующих вопросов возможна уже на уровень руководителей предприятия. Часто куратором назначается руководитель высшего звена в организации;
- 2) руководитель проекта. На эту роль назначается сотрудник, ответственный за реализацию проекта в целом, за всех подчиненных работников, в том числе линейного подчинения и матричного. Основная задача для данной роли – реализация проекта в рамках действующих ограничений, касающихся сроков, финансирования и содержания;
- 3) администратор проекта. Роль, предполагающая поддерживающий функционал, заключающийся в организации работ по управлению коммуникацией, отчетностью, задачами и документацией;
- 4) планировщик. Основной функционал данной роли заключается в разработке, актуализации и контроле за исполнением графика проекта. В более сложных проектах используется другое понятие – календарно-сетевая модель, но суть остается прежней;
- 5) финансист. Роль, включающая в себя объем функционала по управлению финансами проекта, в том числе разработку, актуализацию и контроль за исполнением бюджета проекта, бюджета движения денежных средств, бюджета доходов и расходов. Управление себестоимостью проекта;
- 6) менеджер по управлению цепочкой поставок. При наличии расходных договоров существование данной роли более чем оправдано ввиду необходимого функционала, включающего контроль и управление контрактными требованиями, реализацию контрактной стратегии, поддержание заключенных договоров в актуальном состоянии (включая своевременное заключение соответствующих дополнительных соглашений);
- 7) риск-менеджер. Роль, предполагающая реализацию функционала, связанного с идентификацией, анализом, планированием и внедрением соответствующих мероприятий, а также последующий контроль рисков проекта;
- 8) главный инженер (управление содержанием проекта). Каждый проект уникален в своем поставляемом продукте – программное обеспечение, оборудование, услуга и т.д. По этой причине обосновано наличие проектной роли, функционал которой сфокусирован на поставляемом результате. Эта роль, к примеру, может называться «главный инженер проекта» в случае технического проекта.

Важно отметить, что при реализации нескольких проектов в организации один и тот же сотрудник может занимать разные (или одинаковые) роли в разных проектах, но при этом в случае небольших по масштабу проектов один работник при наличии возможностей и компетенций совмещает несколько ролей в одном проекте, к примеру руководителя и риск-менеджера. Верно и другое высказывание – при реализации масштабных проектов возможно нахождение нескольких сотрудников предприятия на одной проектной роли.

ОПИСАНИЕ РОЛИ АДМИНИСТРАТОРА ПРОЕКТА

Часто к роли, именуемой как администратор проекта, относятся как к чему-то второстепенному и отводят ей общий, слабоструктурированный функционал типа «все и ничего»: от оформления командировок руководителя до аналитики бюджета и графика исполнения проекта.

Во-первых, необходимо однозначно разделить задачи и функционал, которые относятся к реализации проекта и к обеспечению работы организации (или ее структурной единицы, в которой выполняется проект). Так, например, задача проведения и фиксации прохождения инструктажа по технике безопасности в соответствующем журнале подразделения организации не относится напрямую к реализации проекта, в отличие от контроля выполнения поручений руководителя.

Во-вторых, роль администратора выступает одной из ключевых по той причине, что консолидирует и систематизирует функционал, являющийся основой проектной структуры управления.

Здесь важно отметить, что в настоящей статье под термином «проект» понимается временное мероприятие, реализуемое в рамках временных, качественных и ресурсных ограничений в целях получения уникального продукта/результата. При этом управление проектом, в свою очередь, является процессом его перехода от текущего состояния к целевому/желаемому.

Итак, рассмотрим функции, которые должен выполнять сотрудник на роли администратора проекта. По мнению автора, основной функционал рассматриваемой проектной роли может быть разделен следующим образом:

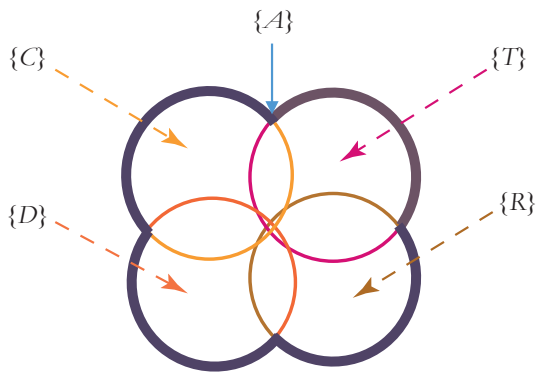
- 1) множество функций области «коммуникация» $\{C\}$;
- 2) множество функций области «управление задачами» $\{T\}$;
- 3) множество функций области «отчетность» $\{R\}$;
- 4) множество функций области «документация» $\{D\}$.

Математическая запись функционала роли администратора примет следующий вид:

$$\{A\} = \{C\} \cup \{T\} \cup \{R\} \cup \{D\}, \quad (1)$$

где $\{A\}$ – множество функций, выполняемых администратором проекта; $\{C\}, \{T\}, \{R\}, \{D\}$ – множество функций соответствующих областей.

Графическое представление математической записи (1) выведено на рис. 2.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Множество функций администратора проекта

Далее рассмотрим подробнее представленные ранее области и соответствующие им функции.

Множество $\{C\}$ с обобщающим названием «коммуникация» [5] включает в себя следующие подмножества работ (требуемые к выполнению функции).

1. Ведение проектной корреспонденции. В процессе реализации проекта часто выполняется ведение официальной переписки (в различном количественном объеме относительно его масштаба) посредством направления и получения писем. С целью систематизации информации в проекте должны быть реализованы механизмы хранения и обновления доступного архива корреспонденции для необходимых участников, а также механизм корректной адресации и оформления. Первый реали-

зуется за счет организованной системы архивирования, которая может представлять собой, к примеру, как электронную систему хранения в виде программного продукта, так и каталожное разделение папок на диске с общим доступом. Важно отметить, что для обоих вышеприведенных примеров обязательными являются описание процесса работы с корреспонденцией, понятного участникам проекта, а также наличие интерфейса взаимодействия пользователя, который представляет собой как программный веб-интерфейс, так и реестр писем в виде таблицы Excel. Второй механизм (корректной адресации и оформления писем) может быть реализован за счет формирования (а также соответствующей актуализации) проектной матрицы коммуникаций [6] и набора типовых шаблонов писем.

2. Организация и проведение совещаний, включая их протоколирование. В настоящее время, к сожалению, большие ресурсные потери и, как следствие, снижение эффективности реализации проекта связаны с качеством проведения совещаний. Процесс проведения совещаний в проекте, равно как и переговоров, должен быть организован и формализован в соответствии со следующими этапами:

- формирование позиций по обсуждаемым вопросам. На данном этапе необходимо в рамках подготовки понять как свой переговорный диапазон, так и диапазон других участников;
- подготовка и моделирование стратегии проведения совещания/переговоров. На данном этапе происходит моделирование того, каким образом будет происходить предстоящее совещание, какие возможны пути развития ситуации за столом переговоров. Важно на указанном подготовительном этапе также понять, с кем будет осуществляться коммуникация, кто принимает решения. В настоящее время широкое распространение получило соответствующее направление оперативной психодиагностики,

называемое «профайлинг». Так, своей работе Е.В. Спирица предлагает читателям классификацию и основные поведенческие особенности наиболее распространенных психотипов с целью корректного и эффективного выстраивания коммуникации [8];

- проведение совещания «за столом». Данный этап подразумевает непосредственное проведение совещания (переговорного процесса). Важно отметить, что каждое совещание должно заканчиваться фиксацией достигнутых договоренностей – протоколированием.

- контроль и исполнение договоренностей. Заключительный этап, характеризующий качество проведенного совещания/переговоров, – выполнение взятых на себя обязательств [7].

Множество функций $\{T\}$ «управление задачами» включает в себя объем работ, представленный далее. Во-первых, внести все выполняемые в проекте задачи в график нереально (какой бы детализированный ни был график) и всегда будут возникать срочные незапланированные работы, как, например, внеплановая проверка, запрос информации и многое другое. Во-вторых, источником формирования требуемых к выполнению задач, помимо непосредственно графика реализации проекта, выступают разного рода и уровня совещания под наблюдением куратора, руководителя проекта, владельца продукта, руководителя программы/портфеля, линейных или функциональных руководителей и т.д. Поскольку, как было сказано ранее, целесообразно, чтобы каждое совещание/переговоры заканчивались протоколом (заметками, follow-up mail (англ. ответное электронное письмо). Объем зафиксированных договоренностей/поручений должен быть систематизирован, управляем и подконтролен. Таким образом, множество $\{T\}$ должно включать в себя такие подмножества работ, как «ведение реестра задач» и «контроль выполнения задач». Также стоит отметить, что в качестве инструмента управления задачами могут служить как специализированное программное обеспечение, так и таблица в виде файла Excel.

Множество функций $\{R\}$ «отчетность» – одно из наиболее важных, так как именно через отчетность руководители и участники проекта видят текущий статус и прогресс его выполнения. Очень важно, что функция администратора проекта в данном множестве не подменяет собой работу и ответственность других участников, а фокусируется на настройке системы предоставления отчетности, включающей в себя:

- разработку и согласование формата и форм отчетности, в зависимости от уровня представления;
- согласование объема предоставляемой информации;
- организацию работ по наполнению отчетности информацией.

При этом обязательно выполнение следующих критериев, применяемых к предоставляемой отчетности:

- своевременность;
- достоверность;
- достаточность.

Множество функций $\{D\}$ «документация» представляет собой объем работ, связанный с управлением проектной документацией. Сюда относятся и техническая документация (та, которая непосредственно сопряжена с продуктом/результатом проекта) и управленческая (формализованные планы, процедуры, отчетность, корреспонденция, график, реестр рисков, устав и другие управленческие документы). Под управлением документацией здесь понимается максимально широкое определение, включающее в себя получение, хранение (а также создание каталогов, реестров, архивацию), обеспечение доступа и т.д.

ФОРМИРОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ И МОДЕЛИ КОМПЕТЕНЦИЙ

Для формирования функциональной модели на примере роли администратора проекта необходимо выполнить обобщение представленной выше информации в виде математической записи. Так, в табл. 1. представлены функции, присущие этой роли.

Таблица 1

Функции роли администратора проекта

Наименование области	Формулировка функции
Коммуникация	Ведение проектной корреспонденции, $\{C_1\}$. Организация и проведение совещаний, включая их протоколирование, $\{C_2\}$

Наименование области	Формулировка функции
Управление задачами	Ведение реестра задач, $\{T_1\}$. Контроль выполнения задач, $\{T_2\}$
Отчетность	Согласование (при необходимости разработка) формата и форм отчетности, в зависимости от уровней предоставления, $\{R_1\}$. Согласование объема предоставляемой информации, в зависимости от уровней предоставления, $\{R_2\}$. Согласование периодичности направления отчетности, $\{R_3\}$. Организация работ по наполнению отчетности информацией, $\{R_4\}$
Документация	Организация получения и хранения проектной документации, $\{D_1\}$. Обеспечение доступа, актуализация и информирование команды проекта, $\{D_2\}$

Составлено автором по материалам исследования

Исходя из вышеизложенного математическая запись функциональной модели роли администратора проекта примет следующий вид:

$$\begin{cases} \{A\} = \{C\} \cup \{T\} \cup \{R\} \cup \{D\}; \\ \{C\} = \{C_1, C_2, C_3 \dots C_n | n \in N, n > 1\}; \\ \{T\} = \{T_1, T_2, T_3 \dots T_n | n \in N, n > 1\}; \\ \{R\} = \{R_1, R_2, R_3 \dots R_n | n \in N, n > 1\}; \\ \{D\} = \{D_1, D_2, D_3 \dots D_n | n \in N, n > 1\}. \end{cases} \quad (2)$$

Таким образом, множество функций, определяющее роль администратора проекта, представляет собой конечное, детерминированное и непустое множество.

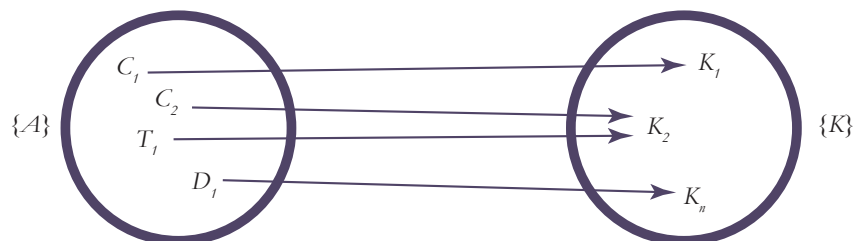
При формировании команды проекта перед руководителем возникает закономерная задача найма такого сотрудника, компетенции которого будут обеспечивать выполнение на необходимом качественном уровне требуемых к его роли функций.

Пусть множество требуемого объема компетенций будет определено следующим образом :

$$f: \{A\} \rightarrow \{K\}, \quad (3)$$

где f – функциональная зависимость; $\{A\}$, $\{K\}$ – множества функций.

Тогда справедливо следующее соотношение множеств (рис. 3):

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Соотношение множества компетенций и множества функций

Подбор необходимых компетенций для той или иной роли – процесс субъективный, который зависит от руководителя и специфики проекта, поэтому в табл. 2 автором настоящей статьи приведено соотношение функций и компетенций.

Соотношение функций роли администратора и необходимых компетенций

Формулировка функции роли множества	Наименование компетенции множества
Ведение проектной корреспонденции, $\{C_1\}$. Организация и проведение совещаний, включая их протоколирование, $\{C_2\}$. Ведение реестра задач, $\{T_1\}$. Контроль выполнения задач, $\{T_2\}$. Согласование (при необходимости разработка) формата и форм отчетности, в зависимости от уровней предоставления, $\{R_1\}$. Согласование объема предоставляемой информации, в зависимости от уровней предоставления, $\{R_2\}$. Согласование периодичности направления отчетности, $\{R_3\}$. Организация работ по наполнению отчетности информацией, $\{R_4\}$. Организация получения и хранения проектной документации, $\{D_1\}$. Обеспечение доступа, актуализация и информирование команды проекта, $\{D_2\}$	Внимательность, $\{K_1\}$. Работа с большим объемом данных, $\{K_2\}$. Письменная грамотность, $\{K_3\}$. Готовность к монотонной работе, $\{K_4\}$. Организаторские навыки, $\{K_5\}$. Аналитические и презентационные навыки, $\{K_6\}$

Составлено автором по материалам исследования

Исходя из вышеизложенного взаимосвязь функциональной модели и модели компетенций примет следующий вид:

$$\{A\} \cdot \{K\} = \{(C_1, K_1), (C_2, K_1 (K_3, K_5)), (T_1, K_1 (K_2)), (T_2, K_2 (K_5)), (R_1, K_6), (R_2, K_6), (R_3, K_5), (R_4, K_1 (K_5, K_6)), (D_1, K_1 (K_2, K_5))\}. \quad (4)$$

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Повышение эффективности реализуемых проектов часто возможно путем оптимизации действующих процессов. Ярким примером сокращения так называемых потерь служит методология бережливого производства [9] и различных производственных систем, применяемых в отраслях промышленности. В рассматриваемом в настоящей статье процессе – реализации роли администратора проекта – представлен механизм, который способен обеспечить минимизацию ресурсных и иных затрат за счет двух, казалось бы, простых правил – конкретизации требуемого функционала к той или иной роли, а также соответствующего соотношения с необходимыми компетенциями.

Именно за счет формирования множества основных функций возможно дальнейшее проектирование системы управления проектом шаг за шагом.

Источником для определения указанного в настоящей статье множества ролевых функций могут являться договор, внутренние формализованные процессы/процедуры/регламенты родительской организации, а также законы, нормы и правила более высокого уровня.

Для достижения цели настоящего исследования, заключающейся в формализации подхода к построению функциональной модели и модели компетенций на примере проектной роли «администратор проекта», рассмотрены тенденции к структурным изменениям на предприятиях промышленности без привязки к конкретным отраслям (в универсальном виде), приведено описание основных проектных ролей. На примере роли «администратор проекта» выполнен детальный анализ функционала, сформированы функциональная и компетентностная модели.

Предлагаемый в настоящей статье формализованный подход к функциональной и компетентностной моделям может быть транслирован на каждую проектную роль, на систему управления проектом, а также на укрупненные объединения, такие как программа или портфель проектов.

Список литературы

1. Тихомиров А.А. Функциональное проектирование организационных структур в проектном управлении. Вестник университета. 2024;4:42-49. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-4-42-49>
2. Тихомиров А.А. Принципы проектного управления в условиях влияния изменений сред реализации проекта. Вестник университета. 2024;5:15–22. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-5-15-22>
3. *Руководство к своду знаний по управлению проектами (Руководство PMBOK®)*. Пер. с англ. 6^е изд. М.: Олимп-Бизнес; 2019. 792 р.
4. Терехова А.Е., Верба Н.Ю. Обзор методологий управления проектами. Вестник университета. 2014;2:64–70.
5. Васильев И.Д. Управление коммуникациями проекта и их значение. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021;4–2(55):166–168. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-4-2-166-168>
6. Дзялошинский И.М. Коммуникационные матрицы как предмет прикладной коммуникативистики. В кн.: Актуальные проблемы коммуникативистики в условиях глобализации информационного пространства: материалы IV Международной научно-практической конференции, Челябинск, 30 сентября – 1 октября 2010 г. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет; 2010.
7. Сейранов С.Г., Богомолова М.Н. Переговорный процесс как инструмент установления деловых связей. Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2015;5(123):248–254. <https://doi.org/10.5930/issn.1994-4683.2015.05.123.p248-254>
8. Спирица Е.В. Вижу вас насквозь. Как «читать» людей. СПб: Питер; 2022. 256 с.
9. Золотова Л.В., Конюченко О.Н., Уманский С.С. Бережливое производство: содержание понятия. Естественно-гуманитарные исследования. 2022;40(2):121–128.

References

1. Tikhomirov A.A. Functional design of organizational structures in project management. Vestnik universiteta. 2024;4:42-49. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-4-42-49>
2. Tikhomirov A.A. Principles of project management under the influence of changes in environments of project implementation. Vestnik universiteta. 2024;5:15–22. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-5-15-22>
3. *A guide to the project management body of knowledge» (PMBOK® guide)*. 6th ed. Moscow: Olimp-Business; 2019. 792 p. (In Russian).
4. Terebova A.E., Verba N.Yu. Review project management methodology. Vestnik universiteta. 2014;2:64–70. (In Russian).
5. Vasiliev I.D. Project communications management and their significance. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021;4–2(55):166–168. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-4-2-166-168>
6. Dzyaloshinsky I.M. Communication matrices as a subject of applied communicativistics. In: Current issues of communicativistics in the context of globalisation of information space: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference, Chelyabinsk, September 30 – October 1, 2010. Chelyabinsk: South Ural State University; 2010. (In Russian).
7. Seyranov S.G., Bogomolova M.N. Negotiation process as a tool for establishment of the business links. Scientific notes of P.F. Lesgaft University. 2015;5(123):248–254. (In Russian). <https://doi.org/10.5930/issn.1994-4683.2015.05.123.p248-254>
8. Spiritsa E.V. I can see through you. How to “read” people. St. Petersburg: Piter; 2022. 256 p. (In Russian).
9. Zolotova L.V., Konyuchenko O.N., Umanskiy S.S. Lean production: concept content. Natural-Humanitarian Sciences. 2022;40(2):121–128. (In Russian).

Экономическая и технологическая оценка строительства первичных медицинских пунктов в сельской местности Российской Федерации

Трунин Григорий Александрович

Канд. экон. наук, доц. каф. финансового права и таможенной деятельности
ORCID: 0000-0002-0035-0903, e-mail: trunin_gr@mail.ru

Баранова Алла Федоровна

Канд. экон. наук, доц. каф. правового и организационного обеспечения бизнес-процедур
ORCID: 0000-0001-9571-8258, e-mail: afbaranova@gmail.com

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Россия

Аннотация

Целью данной работы является исследование технологий и экономических факторов возведения первичных медицинских пунктов в сельской местности Российской Федерации (далее – РФ, Россия) в рамках национального проекта «Здравоохранение». Предметом исследования являются экономические факторы и модульные технологии возведения первичных медицинских пунктов, а также общероссийская динамика развития фельдшерско-акушерских пунктов (далее – ФАП) на примере Владимирской области. Методы включали системный подход, анализ технической документации, документации государственных закупок и заводов-производителей модуль-контейнеров. Далее были изучены фотоматериалы и видеозапись основных этапов строительства объектов ФАП, проведенных «Облстройзаказчиком». Авторы обобщили общероссийскую тенденцию и динамику развития ФАП в РФ, выявили ключевые проблемы организации их работы и дальнейшей эксплуатации, из которых вытекают требования к современным ФАП для реализации первичной медицинской помощи в сельской местности. За период с 2019–2021 гг. было исследовано 30 подобных объектов, проанализирован ход выполнения работ, выявлены ключевые проблемы задержек строительства ФАП в регионе, определены нарушения при их строительстве. Для быстрого возведения медицинских объектов в сельской местности выбор архитектурного решения по технологии модульных блоков-контейнеров является приемлемым. Разработка проектно-сметной документации должна проводиться с учетом применяемых технологий, а также конкретных решений заводов-производителей готовых модулей. Возложение задачи по закупке и установке медицинского оборудования на подрядчиков необходимо признать ошибочным. Выявленные проблемы при реализации национальных проектов должны быть учтены в части исполнения государственных контрактов, управления и инженерных решений.

Ключевые слова

Национальный проект «Здравоохранение», фельдшерско-акушерский пункт, строительные монтажные работы, модульные технологии, BIM-модель, проектно-сметная документация, государственные закупки

Для цитирования: Трунин Г.А., Баранова А.Ф. Экономическая и технологическая оценка строительства первичных медицинских пунктов в сельской местности Российской Федерации // Вестник университета. 2025. № 5. С. 70–79.

Economic and technological assessment of construction of primary health care centres in rural areas of the Russian Federation

Grigory A. Trunin

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Financial Law and Customs Activity Department
ORCID: 0000-0002-0035-0903, e-mail: trunin_gr@mail.ru

Alla F. Baranova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Legal and Organisational Support of Business Procedures Department
ORCID: 0000-0001-9571-8258, e-mail: afbaranova@gmail.com

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia

Abstract

The purpose of this work is to study technologies and economic factors for the construction of primary medical centres in rural areas of the Russian Federation (hereinafter referred to as RF) within the framework of the national project “Healthcare”. The subject of the study are economic factors and modular technologies for the construction of the primary health centres as well as the all-Russian dynamics of the development of obstetric stations using the example of the Vladimir region. The research methods include a systems approach, analysis of technical, public procurement documentation, and documentation of modular container manufacturers. Then photographic materials and video recording of the main construction stages of the obstetric points conducted by “Oblstroyzakazchik” have been studied. The authors have summarised the all-Russian trend and dynamics of the development of these points in the RF, have identified the key problems of organising their work and further operation, from which the requirements for modern obstetric points for the implementation of primary health care in rural areas follow. For the period from 2019–2021, 30 such objects are examined, the work progress is analysed, key problems of the construction delays in the region are identified, and violations during their construction are determined. For the rapid erection of medical facilities in rural areas, the choice of an architectural solution using modular block container technology is acceptable. The development of design and estimate documentation should be conducted with consideration to the technologies used as well as specific solutions of the factories producing ready-made modules. It should be recognised that assigning the task of purchasing and installing medical equipment to contractors is erroneous. The problems identified in the implementation of national projects have to be considered in terms of the execution of government contracts, management and engineering solutions.

Keywords

National project “Healthcare”, obstetric point, construction and installation works, modular technologies, building information model, design and estimate documentation, government procurement

For citation: Trunin G.A., Baranova A.F. (2025) Economic and technological assessment of construction of primary health care centres in rural areas of the Russian Federation. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 70–79.

ВВЕДЕНИЕ

Проводимая реформа здравоохранения в рамках национального проекта Российской Федерации (далее – РФ, Россия) «Здравоохранение» имеет социальную направленность. На государственном уровне предприняты беспрецедентные меры по развитию всей инфраструктуры медицинского обслуживания и повышению качества жизни населения. Более того, значительная доля инвестиций была направлена на совершенствование инфраструктуры медицинского обслуживания. Особый акцент сделан на развитие медицины в сельской местности и повышении качества оказания первичной медицинской помощи. Проект строительства фельдшерско-акушерских и амбулаторных медицинских объектов по всей территории страны принят с целью обеспечения доступности медицинской помощи в регионах, что является приоритетным направлением национального проекта «Здравоохранение». В России к концу реализации последнего должно заработать 1 550 фельдшерско-акушерских пунктов (далее – ФАП) и 1 300 мобильных медицинских комплексов. В основу концепции развития первичной медицины были положены легковозводимые строительные объекты с современным медицинским оборудованием широкопрофильной направленности^{1,2,3}.

Концепция развития ФАП стала основной базой развития первичной медико-санитарной помощи в труднодоступных и отдаленных местностях. Данный тип медицинских учреждений призван решать широкий круг лечебно-профилактических и санитарно-эпидемических задач на местах [1–4]. Согласно исследованиям, за 2020 г. из 478 пунктов, которые должны были сдать в эксплуатацию до конца текущего года, построены только 105, или 22 %. При этом из них начали работать 55 ФАП, а 10 % построенных пунктов приходилось на Владимирский регион⁴.

Стационарные ФАП стали базой развития системы здравоохранения в сельской местности на основе филиального принципа центральных районных больниц. Предполагалось обеспечить выход из кризиса здравоохранения за счет создания малых медицинских пунктов на небольших территориях, которые обслуживали бы несколько сел или деревень [5]. С этой целью были выбраны легкие быстровозводимые и быстроразборные архитектурно-конструктивные решения, которые отвечали бы соответствующим задачам.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

В исследованиях С.В. Романовской, Н.Д. Куковьякиной, С.А. Куковьякина и Е.А. Мухачёвой был изучен 15-летний опыт работы ФАП в России и выявлены ключевые проблемы организации их работы и дальнейшей эксплуатации, которые в обобщенном виде представлены в табл. 1.

Таблица 1

Проблемы ФАП в России

Уровень проблем	Примеры
Первый	Недостаточное количество мебели и медицинского оборудования. Отсутствие водоснабжения. Необходимость капитального ремонта. Устаревшее печное отопление
Второй	Проблема стерилизации. Недостаточная материально-техническая база. Организация проведения флюорографии. Отсутствие противопожарной сигнализации и связи
Третий	Отсутствие канализации. Несоответствие температуры воздуха в помещениях в зимнее время
Четвертый	Отсутствие горячего водоснабжения. Отсутствие дорог и подъездных путей. Отдаленность ФАП от участковой больницы или центральных районных больниц
Пятый	Проблемы дезинфекции помещений. Нарушение санитарно-эпидемиологического режима

Составлено авторами по материалам источника [6]

¹ Федеральный проект «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи». Режим доступа: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravooxranenie/pervichka> (дата обращения: 15.01.2025).

² Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31.03.2021 г. № 277 «Об утверждении методик расчета основных и дополнительных показателей федерального проекта «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи», входящего в национальный проект «Здравоохранение». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400547950/> (дата обращения: 16.01.2025).

³ Паспорт национального проекта «Здравоохранение». Режим доступа: <http://government.ru/info/35561/> (дата обращения: 16.01.2025).

⁴ ТАСС. Эксперты ОНФ выявили, что план по строительству ФАПов в регионах РФ выполнен на 22 %. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/9782215> (дата обращения: 16.01.2025).

Таким образом, современные проблемы ФАП в РФ касаются архитектурно-конструктивных элементов и инфраструктуры: отсутствие водоснабжения или их недостаточное инфраструктурное оснащение; низкое качество отопления; проблемы с противопожарными системами; отсутствие канализации; проблемы с горячим водоснабжением; сложности с организацией подъездных путей, включая обеспечение подхода для маломобильных групп граждан. Из них вытекают и существующие требования к современным ФАП для реализации первичной медицинской помощи в сельской местности.

Следует также учитывать общероссийскую тенденцию, связанную с сокращением стационарной медицинской помощи населению и усилением роли амбулаторно-поликлинического обслуживания [7]. Это говорит о дальнейшей возрастающей роли ФАП в медицинской системе РФ, что предполагает рост числа капитальных строений. С другой стороны, если не удастся быстро перебороть негативные тенденции, такие как сокращение сельского населения, то потребуются развивать ФАП на базе мобильных или временных сооружений. При этом временные сооружения должны быть быстровозводимыми и быстроразборными конструкциями, обеспечивающими возможности демонтажа объекта и его скорого перемещения на новую локальную территорию.

Конструкции ФАП должны отвечать комфортной организации труда медицинских работников, а также многофункциональной направленности работ [8]. Отдельного внимания заслуживают вопросы архитектурно-планировочных решений ФАП, так как им нужно не только удовлетворять требования к размещению медицинского оборудования, но и соответствовать современным строительным нормам и правилам, а также санитарно-эпидемиологическим правилам.

В табл. 2 представлены обобщенные требования, предъявляемые к современным ФАП в России для размещения в сельской местности.

Таблица 2

Обобщенные современные требования к ФАП в России

Направление	Требования
Архитектурно-планировочные решения	Быстровозводимые строительно-монтажные конструкции. Наличие следующих помещений: процедурной, комнат персонала, приема родов, временного пребывания пациентов, ожидания, санитарного узла. Возможность быстрой перепланировки помещений. Возможность установки специального оборудования. Достаточный уровень освещенности помещений
Инженерно-техническое обеспечение	Резервное электроснабжение (автономный генератор). Холодное и горячее водоснабжение. Канализация. Стабильное теплоснабжение и тепловой комфорт. Система вентиляции и обеззараживания воздуха. Телефонная связь и скоростной интернет. Система пожаротушения и оповещения
Инфраструктурное обеспечение	Место для парковки. Подъездные пути и благоприятные условия проезда до ФАП. Доступ для граждан с ограниченными возможностями здоровья. Место для удаления медицинских и твердых коммунальных отходов. Место для размещения автономного генератора. Обеспечение общего освещения территории. Обеспечение отопления ФАП

Составлено авторами по материалам исследования

Таким образом, архитектурно-конструктивные решения и инфраструктура ФАП должны отвечать как медицинским требованиям (санитарным правилам эксплуатации помещений, размещения медицинского оборудования и других задач), так и требованиям обеспечения быстрого монтажа и демонтажа конструкций, включая высокую ремонтпригодность здания.

МЕТОДЫ

Авторами проведены исследования ФАП, возведенных во Владимирской области, изучена техническая документация на проведение строительно-монтажных работ. Основные методы включали анализ технической документации, документации государственных закупок, а также заводов-производителей модуль-контейнеров, инструкций по монтажу. На следующем этапе исследования были изучены фотоматериалы и видеофиксация основных этапов строительства объектов ФАП, проведенных «Облстрой-заказчиком», а также организован выборочный выезд на объекты с целью визуального осмотра. Кроме того, был проведен опрос экспертов и отдельных лиц, задействованных в возведении и контроле строительства ФАП во Владимирской области.

Было исследовано 30 объектов первичных учреждений медико-санитарной помощи населению сельской местности во Владимирской области (Гороховецкий, Вязниковский, Меленковский, Муромский, Петушинский, Юрьев-Польский районы). Площадь учреждений ФАП варьировалась от 66,1 до 199,4 м².

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

С целью выполнения требований, предъявляемых к ФАП, а также успешной реализации национального проекта «Здравоохранение» во Владимирской области в 29 объектах из 30 была выбрана технология строительства, обеспечивающая высокую скорость возведения конструкции и ввода ее в эксплуатацию. Архитектурные решения предполагали использование быстровозводимых строительно-монтажных модульных блоков-контейнеров.

Модульные конструкции необходимой комплектации и планировки изготавливались на заводе и поставлялись на строительную площадку в собранном виде. Модули собирались с учетом предполагаемой внутренней отделки согласно санитарно-медицинским требованиям, а также с учетом наружной отделки. При этом были предусмотрены места для установки специального оборудования и монтажа инженерных систем. Инженерные элементы здания монтировались после сборки блоков-контейнеров. Степень огнестойкости ФАП – III, а класс конструктивной пожароопасности – С0. Класс энергоэффективности – С+. Расчетное удельное сопротивление теплопередачи (R) наружных стен порядка 3,37 м²·°C/Вт.

Окна пластиковые из ПВХ-профилей (ПВХ – поливинилхлорид) с двухкамерным стеклопакетом (R = 0,56 м²·°C/Вт), с поворотно-откидными механизмами, фиксаторами. Наружные двери металлические (R = 0,8 м²·°C/Вт), а внутренние – из ПВХ-профиля. Полы во врачебных кабинетах и помещениях изготовлены из коммерческого линолеума, а в остальных – из керамической плитки.

В рамках типового объекта ФАП предусмотрены следующие помещения: кабинет приема, процедурный кабинет, совмещенный с прививочным, комнаты для персонала и хранения медикаментов, место ожидания пациентов, санитарный узел, индивидуальный тепловой пункт, электрощитовая, тамбур при входе. Существуют и иные модификации объектов ФАП с различными планировочными решениями и соответствующими специализированными медицинскими кабинетами.

В результате 97 % ФАП спроектированы и построены по каркасной технологии с наружными стенами из сэндвич-панелей. Подвал не предусмотрен. Кровля с холодным чердаком с организованным наружным водостоком и снегодержателем, включая кабельную систему против обледенения⁵.

Основными производителями модульных конструкций для Владимирской области выступили три завода: общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО) «Клипсар МЧ»⁶, ООО «Завод легких конструкций «Декор»⁷, ООО «К-Модуль»⁸.

Однако непосредственным выполнением работ на объектах по возведению ФАП занимались 8 подрядных организаций. Сведения о подрядчиках, сроках заключения контрактов и выполнения работ, а также стоимости работ по государственным контрактам мы взяли с официального сайта Единой информационной системы (далее – ЕИС) в сфере закупок⁹. Анализ данных показал, что средний срок организации

⁵ РосТендер. Тендер: Выполнение работ по строительству объекта Фельдшерско-акушерский пункт. Режим доступа: <https://rostender.info/region/vladimirskaia-oblast/kovrov/47215166-tender-vypolnenie-rabot-po-stroitelstvu-obekta-feldshersko-akusherskij-punkt-v-p-pakino-dlya-nujd-gbuz-vo-kovrovskaya-rb> (дата обращения: 24.01.2025).

⁶ Клипсар МЧ. Официальный сайт. Режим доступа: <http://www.rusmodul.ru> (дата обращения: 24.01.2025).

⁷ Завод легких конструкций «Декор». Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.dekor-bor.ru/> (дата обращения: 24.01.2025).

⁸ К-Модуль. Официальный сайт. Режим доступа: <https://kovrovmodul.ru> (дата обращения: 24.01.2025).

⁹ Единая информационная система в сфере закупок. Официальный сайт. Режим доступа: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 24.01.2025).

работ составляет 62 дня. Средний срок выполнения монтажа сборных модульных конструкций, по имеющейся информации, составил 143 дня. Средняя стоимость возведения одного квадратного метра ФАП под полностью готовое к эксплуатации здание – 128,35 тыс. руб. за один квадратный метр (по расчетам автора Г.А. Трунина, данные с официального сайта ЕИС по всем объектам закупки)¹⁰.

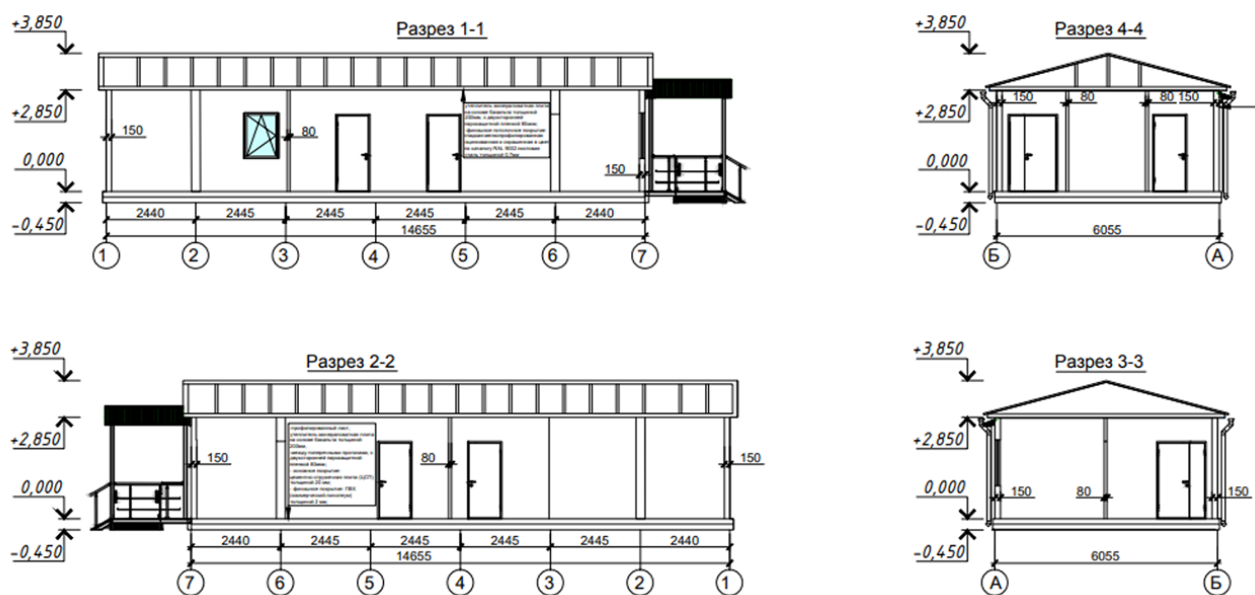
По многим объектам зафиксировано превышение сроков строительства, что обусловлено резкой загруженностью заводов-производителей модульных конструкций, которые не справились с возросшим числом заказов и были вынуждены отгружать комплекты по мере готовности.

Средняя стоимость работ по возведению объектов ФАП, благоустройству территории, обеспечению подъездных путей, а также по оснащению медицинским оборудованием, согласно государственным контрактам, составила 11,4 млн руб.

Исследование 15 разрешений на ввод в эксплуатацию показало, что при возведении ФАП во Владимирской области были выбраны следующие типы фундаментов: два объекта (13,3 %) – винтовые сваи; один объект (6,7 %) – ленточный фундамент; 12 объектов (80 %) – монолитная железобетонная плита. В 93,3 % случаях (14 зданий) стеновой материал использовался в виде сэндвич-панелей с минеральной ватой, а в ФАП деревни Великово Гороховецкого района применялись газобетонные блоки. Кровля во всех рассмотренных случаях устроена по принципу холодного чердака из металлического профиля.

В целом можно признать, что для обеспечения быстрого возведения медицинских объектов в сельской местности технология модульных блоков-контейнеров являлась приемлемой, но необходимо было учитывать загруженность заводов-поставщиков и качество сборки на местах.

Пример архитектурных и планировочных решений по объекту ФАП поселка Пакино представлен на рис. 1, рис. 2.

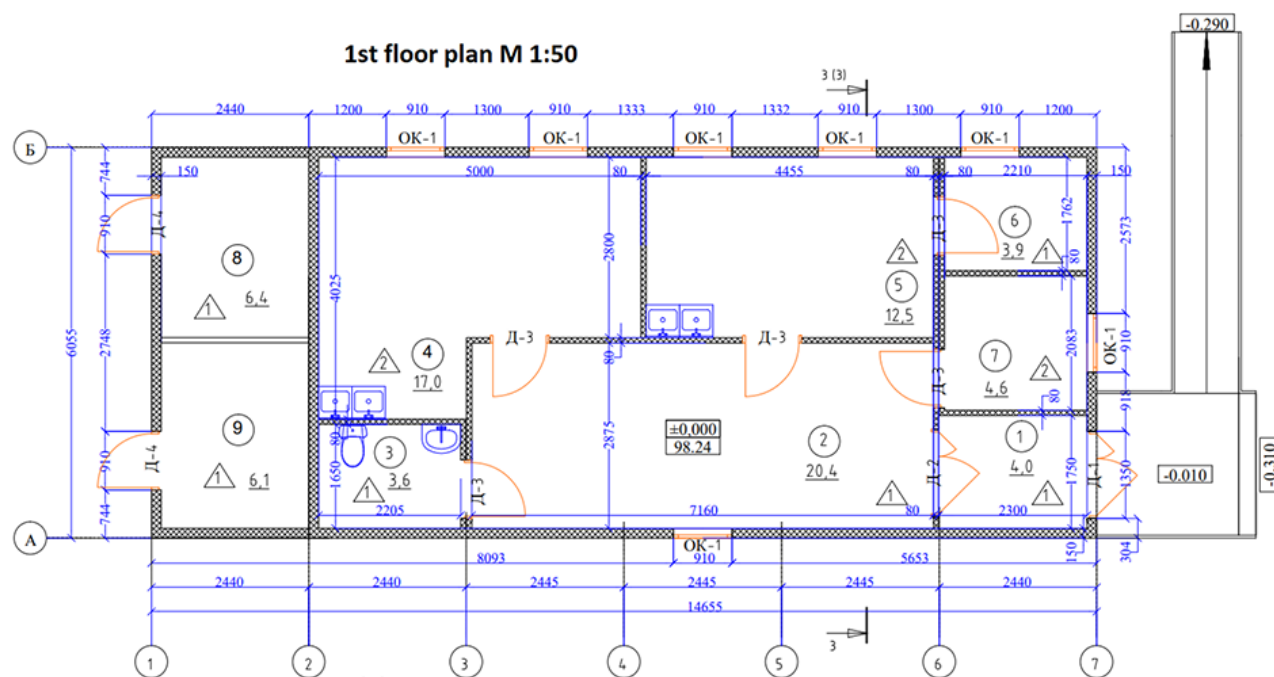

Источник¹¹

Рис. 1. Типовой фасад на примере ФАП поселка Пакино

¹⁰ Единая информационная система в сфере закупок. Выполнение работ по строительству ФАП в д. Караваево, Петушинского района для нужд ГБУЗ ВО «Петушинская районная больница». Режим доступа: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ea44/view/common-info.html?regNumber=0128200000119005082#> (дата обращения: 24.01.2025).

¹¹ РосТендер. Тендер: Выполнение работ по строительству объекта Фельдшерско-акушерский пункт. Режим доступа: <https://rostender.info/region/vladimirskaia-oblast/kovrov/47215166-tender-vypolnenie-rabot-po-stroitelstvu-obekta-feldshersko-akusherskij-punkt-v-p-pakino-dlya-nujd-gbuz-vo-kovrovskaya-rb> (дата обращения: 24.01.2025).

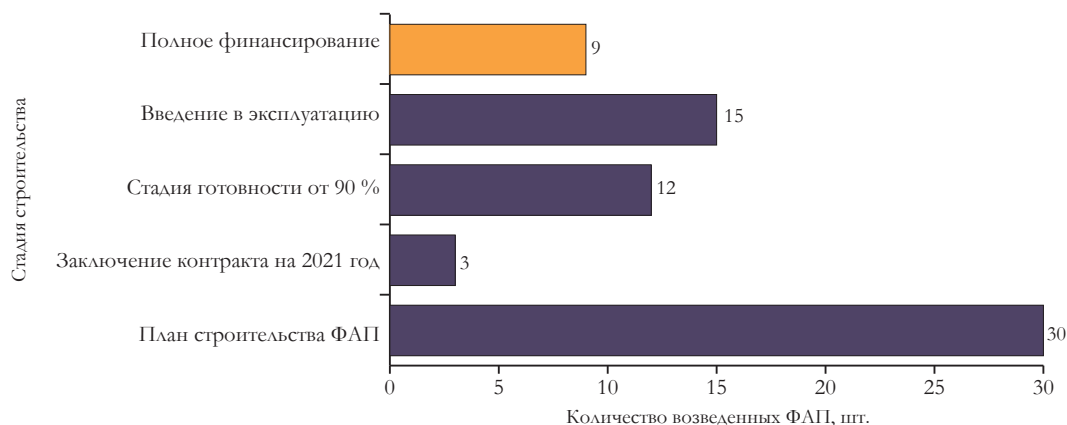
Примечание: ОК – оконный проем; Д – дверь

Источник¹²

Рис. 2. План первого этажа ФАП поселка Пакино

Конструктивно-планировочные решения отвечают необходимым санитарным требованиям для организации медицинского обслуживания населения. Во всех исследованных ФАП и соответствующей строительной документации предусмотрены мероприятия по обеспечению доступа людей с ограниченными возможностями здоровья.

За исследуемый период авторами выявлены причины срыва сроков возведения ФАП во Владимирской области. Обобщенные результаты приведены на рис. 3.

Составлено авторами по материалам источника¹³

Рис. 3. Результаты строительства ФАП во Владимирской области

На стадии завершения находились 40 % объектов ФАП (12 ед.). При этом на 75 % (9 ед.) из них были обнаружены различные нарушения условий контракта, осуществлены штрафные санкции (на сумму 3,279 млн руб.) и вскрыты банковские гарантии (на сумму 14,525 млн руб.). По имеющимся нарушениям

¹² РосТендер. Тендер: Выполнение работ по строительству объекта Фельдшерско-акушерский пункт. Режим доступа: <https://rostender.info/region/vladimirskaya-oblast/kovrov/47215166-tender-vypolnenie-rabot-po-stroitelstvu-obekta-feldshersko-akusherskij-punkt-v-p-pakino-dlya-nujd-gbuz-vo-kovrovskaya-rb> (дата обращения: 24.01.2025).

¹³ Министерство здравоохранения Владимирской области. Государственные программы. Режим доступа: <https://minzdrav.avо.ru/celevy-programmy> (дата обращения: 24.01.2025).

были проведены исследования невыполненных работ, которые обобщены по таким группам, как монтаж ФАП, ограждение территории, благоустройство и озеленение, внутренние инженерные сети, электроснабжение и освещение, сети водоснабжения и канализация, связь и пожарная сигнализация, система отопления, техническое оборудование, мероприятия для маломобильных групп населения, малые архитектурные формы, площадка для сбора твердых коммунальных отходов.

Основные нарушения (89 %) были связаны с монтажом внутренних инженерных сетей, электроснабжения, освещения, связи, пожарной сигнализации, систем отопления, технического (а также медицинского) оборудования. В 78 % случаев не были выполнены работы по обеспечению мероприятий для маломобильных групп населения и организации малых архитектурных форм. В 56 % случаев выявились нарушения с монтажом сетей водоснабжения и канализации.

Детальное изучение отчетов по строительству ФАП, данных из средств массовой информации, а также интервьюирование отдельных экспертов позволили выявить ряд ключевых причин и проблем задержек строительства ФАП во Владимирской области.

Ключевой причиной можно считать поздние сроки получения проектно-сметной документацией (далее – ПСД) с положительным заключением государственной экспертизы. Так, во Владимирской области по 14 ФАП ПСД были получены только в III квартале 2020 г., по трем ФАП – в октябре, а по четырем объектам ПСД так и не разработаны. Кроме того, ряд ПСД подготовили с существенными ошибками и недоработками, что привело к увеличению сроков строительства. Это также привело к необходимости выполнения дополнительных работ, что повлияло на инвестирование и сроки строительства ФАП. Другие причины – сложности выбора подрядных организаций, обусловленные комплексностью тендеров: задержка поставок технологического и медицинского оборудования, срывы поставок строительных модулей и материалов из-за новой коронавирусной инфекции; дорогие и малоэффективные архитектурно-конструктивные решения.

В результате исследования были выявлены множественные нарушения организации теплового контура здания. Согласно расчетным данным проектной документации, все температурные поля рассчитываются для температуры наружного воздуха -28°C и температуры внутреннего воздуха 21°C . Для узла примыкания сэндвич-панели к фундаменту здания условное сопротивление $R_{0}^{yc} = 3,47 \text{ м}^2 \cdot ^{\circ}\text{C}/\text{Вт}$. Рассчитаем коэффициент теплопередачи: $U_1 = 1/R_{0}^{yc} = 1/3,47 = 0,29 \text{ Вт}/\text{м}^2 \cdot ^{\circ}\text{C}$.

В результате визуального осмотра выявлены типовые ошибки монтажа инженерных систем через стеновые конструкции и ошибки устройства отдельных узловых элементов примыкания. Они увеличивают итоговые теплотери возведенных ФАП.

Все эти причины являются следствием неэффективных методов управления. Предлагается использовать гибкие методы проектного управления (Agile-подход) не только на стадии строительства, но и на подготовительном этапе, отслеживая степень готовности и внося оперативные корректировки в ПСД, структуру работ и сам проект, а также выполняя работы в малых командах с соответствующими полномочиями.

Сложность выбора подрядных организаций наблюдалась по 21 ФАП, по которым контракты были заключены только во втором полугодии 2020 г. (сентябрь – 12 ед., октябрь – 6 ед., декабрь – 3 ед.). Ключевая ошибка была связана с включением закупки технического и медицинского оборудования в контракты и с возложением этих функций на строительные организации, которые испытали существенные сложности с реализацией нетипичной для них задач. Все остальные причины являются следствием.

Однако среди объективных причин отметим задержки поставок строительных материалов (время исполнения заказа – две-три недели), которые наблюдались в целом по рынку в связи с ограничительными мерами (противодействие COVID-19).

Отдельно стоит выделить малоэффективные и дорогие архитектурно-конструктивные решения, основанные на модульности конструкции, так как применение более традиционных методов строительства могло на порядок повысить скорость выполнения работ. Более того, применение типового проекта ФАП с различными модификациями могло помочь избежать возникших проблем с ПСД.

В рамках работы нет возможности представить фотоотчет медицинских пунктов, возведенных в сельской местности Владимирской области. Авторы собрали достаточно большой архив объектов: амбулатория имени Воровского, ФАП Булатниково, ФАП Великово, ФАП Галицы, ФАП Гришино, ФАП Двойново, ФАП Долбино, ФАП Злобино, ФАП Иваново, ФАП Икшево, ФАП Каменка, ФАП Ковардицы, ФАП Коровино, ФАП Коурково, ФАП Кучки, ФАП Лазарево, ФАП Марково, ФАП Пакино,

ФАП Паново, ФАП Панфилово, ФАП Пахомово, ФАП Смолино, ФАП Сорогужино, ФАП Сосновый бор, ФАП Сушнево-1, ФАП Тащилово, ФАП Хвойное.

Таким образом, задержки строительства ФАП во Владимирской области обусловлены комплексными проблемами, которые упираются в устаревшие методы управления и неудачные архитектурно-конструктивные решения по проектам и, как следствие, в подготовку ПСД.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При организации массовых программ развития медицинских пунктов в сельской местности, выполненных по модульной технологии, следует учитывать произведенные мощности и загруженность основных заводов-производителей.

Разработка ПСД должна проводиться с учетом применяемых технологий, а также конкретных решений заводов-производителей готовых модулей. Документация должна предусматривать BIM-модель (англ. building information model – цифровая модель) объекта и проработку сложных узлов конструкции, обеспечивающей герметичный тепловой контур. Следует также уделить внимание проработке типовых проектов с возможностью расширения и добавления новых модульных конструкций для увеличения медицинского функционала ФАП. Отдельно следует исследовать возможные комбинации последних для решения различных задач.

В процессе контроля за ходом выполнения работ особое внимание следует уделить качеству монтажа типовых и сложных узлов конструкции ФАП.

Фактическая схема монтажа ФАП по модульной технологии затрудняет возможности быстрого демонтажа с сохранением первоначальных свойств всей конструкции и обеспечением герметичного теплового контура. Более того, необходимость быстрого демонтажа можно поставить под сомнение.

Возложение на подрядчиков задач по закупке и установке медицинского оборудования необходимо признать ошибочным. Реализация подрядчиком нетипичных функций привела к увеличению сроков работ по объектам.

Применение технологии готовых модульных конструкций на объектах ФАП действительно увеличило срок их ввода в эксплуатацию, но требуются дополнительные исследования долговечности данных конструкций в условиях дальнейшей профильной эксплуатации.

В 2025 г. национальный проект «Здравоохранение» сменится проектом «Продолжительная и активная жизнь», в который войдет часть направлений из предыдущей программы, в том числе поддержка первичного звена. Выявленные проблемы при реализации проектов должны быть учтены в части исполнения государственных контрактов, управления и инженерных решений.

Список литературы

1. *Закеева А.Ф.* Система лечебно-профилактических учреждений в планировочной структуре Казанской агломерации. Дис. ... канд. арх.: 05.23.22. М.: Московский архитектурный институт (государственная академия); 2021. 331 с.
2. *Greenwood-Erickson M.B., Tipirneni R., Abir M.* An emergency medicine-primary care partnership to improve rural population health: expanding the role of emergency medicine. *Annals of Emergency Medicine*. 2017;5(70):640–647. <https://doi.org/10.1016/j.annemergmed.2017.06.025>
3. *Кицул И.С., Выговский Е.А., Громова И.В., Губин А.Г., Демке И.А., Зарубин М.В. и др.* Повышение доступности медицинской помощи жителям сельской местности с использованием современных информационных технологий. *Врач и информационные технологии*. 2012;2:6–16.
4. *Полухина М.Г.* Формирование доступности медицинского обслуживания на селе как ключевого элемента устойчивого развития. *Региональная экономика: теория и практика*. 2019;2(17):308–330. <https://doi.org/10.24891/re.17.2.308>
5. *Бархатова Т.В., Погодина И.В.* Оплата труда медицинских работников: правовое регулирование и практика. *Медицинское право*. 2014;5:32–36.
6. *Романовская С.В., Куковьякина Н.А., Куковьякин С.А., Мухачёва Е.А.* Проблемы в управленческой деятельности заведующих фельдшерско-акушерских пунктов. *Вятский медицинский вестник*. 2012;1.
7. *Васильева О.Е.* Территориальная организация медицинского обслуживания в сельской местности республики Башкортостан. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*. 2012;2:76–81.
8. *Суворова Е.В., Акбашева Я.А., Попова Н.М.* Социологический опрос в рамках всероссийской акции «Добро в село» по оценке оказания медицинской помощи жителям, проживающим на территории фельдшерско-акушерских пунктов Удмуртской Республики. *Modern Science*. 2019;12–2:184–187.

References

1. *Zakieva L.F.* System of medical and preventive institutions in the planning structure of the Kazan agglomeration. Diss. ... Cand. Arch.: 05.23.22. Moscow: Moscow Architectural Institute (State Academy); 2021. 331 p. (In Russian).
2. *Greenwood-Ericksen M.B., Tipirneni R., Abir M.* An emergency medicine-primary care partnership to improve rural population health: expanding the role of emergency medicine. *Annals of Emergency Medicine*. 2017;5(70):640–647. <https://doi.org/10.1016/j.annemergmed.2017.06.025>
3. *Kitsul I.S., Vygovsky E.L., Gromova I.V., Gubin D.G., Demko I.A., Zarubin M.V. et al.* Increase of availability of medical care to inhabitants of countryside with use of modern information technology. *Medical doctor and information technologies*. 2012;2:6–16. (In Russian).
4. *Polukhina M.G.* Arrangement of available medical services in rural areas as a key element of sustainable development. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2019;2(17):308–330. (In Russian). <https://doi.org/10.24891/re.17.2.308>
5. *Barkhatova T.V., Pogodina I.V.* Payment for labor of medical workers: legal regulation and practice. *Medical law*. 2014;5:32–36. (In Russian).
6. *Romanovskaja S.V., Kukovjakina N.D., Kukovjakin S.A., Mukhachjova E.A.* Problems of management in supervising of obstetrics stations. *Medical newsletter of Vyatka*. 2012;1. (In Russian).
7. *Vasilyeva O.E.* Territorial organisation of medical care in rural areas of the Republic of Bashkortostan. *Moscow University Bulletin. Series 5. Geography*. 2012;2:76–81. (In Russian).
8. *Suvorova E.V., Akbasheva Ya.A., Popova N.M.* Sociological survey within the framework of the all-Russian campaign “Dobro v selo” to assess the provision of medical care to residents living in the territory of obstetric stations of the Udmurt Republic. *Modern Science*. 2019;12–2:184–187. (In Russian).

Четверть века эволюции событийного менеджмента 2000–2024 гг.: общее и особенное существующих подходов

Шелгинская Виктория Алексеевна

Соискатель

ORCID: 0000-0002-5075-5984, e-mail: victoria.shelg@yandex.ru

Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация

Целью исследования является концептуализация основных этапов и закономерностей развития теории отечественного событийного менеджмента с 2000 г. до настоящего времени. Методология включает сравнительно-исторический подход к анализу литературы (первый этап), контент-анализ данных отечественной публикационной активности (второй этап), сравнительный анализ на основе данных зарубежных исследований (третий этап). На первом и втором этапах хронологически рассмотрены ступени развития событийного менеджмента (ивент-менеджмента), эволюция отечественных научно-исследовательских изысканий; выделены временные маркеры появления новых контекстов, два ключевых направления эволюции (рыночное и социокультурное); аргументирован вклад семантического фактора в развитие; установлены особенности эволюционных трансформаций, выделены ключевые затрагиваемые переменные; продемонстрированы и сравнительно охарактеризованы 6 подходов к управлению (соответствующие эволюционным этапам) и седьмое, прогнозное, направление. На третьем этапе дана сравнительная характеристика развитию ивент-менеджмента (событийного) в научно-теоретическом и прикладном поле; даны два обоснования использования терминологической системы «ивент» (маркетинговое и семантическое); охарактеризованы особенности совершенствования теоретических подходов ивент-менеджмента за рубежом за аналогичный период (в англоязычном и неанглоязычном поле) и сопоставлены с особенностями отечественного развития. Результаты, полученные на третьем этапе, обрисовывают поле дальнейших исследований и разработок в области ивент-менеджмента в части управления процессами общественного развития, ценностно-смысловой коммуникации в социокультурном пространстве. В целом представленный материал может служить практическим руководством к выбору управленческого подхода, релевантного контексту применения, а также обозначает возможное направление дальнейших теоретико-практических изысканий, что способствует повышению эффективности, конкурентоспособности и опережающему развитию.

Ключевые слова

Специальное событие, ивент-деятельность, проектное управление, связи с общественностью, маркетинг, брендинг, социокультурный менеджмент, корпоративное управление, когнитивный маркетинг, маркетинг взаимоотношений, индустрия впечатлений, управление социокультурной сферой, досуг горожан, духовные ценности

Для цитирования: Шелгинская В.А. Четверть века эволюции событийного менеджмента 2000–2024 гг.: общее и особенное существующих подходов // Вестник университета. 2025. № 5. С. 80–92.

Quarter of a century of event-management evolution 2000-2024: the general and the special of existing approaches

Victoria A. Shelginskaya

Applicant

ORCID: 0000-0002-5075-5984, e-mail: victoria.shelg@yandex.ru

Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia

Abstract

The research purpose is to conceptualise the main stages and regularities of the development of event management theory in Russia since 2000 to the current times. The methodology includes comparative historical analysis of literature (stage 1), content analysis of data on domestic publication activity (stage 2), comparative analysis of based on foreign research data (stage 3). The first and second stages chronologically consider the development process of the event management and evolution of scientific research; identify time markers of emergence of new contexts and two key directions of the evolution (market and socio-cultural ones); substantiate the contribution of the semantic factor; establish the features of evolutionary transformations and key affected variables; demonstrate and comparatively characterise 6 approaches to management (corresponding to the evolutionary stages) and the seventh forecast direction. At the third stage a comparative characteristic of the development of the event management in scientific-theoretical and applied fields is given; two justifications for the use of the terminological system “event” (marketing and semantic ones) are presented; the features of improving the approaches to the event management (in English-speaking and non-English-speaking fields) during the similar period are characterised and then compared with the features of domestic development. The study results acquired at the third stage outline the field of further research and applications in the sphere of the event management in terms of managing the processes of social development, value-semantic communication in the socio-cultural space. As a whole, the material presented could be used as a practical guide to the selection of a management approach that corresponds to the context of application, and also indicates a possible direction for further theoretical and practical research that may ensures efficiency, competitiveness, and accelerated development.

Keywords

Special event, event acitivity, project management, public relations, marketing, branding, socio-cultural management, corporate management, cognitive marketing, relationship management, experience industry, culture management, leisure of citizens, spiritual values

For citation: Shelginskaya V.A. (2025) Quarter of a century of event-management evolution 2000-2024: the general and the special of existing approaches. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 80–92.

ВВЕДЕНИЕ

С момента закрепления категории «ивент» в научно-теоретическом поле были представлены различные теоретические и практические подходы к рассмотрению роли ивент-мероприятий в организациях и, соответственно, к специфике управления связанной с ними деятельностью — событийному менеджменту, или, как часто его называют, ивент-менеджменту. Однако действительно можно согласиться с теми исследователями, которые отмечают, что данная область по-прежнему испытывает недостаток концептуальных публикаций, необходимых для ее развития, поскольку «дискурсы управления событиями в значительной степени “инструментальные”, озабоченные непосредственной ценностью для смежных секторов» [1, с. 181].

Кроме того, нельзя забывать, что принадлежность исследований к определенной языковой области также накладывает отпечаток на развитие сферы. В частности, важно принять во внимание синтезирующий фактор — ситуацию, когда языковые заимствования, преломляясь в тех или иных социокультурных и социально-экономических условиях, приобретают свою собственную особую коннотацию и приводят к качественному разнообразию вариаций управленческих подходов и специфики интерпретаций. Именно этот процесс мы наблюдаем, обращаясь к концепту «ивент» и связанным с ним видам деятельности в отечественных теоретико-методологических дискурсах, представленных в период с начала XXI в. и по сегодняшний день.

Таким образом, ивент-менеджмент (событийный), пройдя к настоящему моменту достаточно большой путь своего развития, находится, тем не менее, в парадоксальной ситуации. С одной стороны, в рамках общего направления за время его применения выделилось многообразие субнаправлений: менеджмент событийного туризма, событийный маркетинг, событийные коммуникации и т.д. Соответственно, зародились, развились и закрепились различные управленческие подходы. Несмотря на это, с другой стороны, по-прежнему отсутствуют систематизирующие концептуальные исследования, четко выделяющие особенности и различия существующих управленческих подходов, ситуаций их применения и др. Это приводит к тому, что разные управленческие подходы хаотично заимствуются, критически не преломляясь в конкретных условиях, тогда как именно особенности рассмотрения управленческого контекста и управляемой подсистемы отличают их друг от друга, и наоборот, специфическая реализация ивент-менеджмента является залогом его эффективности для определенной ситуации и целевых групп.

Вышесказанное можно рассматривать как управленческую проблему, требующую концептуального сравнительного анализа, систематизации и установления особенностей различных подходов, с тем чтобы эти отличия были четко артикулированы и не только могли послужить в дальнейшем лаконичным руководством к практическому применению в соответствующих ситуациях, но и помогали бы определить возможное направление их дальнейшего развития, что способствовало бы повышению конкурентоспособности и эффективности.

Исследование посвящено концептуализации основных этапов и закономерностей развития отечественного (событийного) ивент-менеджмента, с тем чтобы обобщить и систематизировать накопленные к настоящему моменту теоретические и практические разработки, охарактеризовать специфику различных подходов и выделить возможные перспективные направления ее дальнейшего совершенствования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование проходило в три этапа.

Первый этап — теоретико-аналитический. Задача — изучить процесс эволюции подходов к рассмотрению концепта «ивент» (его появление и закрепление) и соответствующее развитие управленческих подходов. Анализ проводился на материалах открытых источников, включая статьи из научных рецензируемых журналов, сборников, монографий, освещающих тот или иной этап в рыночной и общекультурной практике. Рассматривалась освещенная в литературе ретроспектива развития практики отечественного ивент-менеджмента с конца XX в. — начала XXI в. по настоящий момент.

Второй этап — эмпирико-аналитический. Задача — сопоставить количественные свидетельства изменения научно-практического интереса к предметной области с материалами теоретического анализа. На данном этапе анализируется процесс формирования концептуальных основ ивент-менеджмента в отечественном теоретико-методологическом поле. В частности, были рассмотрены проиндексированные

в российской научной электронной библиотеке публикации (журналы, диссертации, главы в книгах, материалы сборников) по поисковому запросу «ивент» (включая также “event” и «специальное событие»). Поиск проводился по разделам: название, аннотация, ключевые слова и доступный текст публикации. Ввиду широкого диапазона перевода значений из полученной выборки были исключены работы, не имеющие отношения к области организации мероприятий и событийной сфере (в частности, такие контексты, как военно-политический, информационно-программистский, общеполитический и т.д.). Итоговая выборка, готовая к контент-анализу и категоризованию по контекстуальным группам, составила 3 657 материалов, опубликованных в период с 2000 г. по 2023 г. включительно.

По итогам первого и второго этапов выделены ключевые переменные, определяющие особенности эволюционных этапов, а также предложена схема эволюции подходов к ивент-менеджменту с краткой характеристикой специфики управленческих подходов.

В качестве отдельного, третьего, этапа был выделен сравнительно аналитический, в рамках которого проведены сравнение и сопоставление результатов теоретического и эмпирического этапов исследования между собой, а также сравнение с данными зарубежных ученых. Среди зарубежных исследований были отобраны те, которые удовлетворяли следующим критериям: анализирующие развитие теоретико-концептуального базиса существующих управленческих подходов; использующие аналогичные методы сбора и анализа данных относительно публикационной активности. Отобранные исследования в результате охватывали аналогичный по длительности период развития (в среднем 23 года) с возможностью смещения точки отсчета в некоторых случаях в несколько более раннюю или более позднюю сторону, но не превышающую 8 лет (что в целом соответствует общему характеру соотношения совершенствования отечественных и зарубежных подходов).

По итогам третьего этапа выделены два основных направления в развитии отечественной и зарубежной теории и практики ивент-менеджмента и управления ивент-деятельностью, выделены ключевые различия данных направлений.

РЕЗУЛЬТАТЫ

ТЕОРЕТИКО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЭТАП

Достаточно часто отмечается, что история развития ивент-менеджмента начиналась в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) с организации частных мероприятий, концентрируясь вокруг работников творческих профессий [2]. Весомый вклад в этот процесс внесли влияние деятелей шоу-бизнеса, а также популяризация поп- и рок-концертов, кросс-культурных фестивалей и пр., количество и интерес к которым возрос начиная со второй половины XX в. за рубежом и с 1990-х гг. в России [3]. Не меньшее влияние оказали на это и Олимпийские игры, которые показали, что «организаторам мероприятий удалось совместить зрелище в голливудском стиле со спортивным мероприятием ... что задало стандарт для подобных мероприятий в будущем» [3, с. 6]. Олимпийские игры как пример мегаивента также показали: управление ивент-деятельностью не концентрируется исключительно на создании привлекательной инфраструктуры (оформлении и т.д.) и не ограничивается ею, но во многом связано с решением имиджевых, коммуникационных, социокультурных задач [4–6].

В 30-х гг. XX в. развивалась школа человеческих отношений, в рамках которой межличностные отношения между работниками рассматриваются как фактор роста трудового потенциала служащего. В 1960-х гг. схожие идеи присутствовали в школе человеческих ресурсов. Применение ивент-мероприятий приобретает коннотацию корпоративного досуга, инструмента стимулирования труда, сплочения коллектива, формирования лояльности и т.д. Появляются организованные профсоюзные пикники, карнавалы, дружеские матчи [3].

Новый виток в развитии формирует использование ивент-мероприятий в маркетинге [7]. Изначально ивент-мероприятия, сфокусированные в 1960-е гг. за рубежом на стимулировании сбыта путем привлечения внимания к проходящей акции, были направлены на клиента, на провокацию ситуативных покупок под влиянием нетривиальной обстановки. Развитие событийного маркетинга пошло по пути привлечения внимания аудитории, создания информационного повода, которое базировалось на развлекательной природе и сравнительной «уникальности» мероприятия на фоне обыденной жизни. При этом некоторые исследователи указывают на одновременное сосуществование двух подвидов событийного

маркетинга, а именно направленного на стимулирование сбыта и повышение узнаваемости организации и на вызывании интереса к самому мероприятию [8].

Также с 1960–1970-х гг. за рубежом в качестве отдельной области начинает рассматриваться туристический контекст [6]. Это актуализирует вопрос взаимосвязи событий и развития территории как с положительной точки зрения, так и с критической (в частности, антропологической). С середины 1990-х гг. происходит переход темы непосредственно в научно-исследовательское поле.

Далее ивент-менеджмент начинал все чаще рассматриваться с точки зрения управления взаимоотношениями с клиентами. Развивается подход, исходящий из понимания посещения мероприятия как эмоционально-когнитивного процесса, влияющего на подсознательное осмысление, происходящее как во время, так и в результате потребления [9]. Ивент-мероприятия начинают рассматриваться с точки зрения стимулирования чувственного восприятия посетителя, чтобы заставить его испытать удовольствие, вызвать эмоциональную реакцию и спровоцировать соответствующую ассоциацию относительно преимуществ и недостатков компании в дальнейшем [10].

Наконец, происходит становление ивент-мероприятий как составляющей комплекса интегрированных коммуникаций [11]. В поле управленческого внимания включаются виды деятельности и факторы, не связанные непосредственно с организацией, логистикой и проведением мероприятия. Мероприятия и управленческие подходы становятся все более зависимыми от социокультурных, социально-экономических, политических и других внешних условий и вместе с тем тесно взаимосвязанными с информационно-коммуникационной средой [12]. В свою очередь, ивент-мероприятие становится своего рода агентом социальной трансформации.

Таким образом, в процессе эволюционного развития происходит постепенный переход от мероприятий, ориентированных на посетителя как на обезличенного потребителя развлекательного продукта, к мероприятиям, нацеленным на него как на носителя особенностей своей социально-демографической или иной специфической группы, а затем – к мероприятиям, ориентированным не столько на отдельную группу посетителей, сколько на посетителей, находящихся в постоянном двустороннем ценностно-смысловом взаимодействии с окружающим их социокультурным контекстом, что неизбежно влияет на появление нюансов управленческих подходов.

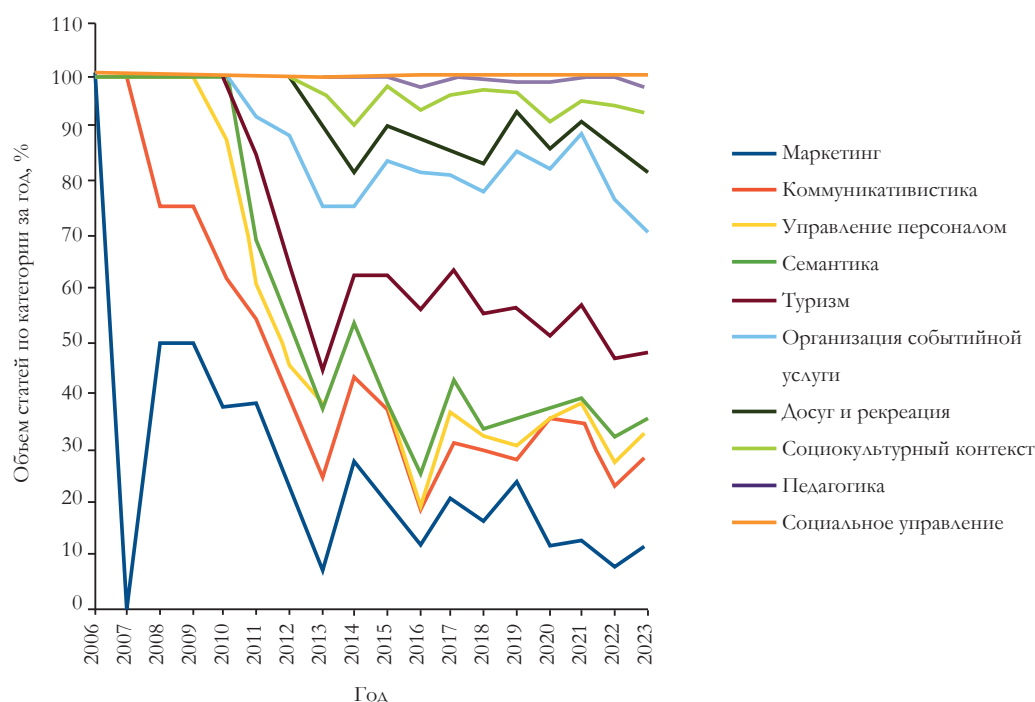
ЭМПИРИКО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЭТАП

В представленном выше анализе остаются открытыми вопросы о соответствии периодов развития ивент-менеджмента в России и за рубежом, а также конкретная периодизация эволюционных этапов.

Многие исследователи склонны оценивать отечественное развитие ивент-менеджмента как запаздывающее, адаптирующее зарубежные подходы или воспроизводящее их. В определенной степени с этим можно согласиться хотя бы потому, что сама категория «ивент» и ее производные – это транслитерация с латиницы.

Однако подобный подход все же представляется упрощенным. Из вышеизложенного можно заключить, что эволюция подходов к ивент-менеджменту за рубежом происходила постепенно и последовательно на протяжении сравнительно долгого промежутка времени (этот вывод созвучен с выводами некоторых зарубежных ученых, которые, в частности, отмечают, что «их исследования признают ограничения линейного жизненного цикла ... (поскольку) она связана с динамичной и сложной системой с множеством уровней развития» [13, с. 9]), тогда как отечественная теория и практика имели возможность охватить, осмыслить и творчески видоизменить сразу несколько различных подходов. Кроме того, необходимо принять во внимание влияние семантического фактора. Заимствуя англоязычный термин «ивент», отечественная наука и практика склонны наделять отличным значением его, а не соответствующий синоним («мероприятие»). Хотя в зарубежной литературе также встречаются альтернативные термины *event* и *special event*, в ней чаще варьируется именно контекст использования и оценки эффективности проведенного мероприятия, а управленческие подходы принципиально меняются в зависимости от применяемого понятия.

Таким образом, был инициирован второй этап исследования, поиск закономерностей в развитии научно-практического осмысления подходов. Результаты анализа данных представлены на рис. 1.

Примечание: поиск проводился по ключевым словам на платформе российской научной электронной библиотеки (elibrary), ограничен научными статьями

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Эволюция контекста рассмотрения предметно-проблемного поля «ивент»

Из представленного на рис. 1 графика можно сделать ряд выводов.

Во-первых, можно установить приблизительные временные маркеры переноса контекста анализа в какую-либо новую область: маркетинг (2005–2006 гг.), имиджелогия и массовые коммуникации (2007 г.), управление персоналом и корпоративная политика (2008 г.), семантика и лингвистика (с 2010 г. по 2012 г. и далее с 2016 г. по 2023 г.), организация досуга, предоставление событийных услуг и событийный туризм (2011 г., одновременно), педагогика и социокультурные последствия проведения (2013 г., одновременно), социальное управление в сфере культуры (2016 г.).

Во-вторых, выделяются два основных направления научно-теоретического анализа и практического применения, идущие параллельно друг другу, – рыночное и социокультурное. При этом автор данной статьи предлагает интерпретировать их следующим образом.

Под рыночным направлением здесь понимается область деятельности, связанная с товарооборотом и экономическим эффектом (в частности, использование мероприятий как повода для привлечения внимания и возможности стимулирования сбыта, предложение организации мероприятий как самостоятельной услуги). Организатор мероприятия «получает возможность „пристроиться” в систему общественных ценностей» [14, с. 120]. При этом он сознательно и целенаправленно не влияет на нее.

Под социокультурным направлением здесь подразумевается область деятельности, сопряженная с процессами ценностного, когнитивного, поведенческого преобразования. Ключевое различие между ними заключается в наличии преобразующего целеполагания относительно целевых групп посетителей, а также (как следствие) в различии соответствующей им целерациональной деятельности субъекта управления.

Как видим из представленного выше графика, социокультурным и социально-управленческим областям уделяется не так много внимания, что свидетельствует об определенной несбалансированности исследовательского интереса, ввиду чего за пределами изучения остаются важные области, связанные с управлением социальными процессами. Такой вывод согласуется с рядом зарубежных исследований, которые будут подробнее проанализированы далее в статье [6; 15; 16].

Наконец, отдельного внимания заслуживает семантический контекст. На представленном на рис. 1 графике это единственный дискретный случай. Точки прерывания предшествуют кратному увеличению количества предметных областей рассмотрения: первое появление связано с возникновением тройной развилки, первое прерывание – с еще одной развилкой, второе появление – с выделением последней

на данный момент вариации рассмотрения. Здесь же можно наблюдать и своего рода обратный процесс, когда стагнирующая область импlications подходов совпадает с непрекращающимися семантическими изысканиями, соответствующими ей по длительности проявления. Это позволяет судить об эволюции как самого понятия, так и соответствующих ей теоретических построений и их практической реализации.

ВЫВОДЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПОДХОДОВ К ИВЕНТ-МЕНЕДЖМЕНТУ

Резюмируя итог проведенного анализа, представим обобщающую хронологию эволюционного развития отечественного ивент-менеджмента. Представленная ниже схема характеризует общую последовательность и качественные различия подходов, задавая их соотношение по моменту появления.

В целом эволюционные трансформации затронули три переменных:

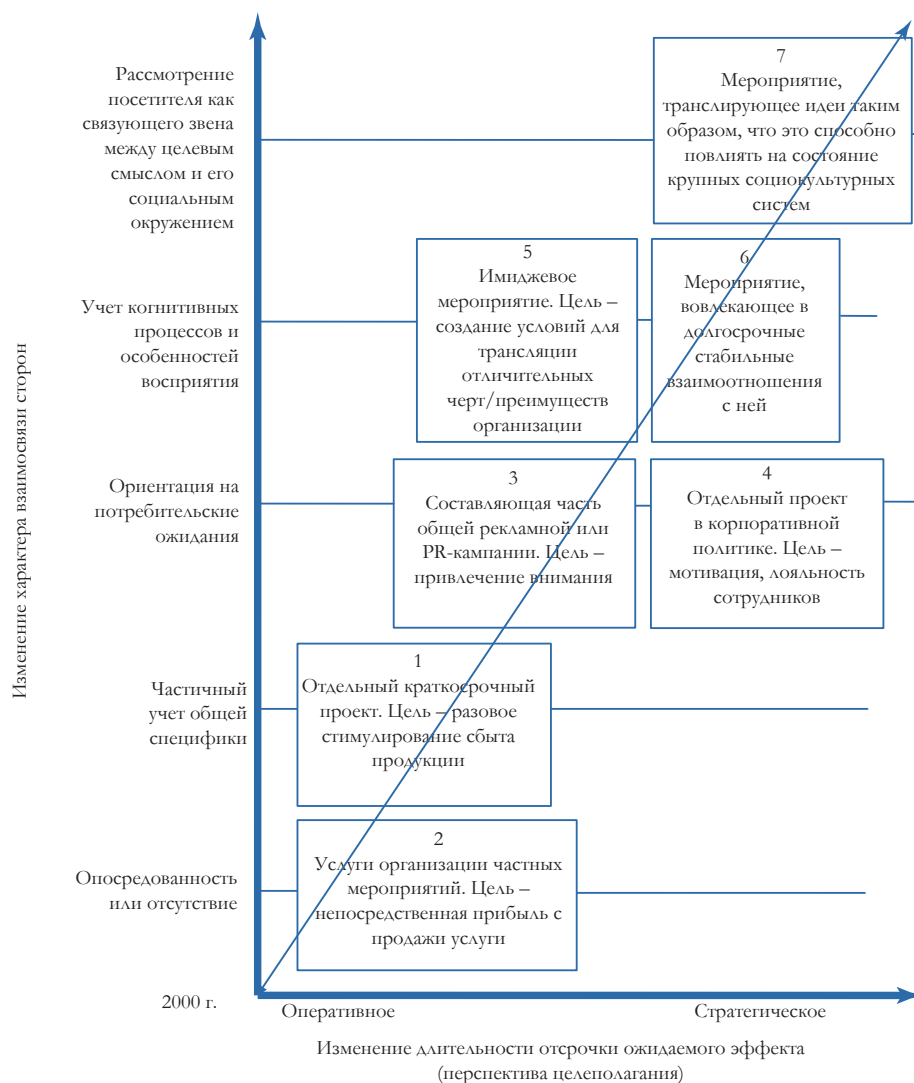
- 1) специфику целеполагания (то есть какой главный результат предполагается достичь в процессе управления), относящуюся к объективной действительности (товар, услуга, организация) или к субъективной (ценности, стереотипы, мнения);
- 2) длительность отсрочки ожидаемого эффекта (то есть когда именно субъект управления ожидает получить видимый и измеряемый результат от проведения мероприятия) – оперативную (мгновенный результат, количественно измеряемый) или стратегическую (отложенный, подразумевающий накопительный эффект, качественно оцениваемый).

3) характер субъект-субъектных отношений организующей стороны и посетителей (то есть насколько активную роль играют посетители в достижении поставленных целей, насколько это предполагается субъектом управления и как в соответствии с этим меняется его подход).

В зависимости от характера проявления данных переменных можно сформировать следующую схему эволюции подходов к управлению (рис. 2).

В настоящий момент на одном историческом промежутке времени широко представлены управленческие подходы, соответствующие этапам с первого по пятый включительно. Подход, соответствующий этапу 6, не столь распространен и свойственен, скорее, крепким, устойчивым, известным брендам, чьи мощности позволяют его реализовывать.

Отметим, что на рис. 2 и в проведенном выше анализе не нашло отражение такое направление развития, как виртуальные (гибридные,

Примечание: PR – англ. public relations (связи общественностью)

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Краткая характеристика основных этапов в развитии отечественных подходов (событийного) ивент-менеджмента

смешанные) мероприятия. Это было сознательным выбором по ряду причин. Во-первых, данное направление получило ускорение ввиду ситуации, связанной с пандемией COVID-19 и было, скорее, формой реакции на внешние условия, а не последовательным эволюционным этапом. Во-вторых, при управлении мероприятиями в данном направлении могут сохраниться и реализоваться многие из представленных на рис. 1 основных подходов с определенными изменениями, не затрагивающими основную специфику подхода. В-третьих, само направление виртуальных, гибридных и прочих мероприятий можно отнести к сфере кибер-досуга в неменьшей (или даже в большей) степени, чем к сфере событийного досуга, что потребует принципиально иного подхода к анализу и выбору теоретической базы. Анализ данной ветви развития, по мнению автора, представляет собой предмет отдельного исследования, который может быть в дальнейшем интегрирован в представленную схему, если это будет целесообразно.

Наконец, этап 7 следует воспринимать как прогнозный вариант, характеризующий дальнейшее потенциальное развитие социокультурной и социально-управленческой коннотации ивент-менеджмента, поскольку уже сейчас постепенно появляются примеры попыток более глубокого и комплексного осмысления двустороннего влияния событий и социокультурного контекста [17].

ОБСУЖДЕНИЕ

СРАВНИТЕЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЭТАП В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПОЛЕ

Автор также считает необходимым выделить два примечательных вектора, которые являются закономерным следствием проведенного рассмотрения и в рамках которых представляются интересным дальнейшие исследовательские изыскания и практические разработки.

Первым примечательным моментом является сравнение результатов анализа общетеоретических научно-исследовательских источников и эмпирического анализа публикационной тематики. Невозможно игнорировать определенное несовпадение в интерпретации той начальной области, в рамках которой начал развиваться сам концепт «ивент» в отечественном дискуссионном пространстве. Так, рядом исследователей в качестве начальной позиции эволюции отмечается сфера организации частных мероприятий, тогда как в научном поле развитие начинается с области маркетинга. С одной стороны, это может объясняться спецификой научно-исследовательского поля, направленного на изучение новых, передовых, дискуссионных аспектов действительности. С другой стороны, это может свидетельствовать об определенной цикличности процесса (что подтверждают и теоретические, и эмпирические методы), в рамках которой ведущее положение попеременно занимает то рыночное, то социокультурное направление. Возможен и третий вариант объяснения, который представляется наиболее релевантным. Здесь имеются в виду столкновение и противопоставление двух точек зрения на целесообразность использования терминологической системы «ивент» как таковой. Различия между ними обусловлены задачами, которые призваны решить введение нового термина:

1) задача семантического выделения главной функции ивент-мероприятия и цели ивент-менеджмента. Словесное дублирование позволяет отделить мероприятия и управленческие подходы, направленные на обеспечение ценностного, стереотипного, поведенческого формирования определенных установок у целевых групп, от мероприятий, не преследующих такой цели;

2) задача создания ценностного предложения. Придание предоставляемой услуге коннотации, отличной от «обыденной», отчасти романтизированной и наделяющей потенциального посетителя определенным статусом, позволяет сформировать специфическую значимость и придать услуге дополнительную выгоду с точки зрения посетителя в части ожидаемого опыта или впечатлений. В этом случае в задачи управления не входит обеспечение реализации преобразующей функции.

Последнее объяснение представляется достаточно аргументированным результатами проведенного анализа, а также тем фактом, что зарубежные исследователи тоже выделяют своего рода специфическое направление развития ивент-сферы, называя его «особенной нишей в организации мероприятий» и приводя в пример свадебные и праздничные агентства [18, с. 217].

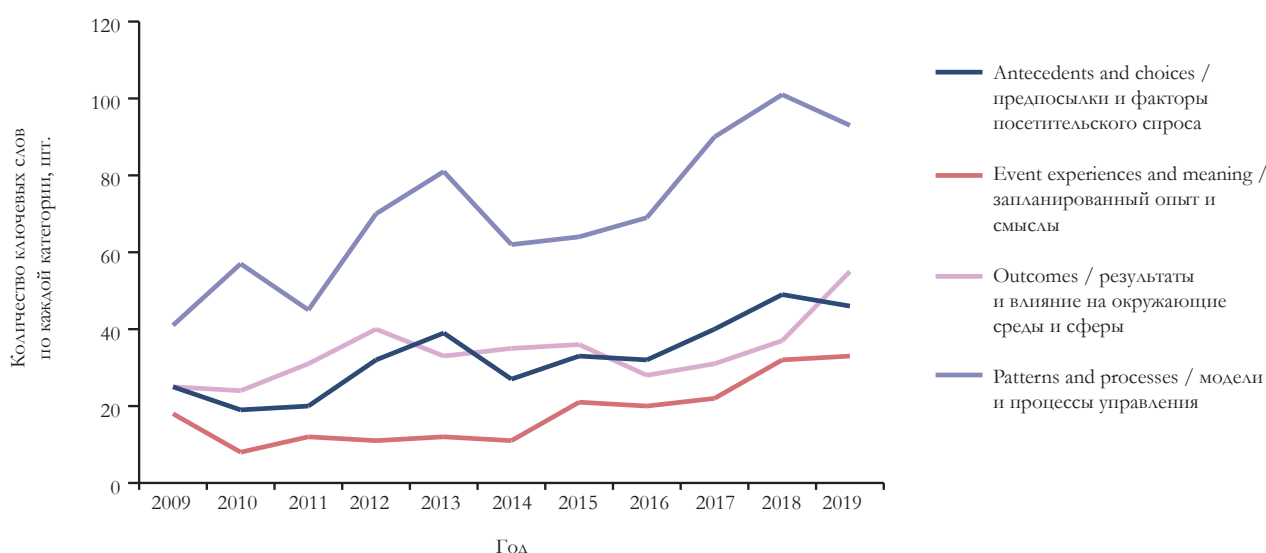
Таким образом, эволюционное направление ивент-менеджмента, в котором ивент-мероприятия рассматриваются изолированно от социально-управленческого контекста с ориентацией на непосредственно экономический эффект, действительно можно рассматривать в качестве параллельного относительно основного направления.

СРАВНИТЕЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЭТАП В ЗАРУБЕЖНОМ ПОЛЕ

Вторым примечательным моментом является сравнение особенностей эволюции концепта «ивент» и соответствующих подходов к управлению в отечественном научно-практическом поле с зарубежным.

Так, одно из иностранных исследований, проведенных по схожей методологии, проанализировало 4 288 слов в выборке из 861 статьи тематических научных журналов [16]. Полученные данные были разделены на 5 тематических категорий: предпосылки и факторы потребительского выбора; результаты и влияние мероприятий на окружающие среды и сферы; запланированный опыт и смыслы; модели и процессы; управление событиями. Они соответствуют модели Д. Гетца, известного зарубежного исследователя и теоретика ивент-менеджмента, the core phenomenon (англ. модель на базе концепции основного явления). Это аналогично выделенным в нашем собственном исследовании группам «досуг и рекреация», «маркетинг», «социокультурный контекст» «туризм», «коммуникативистика», «организация событийной услуги» соответственно. Последняя рассматривается зарубежными авторами отдельно, категоризируясь на подгруппы по отдельным сферам деятельности. Ученые сделали вывод о том, что «данная область развивалась с определенной исходной направленности, которая оставалась относительно стабильной ... что может означать консерватизм среди исследователей событий» [16, с. 212].

Анализируя данные указанного исследования (рис. 3), мы видим: количественно наиболее выражена группа «модели и процессы», а наименее – группа «запланированный опыт и смыслы». Это согласуется с результатами, полученными на отечественной выборке, и подтверждает вывод о том, что рыночное и социокультурное направления развития относительно самостоятельны.

Составлено автором по материалам источника [16]

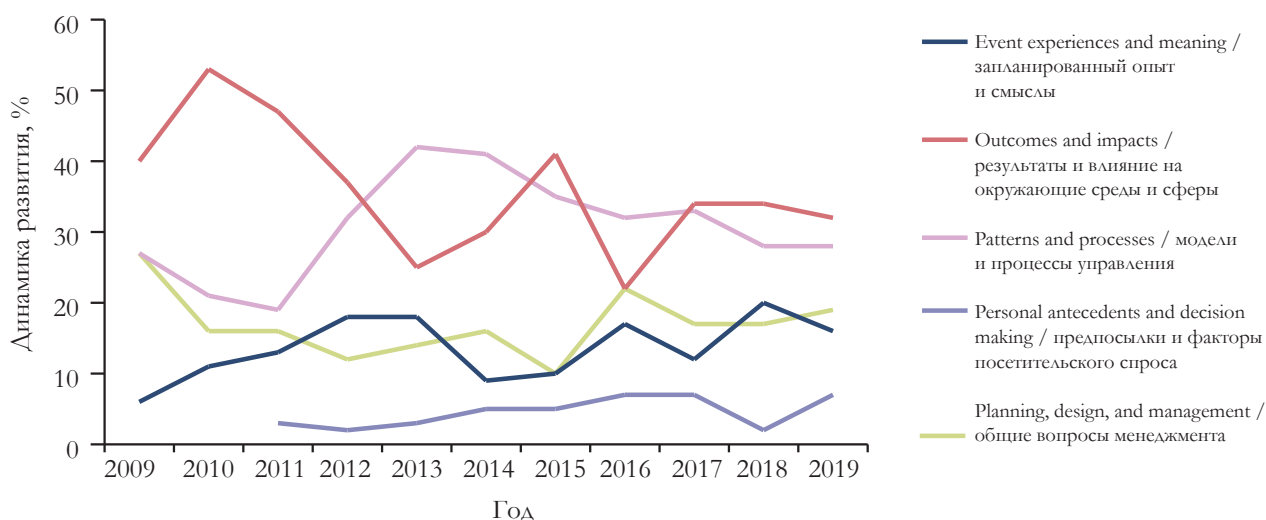
Рис. 3. Динамика развития различных областей исследования в ивент-сфере в англоязычном поле

Другое исследование, в котором анализируется 4 408 статей в научных журналах (не обязательно тематических) с 2000 г. по 2015 г., делает ряд схожих выводов [6]. Так, подчеркиваются схожие, наиболее часто изучаемые темы: на 1-м месте – экономическое развитие и экономический эффект, на 2-м – спонсорство и маркетинг мероприятий с корпоративной точки зрения, на 3-м – общий маркетинг (мотивация и сегментация). Этот вывод поддерживается другими исследователями, выделяющими такие доминирующие направления, как факторы успеха и неудачи [13], организация мероприятий, удовлетворенность и качество обслуживания, мегаивенты, факторы успеха и эффекты [19; 20]. Характеризуя схожую тематическую направленность, исследователи отмечают, что наиболее распространена тема событийного туризма (57 % от общего количества). Далее в порядке уменьшения следуют фестивали и специальные маркетинговые мероприятия, спорт и мероприятия, связанные с государственным актором [6; 21].

Еще одно примечательное исследование было сфокусировано не на тематических или научных журналах, но на статьях, заметках и других материалах более свободного характера в ретроспективе с 1992 г. по 2022 г. [22]. В нем отмечается, что в 1992–2002 гг. материалы были в основном посвящены анализу

экономического эффекта с акцентом на маркетинге, мотивации и оценке удовлетворенности. В последующие же годы внимание постепенно начинали привлекать социальные аспекты и эффекты, хотя степень интереса к ним сравнительно невысока [15; 22].

В завершение анализа интересно обратиться к характеристике неанглоязычного зарубежного исследования (рис. 4), проведенного группой ученых в 2022 г. на выборке из 527 научных публикаций [15]. Исследователи отмечают концентрацию внимания на сферах, связанных с территориальными и экономическими эффектами и организацией мероприятий. Также ими отмечается недостаток публикационной активности в сферах, связанных с формированием посетительского опыта, принятием решений и другими социокультурными направлениями. Этот вывод поддерживается другими исследователями [17].

Составлено автором по материалам источника [15]

Рис. 4. Динамика развития различных областей исследования в ивент-сфере в неанглоязычном поле

ВЫВОДЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ОБЩЕЙ ЭВОЛЮЦИИ ПОДХОДОВ К ИВЕНТ-МЕНЕДЖМЕНТУ

Сравнивая данные по отечественной и иностранной публикационной активности и эволюции подходов к ивент-менеджменту, отметим следующее. Во всех трех случаях (отечественный, зарубежный англоязычный и зарубежный неанглоязычный) существует специфическое направление, в большей или меньшей степени противопоставленное альтернативному и связанное с социокультурным фактором (ценностные, поведенческие, личностно-ориентированные контексты, сопряженные с качественным преобразованием посетителя или исследованием закономерностей его реагирования на различные стимулы). При этом данное направление проявляется обособленно и выражено слабо, проявляется недостаточная готовность к его развитию и разработке.

Подобное разветвление рыночного и социокультурного контекстов провоцирует нас на соответствующее разделение терминологии, относящейся к первому и второму направлениям. Так, закрепившееся в научном и обыденном обороте понятие ивент-менеджмента представляется возможным и необходимым дополнить понятием управления ивент-деятельностью.

Ивент-менеджмент в общем виде принято определять как «полный комплекс мероприятий по созданию массовых и корпоративных событий» [23, с. 275]. В частности, сегментация, создание концепции, планирование и бюджетирование, организация исполнительских работ по воплощению плана, логистика, координация [24]. В рамках развития рыночного направления подобное определение и рассмотрение этапов жизненного цикла управления представляются исчерпывающими.

Однако, как было показано ранее, эволюционное развитие затрагивает такие важные переменные, как нюансы целеполагания и характер взаимоотношений субъекта управления (организующей стороны) и посетителей. Как видно из рис. 2, вклад посетителей в конечный результат все интенсивнее проявляется в новых подходах, соответственно, изменяя характер целеполагания. Происходит расширение области управления за пределы непосредственной организации инфраструктуры площадки, разработки

и проведения программы. В нее постепенно входят процессы, связанные с направлением внимания аудитории и посетителей, целевой смыслопередачей, фокусированием их активности.

Соответствующим образом расширяются и границы ивент-менеджмента, в который становится необходимо включать не только взаимоотношения менеджеров и исполнителей организационно-подготовительных работ, но также их взаимоотношения и взаимодействия с посетителями в части направления, фокусирования, вовлечения и передачи смыслов. То есть как совокупность взаимосвязывающих эти две подсистемы процессов, целерациональное управление которыми в соответствии с поставленной долгосрочной (стратегической) целью можно определить как управление ивент-деятельностью.

Подобное расширение понятия в целом соответствует модели Д. Гетца, согласно которой исследования ивент-менеджмента являются субобластью более широкой области «ивент-учения» [25, с. 6]. Кроме того, тем же автором отмечается, что изучение вопросов ивент-менеджмента с более широких системных позиций позволит подготавливать специалистов и реализовывать мероприятия, которые «выживут в долгосрочной перспективе» [1, с. 182].

Таким образом, описанное направление эволюции подходов к ивент-менеджменту и переход к управлению ивент-деятельностью представляются закономерным этапом развития и расширения этой сферы, особенно в контексте таких популярных подходов, как экосистемный и стейкхолдерский.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленном исследовании проанализирована траектория совершенствования подходов к ивент-менеджменту как на общетеоретическом уровне, качественно характеризующем развитие практики событийного менеджмента, так и на эмпирическом, количественно характеризующем изменение направлений научно-теоретического осмысления феномена «ивент» и соответствующих управленческих подходов.

При анализе эволюционных трансформаций сделан ряд концептуальных выводов, конкретизирующих и систематизирующих некоторые аспекты, остававшиеся за границами системного и сравнительно-исторического анализа:

- ключевые переменные, подверженные эволюционным изменениям;
- номенклатура управленческих подходов и их сравнительная характеристика;
- параллельные направления развития научно-прикладных областей;
- соответствующие им особенности развития управленческих подходов;
- сравнительная характеристика отечественного, англоязычного и неанглоязычного научно-практического поля.

В целом эволюция затрагивает три переменных: специфику целеполагания, длительность отсрочки ожидаемого эффекта, характер субъект-субъектных отношений организующей стороны и посетителей. В зависимости от их соотношения выделены и графически представлены 7 подходов к управлению (соответствующие эволюционным этапам). Развитие ивент-менеджмента идет параллельно по двум направлениям – рыночному и социокультурному. Первое направление доминирует, второе является стагнирующим, но перспективным в контексте социального управления. Их различия обусловлены характером проявления эволюционных переменных. Соответствующие управленческие подходы развиваются как ивент-менеджмент и управление ивент-деятельностью.

Проведенное исследование обобщает наработки отечественного ивент-менеджмента, связанные с текущим этапом его развития, представляет их сравнительную характеристику и особенности контекста применения, а также выделяет дальнейшее потенциально возможное направление совершенствования. Вместе с тем полученные данные и выводы указывают на возможные пути дальнейших разработок: концептуальных и прикладных, частнонаучных и отраслевых. Отечественную науку и практику в области ивент-деятельности часто оценивают как догоняющую или запаздывающую. Однако развитие более разнообразной семантической дифференциации открывает перед отечественной управленческой теорией и практикой дополнительные возможности для разработки и построения новых, отличных от зарубежных вариаций. Это открывает новые направления изучения и прикладных разработок как для бизнес-сектора, так и для государственного.

Список литературы

1. Baum T., Lockstone-Binney L., Robertson M. Event studies: finding fool's gold at the rainbow's end? *International Journal of Event and Festival Management*. 2013;3(4):179–185. <https://doi.org/10.1108/IJEFM-06-2013-0014>

2. Бочкарева Е.С. Событийный маркетинг как инструмент продвижения бренда: современные тенденции развития отрасли. Экономика и бизнес: теория и практика. 2022;3–1(85):27–30. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-3-1-27-30>
3. Allen J., Harris R., Jago L., Tantrai A., Jonson P., D'Arcy E. Festival and special event management. Milton.: John Wiley & Sons; 2022. 432 p.
4. Милованова Р.В. Мегасобытие «Олимпиада-80»: информационно-пропагандистский инструментарий советской ивент-дипломатии. Управление в современных системах. 2016;3(10):49–57.
5. Tjandra N.C., Ribova I., Snell S., Den H.C.S., Theodoraki E. Mega-events brand meaning co-creation: the Olympic case. Journal of Product & Brand Management. 2021;1(30):58–73. <https://doi.org/10.1108/JPBM-08-2019-2539>
6. Aguiar-Quintana T. Under-researched areas of event management in the past 15 years. Journal of Tourism & Hospitality. 2015;3(4):160–167. <http://dx.doi.org/10.4172/2167-0269.1000160>
7. Мухина М.В., Каткова О.В., Мухина Е.С., Авдонина А.С., Бочкарева Ю.В. Совершенствование технологий event-маркетинга. Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019;2(36):248–254.
8. Рыльская Е.Е. История, специфика и ключевые особенности event-маркетинга. Научный электронный журнал Меридиан. 2021;5(58):78–80.
9. Христова Х.А. Влияние управления событиями (ивент-менеджмент) в корпоративной культуре. Научные вести. 2021;3(32):133–146.
10. Bieatt V., Richards G. Event experiences: measurement and meaning. Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events. 2020;3(12):277–292. <https://doi.org/10.1080/19407963.2020.1820146>
11. Саркисян О.А., Берулава А.А., Агаева С.Т. Event-мероприятия как основа интегрированных маркетинговых коммуникаций. Коммуникология. 2017;2(2):53–62.
12. Reddy A.J., Ashraf A., Ramesh U., Reddy V.B., Samrudh J. Impact of economic and political policies in event management industry. Asian Journal of Management and Commerce. 2023;4(1):110–115. <https://doi.org/10.22271/27084515.2023.v4.i1b.152>
13. Matheson C.M., Tinsley R. The carnivalesque and event evolution: a study of the Beltane Fire Festival. Leisure Studies. 2016;3(35). <http://dx.doi.org/10.1080/02614367.2014.962591>
14. Синцов М., Добрянский Р., Добрянская Н. Event-менеджмент: сущность и особенности организации. В кн.: Проблемы и вызовы экономики региона в условиях глобализации: сборник статей VI Национальной научно-практической конференции, Комрат, 26 ноября 2020 г. Комрат: Комратский государственный университет; 2020. С. 118–123.
15. Richards G., Censon D., Gračan D., Haressy M., Királlová A., Marulic E. et al. Event management literature: exploring the missing body of knowledge. Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events. 2022;1(17):172–193. <https://doi.org/10.1080/19407963.2022.2128810>
16. Yeung E., Thomas R. The “long tail” of event management research: evidence from the field’s main journals. Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events. 2022;2(14):207–214. <https://doi.org/10.1080/19407963.2020.1862855>
17. Rai Sh., Nayak J.K. Conceptualization and development of event experience scale: lessons from India. Tourism Review. 2020;2(75):369–381. <https://doi.org/10.1108/tr-10-2018-0143>
18. Richards G. Pulling the long tail of event management research. Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events. 2022;2(14):215–218. <https://doi.org/10.1080/19407963.2021.1890755>
19. Srivastava P.R., Eachempati P., Sharma D. Fourteen years of event management: a bibliometric analysis. Event Management. 2022;3(26):531–545. <https://doi.org/10.3727/152599521X16106577965161>
20. Ibrahim I., Sa'aid H.B., Yulianan R. Major trends in festivals events research: a bibliometric study. International Journal of Academic Research in Business & Social Sciences. 2023;5(13):1632–1648. <http://dx.doi.org/10.6007/IJARBS/v13-i5/16674>
21. Ghaderi Z., Abdollahi A., Shekari F., Walker M., Farrokhsad N. A bibliometric analysis of the event industry. Event Management. 2023;5(27):781–807. <https://doi.org/10.3727/152599523X16836740488013>
22. Duignan M.B. Thirty years of events-related research (1992–2022): published works in annals of tourism research and annals of tourism research empirical insights. Annals of Tourism Research. 2023;100. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2023.103556>
23. Шкурко Н.С., Михайлова А.В., Гаврильева В.Н. Event-менеджмент в контексте управления территорией: региональная практика. Modern Economy Success. 2020;3:273–281.
24. Тебекин А.В. Развитие направлений прикладного менеджмента в постиндустриальную эпоху: часть 1 – от А до И. Журнал экономических исследований. 2024;5(10):24–30.
25. Getz D., Page S.J. Event studies. Theory, research and policy for planned events. Milton Park: Routledge; 2019. 576 p.

References

1. Baum T., Lockstone-Binney L., Robertson M. Event studies: finding fool's gold at the rainbow's end? *International Journal of Event and Festival Management*. 2013;3(4):179–185. <https://doi.org/10.1108/IJEFM-06-2013-0014>
2. Bochkareva E.S. Event marketing as a brand promotion tool: current trends in the development of the sector. *Journal of Economy and Business*. 2022;3–1(85):27–30. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-3-1-27-30>
3. Allen J., Harris R., Jago L., Tantrai A., Jonson P., D'Arcy E. *Festival and special event management*. Milton.: John Wiley & Sons; 2022. 432 p.
4. Milovanova R.V. "Olimpiada-80" – the Soviet mega-event in the conditions of cold war. *Management in modern systems*. 2016;3(10):49–57. (In Russian).
5. Tjandra N.C., Ribova I., Snell S., Den H.C.S., Theodoraki E. Mega-events brand meaning co-creation: the Olympic case. *Journal of Product & Brand Management*. 2021;1(30):58–73. <https://doi.org/10.1108/JPBM-08-2019-2539>
6. Aguiar-Quintana T. Under-researched areas of event management in the past 15 years. *Journal of Tourism & Hospitality*. 2015;3(4):160–167. <http://dx.doi.org/10.4172/2167-0269.1000160>
7. Mukhina M.V., Katkova O.V., Mukhina E.S., Andonina D.S., Bochkareva Yu.V. Improving the technologies of event marketing. *Innovative economy: prospects for development and improvement*. 2019;2(36):248–254. (In Russian)
8. Rylskaya E.E. History, specificity, and key features of event marketing. *Scientific electronic journal Meridian*. 2021;5(58):78–80. (In Russian)
9. Hristova H.A. Influence of the event management on the corporate culture. *Scientific news*. 2021;3(32):133–146. (In Russian)
10. Biaett V., Richards G. Event experiences: measurement and meaning. *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*. 2020;3(12):277–292. <https://doi.org/10.1080/19407963.2020.1820146>
11. Sarkisyan O.A., Bernlava A.L., Agaeva S.T. Events as a basis for integrated marketing communications. *Communicology*. 2017;2(2):53–62. (In Russian).
12. Reddy A.J., Asbraf A., Ramesh U., Reddy V.B., Samrudh J. Impact of economic and political policies in event management industry. *Asian Journal of Management and Commerce*. 2023;4(1):110–115. <https://doi.org/10.22271/27084515.2023.v4.i1b.152>
13. Matheson C.M., Tinsley R. The carnivalesque and event evolution: a study of the Beltane Fire Festival. *Leisure Studies*. 2016;3(35). <http://dx.doi.org/10.1080/02614367.2014.962591>
14. Sintsov M., Dobrynsky R., Dobrynskaya N. Event management: the essence and features of the organization. In: *Problems and challenges of the regional economy in the context of globalization: Proceedings of the VI National Scientific and Practical Conference, Comrat, November 26, 2020*. Comrat: Comrat State University; 2020. Pp. 118–123. (In Russian)
15. Richards G., Censon D., Gračan D., Haessy M., Királová A., Marulic E. *et al.* Event management literature: exploring the missing body of knowledge. *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*. 2022;1(17):172–193. <https://doi.org/10.1080/19407963.2022.2128810>
16. Yeung E., Thomas R. The "long tail" of event management research: evidence from the field's main journals. *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*. 2022;2(14):207–214. <https://doi.org/10.1080/19407963.2020.1862855>
17. Rai Sh., Nayak J.K. Conceptualization and development of event experience scale: lessons from India. *Tourism Review*. 2020;2(75):369–381. <https://doi.org/10.1108/tr-10-2018-0143>
18. Richards G. Pulling the long tail of event management research. *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*. 2022;2(14):215–218. <https://doi.org/10.1080/19407963.2021.1890755>
19. Srivastava P.R., Eachempati P., Sharma D. Fourteen years of event management: a bibliometric analysis. *Event Management*. 2022;3(26):531–545. <https://doi.org/10.3727/152599521X16106577965161>
20. Ibrahim I., Sa'aid H.B., Yulianan R. Major trends in festivals events research: a bibliometric study. *International Journal of Academic Research in Business & Social Sciences*. 2023;5(13):1632–1648. <http://dx.doi.org/10.6007/IJARBS/v13-i5/16674>
21. Ghaderi Z., Abdollahi A., Shekari F., Walker M., Farrokhzad N. A bibliometric analysis of the event industry. *Event Management*. 2023;5(27):781–807. <https://doi.org/10.3727/152599523X16836740488013>
22. Dignan M.B. Thirty years of events-related research (1992–2022): published works in annals of tourism research and annals of tourism research empirical insights. *Annals of Tourism Research*. 2023;100. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2023.103556>
23. Shkurko N.S., Mikhaylova A.V., Gavrilova V.N. Event management in the context of management of the territory: regional practice. *Modern Economy Success*. 2020;3:273–281. (In Russian).
24. Tebekin A.V. Development of applied management directions in the post-industrial era: part 1 – from A to I. *Journal of economic studies*. 2024;5(10):24–30. (In Russian)
25. Getz D., Page S.J. *Event studies. Theory, research and policy for planned events*. Milton Park: Routledge; 2019. 576 p.

Неопределенные налоговые позиции и преимущества налоговой сверки: международный опыт

Аксентьев Андрей Андреевич

Аспирант

ORCID: 0000-0002-0838-4729, e-mail: anacondaz7@rambler.ru

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация

Цель исследования – анализ опыта Соединенных Штатов Америки и Великобритании по регламентации требований к составлению отчета о неопределенных налоговых позициях (отчета UTP – англ. uncertain tax positions) как инструмента повышения эффективности налогового администрирования. Задачи – сравнительная характеристика отдельных требований американских и британских налоговых органов к предоставлению отчета, а также определение преимуществ от налоговой сверки по неопределенным налоговым позициям. Работа теоретическая, используются общенаучные методы: диалектический метод научного познания, метод сбора теоретической и нормативно-правовой информации, анализ, сравнение, синтез. Охарактеризованы ключевые особенности предоставления отчета UTP в американской и британской практике, выделены отличительные черты между требованиями налоговых регуляторов. Установлено, что отчет UTP – средство коммуникации между бизнесом и налоговым органом по вопросам спорных областей налогового законодательства. В отчете организации раскрывают информацию о зарегистрированных налоговых резервах (непризнанных налоговых выгодах), показывающих потенциальную задолженность государству, если налоговая позиция будет оспорена в пользу бюджета. Продемонстрированы преимущества, получаемые компаниями и налоговым органом в результате налоговой сверки по неопределенным налоговым позициям. Сделан вывод: первоначально учет последних регламентировался американскими бухгалтерскими стандартами, однако налоговый орган для повышения эффективности налогового администрирования и снижения издержек налогового аудита обязал бизнес раскрывать соответствующую информацию в специализированном отчете. В свою очередь, компании в случае надлежащего раскрытия информации освобождаются от штрафных санкций. Ввиду того, что процедура составления отчета UTP новая, многие экономические, правовые и бухгалтерские аспекты неизвестны и выступают направлениями будущих исследований.

Ключевые слова

Неопределенные налоговые позиции, непризнанные налоговые выгоды, неопределенная налоговая трактовка, налоговое администрирование, налоги на прибыль, налоговая позиция, налоговая сверка

Для цитирования: Аксентьев А.А. Неопределенные налоговые позиции и преимущества налоговой сверки: международный опыт // Вестник университета. 2025. № 5. С. 93–104.

Uncertain tax positions and benefits of tax reconciliation: international experience

Andrei A. Aksent'ev

Postgraduate Student

ORCID: 0000-0002-0838-4729, e-mail: anacondaz7@rambler.ru

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract

The purpose of the study is to analyse the experience of the United States of America and Great Britain in terms of regulation of requirements for the preparation of a report on uncertain tax positions (hereinafter referred to as UTP report) as a tool to improve the efficiency of tax administration. The objectives are the comparative characterisation of individual requirements imposed by the American and British tax authorities to the provision of the report as well as determination of the benefits of tax reconciliation on the UTP. The work is theoretical, general scientific methods are used: dialectical method of scientific cognition, method of collecting theoretical and regulatory information, analysis, comparison, synthesis. We have characterised the key features of the UTP report in the American and British, distinguished features between the requirements of tax regulators. It is established that the UTP report is a means of communication between business and tax authority on issues of controversial areas of tax legislation. In the UTP report organisations disclose information about registered tax reserves (unrecognised tax benefits), which show potential indebtedness to the state if a tax position is challenged in favour of the budget. We demonstrate the benefits accrued to companies and tax authority as a result of the tax reconciliation of the UTP. In conclusion, initially, they were regulated by American accounting standards, but the tax authority, to improve the efficiency of the tax administration and reduce the costs of tax audit, obliged businesses to disclose the relevant information in a specialised report. In turn, companies in case of proper disclosure of the information may be exempted from penalties. Due to the fact that the UTP report procedure is recent, many economic, legal, and accounting aspects remain unstudied and are areas for future research.

Keywords

Uncertain tax positions, unrecognised tax benefits, uncertain tax treatment, tax administration, income taxes, tax position, tax reconciliation

For citation: Aksent'ev A.A. (2025) Uncertain tax positions and benefits of tax reconciliation: international experience. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 93–104.

ВВЕДЕНИЕ

В 2010 г. Служба внутренних доходов (англ. Internal Revenue Service, далее – IRS) Соединенных Штатов Америки (далее – США) разработала специальный график (отчет) о неопределенных налоговых позициях (англ. Uncertain Tax Position Statement, или Schedule UTP, где UTP – это uncertain tax positions). Указанный отчет, по существу, является дополнением к налоговой декларации по налогу на прибыль (форма 1120). Американские компании обязаны подавать график UTP начиная с налогового 2010 г. и по настоящее время¹.

Вслед за США в 2022 г. аналогичную практику представления информации о неопределенных налоговых позициях ввела Великобритания². Великобритания использовала терминологию из международных стандартов финансовой отчетности (далее – МСФО, англ. International Accounting Standards, далее – IAS) – uncertain tax treatment (англ. неопределенный налоговый режим, далее – UTT), (иногда в русском переводе можно встретить «неопределенная налоговая трактовка», что, по существу, то же самое, что и «неопределенная налоговая позиция» в США). В других странах, в том числе в Российской Федерации (далее – РФ, Россия), насколько нам известно, отсутствует обязанность составлять и предоставлять отчет UTP в налоговый орган.

ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Неопределенная налоговая позиция – это в первую очередь бухгалтерский термин, который стал использоваться в практике США в рамках интерпретации FIN 48 (англ. Financial Interpretation Number 48 – интерпретация правил бухгалтерского учета номер 48) Accounting for Uncertainty in Income Taxes (англ. учет неопределенности в отношении налогов на прибыль) от 2006 г. стандарта SFAS (англ. Statement of Financial Accounting Standards – положение о стандартах финансового учета) No. 109 Accounting for Income Taxes. Цель интерпретации FIN 48 состояла в том, чтобы дать предприятиям единый регламент для признания и оценки условных обязательств, связанных с налогом на прибыль. Последнее должно было повысить релевантность и сопоставимость финансовой отчетности в части раскрытия информации о налогах на прибыль³. Впоследствии стандарты бухгалтерского учета США были кодифицированы, а требования FIN 48 в настоящее время включены в FASB ASC 740 “Income taxes” (FASB – Financial Accounting Standards Board, Совет по стандартам финансового учета; ASC – англ. Accounting Standards Codification, кодификация стандартов бухгалтерского учета).

В рамках системы МСФО вопросы учета неопределенных налоговых позиций рассматриваются в IFRIC 23 (англ. International Financial Reporting Interpretations Committee – Международный комитет по интерпретации финансовой отчетности) “Uncertainty over Income Tax Treatments” (англ. неопределенность в отношении правил исчисления налога на прибыль), которое выступает разъяснением к IAS 12 “Income Taxes”. Однако в предыдущем исследовании поставлен акцент на том, что IFRIC 23 дает крайне неадекватное разъяснение с точки зрения теории учета налогов на прибыль [1]. Другими словами, Совет по международным стандартам финансовой отчетности (англ. International Accounting Standards Board) попытался сделать кальку с американской FIN 48, чего надлежащим образом добиться не удалось. В рамках настоящей работы бухгалтерские аспекты учета неопределенных налоговых позиций не анализируются, но следует пояснить сам термин «неопределенная налоговая позиция» в рамках американской практики (в свою очередь, терминологию МСФО в части IFRIC 23 имеет смысл рассмотреть в отдельной работе с целью критической оценки самого разъяснения. Ввиду того, что оно не является адекватным, в настоящей работе определения из IFRIC 23 не приводятся). В словаре FASB ASC 740 термин «налоговая позиция» представлен следующим образом: «позиция в ранее поданной налоговой декларации или позиция, которая, как ожидается, будет занята в будущей налоговой декларации, которая отражается в измерении текущих или отложенных активов и обязательств по налогу на прибыль за промежуточные или годовые периоды. Налоговая позиция может привести к постоянному сокращению

¹ Internal Revenue Service. Uncertain tax positions – schedule UTP. Режим доступа: <https://www.irs.gov/businesses/corporations/uncertain-tax-positions-schedule-utp> (дата обращения: 19.02.2025).

² Gov.uk. Check if you need to notify HMRC about an uncertain tax treatment. Режим доступа: <https://www.gov.uk/guidance/check-if-you-need-to-notify-hmrc-about-an-uncertain-tax-treatment> (дата обращения: 19.02.2025).

³ Financial Accounting Standards Board. Summary of Interpretation No. 48. Режим доступа: <https://www.fasb.org/page/PageContent?pageId=/reference-library/superseded-standards/summary-of-interpretation-no-48.html&bcpath=tff> (дата обращения: 19.02.2025).

уплачиваемых налогов на прибыль, отсрочке уплаты последних, которые в противном случае в настоящее время подлежали бы уплате, на будущие годы или изменению ожидаемой реализуемости отложенных налоговых активов»⁴.

В данном определении речь идет о том, что налоговое планирование (в рамках темы настоящего исследования – в отношении налога на прибыль) предприятия оказывает идентифицируемое влияние на его финансовое положение. В связи с этим в целях бухгалтерского учета, в соответствии с требованиями FASB ASC 740, организация должна применить двухэтапный процесс оценки налоговой позиции (более подробней рассмотрено в работе А.А. Аксентьева [1]):

- на первом этапе бухгалтер признает / не признает налоговую позицию (базовый порог признания – более вероятно, чем нет, то есть более 50 %);
- на втором этапе проводится оценка определенной налоговой выгоды (выявляется кумулятивным методом) и непризнаваемой налоговой выгоды (есть разница между неопределенной и определенной налоговой выгодой).

Далее определенные налоговые выгоды фиксируются на счетах бухгалтерского учета (бухгалтерские записи рассмотрены подробно в работе А.А. Аксентьева [1]). В свою очередь, непризнаваемые налоговые выгоды (англ. *unrecognised tax benefits*, далее – УТВ) представляют собой оценочные обязательства (резервы, англ. *provisions*), которые корректируют эффективную налоговую ставку и «показывают потенциальную задолженность организации по налогу на прибыль и соответствующий денежный отток, если налоговый орган оспорит налоговую позицию в условиях неопределенности» [1, с. 127].

Именно непризнанные налоговые выгоды указываются в отчете УТР в рамках занятой организацией неопределенной налоговой позиции.

Экономический смысл УТВ заключается в следующем. Менеджеры предприятия, управляя налоговым потоком, могут использовать различные преференции, вычеты, инструменты и т.п., предлагаемые налоговым законодательством, что в своей совокупности влияет на налогооблагаемую прибыль и как итог – на текущие обязательства перед бюджетом. Заявляя в налоговой декларации ту или иную сумму вычета, дохода, расхода и т.п., предприятие занимает налоговую позицию. В системе налогового учета она фиксируется фактически, то есть соответствует реальным действиям налоговых менеджеров. Однако на практике может сложиться ситуация, когда та или иная сумма, заявляемая в декларации, является спорной. Например, выделяются следующие основные категории, в отношении которых регистрируются УТВ:

- вычеты и кредиты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее – НИОКР);
- слияния и поглощения;
- амортизация;
- трансфертное ценообразование и др. [2; 3].

На практике они спорные потому, что бизнес и налоговый орган неоднозначно могут как интерпретировать текст налогового кодекса, так и осуществлять расчеты в отношении применения той или иной льготы. Отсюда двухэтапный процесс оценки налоговой позиции предполагает, что бухгалтер из УТР выделит определенную налоговую выгоду (которая однозначно будет принята налоговым органом и к которой у него не будет никаких претензий) и непризнаваемую в целях бухгалтерского учета налоговую выгоду. Подчеркнем, что в налоговом учете организация может заявить в декларации все что угодно (любой вычет, расход и т.п.), но в целях бухгалтерского учета проводится оценка того, что выгода от занятой налоговой позиции будет реально получена организацией. Если существует вероятность того, что налоговый орган оспорит налоговую позицию, которая изначально была спорной, то такие выгоды в целях бухгалтерского учета признавать нельзя до тех пор, пока УТР не будет урегулирована (например, в результате соглашения с налоговым органом, судебного разбирательства, истечения срока исковой давности и т.д.).

Ввиду того, что тема работы является узкой и практически не рассматривается в научных статьях, крайне актуально проанализировать опыт США и Великобритании в части регламентации требований по составлению отчета УТР и предоставления его налоговому органу.

Цель настоящего исследования состоит в анализе международного опыта (США и Великобритании) использования отчета УТР как инструмента коммуникации налогового органа и бизнеса по спорным вопросам налогообложения и в определении преимуществ такой сверки.

⁴ Financial Accounting Standards Board. Income taxes. 20 Glossary. Режим доступа: <https://asc.fasb.org/1943274/2147482639> (дата обращения: 19.02.2025).

Теоретическая значимость исследования состоит в рассмотрении данного отчета УТР как инструмента повышения эффективности налогового администрирования.

Практическая значимость заключается в том, что в работе проведен анализ требований, предъявляемых налоговыми органами США и Великобритании к бизнесу в части раскрытия информации о неопределенных налоговых позициях. В связи с этим, результаты работы могут быть использованы Россией в случае заимствования и правовой трансформации аналогичной практики.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

С. Гупта, Р.К. Лаукс и Д.П. Линч в своей работе акцентируют внимание на том, что многие американские компании манипулировали учетом условных налоговых обязательств с целью управления прибылью. В связи с этим FASB на фоне крупнейших корпоративных скандалов (Enron, WorldCom, Tyco, Qwest и др.) в США взялся за регулирование «непрозрачной» области бухгалтерского учета и разработал FIN 48 [4, с. 1044–1045]. В свою очередь, С. Гупта с соавторами с помощью эконометрических тестов подтвердили, что после внедрения последней практика управления прибылью за счет создания налоговых резервов была ограничена. Последнее связывается, в частности, с тем, что аудиторы в рамках требований FIN 48 стали уделять повышенное внимание налоговым резервам [4].

Н. Голдман дополняет, что FIN 48 была разработана потому, что не все налоговые позиции, занятые компаниями, подтверждались аудитом со стороны IRS. Другими словами, предприятия могли регистрировать налоговые выгоды в полном объеме, при том что последние были спорными, а значит, в отношении них существовала вероятность возврата, то есть необходимость вернуть излишне заявленные льготы в бюджет. Н. Голдман документирует, что те фирмы, которые раскрывали информацию о УТВ в соответствии с FIN 48, столкнулись с сокращением корпоративных инвестиций на 8,46–9,44 %. Последний эффект может быть результатом уменьшения информационной асимметрии [2].

К.А. Глисон, А.Ф. Милас и М.А. Несса изучили точность налоговых резервов, созданных в отношении неопределенных налоговых позиций, в зависимости от того, пользовалась ли компания налоговыми услугами, предоставляемыми аудитором, или нет. К.А. Глисон и соавторы документируют, что те фирмы, которые пользовались налоговыми услугами аудиторов до и после FIN 48, в среднем создавали адекватные (точные) резервы по УТВ, в отличие от тех предприятий, которые не прибегали к ним. Ключевой вывод работы соавторов состоит в том, что после внедрения FIN 48 практика раскрытия и сопоставимости информации между фирмами о непризнаваемых налоговых выгодах улучшились [5].

П.Дж. Фришман, Т. Шевлин, Р. Уилсон подчеркивают, что, когда FASB в 2005 г. опубликовала проект раскрытия информации об учете УТВ, профессиональная среда отреагировала на него негативно, поскольку, во-первых, новые требования обязывали бизнес сообщать данные о наиболее спорных налоговых позициях IRS, предоставляя налоговому органу дорожную карту для будущих проверок, а во-вторых, соблюдение правил FIN 48 могло привести к существенному увеличению налоговых резервов [6].

А.Ф. Милас, А.А. Робинсон и Р.К. Сансинг согласны с тем, что «правительство получает сигнал об уровне неопределенности налогоплательщика в отношении его позиций при подаче налоговых деклараций» [7, с. 1722]. Они моделируют стратегическое поведение налогоплательщика и правительства в результате внедрения FIN 48. Авторы приходят к выводу, что раскрытие информации о УТВ необязательно наносит ущерб бизнесу. Во-первых, если компания в целях бухгалтерского учета признает определенные налоговые выгоды в рамках занятой налоговой позиции, если ее проверили аудиторы, то IRS, скорее всего, может отказаться от аудита [7]. Последнее обосновывается тем, что аудиторы при проверке финансовой отчетности оценивают имеющиеся доказательства в части определенности налоговой позиции. Во-вторых, у IRS нет бюджета, чтобы проводить налоговый аудит в отношении всех налогоплательщиков, а значит, налоговый орган будет уделять усиленное внимание предприятиям с «агрессивными» налоговыми претензиями и «слабыми» налоговыми позициями [7, с. 1738–1739].

Р.Д. Лоренс рассматривает последствия введения FIN 48 со стороны хедж-фондов, называя требования о раскрытии информации о УТВ красным флагом для IRS [8]. Автор считает, что хедж-фонды не заинтересованы в том, чтобы сообщать своим инвесторам о наличии тех или иных схем, связанных с уклонением от уплаты налогов [8].

Аналогичной точки зрения придерживаются А.А. Робинсон и А.П. Шмидт, которые подчеркивают, что раскрытие информации в соответствии с FIN 48 может ослабить конкурентные позиции компании [9].

В своем исследовании авторы документируют, что инвесторы в среднем «наказывают» (упрощенно говоря, рыночная стоимость предприятия снижается) фирмы, раскрывающие высококачественную информацию о УТВ [9, с. 110]. Последнее объясняется тем, что затраты на собственность (англ. *proprietary costs*) могут увеличиваться в результате сообщения конфиденциальных данных. Л.А. Робинсон и А.П. Шмидт показывают: фирмы, которые в существенных масштабах занимались уклонением от уплаты налогов, имели более низкий уровень соблюдения FIN 48. В свою очередь, инвесторы могут поддерживать компанию в утаивании информации о реальных налоговых резервах [9].

А. Кестер в своей работе приходит к аналогичному выводу, документируя тот факт, что инвесторы положительно оценивают деятельность менеджеров по уклонению от уплаты налогов. В качестве причин Кестер А. выделяет следующие:

- во-первых, если фирма занимала неопределенные налоговые позиции в прошлом и имеет их в настоящем, то, скорее всего, она будет продолжать такую же налоговую стратегию, в связи с чем следует ожидать налоговой экономии, то есть снижения налоговых обязательств перед бюджетом;
- во-вторых, менеджеры, которые занимаются неопределенной деятельностью по уклонению от уплаты налогов, рассматриваются как хорошие распорядители ресурсов фирмы [10].

Занимая УТР, менеджеры препятствуют передаче ресурсов фирмы правительству [10]. В связи с этим компании не заинтересованы раскрывать информацию о том, насколько сильна их налоговая позиция, чтобы не привлекать внимание надзорного органа [8–10].

Р.Д. Пробаско изучил особенности графика УТР, разработанного IRS в 2010 г. [3]. Автор выделяет следующие аспекты:

- IRS обязала составлять и представлять график УТР как способ коммуникации компаний и налогового органа для обсуждения проблемных вопросов, связанных с налогообложением, вместо того чтобы выявлять противоречия в ходе налогового аудита;
- в графике УТР налогоплательщик также обосновывает причины неопределенности налоговой позиции, что, по мнению Р.Д. Пробаско, представляет собой оценку налогоплательщиком недостатков своей позиции, а не налогового органа [3].

Р. Ли и А.П. Куратола также считают, что:

- внедрение графика УТР изменит налоговое поведение многих компаний, побуждая их занимать определенное налоговое положение;
- отчет усилит напряженность между бизнесом и налоговым органом;
- у фирмы увеличиваются потенциальные затраты, связанные с «защитой» своей налоговой позиции, поскольку «слабые» позиции будут прямо показаны в графике УТР (то есть будет прямо показан «красный флаг») [11, р. 42–44].

Среди положительных сторон предоставления графика УТР Р. Ли и А.П. Куратола выделяют следующие:

- его цель состоит в сокращении времени, необходимого для поиска проблем и завершения налогового аудита, а также в помощи определения приоритетности налогоплательщиков для проверки (со ссылкой на бывшего комиссара IRS Д. Шульмана);
- информация из графика УТР позволит налоговому органу видеть проблемные области налогообложения по отраслям и категориям (трансфертное ценообразование, кредиты и вычеты на НИОКР и т.д.), что послужит ориентиром для проведения проверок;
- с помощью графика УТР налоговый орган сможет «более своевременно выявлять проблемы с несоблюдением налогового законодательства, сокращая разрыв между налоговыми действиями и налоговыми последствиями» [11, с. 36–42].

Р. Ли и А.П. Куратола считают, что, скорее всего, американские налоговые менеджеры будут вынуждены реагировать на график УТВ изменением своих предпочтений и переходом с агрессивных стратегий на более консервативные стратегии налоговой оптимизации [11]. Дж.Д. Брашвуд, Д.М. Джонстон и С. Дж. Люш подтверждают последнее утверждение: в случае проверок со стороны IRS и урегулирования с ним прошлых неопределенных налоговых позиций налоговые менеджеры были более консервативны в своей налоговой отчетности и вносили меньше корректировок в резерв по УТВ. Иначе говоря, в случае сверки расчетов с IRS бизнес в анализируемой авторской выборке в среднем не рисковал занимать неопределенные налоговые позиции, что может быть результатом пересмотра ожиданий налоговых менеджеров после получения новой информации от налогового органа в ходе прямого контакта с ним [12].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Далее в таблице представлен сравнительный анализ особенностей предоставления отчета УТР в США и Великобритании.

Таблица

Ключевые особенности предоставления отчета УТР в практике США и Великобритании

Сравниваемые аспекты	США (с 2010 г.)	Великобритания (с 2022 г.)
Порог активов (валюта баланса)	С 2014 г. 10 млн долл. США	2 млрд фунтов стерлингов
Порог выручки	Отсутствует	200 млн фунтов стерлингов
Аудит финансовой отчетности	Да	Прямо не сказано, но да, поскольку порог активов (5,1 млн фунтов стерлингов) и выручки (10,2 млн фунтов стерлингов) для обязательного аудита превышает обозначенные минимальные значения для составления отчета
Налог, в отношении которого признаются резервы	Налог на прибыль организаций (англ. corporation tax)	Налог на прибыль организаций, НДС (англ. value added tax), подоходный налог
Минимальное значение неопределенной налоговой позиции	Отсутствует, но в инструкции подчеркивается факт наличия хотя бы одной неопределенной налоговой позиции	Более 5 млн фунтов стерлингов за каждый финансовый год
Штраф за непредоставление	Штрафные санкции за неподачу графика прямо не прописаны, однако предполагается, что заполнение графика УТР освобождает от заполнения формы 8275, а ее непредоставление может привести к штрафам в размере 20 или 40 % от неуплаченного налога	За первое уведомление – 5 тыс. фунтов стерлингов. За повторное нарушение в течение трех лет – 25 тыс. фунтов стерлингов. За любое последующее нарушение – 50 тыс. фунтов стерлингов
Поощрительные санкции	Правильно заполненный график может обеспечить налогоплательщикам защиту от штрафных санкций со стороны IRS	Прямо нигде не прописаны, но в проекте руководства подчеркивается, что HMRC обладает дискреционными полномочиями в отношении штрафов, а значит, если компания предоставила отчет в налоговый орган о неопределенной налоговой позиции надлежащим образом, то последнее разумно оправдывает неуплату налога, в связи с чем компания может быть освобождена от штрафных санкций

Примечание: НДС – налог на добавленную стоимость; HMRC – (англ. His Majesty's Revenue and Customs) Управление по налоговым и таможенным сборам Его Величества

Составлено автором по материалам источников^{5,6,7,8,9,10}

⁵ Internal Revenue Service. Uncertain tax positions – schedule UTP. Режим доступа: <https://www.irs.gov/businesses/corporations/uncertain-tax-positions-schedule-utp> (дата обращения: 19.02.2025).

⁶ Gov.uk. Check if you need to notify HMRC about an uncertain tax treatment. Режим доступа: <https://www.gov.uk/guidance/check-if-you-need-to-notify-hmrc-about-an-uncertain-tax-treatment> (дата обращения: 19.02.2025).

⁷ Gov.uk. Audit exemption for private limited companies. Режим доступа: <https://www.gov.uk/audit-exemptions-for-private-limited-companies> (дата обращения: 20.02.2025).

⁸ Private Business Awards. Notification of uncertain tax treatments: What do large professional services firms need to know? Режим доступа: <https://www.bdo.co.uk/en-gb/microsites/professional-services/insights/notification-of-uncertain-tax-treatments-what-do-large-professional-services-firms-need-to-know> (дата обращения: 20.02.2025).

⁹ Department of the Treasury Internal Revenue Service. Instructions for Form 8275 (revised on October 2024). Режим доступа: <https://www.irs.gov/pub/irs-pdf/i8275.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).

¹⁰ Gov.uk. Uncertain Tax Treatment (draft guidance). Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/consultations/technical-consultation-uncertain-tax-treatment-guidance/technical-consultation-uncertain-tax-treatment-guidance> (дата обращения: 20.02.2025).

Из таблицы видно, что фактически американский налоговый орган (IRS) обязывает составлять отчет УТР для компаний категории среднего бизнеса и выше. Это следует из того, что IRS включает бизнес в категорию малого, если он имеет активы менее 10 млн долл. США¹¹. В свою очередь, Великобритания, напротив, обязала составлять отчет УТР крупнейшему предпринимательству с активами от 2 млрд фунтов стерлингов (что эквивалентно 2,6 млрд долл. США при соотношении 1 фунта стерлингов к 1,3 доллара США по состоянию на октябрь 2024 г.) или с выручкой более 200 млн фунтов стерлингов (260 млн долл. США)¹². Это позволяет прийти к выводу, что требования IRS охватывают большее количество компаний, чем в Великобритании.

В 2012 г. С.Т. Миллер выделил следующую цель раскрытия информации о УТР в США – повышение прозрачности, которая «позволит нам [налоговому органу] сосредоточиться на тех налогоплательщиках и вопросах, которые, по нашему мнению, заслуживают внимания»¹³. Фактически отчет УТР дает возможность IRS структурировать наиболее спорные вопросы, связанные с налогообложением (с ними сталкиваются американские компании). В частности, по состоянию на январь 2012 г. С.Т. Миллер выделил следующие категории неопределенных налоговых позиций, о которых заявили американские налогоплательщики: трансфертное ценообразование, кредиты на исследования, распределение доходов и вычетов между налогоплательщиками, а также расходы на торговлю или бизнес¹⁴.

В 2010 г. бывший комиссар IRS Д. Шульман выделил следующие причины введения отчета УТР в США:

- создание определенности для налогоплательщиков;
- сокращение времени выявления проблем и проведения аудита;
- обеспечение времени для IRS и налогоплательщиков на обсуждение закона, применимого к их фактам, а не на поиск информации;
- помощь в определении приоритетности проверки налогоплательщиков и наиболее важных областей, для которых налоговый орган разработает рекомендации;
- помощь в расстановке приоритетов при выборке вопросов во время аудита;
- получение информации о неопределенных налоговых позициях¹⁵.

В своем обращении Д. Шульман подчеркивает важность коммуникации бизнеса с налоговым органом как таковой за счет предоставления отчета УТР¹⁶. Причем проверка и анализ обозначенных отчетов дают информацию о тех спорных областях, которые могли быть двусмысленными с точки зрения трактовки налогового законодательства и для которых отсутствовали рекомендации¹⁷. Интересно то, что для таких спорных областей Д. Шульман предложил разрабатывать руководства для прояснения неопределенности совместно с Министерством финансов США (англ. Treasury Department).

Фактически и Д. Шульман, и С.Т. Миллер говорят о повышении эффективности налогового администрирования и снижении издержек как бизнеса, так и налогового органа.

Как отмечают Д. Вайз и Дж. Скутелларо, отчет УТР представляет собой инструмент, который повышает эффективность работы налоговых аудиторов в части проверки деклараций налогоплательщиков¹⁸. Иначе говоря, предполагается, что отчет УТР даст информацию налоговому органу, чтобы последний начал сразу разрешать неопределенность налоговых позиций во время проверок. В ином случае налоговые аудиторы вынуждены тратить время и прибегать к трудоемким процессам выявления тех же проблем, но во время полевой работы.

¹¹ Internal Revenue Service. Small business / self-employed division at a glance. Режим доступа: <https://www.irs.gov/about-irs/small-business-self-employed-division-at-a-glance> (дата обращения: 21.02.2025).

¹² Gov.uk. HMRC's compliance approach for large businesses. Режим доступа: <https://www.gov.uk/guidance/hm-revenue-and-customs-large-business> (дата обращения: 21.02.2025).

¹³ Internal Revenue Service. Remarks of Steven T. Miller, IRS Deputy Commissioner, Service and Enforcement, before the Tax Executives Institute, mid-year conference. Режим доступа: <https://www.irs.gov/newsroom/remarks-of-steven-t-miller-irs-deputy-commissioner-service-and-enforcement-before-the-tax-executives-institute-mid-year-conference> (дата обращения: 21.02.2025).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Internal Revenue Service. Prepared remarks of IRS Commissioner Doug Shulman to the American Bar Association. Режим доступа: <https://www.irs.gov/newsroom/prepared-remarks-of-irs-commissioner-doug-shulman-to-the-american-bar-association> (дата обращения: 21.02.2025).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Internal Revenue Service. Prepared remarks of IRS Commissioner Doug Shulman to the American Bar Association. Режим доступа: <https://www.irs.gov/newsroom/prepared-remarks-of-irs-commissioner-doug-shulman-to-the-american-bar-association> (дата обращения: 21.03.2025).

¹⁸ Wise D., Scutellaro J. Tax ethical and penalty issues in the UTP context: a review after five years of experience. Режим доступа: <https://www.thetaxadviser.com/issues/2016/may/tax-ethical-and-penalty-issues-in-utp-context/> (дата обращения: 21.02.2025).

В Великобритании цель введения отчета о неопределенных налоговых трактовках (UTT, аналог американского отчета UTP) состояла в снижении налогового разрыва (англ. tax gap)¹⁹, в который включаются суммы, оспариваемые бизнесом и/или налоговым органом из-за различного толкования налоговых правил²⁰. В частности, по данным официальной статистики HM Revenue & Customs²¹, доля налогового разрыва (важно подчеркнуть, что такие аспекты, как уклонение от уплаты налогов, преступные махинации и т.д. являются его отдельными категориями), приходящегося на юридическое толкование (англ. legal interpretation), составляла за 2019 г. / 2020 г. 12 % (или 5,8 млрд фунтов стерлингов), за 2020–2023 гг. – 10 % (или 3,9 млрд фунтов стерлингов)²².

Отсюда цель HMRC – введение отчета UTT – состояла в том, чтобы налоговый орган на более ранних этапах администрирования получал информацию о тех налоговых позициях, занятых бизнесом, которые противоречат «известной позиции HMRC»²³. Крупный бизнес был выбран, поскольку он имеет финансовые возможности нанимать налоговых менеджеров, консультантов и юристов²⁴. Отсюда отчет UTT выступает средством коммуникации для разрешения выявленной неопределенности, связанной с различиями в толковании требований законодательства.

Отличительной особенностью Великобритании также является то, что отчет UTT составляется в отношении не только налога на прибыль (в США – исключительно в отношении него), но и НДС, и подоходного налога.

В Великобритании он составляется только в том случае, если размер непризнанных налоговых выгод равен не менее 5 млн фунтов стерлингов. Иначе если UTV меньше обозначенной суммы, то уведомление HM Revenue & Customs не требуется²⁵. Напротив, американский IRS требует составлять отчет UTP независимо от оцененного налогового резерва. Важен сам факт того, что компания имеет хотя бы одну неопределенную налоговую позицию.

Достаточно неясная ситуация с точки зрения штрафных и поощрительных санкций, поскольку этот вопрос практически не затрагивается ни в научных, ни в профессиональных источниках. В США штрафные санкции за непредоставление отчета UTP прямо не предусмотрены. В 2010 г. IRS объявила о том, что планирует ввести штрафы за ненадлежащее составление и непредоставление отчета, что не соответствовало позиции Конгресса США²⁶. Поэтому в настоящее время штрафные санкции напрямую нигде не прописаны.

Однако, как отмечают практикующие специалисты Р.А. Мазерс и М. Кмиецик, компаниям при составлении декларации по налогу на прибыль необходимо проявлять должную осмотрительность, что предполагает оценку неопределенности налоговых позиций. Последнее должно быть раскрыто, чтобы информация, отраженная в декларации, считалась полной. Отсюда IRS может оштрафовать организацию в рамках других статей налогового кодекса (например, раздел 6651(а) в части неполного предоставления требуемой декларации)²⁷. Также в инструкции для формы 1120 (англ. Instructions for Form 1120 Schedule UTP)²⁸ прямо прописано, что подача отчета UTP рассматривается как предоставление формы 8275 Disclosure Statement (англ. заявление о раскрытии информации). В инструкции по заполнению формы 8275 прямо расписаны штрафные санкции, которые может налагать IRS: 20 или 40 % от неуплаченного налога, в зависимости от грубости искажения в оценке²⁹.

¹⁹ Private Business Awards. Notification of uncertain tax treatments: What do large professional services firms need to know? Режим доступа: <https://www.bdo.co.uk/en-gb/microsites/professional-services/insights/notification-of-uncertain-tax-treatments-what-do-large-professional-services-firms-need-to-know> (дата обращения: 20.02.2025).

²⁰ Gov.uk. Tax gaps: illustrative tax gap by behaviour. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/statistics/measuring-tax-gaps/7-tax-gaps-illustrative-tax-gap-by-behaviour> (дата обращения: 21.02.2025).

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Porter S. Notification of uncertain UK tax treatment by large businesses. Режим доступа: <https://www.pinsentmasons.com/out-law/guides/notification-of-uncertain-uk-tax-treatment-by-large-businesses> (дата обращения: 21.02.2025).

²⁴ Private Business Awards. Notification of uncertain tax treatments: What do large professional services firms need to know? Режим доступа: <https://www.bdo.co.uk/en-gb/microsites/professional-services/insights/notification-of-uncertain-tax-treatments-what-do-large-professional-services-firms-need-to-know> (дата обращения: 20.02.2025).

²⁵ Там же.

²⁶ Mathers R.A., Kmiecik M. Tax practice responsibilities involved in Schedule UTP. Режим доступа: <https://www.journalofaccountancy.com/issues/2015/apr/irs-schedule-utp.html> (дата обращения: 21.02.2025).

²⁷ Там же.

²⁸ Internal Revenue Service. Uncertain tax positions – schedule UTP. Режим доступа: <https://www.irs.gov/businesses/corporations/uncertain-tax-positions-schedule-utp> (дата обращения: 19.02.2025).

²⁹ Department of the Treasury Internal Revenue Service. Instructions for Form 8275 (revised on October 2024). Режим доступа: <https://www.irs.gov/pub/irs-pdf/i8275.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).

В Великобритании, напротив, четко прописаны штрафы за непредоставление отчета (см. таблицу). Однако неясно, как надлежащее соблюдение законодательных требований защищает налогоплательщика от санкций со стороны налогового органа. Анализ проекта руководства от 2022 г. указывает на то, что HMRC обладает дискреционными полномочиями в наложении штрафа, в связи с чем предоставление отчета UTT «разумно оправдывает» организацию, которая фактически раскрывает суммы неуплаченных налогов³⁰. Отсюда HMRC самостоятельно принимает решение об освобождении от штрафных санкций, которые могут достигать до 100 % от суммы налога³¹. Причем, как прописано в руководстве, «разумная осторожность» предполагает, что компании будут вести записи, раскрывающие полноту и точность поданной декларации³². Подача информации об ошибках в HMRC является фактором уменьшения штрафа³³.

ВЫВОДЫ

Отчет UTP (для США) или отчет UTT (для Великобритании) появились относительно недавно и являются новацией в практике налогового администрирования. Учет неопределенных налоговых позиций исторически регламентировался американскими бухгалтерскими стандартами (англ. Generally Accepted Accounting Principles – общепринятые принципы бухгалтерского учета, далее – GAAP). Однако в 2010 г. IRS США утвердила специальный отчет, и его предоставление налоговому органу стало де-факто обязательным. В отчете UTP компании указывают о своих спорных налоговых позициях, которые могут быть оспорены налоговым органом. Другими словами, в поданной налоговой декларации содержатся или не содержатся суммы (доходы, расходы, вычеты и т.д.), от которых с определенной степенью вероятности не ожидается получения полного размера экономических выгод.

В отношении неопределенных налоговых позиций организация регистрирует налоговый резерв (или непризнанные налоговые выгоды), тем самым прямо заявляя внешним пользователям, что полученное налоговое возмещение (или эффект от снижения текущего налога на прибыль) на самом деле может быть неполностью реализовано, а значит, при урегулировании налоговой позиции налоговые обязательства либо возникнут, либо нет. IRS США стала требовать от организаций переносить свои бухгалтерские резервы по неопределенным налоговым позициям в отчет UTP в соответствии с разработанными правилами. В 2022 г. аналогичную практику ввела Великобритания, но в отношении крупного бизнеса и большего числа налогов (НДС и подоходного налога).

Важно выделить следующее ограничение настоящего исследования. Результаты работы во многом иллюстрируют тот факт, что внедрение отчета UTP повышает эффективность налогового администрирования (в части снижения налоговой неопределенности и, как следствие, налогового разрыва). Однако Служба внутренних доходов США не раскрывала четкой информации о том, как отчет UTP с экономической точки зрения повлиял на собираемость налогов и снижение издержек налогового аудита. Более того, IRS опирается на то, что американские компании и так обязаны раскрывать информацию о своих неопределенных налоговых позициях в соответствии с FASB ASC 740. В свою очередь, Великобритания использует терминологию из МСФО, которые менее четкие и более субъективные в части регламентации требований по созданию налоговых резервов. Так как РФ полностью не перешла на систему МСФО, а национальные стандарты бухгалтерского учета прямо не регламентируют раскрывать информацию о неопределенных налоговых позициях, то заимствование опыта США и Великобритании является ограниченным по следующим пунктам:

- во-первых, российские компании из сферы среднего и крупного бизнеса, составляющие отчетность согласно национальным стандартам, в целом не раскрывают информацию о UTP из-за отсутствия соответствующего регламента;
- во-вторых, только крупные российские компании, составляющие консолидированную отчетность по МСФО, могут (но не обязаны, поскольку требования IFRIC 23 “Uncertainty over Income Tax Treatments” не такие строгие, как в практике GAAP в части FASB ASC 740 “Income Taxes” [1]) раскрывать информацию о налоговой неопределенности.

³⁰ Gov.uk. Uncertain Tax Treatment (draft guidance). Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/consultations/technical-consultation-uncertain-tax-treatment-guidance/technical-consultation-uncertain-tax-treatment-guidance> (дата обращения: 20.02.2025).

³¹ Gov.uk. Penalties: an overview for agents and advisers. Режим доступа: <https://www.gov.uk/guidance/penalties-an-overview-for-agents-and-advisers> (дата обращения: 22.02.2025).

³² Там же.

³³ Там же.

Отсюда следует, что РФ ближе всего опыт Великобритании, которая обязала крупный бизнес составлять отчет УТР. Однако сам механизм неопределенных налоговых позиций с точки зрения их решения на уровне государства (например, внесение изменений в налоговое законодательство или выпуск специальных разъяснений, рекомендаций от налогового органа) также продолжает оставаться неисследованным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. В США установление требований к раскрытию информации о неопределенных налоговых позициях было на повестке дня у бухгалтерского регулятора в 2000-е гг. (в рамках FIN 48 и кодификации разъяснения в FASB ASC 740). Фактически IRS требует, чтобы компании систематизировали свои уже оцененные в целях бухгалтерского учета (по требованиям FASB ASC 740) неопределенные налоговые позиции, но в отдельном отчете и для налогового органа по его инструкции. Если опираться на заявления представителей IRS, то можно прийти к выводу, что налоговому органу стало крайне удобно запрашивать информацию о УТР, поскольку налогоплательщик и так обязан подготавливать эту информацию.

2. Предоставление отчета УТР снижает издержки налогового органа в части проведения налогового аудита. С одной стороны, ему не нужно самостоятельно проводить трудоемкие процедуры, связанные с поиском неопределенных налоговых позиций, а значит, он сможет сразу сосредоточить свои усилия на разрешении этой неопределенности. С другой стороны, УТР четко отличаются от других категорий налогового разрыва, поскольку связаны, как правило, с юридическим толкованием налогового законодательства. Так как средние и крупные организации привлекают налоговых менеджеров и юристов, а финансовая отчетность подлежит обязательному аудиту налогового органа, чтобы не проводить двойную работу, достаточно запросить необходимую информацию у компании напрямую.

3. Компании при надлежащем составлении отчета УТР получают «освобождение» от штрафов за уклонение от уплаты налогов. В связи с этим взаимоотношения между налоговым органом и организацией становятся выгодными. В свою очередь, эффективность налогового администрирования должна повыситься, поскольку предполагается урегулирование наиболее спорных вопросов налогового законодательства, а значит, налоговый разрыв будет снижаться.

4. В законодательстве США и Великобритании отсутствуют четкие нормативные правовые требования в части вменения налоговым органом штрафных и поощрительных санкций бизнесу (дискреционный характер), что может подрывать доверие компаний и побуждать их скрывать неопределенность по занятым налоговым позициям.

5. Внедрение отчета УТР в российскую практику в настоящее время не обсуждается ни в профессиональных, ни в научных кругах; несмотря на это, по мере дальнейшего изучения зарубежного опыта возникнет возможность его трансформации в национальную налоговую систему.

Таким образом, составление отчета УТР представляет собой новую процедуру с точки зрения коммуникации бизнеса и налогового органа. При этом эффективность отчета продолжает оставаться неисследованной. Последнее определяет актуальность будущих работ по следующим вопросам:

- перспективы внедрения отчета УТР в российскую налоговую практику;
- оценка его эффективности в части снижения налогового разрыва, издержек налогового аудита;
- исследование механизмов урегулирования спорных областей налогового законодательства в рамках процедуры составления и предоставления отчета УТР.

Список литературы

1. Аксентьев А.А. Непризнанная налоговая выгода: методические особенности создания резерва и влияние налоговых позиций на возникновение отложенных налогов. Вестник НГТУ. 2023;3:105–131. <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2023-3-105-131>
2. Goldman N. Do unrecognized tax benefit reserve disclosures affect corporate investment? Proceedings. Annual Conference on Taxation and Minutes of the Annual Meeting of the National Tax Association. 2019;112.
3. Probasco R.D. Much uncertainty about uncertain tax positions. Texas Tax Lawyer. 2010;3(37).
4. Gupta S., Laux R.C., Lynch D.P. Do firms use tax reserves to meet analysts' forecasts? Evidence from the pre- and post-FIN 48 periods. Contemporary Accounting Research. 2016;3(33):1044–1074. <http://dx.doi.org/10.1111/1911-3846.12180>

5. Gleason C.A., Mills L.F., Nessa M.L. Does FIN 48 improve firms' estimates of tax reserves? Contemporary Accounting Research. 2018;3(35):1395–1429. <http://dx.doi.org/10.1111/1911-3846.12320>
6. Frischmann P.J., Shevlin T., Wilson R. Economic consequences of increasing the conformity in accounting for uncertain tax benefits. Journal of Accounting and Economics. 2008;2–3(46):261–278. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jacceco.2008.08.002>
7. Mills L.F., Robinson L.A., Sansing R.C. FIN 48 and tax compliance. The Accounting Review. 2010;5(85):1721–1742. <http://dx.doi.org/10.2308/accr.2010.85.5.1721>
8. Lorence R.D. FIN 48: headaches for hedge fund tax compliance function. Journal of Investment Compliance. 2008;3(9):15–18. <http://dx.doi.org/10.1108/15285810810908680>
9. Robinson L.A., Schmidt A.P. Firm and Investor Responses to Uncertain Tax Benefit Disclosure Requirements. Journal of the American Taxation Association. 2013;2(35):85–120. <http://dx.doi.org/10.2308/atax-50458>
10. Koester A. Investor valuation of tax avoidance through uncertain tax positions. SSRN Electronic Journal. 2011. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1905210>
11. Lee R., Curatola A.P. Tax aggressiveness and the effects of potential detection for uncertain tax position reporting. Journal of Forensic & Investigative Accounting. 2015;2(7):31–45.
12. Brushwood J.D., Johnston D.M., Lusch S.J. The effect of tax audit outcomes on the reporting and valuation of unrecognized tax benefits. Advances in Accounting. 2018;42. <http://dx.doi.org/10.1016/j.adiaac.2018.06.001>

References

1. Aksentiev A.A. Unrecognized tax benefit: methodological peculiarities of creation of reserve and influence of tax positions on occurrence of deferred taxes. Vestnik NSUEM. 2023;3:105–131. (In Russian). <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2023-3-105-131>
2. Goldman N. Do unrecognized tax benefit reserve disclosures affect corporate investment? Proceedings. Annual Conference on Taxation and Minutes of the Annual Meeting of the National Tax Association. 2019;112.
3. Probasco R.D. Much uncertainty about uncertain tax positions. Texas Tax Lawyer. 2010;3(37).
4. Gupta S., Laux R.C., Lynch D.P. Do firms use tax reserves to meet analysts' forecasts? Evidence from the pre- and post-FIN 48 periods. Contemporary Accounting Research. 2016;3(33):1044–1074. <http://dx.doi.org/10.1111/1911-3846.12180>
5. Gleason C.A., Mills L.F., Nessa M.L. Does FIN 48 improve firms' estimates of tax reserves? Contemporary Accounting Research. 2018;3(35):1395–1429. <http://dx.doi.org/10.1111/1911-3846.12320>
6. Frischmann P.J., Shevlin T., Wilson R. Economic consequences of increasing the conformity in accounting for uncertain tax benefits. Journal of Accounting and Economics. 2008;2–3(46):261–278. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jacceco.2008.08.002>
7. Mills L.F., Robinson L.A., Sansing R.C. FIN 48 and tax compliance. The Accounting Review. 2010;5(85):1721–1742. <http://dx.doi.org/10.2308/accr.2010.85.5.1721>
8. Lorence R.D. FIN 48: headaches for hedge fund tax compliance function. Journal of Investment Compliance. 2008;3(9):15–18. <http://dx.doi.org/10.1108/15285810810908680>
9. Robinson L.A., Schmidt A.P. Firm and Investor Responses to Uncertain Tax Benefit Disclosure Requirements. Journal of the American Taxation Association. 2013;2(35):85–120. <http://dx.doi.org/10.2308/atax-50458>
10. Koester A. Investor valuation of tax avoidance through uncertain tax positions. SSRN Electronic Journal. 2011. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1905210>
11. Lee R., Curatola A.P. Tax aggressiveness and the effects of potential detection for uncertain tax position reporting. Journal of Forensic & Investigative Accounting. 2015;2(7):31–45.
12. Brushwood J.D., Johnston D.M., Lusch S.J. The effect of tax audit outcomes on the reporting and valuation of unrecognized tax benefits. Advances in Accounting. 2018;42. <http://dx.doi.org/10.1016/j.adiaac.2018.06.001>

Турция в реализации экономической стратегии Китая на Ближнем Востоке

Дьяконова Мария Александровна

Канд. полит. наук, доц. каф. управления промышленными организациями
ORCID: 0000-0003-4514-5927, e-mail: marie.d@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Предметом настоящего исследования является процесс реализации экономической стратегии Китайской Народной Республики (далее – КНР, Китай), особенно в отношении Турции. Целью работы является определение современного состояния и перспектив китайско-турецкого сотрудничества. В основе методологии исследования лежит комплексный подход на базе учета исторических, географических, экономических, политических факторов развития региона Ближнего Востока и Северной Африки. Китай реализует новую стратегию своей внешней политики с опорой на экономическое сотрудничество, уделяет особое внимание региону Ближнего Востока и Северной Африки. Экономические интересы КНР на этой территории – прежде всего углеводородное сырье и транспортная инфраструктура. Турция занимает стратегическое географическое положение в указанном регионе и обладает серьезным авторитетом в региональной международной политике. Установлению и планомерному развитию дипломатических отношений между Китаем и Турцией более 50 лет. Сделанные на основе проведенного исследования выводы представляют интерес для реализации внешней политики Российской Федерации (далее – РФ, Россия) на южном направлении. Пользование бассейном Черного моря, активная политика Турции в отношении стран бывшего Советского Союза (Азербайджана, Грузии, Казахстана, Армении) и сирийского конфликта, действий Израиля касательно соседних государств – все это имеет важное значение для продвижения интересов России в этом направлении. Энергетическое взаимодействие РФ и Турции в атомной сфере в части поставок природного газа в Европу также имеют серьезное значение в реализации внешней политики государства.

Ключевые слова

Китайская инициатива, экономическое сотрудничество, транспортная инфраструктура, энергетическое сырье, экономический коридор, инновационное развитие, политические интересы

Для цитирования: Дьяконова М.А. Турция в реализации экономической стратегии Китая на Ближнем Востоке // Вестник университета. 2025. № 5. С. 105–111.

Turkey in the implementation of China's economic strategy in the Middle East

Maria A. Dyakonova

Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. at the Management of Industrial Organisations Department
ORCID: 0000-0003-4514-5927, e-mail: marie.d@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The subject of this study is the process of implementation of economic strategy of the People's Republic of China (hereinafter referred to as PRC, China), especially towards Turkey. The purpose of the article is to determine the current state and prospects of Sino-Turkish cooperation. The methodology of the study is based on an integrated approach with consideration to historical, geographical, economic, and political factors of the regional development of the Middle East and North Africa. China is implementing a new strategy for its foreign policy based on economic cooperation and is focusing on the Middle East and North Africa region. The PRC's economic interests on this territory are primarily hydrocarbon raw materials and transport infrastructure. Turkey occupies a strategic geographical position in the region and has considerable authority in regional international politics. For more than 50 years, diplomatic relations between China and Turkey have been established and steadily developed. The conclusions drawn from the study are of interest for the implementation of the Russian Federation's (hereinafter referred to as RF, Russia) foreign policy in the southern direction. Use of the Black Sea basin, active policy of Turkey with regard to the countries of the former Soviet Union (Azerbaijan, Georgia, Kazakhstan, and Armenia) and to the Syrian conflict, actions of Israel towards neighbouring states – all this is important to advance Russia's interests in this direction. The energy cooperation between the RF and Turkey in the nuclear sphere as regards the supply of natural gas to Europe is also of great importance for the implementation of the state foreign policy.

Keywords

Chinese initiative, economic cooperation, transport infrastructure, energy raw materials, economic corridor, innovative development, political interests

For citation: Dyakonova M.A. (2025) Turkey in the implementation of China's economic strategy in the Middle East. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 105–111.

ВВЕДЕНИЕ

Недавно, по историческим меркам, отмеченное десятилетие китайской программы «Один пояс, один путь» позволяет сделать вывод, что реализация этой инициативы стала важнейшим элементом китайской мягкой силы. Авторитетный состав участников третьего по счету октябрьского форума 2023 г., на котором присутствовали представители 130 государств и 30 международных организаций¹, продемонстрировал устойчивый международный интерес к этому мегапроекту и подтвердил расчет Китайской Народной Республики (далее – КНР, Китай) на глобальный характер проекта в обозримом будущем, что утверждает, таким образом, ведущую роль Китая в мировой экономике. Очень важно стремление Китая к созданию правовой основы для решения финансовых проблем стран-участниц проекта «Один пояс, один путь».² Речь идет о финансовой устойчивости стран с учетом их юридических и экономических особенностей. Китайским корпорациям предписывается оказывать им помощь в ослаблении долговой нагрузки, вплоть до реструктуризации или списания части долга. Общий надзор за работой возложен на филиальную сеть крупнейших банков Китая в этих странах и филиалы банков данных государств, аккредитованные в КНР. Необходимо отдельно отметить уделение внимания со стороны Китая вопросам сохранения окружающей среды при ведении хозяйственной деятельности в рамках проектов инициативы «Один пояс, один путь» в этих странах. Речь идет о принципах так называемого зеленого инвестирования, которые предусматривают обязательную экологическую экспертизу планируемых проектов. Такая демонстрация КНР готовности к увязке своих экономических интересов с потребностями и пожеланиями партнеров в вопросах экологии создает атмосферу позитивных ожиданий и повышает доверие к Китаю со стороны государств, которые планируют устойчивый экономический рост своих национальных экономик за счет участия в проекте «Один пояс, один путь».

Необходимо обратить внимание на возрастание роли российского фактора в реализации китайской инициативы. Речь в первую очередь идет о последовательно реализуемой идее сопряжения проектов Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути с привлечением Шанхайской организации сотрудничества, АСЕАН (англ. Association of South East Asian Nations – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии) и лидеров экономик Ближнего Востока и Северной Африки. На этом фоне попытки Соединенных Штатов Америки (далее – США) и их ближайших союзников блокировать данный проект выглядят странными, с учетом того что США серьезно уступают Китаю в финансовом отношении [1].

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ КИТАЯ В ЮЖНОЙ АЗИИ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Очень интересным, на наш взгляд, является усиление присутствия КНР в Южной Азии в целом через укрепление торгово-экономического сотрудничества с соседней Мьянмой в рамках реализации проекта «Один пояс, один путь». Между странами подписано более 30 документов по созданию китайско-мьянманского экономического коридора. Речь идет в первую очередь о строительстве скоростной железной дороги (Китай – мировой лидер в этой сфере) от побережья Бенгальского залива до провинции Юньнань. Затем можно отметить проект модернизации глубоководного порта Кьяукпью с объемом инвестиций в 1,3 млрд долл. США. Ведь с 2013 г. действует газопровод, а с 2017 г. – нефтепровод, и при наличии современной портовой инфраструктуры существенно возрастет скорость и усилится безопасность транспортировки углеводородов с рынков Ближнего Востока [2].

Далее необходимо отметить поступательное развитие отношений между Пекином и Исламабадом. В данном случае обе стороны заинтересованы в дальнейшем развитии отношений, практическим выражением которых является создание китайско-пакистанского экономического коридора с конечным пунктом в морском порту Гвадар. В этом контексте реализуется более 20 экономических проектов с общей суммой капитальных вложений более 19 млрд долл. США [2].

В связи с вышеизложенным нас в данном исследовании интересуют новая стратегия внешней политики КНР на Ближнем Востоке и в Северной Африке и ее практическая реализация в части двустороннего

¹ Ван И. Выступление на пресс-конференции по итогам 3-го Форума международного сотрудничества «Один пояс и один путь». Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/202310/t20231020_11164745.html (дата обращения: 27.01.2025).

² News Central Asia. Перечень итоговых документов по многостороннему сотрудничеству 3-го Форума международного сотрудничества высокого уровня «Пояс и путь». Режим доступа: <https://www.newscentralasia.net/2023/10/19/outcome-documents-3rd-belt-and-road-international-cooperation-summit-forum-ru/> (дата обращения: 27.01.2025).

экономического сотрудничества с основными игроками – государствами данного региона. Китай продолжает последовательно укреплять свои позиции в этом регионе в последнем десятилетии. Конечно, по мнению самых разных экспертов, сотрудничество Китая на этой территории определяется его растущим спросом на природные ресурсы государств, в первую очередь на энергоносители, и, как мы уже подробно отметили, реализацией инициативы «Один пояс, один путь». КНР с 2015 г. является потребителем сырой нефти номер один в мире. Из ведущих государств-поставщиков нефти в Китай существенная доля поставок идет из стран исследуемого региона. Это Саудовская Аравия, Оман, Иран, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты. Отдельно отметим интересы Китая в Ираке, Ливии и Сирии, где он также рассчитывает на капиталоемкие экономические проекты, связанные с восстановлением экономик этих стран после урегулирования конфликтов. КНР учитывает интересы отдельных партнеров в регионе и готова оказывать содействие в реализации плана развития Саудовской Аравии Vision 2030 и Кувейта Vision 2035³. Кроме этого, Китай не отказывается от инвестиций ближневосточных партнеров в интересующие их отрасли экономики КНР. Например, в строительство нефтехимического комплекса в городе Паньцзинь провинции Ляонин компанией Saudi Aramco.

КИТАЙСКО-ТУРЕЦКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Что касается китайско-турецких отношений, все более заметное место в двустороннем сотрудничестве между Китаем и Турцией занимает совместная реализация китайской инициативы «Один пояс, один путь» [3]. Дипломатические отношения между Китаем и Турцией, как мы отмечали ранее, имеют более чем 50-летнюю историю с 1971 г. Турецкая внешняя политика некоторым образом усложняет планомерное последовательное развитие экономического сотрудничества [4]. Во-первых, Турция как страна НАТО (англ. North Atlantic Treaty Organization – Организация Североатлантического договора), обладая уникальным географическим положением, находится под контролем и влиянием США. Во-вторых, пантюркизм, продвигаемый политически активными силами Турции, пытается распространить свое влияние на уйгуров Центральной Азии и Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР. В-третьих, серьезно дестабилизирует ситуацию внутри страны деятельность запрещенной Рабочей партии Курдистана. В-четвертых, соседние государства региона, Сирия и Ирак, никак не могут являться примером стабильного развития стран. Более того, поток беженцев из беспокойных регионов Ближнего Востока и Северной Африки создает дополнительную нагрузку на политическую ситуацию. В-пятых, Турция исторически поддерживает Тайвань с момента признания в 1949 г. в качестве Китайской Республики.

В 2010 г. была разработана дорожная карта по развитию сотрудничества между Тайванем и Турцией, где предусматривалось и упрощенное получение виз, и прямое авиационное сообщение [5]. Свою роль в разобщенность между культурами двух стран вносят и ведущие мировые средства массовой информации, под влиянием которых большинство турков негативно относится к своей политической системе из-за так называемого уйгурского вопроса. Тем не менее, Турция занимает стратегически важное географическое положение для Китая, наращивающего присутствие в регионе Ближнего Востока и Северной Африки и последовательно продвигающегося на рынок Европы [6]. Как результат последовательно проводимой Китаем внешней экономической политики приведем самые, на наш взгляд, существенные факты экономического сотрудничества на сегодняшний день.

1. Предоставление кредита КНР Турции в 2018 г. на сумму 3,6 млрд долл. США. Для текущих энергетических и транспортных проектов звучала формулировка, в реальности это была поддержка турецкой лиры после падения на 40 % и более. Еще 1 млрд долл. США в качестве кредита Турция получила от Китая в 2019 г. в соответствии с оглашением о валютном свопе 2012 г. [4].

2. С 2020 г. Китай является основным торговым партнером для Турции, при этом торговый дефицит страны составляет более 20 млрд долл. США [4]. Эту проблему она пытается решить за счет реализации полученной из КНР продукции на третьих рынках, в первую очередь в странах Европейского союза (далее – ЕС).

3. Из строительных материалов Турция поставляет в Китай железо, хром, медь, свинец из металлов и известковый туф, основу производства керамогранита, а также мрамор. В свою очередь, почти половина импорта из КНР – это продукция машиностроения и электроники. Затем существенную долю занимают продукция текстильной и химической промышленности, металлы и изделия из них [7].

³ Saudi Vision 2030. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.vision2030.gov.sa/en> (дата обращения: 08.02.2025).

4. Инвестиции из Китая в Турцию за период с 2015 г. по 2020 г. включительно составили примерно 6 млрд долл. США [3]. Конечно, это связано в первую очередь с участием Турции в мегапроекте Китая «Один пояс, один путь» и с несравнимо меньшим объемом инвестиций ведущих европейских партнеров.

5. КНР выкупила контрольный пакет акций (65 %) специализирующегося на контейнерных перевозках турецкого порта Кумпорт в пригороде Стамбула, в 20 морских милях от Босфора, ключевого пролива в акватории Черного моря. Это произошло в 2015 г. Сумма сделки составила 940 млн долл. США. China Merchants Port Holdings, China Investment Corporation, Cosco Pacific стали владельцами порта. Следующие 100 млн долл. США были проинвестированы в проект в 2018 г. Кроме того, в планы Китая входит получение доступа к трем турецким портам на Эгейском, Черном и Средиземном морях. К уже имеющимся портовым сооружениям в Египте, Израиле и Греции эти порты также предполагается задействовать в создании единой логистической сети Китая в данном регионе [8].

6. Интерес КНР к участию в развитии железнодорожной сети Турции, в том числе скоростной железной дороги Карс – Едирне, которая должна связать восточные районы Турции с Арменией.

7. Тепловая электростанция Хунутлу (юг Турции). Объем инвестиций – порядка 1,7 млрд долл. США⁴.

8. Электронная коммерция Турции. Trenduol, ведущая турецкая электронная площадка, приобретена Alibaba, КНР, за 728 млн долл. США. Доля продукции китайской Huawei на турецком рынке превысила 30 % к 2020 г. по сравнению с 3 % в 2017 г. ZTE, КНР, купила 48 % Netas, Турция, производителя телекоммуникационного оборудования. Xiaomi и Oppo открыли свои заводы в Стамбуле [9].

9. Из сотрудничества двух стран в военной сфере можно привести в пример турецкую баллистическую ракету «Бора», разработанную при участии СРМНЕС (англ. China National Precision Machinery Import and Export Corporation – Китайская корпорация по импорту и экспорту высокоточного оборудования) [4].

10. Необходимо отметить интерес быстро развивающихся китайских автопроизводителей к турецкому рынку. BYD, один из ведущих автопроизводителей в мире, частная компания из Шэньчжэня, намеревается построить собственный автомобильный завод. По официальным заявлениям Анкары, речь идет об инвестициях в 1 млрд долл. США в строительство завода электромобилей мощностью 150 тыс. автомобилей в год на западе Турции, провинция Маниса, с запуском проекта к концу 2026 г. на 5 тыс. рабочих мест. Безусловно, турецкую сторону интересуют не только рабочие места, но и возможность развития рынка электромобилей в Турции. Следом за BYD о своем интересе к турецкому рынку заявил один из крупнейших китайских автопроизводителей CHERY. Речь идет о примерно таком же объеме инвестиций в 1 млрд долл. США с годовым объемом выпуска автомобилей 200 тыс. ед. в год. По разным данным, на сегодняшний день Турция производит примерно 1 400 тыс. автомобилей в год, и возможные инвестиции китайской стороны позволят турецким автопроизводителям увеличить объем выпускаемой продукции почти на 10 %⁵.

Перечисление ключевых проектов требует некоторых пояснений. Китай с 2021 г. является крупнейшим торговым партнером Турции в части импорта. Этот товарный поток из КНР является ключевым элементом реэкспорта в страны ЕС [8].

Китай играет ключевую роль в инфраструктурном развитии Турции, в частности морских портов, в строительстве скоростной железной дороги на территории страны.

Возможности Китая в развитии высокотехнологичных отраслей экономики Турции огромны: электронная торговля, телекоммуникации, производство электромобилей, ракетно-космическая отрасль.

Все эти возможности могут быть реализованы в полной мере при сбалансированной по новым требованиям международной политике Турции с учетом политических интересов КНР на международной арене.

КИТАЙСКО-ИЗРАИЛЬСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Говоря об экономическом сотрудничестве Китая и Турции, мы не можем обойти стороной китайско-израильские отношения в экономической сфере. Определяя успехи стран в двустороннем экономическом сотрудничестве, предлагаем классифицировать их следующим образом: торгово-экономическое, инвестиционное, инновационное. Израиль является крупнейшим торговым партнером Китая на Ближнем Востоке.

⁴Torbaş G., Mehdiy N. Инвестиции в геотермальные электростанции в Турции за 5 лет составят 15 миллиардов долларов. Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/ru/турция/инвестиции-в-геотермальные-электростанции-в-турции-за-5-лет-составят-15-миллиардов-долларов/3151613> (дата обращения: 27.01.2025).

⁵Московский комсомолец. Экономическое сотрудничество Турции и Китая трансформируется благодаря инвестициям автопроизводителей Chery и BYD. Режим доступа: <https://mk-turkey.ru/economics/2025/05/02/p-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-turcii-i-kitaya-transformiruetsya-blagodarya-investiciyam-avtoproizvoditelej-chery-i-byd.html> (дата обращения: 08.02.2025).

Представим основные проекты инвестиционного сотрудничества. Китай инвестирует в совместные инфраструктурные проекты. Pan-Mediterranean Engineering Co., дочерняя компания China Communications Construction Co., занята в строительстве порта в Амфододе. China Railway Group Limited и China Civil Engineering Corporation участвуют в создании системы легкого метро в Тель-Авиве. Alibaba инвестировала в компанию Nexar, специализация которой – технологии безопасного вождения и оборудования для смарт-автомобилей и SQream (специализация – Big Data (англ. большие данные)). В январе 2018 г. Luenmei Quantum Holdings вложила 36 млн долл. США в Mantis Vision, разработчика 3D-технологий (англ. three-dimensional – трехмерный) различного назначения, которые предполагается использовать в Китае, в частности, при создании 3D-камер для смартфонов и профессиональных 3D-сканеров. В марте 2018 г. China Minsheng Financial инвестировала 100 млн долл. США в социальную торговую компанию eToro⁶.

Рассмотрим инновационное сотрудничество Китая и Израиля. По мнению иностранных аналитиков, повышенный интерес Китая к деловому сотрудничеству с Израилем, который часто называют страной стартапов, объясняется прежде всего стремлением получить доступ к инновационным технологиям (далее – ИТ) или возможностью подключиться к их разработке, чем активно занимаются такие ИТ-гиганты, как Huawei, TCL, Alibaba.

ТУРЕЦКО-АМЕРИКАНСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Сотрудничество между Турцией и США имеет почти 200-летнюю историю, и его начало датируется 1831 г. Затем, веком позже, после создания современного государства Турция в 1927 г. американо-турецкие отношения были закреплены соответствующим договором. Были разные этапы этих отношений, и нынешний никак нельзя назвать простым. Турцию интересуют развитие инвестиционного сотрудничества с США, сотрудничество в сферах энергетики, транспорта [9]. Вместе с тем действия Израиля на Ближнем Востоке, позиция Европы по конфликту на Украине, проблема курдов в Турции, сирийский конфликт – простое перечисление международной и внутренней политической повестки вокруг государства демонстрирует сложность для определения вектора развития американо-турецких экономических отношений. Министр финансов М. Шимшек и глава Центрального банка Ф. Карахан посетили с официальным визитом Вашингтон в апреле 2025 г. Официально это был запланированный визит для участия в мероприятиях с Международным валютным фондом, G-20 (англ. Group of Twenty – Большая двадцатка), Всемирным банком. Ключевыми были встречи турецкой делегации с представителями 25 крупнейших инвестиционных компаний США и Министром финансов С. Бессентом⁷. На этом фоне при неопределенности китайско-американских экономических отношений можно говорить о некоторых положительных перспективах развития экономического сотрудничества между США и Турцией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все изложенное в этом исследовании позволяет нам сделать вывод о том, что Китай последовательно укрепляет свои позиции и присутствие в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, где особая роль принадлежит Турции, которая имеет выстроенные экономические отношения с ведущими экономиками Европы, куда последовательно продвигается КНР. Затем Турция географически представляет из себя мост между Европой и Азией и, наконец, имеет свои амбиции в участии в разработках нефтегазовых месторождений на сопредельных территориях, прежде всего в Ливии и в Сирии. Несомненно сложность выработки определенной позиции для этого государства в международной политике в связи с огромной степенью неопределенности в мировой экономике в ближайшее время. Можно с уверенностью сказать об уменьшении роли США в сфере политических взаимоотношений Турции и о необходимости согласования ее внешней политики с Китаем и Российской Федерацией (далее – РФ). На сегодняшний день тема вступления Турции в ЕС практически не обсуждается. Пользование бассейном Черного моря, активная тюркская политика на территории бывшего Советского Союза, энергетическое сотрудничество в нефтегазовой сфере и атомной энергетике, транспортный коридор «Север – Юг» – все эти вопросы имеют решающее значение в реализации внешней политики РФ на южном направлении. Новая конфигурация вышеперечисленных факторов внешней политики Турции

⁶ Портал «Пояс и путь». Официальный сайт. Режим доступа: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/z/240515/index.shtml> (дата обращения: 08.02.2025).

⁷ Palabiyik D.Ç., Ekberova E. Министр финансов Турции обсудил в США развитие экономического и оборонного сотрудничества. Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/ru/экономика/министр-финансов-турции-обсудил-в-сша-развитие-экономического-и-оборонного-сотрудничества/3546994> (дата обращения: 08.02.2025).

вызывает наш интерес как исследователей продолжать наблюдать за южной страной в части выстраивания экономического взаимодействия Турции с ведущими мировыми экономическими державами и соседними государствами неспокойного региона Ближнего Востока и Северной Африки.

Список литературы

1. Тимофеев О.А. Китайско-американские отношения в 2021 г.: сложная преемственность. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021;26(26):48–62. <https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-48-62>
2. Флегентова А.А. Ближневосточный вектор внешней политики КНР (на примере китайско-турецких отношений). Актуальные проблемы современных международных отношений. 2017;9:137–142.
3. Тао Ц., Кузьмин В.А. Развитие китайско-турецких отношений в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Научный диалог. 2021;3:438–451. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-438-451>
4. Виноградов А.О., Муминова С.А. Китайско-турецкие отношения: современный этап. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021;26(26):200–226. <https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-200-226>
5. Аватков В.А. Турецкая Республика. Внешняя политика: от 2002 к 2018: монография. М.: Юрайт; 2023. 136 с.
6. Свистунова И.А. Развитие современных турецко-китайских отношений: перспективы и сложности сотрудничества. Восточная аналитика. 2020;4:63–79. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2020-04-063-079>
7. Цзинхун Т. Эволюция китайско-турецких отношений: 1971–2019 гг. Дис. ... канд. ист. наук: 5.6.7. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; 2022. 192 с.
8. Аватков В.А., Прилепский П.А. Китайско-турецкие отношения в «новую эпоху». Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022;1(27):186–197. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.16>
9. Хлопов О.А. Проблемы безопасности и сотрудничества между США и Турцией. Теории и проблемы политических исследований. 2021;1A(10):95–106. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.20.74.010>

References

1. Timofeev O.A. Sino-US relations in 2021: complex continuity. China in World and Regional Politics. History and Modernity. 2021;26(26):48–62. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-48-62>
2. Flegentova A.A. Middle Eastern vector of China's foreign policy (Chinese-Turkish relationships). Topical issues of contemporary international relations. 2017;9:137–142. (In Russian).
3. Tao J., Kuzmin V.A. Development of Chinese-Turkish Relations under “One Belt, One Road” Initiative. Nauchnyi dialog. 2021;3:438–451. (In Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-438-451>
4. Vinogradov A.O., Muminova S.A. Sino-Turkish relations: modern stage. China in World and Regional Politics. History and Modernity. 2021;26(26):200–226. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-200-226>
5. Avatkov V.A. Turkish Republic. Foreign policy: from 2002 to 2018: monograph. Moscow: Urait; 2023. 136 p. (In Russian).
6. Svistunova I.A. Development of modern Turkey-China relations: perspectives and difficulties of cooperation. Eastern Analytics. 2020;4:63–79. (In Russian). <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2020-04-063-079>
7. Tao J. Evolution of Sino-Turkish relations: 1971–2019. Diss. ... Cand. Sci. (Hist.): 5.6.7. Yekaterinburg: Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin; 2022. 192 p. (In Russian).
8. Avatkov V.A., Prilepsky P.A. Sino-Turkish relations in the “new era”. Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations. 2022;1(27):186–197. (In Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.16>
9. Khlopov O.A. The problems of security and cooperation between the United States and Turkey. Theories and Problems of Political Studies. 2021;1A(10):95–106. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.20.74.010>

Налоговая реформа 2025 г.: нагрузка на физических лиц

Зотиков Николай Зотикович

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов, кредита и экономической безопасности
ORCID: 0000-0001-5631-9123, e-mail: Zotikovcontrol@yandex.ru

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия

Аннотация

По российскому законодательству плательщиками налогов в Российской Федерации являются как юридические, так и физические лица. Предмет исследования – налогообложение последних. Цель – проанализировать изменения, внесенные в налоговое законодательство с 2025 г. (налоговая реформа 2025 г.), их влияние на социальное положение физических лиц (далее – физлица), (на налоговую нагрузку). В исследовании использованы следующие методы: анализ и синтез, группировка, обобщение, рассмотрение явлений в динамике, табличный метод. Информационной базой работы явились изменения в налогообложении с 2025 г., отчеты Федеральной налоговой службы, официальные данные Федеральной службы государственной статистики, интернет-ресурсы, публикации по изучаемой теме и т.д. В исследовании рассмотрены прямые налоги, уплачиваемые физлицами, среди которых наибольшую долю занимает налог на доходы физлиц (далее – НДФЛ). Исследованием установлено, что налоговую нагрузку на физлиц усиливают введенная прогрессивная шкала НДФЛ, увеличение величины минимального размера оплаты труда, ставок земельного налога, налога на имущество физлица акцизов, введение туристического налога, обложение процентов по вкладам в банках и др. Выявлено снижение социальной функции налоговых вычетов по НДФЛ (стандартных, социальных, имущественных), и потери бюджетов в связи с их предоставлением незначительны. Вводимые изменения не устраняют имеющиеся различия в уровне заработной платы работников по отраслям и регионам.

Ключевые слова

Налоги с физических лиц, вычеты по НДФЛ, функции по НДФЛ, демографическая ситуация, заработная плата, денежные доходы населения, прожиточный минимум, инфляция

Для цитирования: Зотиков Н.З. Налоговая реформа 2025 г.: нагрузка на физических лиц // Вестник университета. 2025. № 5. С. 112–125.

Tax reform of 2025: burden on individuals

Nikolay Z. Zotykov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Finance, Credit and Economic Security Department
ORCID: 0000-0001-5631-9123, e-mail: Zotikovcontrol@yandex.ru

Chuvashia State University, Cheboksary, Russia

Abstract

According to the Russian legislation, taxpayers in Russia are both legal entities and individuals. The subject of the study is taxation of the individuals. The purpose of the article is to analyse changes made to the tax legislation from 2025 (the tax reform of 2025), their impact on the social status of the individuals (on the tax burden). The study uses the following methods: analysis and synthesis, grouping, generalisation, consideration of phenomena in dynamics, tabular method. The information base are changes in taxation from 2025, reports of the Federal Tax Service, official data from the Federal State Statistics Service, internet resources, publications on the topic under study, etc. The research examines direct taxes paid by the individuals, among which the largest share is occupied by personal income tax (hereinafter referred to as OIT). The study has found that the tax burden on the individuals is intensified by the introduced progressive scale of the PIT, increase in the minimum wage, in land tax rates, tax on their property, excises, introduction of a tourist tax, taxation of interest on bank deposits, etc. We have found a decrease in the social function of tax deductions for the PIT (standard, social, property ones), and budget losses due to their provision are insignificant. The introduced changes do not eliminate the existing differences in the level of salary of workers by industry and region.

Keywords

Taxes on individuals, PIT deductions, PIT functions, demographic situation, salary, population's cash income, subsistence minimum, inflation

For citation: Zotykov N.Z. (2025) Tax reform of 2025: burden on individuals. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 112–125.

ВВЕДЕНИЕ

Приведем перечень изменений в налогообложении физических лиц (далее – физлица), вводимых с 2025 г. К положительным можно отнести следующие.

1. Вводится новый вычет за сдачу нормативов ГТО («Готов к труду и обороне») и прохождение ежегодной диспансеризации в размере 18 тыс. руб. в год.

2. Увеличивается размер суточных при заграничных командировках (с 2,5 до 3,5 тыс. руб. в день).

3. С 2026 г. вводится налоговый кешбэк в семьях с двумя и более детьми со среднедушевым доходом менее 1,5 прожиточного минимума в месяц. Компенсируется часть уплаченного налога на доходы физлиц (далее – НДФЛ), чтобы ставка была 6 % (таким образом возвращается НДФЛ в части 7 %).

4. В два раза увеличиваются стандартные вычеты на второго, третьего ребенка. В то же время порог дохода, позволяющего их применять, – лишь на 28,5 % (с 350 до 450 тыс. руб.).

5. Увеличивается величина минимального размера оплаты труда (далее – МРОТ) с 19 242 руб. до 22 440 руб., что может коснуться, по расчетам Министерства финансов Российской Федерации (далее – РФ, Россия), 4,2 млн сотрудников в бюджетной сфере.

6. Налоговые каникулы для индивидуальных предпринимателей (далее – ИП) продлеваются до 2026 г. Увеличат нагрузку на физлиц следующие меры.

1. Вводится прогрессивная шкала НДФЛ со ставками от 13 % при доходе до 2,4 млн руб. в год до 22 % при доходе от 50 млн руб. и выше.

2. Налог по доходам в виде процентов по вкладам в банках. Налоговая база определяется как превышение суммы доходов в виде процентов по всем вкладам в банках над суммой процентов, рассчитанного как произведение 1 млн руб. и максимального значения ставки Центрального банка РФ из действовавших по состоянию на первое число каждого месяца. Необлагаемая сумма за 2023 г. – 150 тыс. руб.

3. Увеличивается ставка по земельному налогу для жилищных и подсобных участков (с 0,3 до 1,5 %) и по налогу на имущество физлиц (с 2,0 до 2,5 %).

4. Новые ставки НДФЛ по сделкам с недвижимостью (до 2,4 млн руб. – 13 %, сверх 2,4 млн руб. – 15 %).

5. С 2025 г. акцизами будут облагаться сахаросодержащие напитки, спиртосодержащие лекарственные средства и препараты, включенные в перечень фармацевтической продукции.

6. Утверждены новые размеры целого ряда ставок акцизов.

7. Вводится туристический налог (в размере не менее 100 руб. за сутки).

8. Увеличиваются размеры государственной пошлины за юридически значимые действия, в частности за расторжение брака (с 650 руб. до 5 тыс. руб.), за регистрацию недвижимости (до 5 тыс. руб.).

Если перечисленные выше нововведения касаются физлиц напрямую, то косвенное влияние могут оказать такие изменения, как:

– вменение в обязанность упрощенцев обязанности по уплате налога на добавленную стоимость (далее – НДС);

– увеличение ставок налогов для юридических лиц (далее – юрлица), (налог на прибыль, имущество организаций и др.);

– обязанность ИП, применяющих упрощенную систему налогообложения, платить НДС при превышении выручки 60 млн руб. в год.

В целях оценки налоговой нагрузки на предприятие обычно используются такие базовые показатели, как выручка, прибыль. Определять налоговую нагрузку на доходы населения сложнее. На денежные доходы физлиц, и не только работников, влияет бремя как личных налогов, так и косвенных, включаемых в состав цен приобретаемых товаров и услуг. При этом чем больше товаров и услуг потребляет население, тем больше налогов оно платит. На налоговую нагрузку существенно влияет не только величина доходов населения, но и структура потребления (потребительская корзина).

В современной теории и практике имеются различные методики определения налоговой нагрузки на население. В статье приведены методики расчета, предложенные С.В. Барулиным, В.Г. Пансковым и В.Г. Князевым.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ТЕМЕ

По мнению М.А. Дорофеева, «повышение предельной налоговой ставки НДФЛ в 2021 г. с 13 до 15 % и возврат России к прогрессивной системе налогообложения физических лиц, является запоздавшей,

но правильной мерой для построения справедливого социального государства в России. России необходимо развивать эту идею в будущем, опираясь на лучшие мировые практики налогообложения НДФЛ» [1, с. 127].

Как указывают Т.Н. Коновалова и И.В. Христофорова, «в зарубежных странах в течение длительного периода успешно применяется семейное налогообложение, которое дает возможность рационально и справедливо облагать доходы физических лиц с учетом количества детей, их возраста, наличия детей-инвалидов. Такая система налогообложения доходов физических лиц позволяет максимально реализовать принцип справедливости, учитывая особенности каждой конкретной семьи как налогоплательщика» [2, с. 118].

Как справедливо отмечает О.И. Пучило, «действующий механизм предоставления налоговых вычетов по НДФЛ не обеспечивает возможность выполнения данным налогом регулирующей функции» [3, с. 259].

По мнению М.С. Зуевой и Л.Р. Ахметовой, «на сегодняшний день средняя заработная плата почти в 3 раза выше прожиточного минимума. Это соотношение означает, что один работник со средним заработком может прокормить и обеспечить минимум одного иждивенца. При этом такая семья будет находиться на нижней грани потребительских возможностей. Следовательно, среднестатистическая супружеская пара еле-еле может содержать только двух детей» [4, с. 213].

Отмечая значимость уплаты транспортного налога, А.М. Терехов указывает, что «положительная динамика роста поступлений от налогообложения с физических лиц обусловлена увеличением общего количества зарегистрированного гражданами автомобильного транспорта, увеличением доли транспортных средств, облагаемых по более высокой налоговой ставке» [5, с. 16].

«В США сбор налогов с автомобилистов построен по принципиально иной, но также „экологичной“ схеме: больше платит тот, кто больше ездит. Реализовано это очень просто: транспортный налог включен в цену на топливо» [6, с. 52].

«Для местных бюджетов весомым источником пополнения являются налоги на имущество физических лиц. Налогоплательщики являются также активными пользователями муниципальных благ» [7, с. 97].

Отмечая негативную роль косвенных налогов, непосредственно перелагаемых на конечных покупателей, Ю. Брагинец и др. указывают, что «отмена НДС на молоко и молочные продукты может иметь комплексное влияние на бюджет государства и потребителей. Эта мера может стать социально ориентированной, способствовать снижению цен на продукцию, что положительно скажется на доступности здоровой пищи для населения» [8, с. 151].

«Увеличение НДС с неизбежностью приведет к увеличению расходов населения, а это, в свою очередь, увеличит количество людей, находящихся за чертой бедности» [9, с. 437].

Повышение ставки НДС до 20 % привело к росту инфляции на 2–3 %. Возрастание инфляции поставит на грань рентабельности многих фирм, вызовет скрытую безработицу [10].

Повышение ставок на подакцизные товары влечет за собой негативные ситуации:

- «когда цены на сигареты растут, а доходы населения остаются на том же уровне, дальнейшее увеличение стоимости, вызванное ростом акциза, может привести к существенному увеличению доли нелегальной торговли» [11, с. 127];
- «на расширение теневого рынка влияет и увеличение минимальных цен на алкоголь» [12, с. 89];
- в целях сокращения потребления населением алкогольных напитков Е.В. Ядренникова и др. предлагают повысить ставки акцизов на крепкий алкоголь [13];
- анализируя итоги проводимого эксперимента, направленного на увеличение налоговой нагрузки на физлиц за счет снижения уровня теневой занятости, Р.Г. Ахмадеев указывает, что «по состоянию на 1 января 2024 г. в сравнении с аналогичным периодом на 1 января 2020 г., отмечается рост количества зарегистрированных категорий самозанятых с 2,8 до 16,5 раз ... при этом поступления в бюджетную систему за исследуемый период по специальному режиму также демонстрируют увеличение собираемости с 2,9 до 52 раз, что в абсолютных показателях на 1 января 2024 г. соответствует 591 845 млн руб. налога» [14, с. 31–32].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Роль и значение налогов, уплачиваемых физлицами, видны из данных табл. 1.

Согласно данным табл. 1, в 2023 г. в сравнении с 2020 г.:

- общая величина налоговых доходов увеличилась на 73,1 %;
- со снижением доли НДФЛ с 20,5 до 18,2 % доля налогов, уплачиваемых физлицами, в общей сумме налоговых доходов уменьшилась с 21,8 до 19,2 % при увеличении суммы уплачиваемых физлицами

налогов на 51,9 % за указанный период (в расчете не учтены НДС, акцизы, непосредственными плательщиками которых физлица не являются; при этом НДС продавец платит за счет средств, предъявляемых покупателями, а акцизы – за счет включения акциза в стоимость товара). В конечном итоге плательщиком как прямых, так и косвенных налогов является конечный потребитель.

Таблица 1

Поступление налогов, сборов в бюджетную систему РФ

Налоговые доходы	2020 г.		2023 г.		2023 г. / 2020 г., %
	Млрд руб.	Доля, %	Млрд руб.	Доля, %	
Всего	20 737,8	100,0	35 898,4	100,0	173,1
Налог на прибыль	4 018,1	19,4	7 922,4	22,1	197,2
НДФЛ	4 251,9	20,5	6 537,8	18,2	153,8
НДС, акцизы по РФ	6 101,8	29,4	6 505,4	18,1	106,6
НДС, акцизы на ввозимые товары	236,0	1,1	618,7	1,7	262,2
Имущественные налоги, в том числе:	1 357,9	6,5	1 683,1	4,7	123,9
– на имущество физлиц	78,7	–	118,0	–	149,9
Транспортный налог, в частности:	187,0	–	209,0	–	111,8
– с физлиц	151,4	–	169,6	–	112,0
Земельный налог, в частности:	180,6	–	184,6	–	102,2
– с физлиц	43,8	–	49,2	–	112,3
Доля налогов с физлиц в общем объеме, %	4 525,8	21,8	6 874,6	19,2	151,9
Налоги, уплачиваемые физлицами	4 525,8	21,8	6 874,5	19,1	151,9

Составлено автором по материалам источника¹

Доля НДФЛ в сумме доходов, уплачиваемых физлицами, составляет 93–95 %, в связи с чем рассмотрим доходы последних, облагаемые по различным ставкам (табл. 2).

Таблица 2

Исчисление НДФЛ

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2023 г. / 2020 г., %
Доходы, облагаемые по ставке 13 %					
Количество лиц, тыс. чел.	100 550,5	115 666,6	117 871,9	126 083,8	125,4
Налоговая база, млрд руб.	32 235,4	32 069,7	35 401,1	41 257,0	128,0
Исчислен налог, млрд руб.	4 190,5	4 170,8	4 596,9	5 364,5	128,0
Доходы, облагаемые по ставке 30 %					
Количество лиц, тыс. чел.	120,4	143,0	177,0	219,8	182,6
Налоговая база, млрд руб.	33,4	37,1	56,2	89,7	268,6
Исчислен налог, млрд руб.	10,0	11,1	16,8	26,9	269,0
Доходы, облагаемые по ставке 35 %					
Количество лиц, тыс. чел.	736,8	541,0	306,7	580,6	78,8
Налоговая база, млрд руб.	6,5	7,4	4,4	6,1	93,8
Исчислен налог, млрд руб.	2,26	2,58	1,56	2,1	92,9
Доходы, облагаемые по ставке 15 % (2023 г. к 2021 г., %)					
Количество лиц, тыс. чел.	23,5	339,1	405,6	515,0	151,9
Налоговая база, млрд руб.	52,0	4 562,2	5 930,6	74 51,4	163,3
Исчислен налог, млрд руб.	7,8	680,3	886,8	1 117,5	164,3

¹ Федеральная налоговая служба. Отчет по форме № 1-НМ (2023 год). Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/13669389/ (дата обращения: 29.01.2025).

Окончание табл. 2

Показатель	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2023 г. / 2020 г., %
Доходы, облагаемые по иным ставкам					
Количество лиц, тыс. чел.	24,5	1,4	2,9	14,6	59,6
Налоговая база, млрд руб.	116,3	20,3	36,8	47,3	40,7
Исчислен налог, млрд руб.	12,1	1,7	3,1	3,3	27,3
Доходы, облагаемые по всем ставкам					
Количество лиц, тыс. чел.	101 455,9	116 691,2	118 225,9	126 637,7	124,8
Налоговая база, млрд руб.	32 443,7	36 696,7	41 429,2	48 851,6	150,6
Исчислен налог, млрд руб.	4 222,6	4 866,6	5 505,2	6 514,4	154,3
Доля доходов, облагаемых по ставке 13 %, в общей сумме доходов					
Количество лиц, тыс. чел.	99,1	99,1	99,7	99,6	100,5
Налоговая база, млрд руб.	99,4	87,4	85,4	84,5	85,0
Исчислен налог, млрд руб.	99,2	85,7	83,5	82,3	83,0
Доля доходов, облагаемых по ставке 15 %, в общей сумме доходов					
Количество лиц, тыс. чел.	0,02	0,29	0,34	0,541	—
Налоговая база, млрд руб.	0,16	12,4	14,3	15,2	—
Исчислен налог, млрд руб.	0,18	14,0	16,1	17,2	—

Составлено автором по материалам источника²

Согласно данным табл. 2, в 2023 г. в сравнении с 2020 г.:

- количество лиц, получающих доходы, облагаемые по ставке 13 %, увеличилось на 25,4 %; налоговая база и объем налога увеличились на 28,0 %;
- в отношении всех доходов, получаемых физлицами, не являющимися налоговыми резидентами (за исключением дивидендов, облагаемых по ставке 15 %), применяется ставка в размере 30 %. Количество лиц, имеющих доходы, облагаемые по ставке 30 %, увеличилось на 82,6 %. На повышение суммы налога в 2,69 раза повлияло увеличение налоговой базы в 2,69 раза;
- по ставке 35 % облагаются стоимость любых выигрышей и призов в части, превышающей 4 тыс. руб., а также сумма экономии на процентах по ссудам, получаемым физлицами от работодателей на цели, не связанные со строительством или приобретением жилья; на снижение суммы налога по ставке 35 % на 7,1 % повлияло уменьшение количества лиц, получающих доходы по указанной ставке, на 21,2 % и налоговой базы на 6,2 %;
- по ставке 15 % облагаются доходы в виде дивидендов нерезидентам, проценты по депозитным вкладам в российских банках при условии, что доходы более 2,4 млн руб., а также (с 2021 г.) заработная плата рабочих в части оплаты труда, превышающей 5,0 млн руб.; количество лиц, получающих доходы, облагаемые по ставке 15 %, в 2023 г. по сравнению с 2021 г. увеличилось на 51,9 %, налоговая база – на 63,3 %, сумма исчисленного налога – на 64,3 %;
- совокупное количество лиц, имеющих доходы по всем ставкам, увеличилось на 24,8 %, налоговая база – на 50,6 %, сумма исчисленного налога – на 54,3 %;
- доля налоговой базы по доходам, облагаемых по ставке 13 %, в общей сумме доходов уменьшилась на 15,0 %, доля налога по ставке 13 % в общей сумме налога – на 17,0 %;
- налоговая база по доходам, облагаемых по ставке 15 %, в общей сумме доходов в 2023 г. составила 15,2 %, сумма исчисленного налога – 17,2 %.

Социальная функция НДФЛ проявляется в вычетах по налогу (табл. 3).

Согласно данным табл. 3, в 2023 г. в сравнении с 2020 г. количество лиц, получивших стандартные налоговые вычеты, уменьшилось на 8,9 %, их сумма – на 18,8 %, в том числе, соответственно, на первого ребенка – на 12,4 и 25,4 %, на второго – на 3,7 и 17,9 %. Количество лиц, получивших выплаты

² Федеральная налоговая служба. Отчет по форме № 5-НДФЛ «Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на доходы физических лиц, удерживаемому налоговыми агентами» за 2023 год. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn14/related_activities/statistics_and_analytics/forms/15116691/ (дата обращения: 29.01.2025).

на третьего ребенка, увеличилось на 7,4 % (сумма вычета уменьшилась на 5,2 %), а на ребенка-инвалида – на 4,9% (сумма вычета уменьшилась на 10,4 %).

Таблица 3

Стандартные, имущественные, социальные вычеты по НДФЛ

Показатель	2020 г.		2023 г.		2023 г. / 2020 г., %	
	Тыс. чел.	Млрд руб.	Тыс. чел.	Млрд руб.	Тыс. чел.	Млрд руб.
Стандартные вычеты, в том числе:	15 884,5	347,6	14 471,8	282,4	91,1	81,2
– на первого ребенка;	13 143,2	147,8	11 520,5	110,3	87,6	74,6
– на второго ребенка;	8 001,1	91,3	7 702,7	75,0	96,3	82,1
– на третьего ребенка;	1 964,0	59,8	2 108,9	56,7	107,4	94,8
– на ребенка-инвалида	226,0	21,2	237,0	19,0	104,9	89,6
Имущественные вычеты	–	65,8	–	45,9	–	69,7
Социальные вычеты	–	12,89	–	16,03	–	124,3

Составлено автором по материалам исследования

При существующем в 2023 г. ограничении предельной величины дохода, при достижении которого предоставление вычетов прекращается (350 тыс. руб.), последние предоставлялись:

- на первого ребенка – 6 месяцев (110,3 млрд руб. к 11 520,5 тыс. чел. к 1 400 руб.);
- на второго ребенка – 6 месяцев (75,0 млрд руб. к 7 702,7 тыс. чел. к 1 400 руб.);
- на третьего и последующего ребенка – 8 мес. (56,7 млрд руб. к 2 108,9 тыс. чел. к 3 тыс. руб.);
- на ребенка-инвалида – 5 месяцев (19,0 млрд руб. к 237 тыс. чел. к 13 400 руб.).

С 2025 г. размер стандартных вычетов следующий:

- на первого ребенка – 1 400 руб. (не изменится);
- на второго ребенка – 2 800 руб. (рост в два раза);
- на третьего ребенка – 6 тыс. руб. (рост в два раза).

При этом порог дохода, позволяющего применять вычеты, увеличен с 350 до 450 тыс. руб., то есть на 28,57 % (450:350). Следовательно, при увеличении размера вычетов в два раза последние реально увеличатся лишь на 28,57 %, и ими могут воспользоваться в течение 5–8 месяцев, а не в течение всего года.

Сумма имущественных, социальных вычетов уменьшается по количеству обращающихся за их получением. Причиной этого, в частности, является то, что размеры вычетов никак не обоснованы, не учитывают фактически складывающиеся цены на лекарства, жилье и т.п. Так, если в 2009 г. цена одного квадратного метра жилья составляла 47 080 руб. (за 2 млн руб. можно было приобрести 42,4 м²), то в 2024 г. она достигла 178 858 руб. (лишь 11 м²). Рост цен за период с 2009 г. по 2024 г. составил 3,79 раза, то есть они значительно опережали темп инфляции³.

С 2017 г. по 2023 г. объем платных медицинских услуг для населения увеличился в 2,3 раза в денежном выражении при накопленной инфляции за эти годы – 51 % (с 592 млрд руб. до 1 356 млрд руб.), объем платных услуг на душу населения – с 4,0 тыс. руб. в 2017 г. до 9,3 тыс. руб. в 2023 г.⁴

Общая сумма вычетов составляет:

- в 2020 г. – 426,29 млрд руб., в том числе стандартные – 347,6 млрд руб. (81,5 %), имущественные – 65,8 (15,4 %), социальные – 12,89 млрд руб. (3,1 %);
- в 2023 г. – 344,33 млрд руб., в том числе стандартные – 282,4 млрд руб. (82,0 %), имущественные – 45,9 млрд руб. (13,3 %), социальные – 16,03 млрд руб. (4,7 %).

Потери бюджета из-за вычетов незначительны (менее 1 % от величины НДФЛ). Как следует из данных табл. 3, из стандартных преобладают вычеты на первого ребенка. Таким образом, стандартные вычеты на детей не улучшают демографическую ситуацию в стране. По данным Федеральной службы государственной статистики, за период с 1995 г. по 2023 г. лишь в течение трех лет (2013–2015 гг.) имеет

³ Росриэлт. Динамика цен на недвижимость в России и за рубежом по годам. Режим доступа: <https://rosreal.ru/cena/?t=dinamika> (дата обращения: 30.01.2025).

⁴ Национальное рейтинговое агентство. Спрос на платные медуслуги в РФ показал рост более чем в два раза за шесть лет. Режим доступа: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2024/06/nra_obzor_platnye_meduslugi_26.06.2024.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 30.01.2025).

место небольшой естественный прирост населения (не более 0,3), в остальные годы заметна естественная убыль, причем в 2021 г. было максимальное отрицательное значение (–7,1 на 1 тыс. чел. населения)⁵.

Далее рассмотрим данные о начисленных суммах налогов, уплачиваемых физлицами (табл. 4).

Таблица 4

Данные об исчисленных суммах земельного, транспортного налогов и налога на имущество физлиц

Показатель	2020 г.		2023 г.		2023 г. / 2020 г., %	
	Всего	Физлица	Всего	Физлица	Всего	Физлица
Земельный налог						
Количество плательщиков, тыс. ед.	31 411,1	31 048,2	33 284,5	32 948,2	106,0	106,1
Налоговая база, млрд руб.	46 272,7	22 189,0	49 040,7	29 691,8	106,0	133,8
Налог к уплате, млн руб.	189 706,4	45 296,6	197 339,4	52 388,5	104,0	115,6
Транспортный налог						
Количество плательщиков, тыс. ед.	34 396,7	33 841,5	34 517,9	33 925,4	100,4	100,2
Количество транспортных средств в базе данных, тыс. ед.	59 466,0	54 090,6	60 927,8	55 157,6	102,4	102,0
Налог к уплате, млн руб.	194 953,0	158 374,5	216 260,8	173 837,0	111,1	109,8
Налог на имущество физлиц						
Численность плательщиков, тыс. чел.	–	52 710,8	–	54 395,8	–	103,2
Количество строений, сооружений, тыс. ед.	–	73 086,3	–	80 237,7	–	109,8
Общая кадастровая стоимость, млрд руб.	–	66 178,7	–	80 776,3	–	122,0
Налог к уплате, млн руб.	–	95 243,4	–	139 502,8	–	146,5

Составлено автором по материалам источников^{6,7}

Согласно данным табл. 4, в 2023 г. в сравнении с 2020 г.:

- количество плательщиков земельного налога, которым он был исчислен, повысилось на 6,0 % при уменьшении числа юрлиц на 7,3 %, увеличении физлиц на 6,1 %;
- при увеличении налоговой базы на 6,0 % доля налоговой базы юрлиц уменьшилась с 52,0 до 39,4 %, доля физлиц повысилась с 48,0 до 60,6 %;
- величина налога выросла на 4,0 %, в частности уплачиваемого юрлицами – на 0,4 %, физлицами – на 15,6 %; доля налога, уплачиваемого юрлицами, в общей сумме земельного налога уменьшилась с 76,1 до 73,4 %;
- доля земельного налога, уплачиваемого физлицами, за все приведенные в табл. 4 периоды, составила 23–24 % от его общей суммы.

Количество плательщиков транспортного налога, согласно базе данных, увеличилось на 2,5 %, а доля физлиц составила 98,5 %; количество транспортных средств в базе данных увеличилось на 2,4 %, при этом более 90 % из них зарегистрированы за физлицами; величина начисленного налога повысилась на 10,9 %, при этом физлица уплачивают 80–81 % всей его суммы.

Численность плательщиков налога на имущество физлиц увеличилось на 3,2 %; количество строений, сооружений – на 9,8 %; при повышении кадастровой стоимости с учетом льгот на 22,0 % сумма налога, начисленная к уплате, увеличилась на 46,5 %.

⁵ Федеральная служба государственной статистики. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения в России по годам (таблица). Режим доступа: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/784-rozhdaemost-smernost> (дата обращения: 30.01.2025).

⁶ Федеральная налоговая служба. Отчет по форме № 5-МН «Отчет о налоговой базе и структуре начислений по местным налогам» за 2023 год. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn14/related_activities/statistics_and_analytics/forms/15123179/ (дата обращения: 30.01.2025).

⁷ Федеральная налоговая служба. Отчет по форме 5-ТН о налоговой базе и структуре начислений по транспортному налогу, сформированные в целом по субъекту РФ и в разрезе муниципальных образований за 2022 год. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn26/related_activities/statistics_and_analytics/forms/13777638/ (дата обращения: 30.01.2025).

ОБСУЖДЕНИЕ

Как следует из анализа данных табл. 2, в 2023 г. по сравнению с 2020 г.:

- налоговая база по доходам, облагаемым по всем ставкам, увеличилась на 50,6 %, сумма исчисленного налога – на 54,3 %;
- налоговая база по доходам, облагаемым по ставке 13 %, и сумма исчисленного налога увеличились в меньшей степени (на 28,0 %);
- налоговая база по доходам, облагаемым по ставке 15 %, в сравнении с 2021 г. повысилась на 63,3 %, сумма исчисленного налога – на 64,3 %;
- доля налоговой базы по доходам, облагаемым по ставке 13 %, в общей сумме доходов уменьшилась на 15,0 %, исчисленного налога – на 17,0 %.

Приведенная выше информация свидетельствует о том, что с введением в 2021 г. прогрессивной шкалы налога в размере 15 % с доходов, превышающих 5 млн руб. в год, сумма исчисленного налога в целом возрастает, налоговая нагрузка на физлиц увеличивается, что будет наблюдаться и с 2025 г. с введением прогрессивной шкалы. При этом следует отметить, что численность работников, уплачивающих налог по ставке 15 %, остается незначительной (515 тыс. чел. в 2023 г.). Для сравнения, численность работников, применяющих ставку в размере 13 %, в 2023 г. достигла 126 083,8 тыс. чел.

В структуре денежных доходов населения значительное место занимает заработная плата (более 60 %). Регионам России присущ высокий уровень дифференциации (табл. 5).

Таблица 5

Уровень заработной платы по субъектам РФ

Округ	2010 г.		2015 г.		2020 г.		2022 г.		2023 г.		2023 г. / 2010 г., %
	Руб.	Место	Руб.	Место	Руб.	Место	Руб.	Место	Руб.	Место	
РФ	20 952	–	34 030	–	51 344	–	65 338	–	74 854	–	357,3
ЦФО	25 377	2-е	41 961	2-е	65 319	1-е	83 126	1-е	94 239	1-е	371,3
СЗФО	23 532	4-е	37 931	4-е	57 162	3-е	72 465	3-е	81 442	3-е	346,1
ЮФО	15 560	7-е	25 471	7-е	36 620	7-е	46 231	7-е	53 432	7-е	343,4
СКФО	12 569	8-е	21 720	8-е	31 799	8-е	37 361	8-е	42 091	8-е	334,9
ПФО	15 614	6-е	25 632	6-е	36 975	6-е	47 299	6-е	55 724	6-е	368,9
УФО	25 035	3-е	39 083	3-е	54 603	4-е	68 084	4-е	77 889	4-е	311,1
СФО	18 658	5-е	29 616	5-е	44 226	5-е	57 203	5-е	66 423	5-е	356,0
ДФО	25 814	1-е	43 164	1-е	60 358	2-е	74 799	2-е	85 449	2-е	331,0

Примечание: ЦФО – Центральный федеральный округ; СЗФО – Северо-Западный федеральный округ; ЮФО – Южный федеральный округ; СКФО – Северо-Кавказский федеральный округ; ПФО – Приволжский федеральный округ; УФО – Уральский федеральный округ; СФО – Сибирский федеральный округ; ДФО – Дальневосточный федеральный округ

Составлено автором по материалам источника⁸

Как следует из данных табл. 5, как в РФ, так и по всем федеральным округам в 2023 г. в сравнении с 2010 г. уровень заработной платы увеличился более чем в три раза, в том числе в ЦФО – в 3,7 раза, в УФО – в 3,1 раза. При этом дифференциация округов по уровню заработной платы сохраняется: за все приведенные в таблице годы 8-е место занимает СКФО, 7-е – ЮФО, 6-е – ПФО, 5-е – СФО. По указанным четырем федеральным округам за приведенные периоды оплата труда работников уступает среднероссийскому показателю. Соотношение между максимальным и минимальным значениями средней заработной платы увеличивается ежегодно. В 2010 г. он составил 3,05, в 2023 г. – 2,24.

Причины низкого уровня заработной платы кроются в следующем:

- 1) до введения Налогового кодекса РФ, когда существовал закон «О налоге на прибыль организаций» и прибыль облагалась по ставке 35 %, действовал налог на превышение фонда оплаты труда: если

⁸ InfoTables.ru. InfoTables.ru. Средняя заработная плата в России по годам и субъектам РФ (таблица). Режим доступа: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/1190-zarplata-v-rossii-po-godam> (дата обращения: 30.01.2025).

на предприятии заработная плата была выше 6-кратной величины МРОТ (83,49 руб.), то превышение облагалось налогом по ставке 35 %;

2) при переходе на рыночные отношения существовало правило, по которому плановый фонд оплаты труда на очередной налоговый период (календарный год) формировался исходя из фактического фонда оплаты труда за прошедший период, а также по нормативу роста за каждый процент роста производительности труда.

Имея возможность устанавливать в своих регионах МРОТ на уровне, превышающем федеральный МРОТ, лишь небольшое количество субъектов пользуются этим (Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Ульяновская, Кемеровская, Ростовская области и др.).

Повышение заработной платы ведет к удорожанию себестоимости, увеличению цены, снижению конкурентоспособности выпускаемой продукции. Заработная плата является одним из важнейших источников формирования денежных доходов населения (табл. 6).

Таблица 6

Денежные доходы в расчете на душу населения по округам

РФ/ округ	2020 г.		2021 г.		2022 г.		Первое полугодие, руб.		2022 г. / 2010 г., %
	Руб. в месяц	Место	Руб. в месяц	Место	Руб. в месяц	Место	2022 г.	2023 г.	
РФ	35 934	–	39 934	–	47 386	–	40 304	44 753	131,9
ЦФО	47 318	1-е	53 244	1-е	62 650	1-е	45 179	59 690	132,4
СЗФО	39 502	3-е	44 623	2-е	52 455	2-е	41 359	50 518	132,8
ЮФО	30 413	5-е	34 431	5-е	40 219	5-е	36 739	37 976	132,2
СКФО	24 143	8-е	26 323	8-е	32 330	8-е	25 254	28 469	133,9
ПФО	28 604	6-е	31 285	6-е	37 173	7-е	31 178	36 405	129,9
УФО	37 379	4-е	40 251	4-е	47 466	4-е	37 069	47 740	127,0
СФО	28 187	7-е	31 007	7-е	37 881	6-е	29 547	36 626	134,4
ДФО	39 612	2-е	43 089	3-е	52 186	3-е	39 866	49 280	131,7
Медиана среднедушевого денежного дохода, руб.									
РФ	27 036,4		30 083,1		34 806,1		–		128,7
Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума									
РФ	317,7		342,7		340,4		–		107,1

Составлено автором по материалам источников^{9,10} и [15]

Согласно данным табл. 6, в 2022 г. по сравнению с 2020 г.:

- в ранжировании федеральных округов по величине доходов на душу населения существенных изменений не происходило: лидировал по показателю ЦФО, аутсайдером явился СКФО;
- значения ниже среднероссийского значения показателя и средней заработной платы имеют четыре региона: ЮФО, СКФО, ПФО, СФО (при этом в СКФО они не превышают среднее медианное значение).

Соотношение между максимальным значением (ЦФО) и минимальным (СКФО) не сокращается и составляет 2.

НАЛОГОВАЯ НАГРУЗКА НА ФИЗЛИЦ

Как указывалось выше, в настоящее время не выработано единого подхода к определению налоговой нагрузки на население.

А.М. Балтина и Ю.Г. Тюрина [16], Е.А. Маслихова и др. [17] приводят методики определения налоговой нагрузки, предложенные С.В. Барулиным и В.Г. Пансковым, В.Г. Князевым.

По методике С.В. Барулина налоговая нагрузка на население измеряется по формуле:

$$НН = ((ЛН + КН \cdot КД) / ДН) \cdot 100 \%, \quad (1)$$

⁹ Федеральная служба государственной статистики. Уровень жизни. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 31.01.2025).

¹⁰ Федеральная служба государственной статистики. Неравенство и бедность. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 31.01.2025).

где НН – налоговая нагрузка; ЛН – личные налоги физлиц (НДФЛ, земельный, транспортный налог, налог на имущество физлиц), по данным отчетности Федеральной налоговой службы (далее – ФНС) России; КН – косвенные налоги, по данным отчетности ФНС России; Кд – коэффициент доли косвенных налогов населения (0,6–0,7); Дн – общая сумма всех денежных доходов населения.

По методике В.Г. Панскова:

$$НН = (Н : Ч_n) / (Д : Ч_n), \quad (2)$$

где Н – все налоги, уплаченные населением, включая косвенные; Ч_н – численность населения страны; Д – сумма полученных населением доходов.

Различие в приведенных методиках заключается в масштабах включения в расчет косвенных налогов. С.В. Барулин полагает, что не все косвенные налоги уплачиваются населением, поэтому применяет понижающий коэффициент 0,6–0,7, В.Г. Пансков и В.Г. Князев включают их полностью. Поэтому уровень налоговой нагрузки на население будет выше по второй методике.

Используя приведенные методики, рассчитаем налоговую нагрузку на население Самарской области за 2020 г. и 2023 г. (табл. 7).

Таблица 7

Налоговая нагрузка на население Самарской области

Показатель, млрд руб.	По методике С.В. Барулина			По методике В.Г. Панскова и В.Г. Князева		
	2020 г.	2023 г.	2023 г. / 2020 г., %	2020 г.	2023 г.	2023 г. / 2020 г., %
Денежные доходы населения, в том числе: – оплата труда	1 139,0 619,0	1 606,5 969,6	141,0 156,6	1 139,0 619,0	1 606,5 969,6	141,0 156,6
НДФЛ	66,1	97,9	148,1	66,1	97,9	148,1
НДС	75,4	129,4	171,5	125,8	215,7	171,5
Акцизы	40,8	54,2	132,6	68,1	90,3	132,6
Налог на имущество физлиц	2,6	4,1	157,7	2,6	4,1	157,7
Транспортный налог	3,6	3,9	108,3	3,6	3,9	108,3
Земельный налог	0,85	0,93	109,4	0,85	0,93	109,4
Итого налогов	189,35	290,43	153,3	267,05	412,83	154,6
Налоговая нагрузка, %	16,6	18,1	109,0	23,4	25,7	109,8

Примечание: при расчете налоговой нагрузки по методике С.В. Барулина применен коэффициент 0,6

Составлено автором по материалам источников^{11,12}

Согласно данным табл. 7, в 2023 г. в сравнении с 2020 г.:

- денежные доходы населения Самарской области увеличились на 41,0 %, в том числе оплата труда – на 56,6 %; при этом доля последней в величине денежных доходов повысилась с 54,3 до 60,3 %;
- поступления НДФЛ увеличились на 48,1 %, НДС – на 71,5 %, акцизов – на 32,6 %, всех налогов – на 53,3 %;
- налоговая нагрузка на население по методике С.В. Барулина увеличилась с 16,6 до 18,1%; по методике В.Г. Панскова и В.Г. Князева – с 23,4 до 25,7 %.

М.Л. Дорофеев, сомневаясь в необходимости радикального повышения предельной прогрессивной ставки подоходного налога для сокращения регионального доходного неравенства в России, подчеркивает «важность и эффективность существующей финансовой модели преодоления доходного неравенства через каналы по борьбе с бедностью» [18, с. 23].

¹¹ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Самарской области. Уровень жизни. Режим доступа: https://63.rosstat.gov.ru/standards_of_life (дата обращения: 31.01.2025).

¹² Федеральная налоговая служба. Данные по формам статистической налоговой отчетности. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 31.01.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало следующее.

Объявленная налоговая реформа, от осуществления которой Правительство РФ ожидает определенные поступления доходов в бюджет, прямо или косвенно сказывается на уровне доходов населения.

Увеличивают непосредственно налоговую нагрузку на физлиц:

- введение прогрессивной шкалы налога на доходы физлиц;
- повышение МРОТ;
- введение налога по вкладам физлиц в банках;
- введение туристического налога (в размере не менее 100 руб. в день) и др.

В то же время, увеличивая нагрузку на физлица, реформа не изменит сложившуюся дифференциацию регионов по уровню заработной платы, денежных доходов населения, не сократит разрыв между высоко- и низкооплачиваемыми работниками:

- 1) в российской налоговой системе нет необлагаемого минимума дохода;
- 2) более высокие ставки затронут только 3 % работающих;
- 3) соотношение между максимальной ставкой налога (22 %) и минимальной (13 %) составляет 1,69, разрыв по заработной плате между регионами – более 2,2, а внутри регионов последний превышает этот показатель.

Ведут к уменьшению денежных доходов населения:

- повышение ставок налогов, непосредственными плательщиками которых являются физлица;
- повышение ставок налогов, уплачиваемых юрлицами;
- вменение в обязанность упрощенцев платить НДС, если их выручка превышает 60 млн руб., что ведет к удорожанию цены товаров, услуг, оказываемых населению;
- увеличение ставок косвенных налогов, в частности акцизов, уплачиваемых производителями, включающими их в цену выпускаемой продукции. Так, федеральным законом № 362-ФЗ увеличиваются ставки акцизов на алкогольную продукцию с объемной долей этилового спирта свыше 18 % (вместо 669 руб. за литр безводного этилового спирта, содержащегося в подакцизном товаре): на 2025 г. – 740 руб., 2026 г. – 770 руб., 2027 г. – 801 руб.; на сигареты, папиросы – с 2 813 руб. за 1 тыс. шт. + 16 % расчетной стоимости исходя из максимальной розничной цены, но не менее 3 820 руб. за 1 тыс. шт. до 2 945 руб. за 1 тыс. шт. +18 % расчетной стоимости, исчисляемой исходя из максимальной розничной цены, однако не менее 4 тыс. руб. за 1 тыс. шт. и т.д.¹³

Государственное регулирование оплаты труда в регионах ослаблено, стандартные вычеты по НДФЛ ограничены доходом, при достижении которого их предоставление отменяется (450 тыс. руб.). Данное ограничение распространяется и на вновь введенную норму, согласно которой стандартные вычеты предоставляются за ребенка-инвалида, независимо от возраста, при подтвержденной его недееспособности.

Как известно, источником возмещения всех прямых налогов, уплачиваемых юрлицами, являются прочие расходы, связанные с производством, формирующим себестоимость и цену выпускаемой продукции, а косвенные налоги непосредственно формируют последнюю.

Таким образом, любое повышение ставок налогов увеличивает выручку (на макроуровне – валовый внутренний продукт), требует роста оборота денежной массы, что в конечном итоге ведет к инфляции. В рамках бесконтрольного увеличения цен на различные товары, включая товары первой необходимости, неизменным условием является значительное повышение заработной платы в регионах, а это невозможно без кардинального роста МРОТ на федеральном уровне.

Общим в обеих рассмотренных в статье методиках является то, что уровень налоговой нагрузки на население зависит не только от величины налоговых изъятий, но и от уровня его благосостояния и в первую очередь от размеров заработной платы и доходов в целом. Известно, что увеличение доходов населения ведет к снижению налоговой нагрузки, поскольку часть из них направляется на его сбережение.

¹³ Федеральный закон от 29.10.2024 г. № 362-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202410290019> (дата обращения: 31.01.2025).

Список литературы

1. *Дорофеев М.А.* Оценка влияния реформ налога на доходы физических лиц на динамику доходного неравенства населения России в XXI веке. Вестник университета. 2022;11:121–129. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-11-121-129>
2. *Коновалова Т.Н., Христофорова И.В.* Подоходный налог: недостатки налогообложения и направления усиления социальной поддержки населения. В кн.: Географические и экономические исследования в контексте устойчивого развития государства и региона: материалы международной научно-практической конференции, Донецк, 31 октября – 1 ноября 2019 г. Донецк: Донецкий национальный университет; 2019. С. 117–119.
3. *Пучило О.И.* Решение вопросов неравенства доходов населения в рамках действующего механизма исчисления налога на доходы физических лиц. В кн.: Актуальные проблемы налоговой политики: сборник статей XII Международной научно-практической конференции молодых налоговых, Москва, 30 апреля – 10 мая 2020 г. М.: Перо; 2020. С. 257–260.
4. *Зуева М.С., Ахметова А.Р.* Налог на бездетность – возможность увеличения населения в Российской Федерации. В кн.: Совершенствование налогового администрирования: материалы четвертой научно-практической конференции, Уфа, 6 декабря 2019 г. Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет; 2019. С. 211–217.
5. *Терехов А.М.* Предложения по развитию системы налогообложения транспортным налогом (по легковому автомобильному транспорту). Статистика и Экономика. 2019;4(16):14–25. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2019-4-14-25>
6. *Логвин Д.А., Меркулова Е.Ю.* Проблемы разработки обоснованно справедливого начисления налога на автомобильный транспорт. Социально-экономические явления и процессы. 2017;1(12):51–58. <https://doi.org/10.20310/1819-8813-2017-12-1-51-58>
7. *Сахапова Г.Р.* Направление повышения результативности налоговых поступлений от имущества физлиц в бюджеты муниципальных образований. Экономика и управление: научно-практический журнал. 2024;2:96–103. <https://doi.org/10.34773/EU.2024.2.14>
8. *Брагинец Ю.Н., Ставцев А.Н., Майоров К.А.* Отмена НДС на молоко и молочную продукцию как стимул повышения конкурентоспособности подотрасли и социальной поддержки населения. Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2023;12:144–151. <https://doi.org/10.33938/2312-144>
9. *Терентьева Т.О., Куртсеитова Л.Т.* Анализ влияния повышения НДС на покупательную способность российского потребителя. Global and Regional Research. 2019;2(1):433–438.
10. *Ерохина М.Ф., Сазанов О.В., Семёнова У.А.* Экономические последствия повышения ставки НДС до 20 %. NovaUm.Ru. 2018;16:136–140.
11. *Кондратьева Е.А., Шальцова М.С.* Практика акцизного налогообложения табачной продукции в России. Экономика. Налоги. Право. 2018;1(11):120–127. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2018-11-1-120-127>
12. *Хаменко С.А.* Влияние акцизов на алкогольную продукцию на нелегальный рынок алкоголя. В кн.: Актуальные вопросы современной экономической науки: материалы XI Международной научной конференции, Астрахань, 21 апреля 2021 г. Астрахань: Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева; 2021. С. 87–90.
13. *Ядренникова Е.В., Савченко Н.А.* Анализ и совершенствование акцизной политики Российской Федерации в отношении алкогольной продукции. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2024;1(18):148–159. <https://doi.org/10.14529/em240114>
14. *Ахмадеев Р.Г.* Налоговый эксперимент для самозанятых: влияние на снижение уровня теневой занятости для целей стратегического развития экономики. E-Management. 2024;4(7):27–36. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-4-27-36>
15. *Лаврикова Ю.Г., Ускова А.Ю. (ред.)* Уральский федеральный округ: 1-е полугодие 2023 года – восстановительный рост? Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук; 2023. 94 с.
16. *Батина А.М., Тюрина Ю.Г.* Оценка налоговой нагрузки на доходы физических лиц в России. Вестник Оренбургского государственного университета. 2006;6(2):36–42.
17. *Маслихова Е.А., Данилова С.В., Ильиных Ю.М.* Оценка эффективности современной государственной налоговой политики. Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023;10–1:84–90. <https://doi.org/10.17513/vaael.2995>
18. *Дорофеев М.А.* Взаимосвязи между доходным неравенством и экономическим ростом в регионах России: новые результаты на основе теста казуальности Грейнджера. E Management. 2024;1(7):15–27. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-1-15-27>

References

1. *Dorofeev M.L.* Assessing the impact of personal income tax reforms on the income inequality dynamics in Russia in the 21st century. Vestnik universiteta. 2022;11:121–129. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-11-121-129>
2. *Kononova T.N., Khristoforova I.V.* Income tax: shortcomings of taxation and directions for strengthening social support of the population. In: Geographical and economic research in the context of sustainable development of the state and region:

- Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Donetsk, October 31 – November 1, 2019. Donetsk: Donetsk National University; 2019. Pp. 117–119. (In Russian).
3. *Puchilo O.I.* Addressing income inequality issues within the current mechanism for calculating personal income tax. In: Current issues of the tax policy: Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference of Young Tax Experts, Moscow, April 30 – May 10, 2020. Moscow: Pero; 2020. Pp. 257–260. (In Russian).
4. *Zueva M.S., Akhmetova L.R.* Childlessness tax as an opportunity to increase the population in the Russian Federation. In: Improving tax administration: Proceedings of the Fourth Scientific and Practical Conference, Ufa, December 6, 2019. Ufa: Ufa State Aviation Technical University; 2019. Pp. 211–217. (In Russian).
5. *Terekhov A.M.* Proposals for the development of the system of taxation of transport tax (passenger car transport). Statistics and Economics. 2019;4(16):14–25. (In Russian). <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2019-4-14-25>
6. *Logvin D.D., Merkulova E.Yu.* Problems of development of reasonably fair charge of the tax on the motor transport. Social economic phenomena and processes. 2017;1(12):51–58. (In Russian). <https://doi.org/10.20310/1819-8813-2017-12-1-51-58>
7. *Sakhabova G.R.* Directions for increasing the effectiveness of tax revenues from the property of individuals to the budgets of municipalities. Economics and Management: Scientific and Practical Journal. 2024;2:96–103. (In Russian). <https://doi.org/10.34773/EU.2024.2.14>
8. *Braginets Iu.N., Stavtsev A.N., Maiorov K.A.* The abolition of VAT on milk and dairy products as an incentive to increase the competitiveness of the sub-sector and social support of the population. Economy, labor, management in agriculture. 2023;12:144–151. (In Russian). <https://doi.org/10.33938/2312-144>
9. *Terenteva T.O., Kurtseitova L.T.* Analysis of the impact of increasing the VAT on the purchasing power of the Russian consumer. Global and Regional Research. 2019;2(1):433–438. (In Russian).
10. *Erokhina M.F., Sažanov O.V., Semyonova U.A.* Economic consequences of increasing the VAT rate to 20%. NovaUm.Ru. 2018;16:136–140. (In Russian).
11. *Kondratieva E.A., Shalneva M.S.* The practice of excise taxation of tobacco products in Russia. Economics, taxes & law. 2018;1(11):120–127. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2018-11-1-120-127>
12. *Khomenko S.A.* Impact of excise taxes on alcoholic beverages on the illegal alcohol market. In: Actual issues of modern economic science: Proceedings of the XI International Scientific Conference, Astrakhan, April 21, 2021. Astrakhan: Tatishchev Astrakhan State University; 2021. Pp. 87–90. (In Russian).
13. *Iadrennikova E.V., Savchenko N.L.* Analysis and improvement of the excise policy of the Russian Federation with respect to alcoholic products. Bulletin of South Ural State University, Series “Economics and Management”. 2024;1(18):148–159. (In Russian). <https://doi.org/10.14529/em240114>
14. *Akhmadeev R.G.* Tax pilot for self-employed: withdrawal from shadow employment for the purposes of strategic economic development. E-Management. 2024;4(7):27–36. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-4-27-36>
15. *Lavrikova Yu.G., Uskova A.Yu. (eds.)* Ural Federal District: 1st half of 2023 – recovery growth? Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2023. 94 p. (In Russian).
16. *Batina A.M., Tyurina Yu.G.* Assessment of the tax burden on personal income in Russia. Vestnik of the Orenburg State University. 2006;6(2):36–42. (In Russian).
17. *Maslikhova E.A., Danilova S.V., Ilinykh Yu.M.* Assessment of the effectiveness of modern state tax policy. Journal of Altai Academy of Economics and Law. 2023;10–1:84–90. (In Russian). <https://doi.org/10.17513/vael.2995>
18. *Dorofeev M.L.* Correlation between income inequality and economic growth in Russian regions: new results based on the Granger causality test. E Management. 2024;1(7):15–27. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-1-15-27>

Анализ влияния платформенной занятости на экономику в Российской Федерации и перспективы ее развития

Кротов Дмитрий Павлович

Старший аналитик, преподаватель аналитики данных
ORCID: 0009-0005-8252-6886, e-mail: dpkrotov@yandex.ru

ООО «Авито Тех», г. Москва, Россия

Аннотация

Цели исследования – провести анализ текущего состояния развития платформенной занятости в Российской Федерации, оценить влияние на рынок труда и экономику в целом и выявить ключевые барьеры, риски и перспективы развития. В рамках исследования также производится разработка нового подхода к сегментации текущих сервисов платформенной занятости. Методология в данной работе основывается на применении общенаучных методов, таких как теоретический и сравнительный анализ, классификация, систематизация и синтез. Полученные в ходе анализа результаты демонстрируют, что распространение платформенной занятости хоть и несет в себе значимые преимущества для всех сторон процесса занятости, но также приводит к кардинальному изменению привычных процессов наема. Выявлено, что и для работодателей, и для работников появляются новые риски, реализация которых может приводить к неблагоприятным последствиям для них. Ключевым результатом исследования является подготовленный перечень главных барьеров и рисков внедрения и развития платформенной занятости для рынка труда и экономики в целом, а также возможностей и перспектив распространения этого формата. При этом выявлено, что во многом внешняя среда для развития платформенной занятости благоприятная, а также ожидающая институализации нового формата трудовых отношений.

Ключевые слова

Гиг-экономика, рынок труда, платформенная занятость, цифровизация, онлайн-платформы, цифровой рынок труда, самозанятость, цифровые платформы труда

Для цитирования: Кротов Д.П. Анализ влияния платформенной занятости на экономику в Российской Федерации и перспективы ее развития // Вестник университета. 2025. № 5. С. 126–137.

Analysis of the impact of platform employment on the Russian economy and its development prospects

Dmitriy P. Krotov

Senior Analyst, Data Analytics Lecturer

ORCID: 0009-0005-8252-6886, e-mail: dpkrotov@yandex.ru

Limited Liability Company “Avito Tech”, Moscow, Russia

Abstract

The purposes of the study are to analyse the current state of development of platform employment in the Russian Federation, to assess the impact on the labour market and economy as a whole, and to identify key barriers, risks, and development prospects. As part of the study, a new approach to segmentation of current platform employment services is also being designed. The methodology in this work is based on the application of general scientific methods such as theoretical and comparative analysis, classification, systematisation, and synthesis. The results obtained during the analysis demonstrate that the spread of the platform employment, although it carries significant advantages for all sides of the employment process, also leads to a fundamental change in the usual hiring processes. It has been revealed that new risks appear for both employers and employees, the implementation of which can lead to adverse consequences for them. The key result of the study is a prepared list of the main barriers and risks to the introduction and development of the platform employment for the labour market and economy as a whole as well as opportunities and prospects for the spread of this format. At the same time, it is revealed that in many ways the external environment for the development of the platform employment is favourable and awaits the institutionalisation of a new format of labour relations.

Keywords

Gig economy, labour market, platform employment, digitalisation, online platforms, digital labour market, self-employment, digital labour platforms

For citation: Krotov D.P. (2025) Analysis of the impact of platform employment on the Russian economy and its development prospects. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 126–137.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы гиг-экономика, или платформенная занятость, стала одним из наиболее обсуждаемых явлений на рынке труда. Эта модель работы, основанная на временных и гибких контрактах, предоставляет сотрудникам новые возможности для заработка и самореализации. Бурное развитие этого формата занятости связано со стремительным развитием цифровых технологий.

С одной стороны, гиг-экономика открывает возможности для фрилансеров, позволяя им выбирать проекты и устанавливать собственные графики. С другой стороны, она ставит перед работниками новые вызовы, такие как отсутствие социальной защиты и нестабильность доходов. Однако в условиях усиливающегося дефицита рабочей силы в связи с достижением рекордно низких значений безработицы инструменты платформенной занятости являются чуть ли не единственными инструментами и закрытия потребности организаций в трудовых ресурсах¹.

В условиях экономической неопределенности и изменений на рынке труда важно рассмотреть перспективы развития платформенной занятости в Российской Федерации (далее – РФ, Россия), а также ее влияние на трудовые отношения и экономику в целом. В данной статье проводится анализ текущих тенденций гиг-экономики в России, классифицируются существующие форматы работы платформ. Важными аспектами работы является оценка ключевых факторов, способствующих развитию платформенной занятости, а также влияния, которое последняя оказывает на субъектов трудовых отношений, и рассмотрение факторов, которые могут негативно воздействовать на развитие данных отношений.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ

Определение платформенной занятости на данном этапе развития сформулировать непросто, ведь само явление находится в процессе активного изменения как в России, так и во всем мире. Иностранные исследователи используют следующие параметры для классификации: краткосрочность занятости, применение платформ, масштабируемость, отсутствие барьеров для входа и оценка по заранее установленным параметрам [1]. Однако данная классификация не дает точного ограничения, что относится к платформенной занятости в РФ, а что нет. Наиболее емким для России определением этого механизма может послужить приведенная учеными Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ дефиниция, данная в проекте федерального закона № 275599-8 «О занятости населения в Российской Федерации»². «Под платформенной занятостью понимается деятельность граждан (платформенных занятых) по личному выполнению работ и (или) оказанию услуг на основе заключаемых договоров, организуемая с использованием информационных систем (цифровых платформ занятости), обеспечивающих взаимодействие платформенных занятых, заказчиков и операторов цифровых платформ занятости посредством информационно-телекоммуникационной сети интернет» [2, с. 342].

Важно также уточнить, что, несмотря на бурное развитие платформенной занятости, уже сейчас можно классифицировать сервисы, присутствующие на этом рынке, прежде всего по функционалу работы, выполняемой на платформе.

1. Моноплатформа. Задания на ней однотипны и четко стандартизированы, а работают они по условиям одного заказчика (часто по условиям и заданиям материнской компании). Например, такие платформы есть у сервисов доставки еды и продуктов. Задания выполняются только для самого сервиса доставки, и платформа контролирует качество услуги. Например, «Яндекс Такси», «Яндекс Еда». Конечные получатели услуги же не могут повлиять на состав самого задания, за исключением, например, указания адреса в случае доставки или вызова такси.

2. Мультиплатформа или маркетплейс. Задания на ней могут формироваться и размещаться разными заказчиками, а платформа из числа зарегистрировавшихся соискателей подбирает исполнителя на ту или иную работу. Цель в данном случае – не обслуживать сервис материнской компании, а совершить как можно больше исполненных заказов, соединяя наиболее подходящих заказчиков и исполнителей.

¹ Федеральная служба государственной статистики. Трудовые ресурсы, занятость и безработица. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 18.01.2025).

² Законопроект № 275599-8 «О занятости населения в Российской Федерации (в части изменения законодательства о занятости населения, введения эффективных инструментов, необходимых для решения государственных задач)». Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/275599-8?ysclid=m52yobq3vd273410343> (дата обращения: 18.01.2025).

Например, «Яндекс Смена», Ventra Go. На подобных платформах состав задания формируется различными заказчиками, а онлайн-ресурс классифицирует по сложности и требованиям к исполнителям.

Вторая классификация – по степени погружения платформы в осуществление заказа.

1. Информационные платформы. В таких сервисах онлайн-ресурс выступает фактически доской объявлений, где те, кто ищут работу, размещают свой профиль и ждут откликов. Бывают и обратные схемы, где заказчики формируют задания, а исполнители откликаются на них. Однако так или иначе платформа не несет ответственности за то, будет выполнена услуга или нет, а также за ее качество. Все расчеты происходят на стороне продавцов. Монетизация такого сервиса построена на предоставлении доступа к поиску заказов или исполнителей («Авито Работа», «Яндекс Услуги»).

2. Транзакционные платформы. Такие платформы проводят все расчеты на своей стороне и фиксируют оплату между сторонами только в случае успешного исполнения заказа. Монетизация такого сервиса построена на получении комиссии в виде процента от суммы заказа. В этой схеме платформа берет на себя ответственность за выполнение последнего. Однако развитие подобных механизмов долго было ограничено уровнем автоматизации и цифровизации платежных и налоговых сервисов.

Классифицировать платформы занятости можно также и по типу деятельности: какие-то концентрируются только на одной сфере, а некоторые работают на большом количестве рынков. Частично эта классификация пересекается и с делением сервисов по работе с B2B (англ. business-to-business – бизнес для бизнеса), B2C (англ. business to consumer – бизнес для потребителя) и C2C (англ. consumer-to-consumer – потребитель для потребителя). Важно отметить, что типологии не являются строгими и многие платформы могут относиться к нескольким категориям. В будущем, скорее всего, появится еще больше новых платформ с разнообразными моделями бизнеса.

Из анализа определений и самого явления можно сделать ряд важных выводов о механизме работы платформенной занятости, которые важно детально рассмотреть далее:

- большую роль в процессе работы получают платформы занятости. Именно они устанавливают правила по приему персонала и осуществляют его подбор, проверяют документы. В ряде моделей (транзакционные или моноплатформы) платформы берут на себя и регулирование вопроса ценообразования;
- снижается роль работодателя. Работодатель при работе с платформами занятости делегирует часть кадровой работы сервисам, снижая при этом издержки на администрирование кадровых процессов, но также и лишаясь части контроля;
- повышается гибкость для соискателей. Сервисы занятости предоставляют соискателю более низкие пороги найма и более гибкие условия труда.

РАБОТОДАТЕЛИ И ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ

Как было определено выше, сервисы платформенной занятости могут иметь разные схемы работы. Так что было бы крайне важно определить роль работодателя в этом процессе. В случае моноплатформы работодателем выступает один крупный заказчик, который и влияет на состав заданий и уровень оплаты. В данном случае за счет своего положения он максимизирует пользу и минимизирует негативные эффекты от внедрения платформенной занятости. В такой схеме работодатель благодаря значимым инвестициям в создание платформы занятости фактически создает сервис, автоматизирующий процесс массового найма сотрудников однотипной функции. Это крайне эффективный инструмент, позволяющий закрывать большое количество смен однотипной работы, минимизирующий издержки на найм одного сотрудника, а также позволяющий закрывать смены за счет тех, кто может выйти лишь на пару дней или часов в неделю.

В сценарии моноплатформы влияние платформенной занятости оказывается прежде всего на рынок соискателей и исполнителей, а на рынок работодателей она воздействует лишь в области конкуренции. Те компании, что осуществляют массовый найм сотрудников не с помощью платформ, а через классический процесс с заключением трудового договора, могут начать проигрывать тем, кто использует сервисы платформенной занятости как за кадры, так и за потребителей. Ведь издержки на более дорогой найм могут ограничивать возможности ценообразования.

В случае с мультиплатформой, где сервис является лишь посредником, влияние на работодателей гораздо выше. В первую очередь важно конкретизировать понятие работодателя. В случае платформенной занятости исполнителем может являться частное лицо, которому необходимо выполнение разовой

услуги и которое разместило заказ в онлайн-сервисе. Исполнитель в таком случае также находит работу с помощью платформенной занятости. Такой класс взаимоотношений почти не претерпел изменений для заказчиков с развитием цифровых платформ, так как последние и раньше обращались к мастерам за выполнением разовых услуг, только используя иные каналы в виде справочников, телефонов и т.д. Работодателем же корректно считать юридическое лицо и индивидуального предпринимателя (далее – ИП), которые производят товары или оказывают услуги и которым для реализации поставленных целей необходимы определенные трудовые ресурсы. Если до появления цифровых платформ для удовлетворения потребности в трудовых ресурсах работодателям приходилось брать на себя полный процесс поиска, подбора и оформления сотрудников или делегировать это кадровым агентствам, то теперь им достаточно разместить заявку на платформе и произвести оплату, а все остальные задачи берет на себя платформа. Такое изменение порождает ряд серьезных сдвигов как положительного, так и отрицательного характера. К положительным аспектам можно отнести следующие.

1. Скорость и издержки наема. Внедрение цифровых платформ позволяет повысить уровень экономической эффективности хозяйственной деятельности через повышение скорости наема, снижение расходов на кадровое сопровождение, отчислений и взносов при работе с самозанятыми [3].

2. В случае использования платформенной занятости для решения сложных задач, требующих высококвалифицированных специалистов, работодатели получают возможность приобрести знания и навыки лучших представителей и экспертов отрасли. В случае классической занятости по трудовому договору экспертов нанять сложно, так как, скорее всего, они уже трудоустроены. Использование платформ также позволяет расширять географию поиска, что дает возможность привлекать к работе лучшие кадры.

3. Гибкость наема. Использование платформенной занятости позволяет более гибко работать с численностью персонала. Для сезонного бизнеса или в пиковые нагрузки работодателям могут потребоваться дополнительные трудовые ресурсы, которые гораздо проще найти с помощью сервисов гит-экономики, а не искать и оформлять собственными силами.

4. Снижение рисков при наеме. За счет развития системы обратной связи и проведения проверок соискателей со стороны платформ процесс наема становится более безопасным для работодателей. Кандидат не может скрыть негативные факторы, например плохое качество выполненной работы или проблемы с документами. Платформенная занятость повышает прозрачность информации о каждом участнике процесса, что сказывается на уровне транзакционных издержек.

К отрицательным аспектам и факторам риска можно отнести следующие.

1. Сложности в поддержании качества работы. В случае, когда речь не идет о стандартизированных задачах и задачах, требующих высокую квалификацию, регулярная смена исполнителей может приводить к колебаниям качества выполняемой работы, что прямо влияет на стабильность функционирования организации в целом. Один из ключевых факторов, влияющих на успешность организации, – это развитие не только явных, но и неявных знаний, носителями которых является штат. В случае если штат компании непостоянен, то и развитие таких знаний не представляется возможным.

2. Проблемы с конфиденциальностью данных. Любая организация обладает внутренними коммерческими и корпоративными тайнами, которые могут лежать в основе ключевых конкурентных преимуществ. В случае работы с платформенными занятыми такая внутренняя информация довольно быстро может выходить за пределы компании, так как сотрудники способны в короткие сроки выполнять ее у прямых конкурентов.

3. Рост зависимости от платформ. Делегирование процесса наема платформам занятости увеличивает риски, связанные с зависимостью. Отказ от собственной экспертизы может приводить к наему сотрудников только через специализированные сервисы. Это повлечет дополнительные финансовые издержки, а также невозможность повлиять на качество и сам процесс.

4. Сложности с обучением и онбордингом работников. Даже в случае с массовыми профессиями, не требующими высокой квалификации, новым сотрудникам необходимо проводить обучение для поддержания стандартов качества компании. При наеме через сервисы и высокой текучки кадров компании необходим достаточный уровень инвестиций в процесс настройки образования. При этом подобные инвестиции могут и не окупаться в том случае, если работник, которого обучили, проработал крайне непродолжительный срок.

5. Неопределенность с границами ответственности. Развитие новой схемы работы с тремя участниками (работодатель, платформа, исполнитель) не всегда позволяет четко и корректно устанавливать зоны ответственности и регулировать юридические вопросы в случае реализации рисков. Роль платформы

во многих отраслях не определена, что приводит к передаче ответственности работодателю и исполнителю даже в тех аспектах, на которые они не могли оказать прямого влияния. Данный аспект в текущий момент становится все более актуальным, особенно в отраслях, имеющих высокую степень риска, например перевозки.

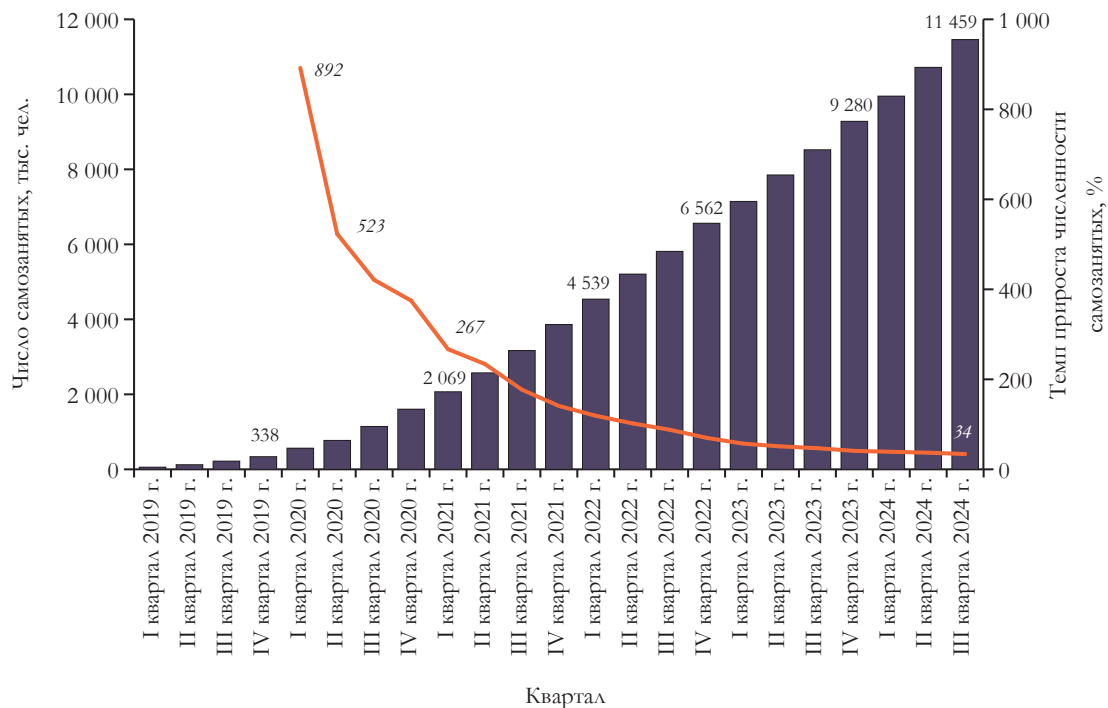
Рассмотренные недостатки платформенной занятости для работодателей демонстрируют то, что такой формат эффективен в первую очередь для работы с массовыми профессиями, где требуется выполнение простых задач без специальных навыков.

СОТРУДНИКИ И ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ

Работник платформенной занятости – это человек, который находит работу или заказы с помощью специализированных сервисов и получает за это денежное вознаграждение.

Формат платформенной занятости несет в себе серьезные изменения для сотрудников. Прежде всего она расширяет возможности оформления работы от привычной формы трудового договора до использования самозанятости или договоров гражданско-правового характера. В 2022 г. 34,6 % платформенно занятых, официально оформлявших работы, делали это через режим самозанятости, а в 2024 г. – уже 45,9 % [4].

Это означает, что драйвером развития платформенной занятости послужило появление в РФ нового налогового режима – налога на профессиональный доход, или самозанятости. Он значительно упрощает процесс уплаты налогов на доход, получаемый за оказание услуг или продажу товаров собственного производства физическим лицом. Самозанятый в приложении смартфона может сформировать чек и оплатить налог. Возможность интеграции системы Федеральной налоговой службы (далее – ФНС) с площадками, которые предоставляют самозанятым задания и выплачивают доход, позволила сделать этот процесс еще более прозрачным. Исследователи платформенной занятости отмечают, что она создает условия для развития самозанятости, а ее популярность – запрос на разработку новых платформ [2]. Потенциал развития самозанятости можно оценить через анализ динамики роста числа самозанятых (см. рисунок).

Составлено автором по материалам источника³

Рисунок. Динамика изменения числа самозанятых в России

Из данных ФНС, представленных на рис. 1, видно, что количество самозанятых с начала появления режима в 2019 г. и по сегодняшний день стабильно растет, а снижение темпа прироста прежде всего

³ Федеральная налоговая служба. Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Режим доступа: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 20.01.2025).

связано с эффектом низкой базы в начале возникновения режима⁴. Год от года это число растет за счет новых регистраций. Исследования «Высшей школы экономики» подтверждают, что заинтересованность россиян в платформенной занятости растет: численность регулярных платформенных занятых увеличилась с 3,4 млн чел. в начале 2022 г. до 3,7 млн чел. в начале 2024 г. [4]. Это говорит о том, что ее роль и влияние на рынок соискателей усиливаются. В связи с этим важно изучить факторы положительно и отрицательно влияния.

Платформенная занятость действительно приносит в жизнь работников и исполнителей значимые положительные изменения.

1. Ключевые факторы – гибкость и автономность [5]. Работники самостоятельно принимают решения о сроке, времени и объемах, которые готовы выполнять. Это как дает возможность сотруднику лучше и эффективнее управлять своим временем, так и позволяет работать тем соискателям, которые в силу обстоятельств не могут следовать стандартному рабочему графику. Важно отметить, что текущий правовой режим позволяет сотрудникам совмещать основное место работы по трудовому договору с выполнением услуг и работ через самозанятость в свободное время. Автономность же проявляется в том, что они с помощью цифровой платформы способны сами формировать список задач, а не выполнять те, которые предоставляются конкретным работодателем в рамках трудового договора. Гибкость и автономность также сказываются и на доходах. В случае, когда уровень дохода от одного заказчика не устраивает работника, он может в кратчайшие сроки его сменить, в отличие от обязательств по увольнению, которые устанавливает трудовой договор.

2. Гибкость в географическом разнообразии. Помимо предоставления возможности выполнения работы удаленно, платформы позволяют сотрудникам брать задачи, требующие очного присутствия, вдали от их места проживания. Таким образом, платформы позволяют сглаживать дефицит трудовых ресурсов между регионами и увеличивать занятость работников.

3. Снижение барьеров входа. Цифровые платформы позволяют намного быстрее находить подходящую работу, опираясь на текущие знания и компетенции. Например, исследователи особенно отмечают, что гиг-экономика позволяет такой социальной группе, как пенсионеры, находить работу и получать за нее дополнительный к пенсионному обеспечению доход. Эта социальная группа часто является неприоритетной в наеме у работодателей. Наличие возможности неполного рабочего дня и самостоятельного регулирования нагрузки позволяет пенсионерам продолжать выполнять трудовые функции [6]. Платформенная занятость предоставляет подобные преимущества и другим социальным группам, в том числе незащищенным: студентам, матерям с маленькими детьми, людям с ограниченными возможностями.

Активное распространение платформенной занятости несет в себе и ряд негативных факторов для работников.

1. Прежде всего стоит отметить риски для физического здоровья и безопасности [5]. Часто работа, выполняемая с помощью цифровых платформ, сопряжена с высоким уровнем ответственности – ремонтные, строительные, транспортные услуги. Разделение ответственности за условия труда между работодателем (заказчиком) и платформой приводит к тому, что обеспечение безопасности сотрудника переходит на его усмотрение. Этот негативный фактор тесно связан со следующим аспектом.

2. Баланс рабочего и свободного времени – крайне важный фактор эффективной и безопасной работы сотрудника, так как снижение внимания и концентрации может приводить к опасным ошибкам – нарушение правил дорожного движения, несоблюдение требований и норм безопасности и т.д. В случае заключения трудового договора продолжительность рабочего дня регулируется нормами трудового законодательства. При работе через платформу сотрудник самостоятельно регулирует продолжительность своего рабочего дня, что может приводить к переработкам.

3. Социальная и профессиональная изоляция. Межличностное общение – ключевая компонента трудовой деятельности. В случае работы сотрудника через платформу чаще всего не происходит полноценной интеграции в рабочий коллектив. Это приводит к отсутствию возможности развития коммуникационных навыков [5]. Также отсутствие подобной интеграции может приводить к снижению уровня обмена знаниями и компетенциями. Компании регулярно проводят обучение, конференции для создания условий распространения знаний и навыков. В случае с работой через платформу такой опции нет.

⁴ Федеральная налоговая служба. Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Режим доступа: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 20.01.2025).

4. Отсутствие социальных гарантий. Работа на себя через цифровую платформу дает гораздо меньше социальных гарантий работникам, чем классический вариант оформления трудового договора [7]. Для полноценного рассмотрения данного фактора был проведен сравнительный анализ в таблице.

Таблица

Сравнительный анализ социальных гарантий разных видов занятости

Социальная гарантия	Работа по трудовому договору	Работа через платформенную занятость
Оплачиваемый отпуск	Гарантируется ТК РФ	Нет
Декретный отпуск	Гарантируется ТК РФ	Доступны региональные выплаты
Медицинское страхование	Доступно ОМС. Работодатель производит отчисления в фонд ОМС. Некоторые работодатели приобретают сотрудникам ДМС	Доступно ОМС. Отчисления не производятся в случае оформления через самозанятость. ДМС чаще всего отсутствует
Страхование профессионального травматизма	Гарантируется ТК РФ	Предоставляется некоторыми платформами
Больничный лист	Гарантируется ТК РФ	Предоставляется некоторыми платформами
Пенсия по старости выше минимального уровня	Работодатель делает отчисления в Социальный фонд, где формируются баллы и на их основе – будущий размер пенсии	Только в случае добровольных взносов, но большинство самозанятых их не платит

Примечание: ТК – Трудовой кодекс; ОМС – обязательное медицинское страхование; ДМС – добровольное медицинское страхование

Составлено автором по материалам исследования

5. Неопределенность дохода и высокое влияние платформ на него. Данный фактор может быть рассмотрен и с позитивной стороны, ведь управлением уровнем заработка происходит на основе принятия решения об объеме выполняемой работы исполнителем. Однако в случае с моноплатформой, где заказчиком выступает одна платформа, влияние на заработок оказывает и сама площадка. Она может в одностороннем порядке в короткие сроки менять уровни комиссий, ставок. Изменение же заработной платы по трудовому договору требует согласия двух сторон. Это приводит к сложностям стабильного прогнозирования уровня заработка работником.

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что сотрудники платформенной занятости являются гораздо менее защищенной социальной группой, чем сотрудники, работающие по трудовому договору.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ ЗАНЯТОСТИ НА РЫНОК ТРУДА

Интеграция цифровых платформ в рынок труда приводит к значительным сдвигам в процессе его функционирования. В ряде передовых иностранных государств активно происходит процесс перехода от классических форм занятости к модели платформенной занятости. В Соединенных Штатах Америки и ряде стран Европы активно развиваются uber-like модели, название которой произошло от одноименного сервиса по поиску такси (Uber). Эти модели подразумевают трех участников: исполнителя, заказчика и платформу. Их распространение приводит к серьезным сдвигам и спорам в обществе.

С одной стороны, внедрение платформ решает одну из ключевых проблем рынка труда – асимметрию информации. Однако, с другой стороны, иностранные исследователи отмечают, что эта проблема переходит в другую плоскость: контроль над рынком труда получают корпорации и их алгоритмы [8]. Алгоритмы, лежащие в основе цифровых платформ, как правило, являются собственностью и попадают под законы о коммерческой тайне, которые защищают их от проверки третьими лицами. Их дизайн и работа понятны и контролируются только теми, кто «внутри», а именно сотрудниками платформ, чьи

задачи заключаются в проектировании, оптимизации и обслуживании этих систем. Подобный формат функционирования может приводить к серьезным проблемам, таким как ценовая дискриминация, навязывание корпорациями собственных правил участникам рынка труда. Однако не все так однозначно: и работодатели, и работники с помощью цифровых платформ могут улучшать качество поиска. Например, резюме сотрудников, которые регулярно нарушают трудовую дисциплину или не выполняют поставленные задачи, получают низкую оценку и деприоритизируются в выдаче/подборе, что позволяет компаниям и заказчикам улучшать качество нанимаемых исполнителей и работников. Аналогично соискатели могут использовать информацию о репутации заказчика и работодателя.

Еще одним дискуссионным вопросом, связанным с развитием платформенной занятости, являются информационная безопасность и документооборот. Подобный вопрос связан со всеми аспектами жизнедеятельности, в которых происходит процесс цифровизации. Однако в случае с платформенной занятостью документы и данные, которыми оперируют сервисы, являются крайне чувствительными и вызывают особенно высокий интерес среди злоумышленников, так как могут быть использованы в крайне выгодных для них схемах. При этом в России на этот момент нет единого стандарта хранения и обработки подобных данных, как и значительных санкций для владельцев сервисов. Это сильно увеличивает риски утечки данных для всех сторон трудовых отношений.

Исследователи также отмечают, что появление и развитие платформенной занятости оказывает влияние не только на рынок труда, но и на экономику в целом. Например, после внедрения услуг такси Uber и Ola в крупных городах Индии снизилась стоимость проезда на такси, а также сократилось число дорожно-транспортных происшествий и заторов на дорогах [1]. За счет того, что платформенная занятость значительно ускоряет и упрощает подбор и поиск исполнителей, эффект отражается на целых отраслях или даже на всей экономике.

Важно отметить, что платформенная занятость кардинально меняет традиционное представление о трудовых отношениях, смещая акцент с долгосрочных контрактов на краткосрочные проекты и временные задания. Этот сдвиг позволяет работодателям быстро адаптироваться к изменениям в бизнес-среде, но уменьшает количество доступных для него инструментов управления персоналом. В случае найма сотрудников через платформу работодатель не выстраивает систему их долгосрочной мотивации и развития, что уменьшает возможности влияния на степень лояльности и вовлечения работников.

Переход от долгосрочных трудовых отношений к краткосрочным посредством развития платформенной занятости значительно увеличивает мобильность трудовых ресурсов, предоставляя сотрудникам возможность легко перемещаться между различными проектами и работодателями. Такой подход дает возможность отраслям и даже целым экономикам гораздо быстрее адаптироваться под новые тренды и справляться с появляющимися вызовами. Однако такая адаптивность и динамичность имеют негативный эффект для работников, ведь для поддержания выполняемого уровня работы и получаемого дохода им также важно инвестировать свои ресурсы в регулярное актуализирование знаний и умений. В целом этот аспект может дать положительный долгосрочный эффект на рост производительности труда.

ПЕРСПЕКТИВЫ, БАРЬЕРЫ И РИСКИ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ

Исследования институционализации платформенной занятости показывают, что появление и развитие цифровых платформ представляют собой формирование новых, более эффективных и действенных институтов, закрывающие институциональные пустоты, — отсутствие и недостатки текущих институтов, которые должны помогать рынкам работать результативно [7].

Однако кардинальные изменения для рынка труда не могут проходить без сложностей и барьеров. Ключевой барьер и зона неопределенности на данный момент — это государственное регулирование. Исследователи вопроса государственного регулирования платформенной занятости отмечают ряд важных аспектов, которые ему требуются, но текущее законодательство их не покрывает [9]. Прежде всего необходимо создание классификации платформ на моноплатформы, работающие в интересах одной компании, и на маркетплейсы, где подбор работников идет в пользу большого числа заказчиков. Во-вторых, платформенные трудящиеся не наделены специальным отраслевым правовым статусом. Чаще всего они относятся к субъектам гражданского права, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Этот аспект сильно ограничивает таких работников в ряде прав. Например, возникают проблемы с созданием профессиональных союзов и вступлением в них для защиты своих прав, свобод и интересов.

Подобные объединения среди платформенных занятых существуют, но в полной мере реализовать данное право их участники не могут.

Исследователи неоднократно на примере самых популярных профессий платформенной занятости изучали, как корректнее квалифицировать отношения между исполнителем и платформой. Наличие признаков трудовых отношений платформенных работников на примере водителей такси было доказано. Характеристики предпринимательской деятельности, которые должны существовать в случае работы через оформление самозанятости или ИП, намного меньше. Наиболее эффективным вариантом может послужить модель трудового договора с нулевым или минимальным рабочим временем [9]. Такие модели уже существует в некоторых странах Европы. Этот договор может иметь ряд особенностей, по мнению юристов:

- срочность договора с момента регистрации на платформе и до удаления или блокировки аккаунта;
- возможность расторгнуть отношения по инициативе сторон без материальных и временных обязательств;
- отдельные правила регулирования рабочего времени (ограничение максимального количества часов работы в сутки);
- уточнение гибкости работы – динамические знания объема и времени работы.

Такая модель договорных отношений позволит четче классифицировать уровень отношений сторон и давать им больше гарантий и правовых возможностей. При этом важно отметить, что с точки зрения инфраструктурных возможностей в вопросе государственного регулирования уже сейчас есть множество необходимых инструментов: личный кабинет ФНС, электронная трудовая книжка, трудовой договор на дистанционную работу. Интеграция информационных и отчетных процессов сервисов занятости с сервисами ФНС значительно упростила и ускорила выплаты платформенным занятым. Развитие этого процесса с другими службами позволило бы сделать гиг-экономику еще более прозрачной для всех участников. Например, внедрение аналога электронной трудовой книжки для краткосрочных работ позволило бы повысить прозрачность информации о работниках и стандартизировать сбор информации о кандидате и предоставление обратной связи. Подобные решения сейчас разрабатываются по отдельности каждым сервисом, что приводит к сложности интерпретации методологий.

В пользу совершенствования налогового режима для платформенных занятых говорит и тот факт, что текущий лимит на его использование составляет 2,4 млн руб. дохода в год. Этот лимит был установлен при создании режима в 2019 г. и не пересматривался. Это ограничивает возможности использования последнего для работников, чей доход выше, и приводит к тому, что им все равно приходится оформлять ИП. При текущем уровне роста цен и заработных плат все меньшее число специалистов могут использовать режим налога на профессиональный доход на постоянной основе.

Проникновение платформенной занятости увеличивает влияние корпораций, владеющих цифровыми платформами, на рынок труда. Несмотря на значимые преимущества для отрасли, без государственного регулирования роли и полномочий цифровых платформ рынок труда может столкнуться с серьезными проблемами и негативными факторами для всех его участников. Исследователи отмечают высокие риски олигополизации или даже монополизации платформенной занятости из-за факторов необходимости значительных экономических и организационных ресурсов и влияния сетевого эффекта [10]. Воздействие сетевого эффекта на платформы занятости проявляется в том, что чем больше у платформы пользователей, тем выше ее ценность. Также ухудшать ситуацию могут препятствия в виде ухода с платформы / перехода на другую. В случае реализации этого риска и формирования небольшого перечня крупнейших игроков рынка платформенной занятости негативные эффекты могут сказаться как на работниках, так и на работодателях. Прежде всего этот вопрос касается сервисов формата «маркетплейс».

Для сервисов формата моноплатформ риски перехода к олигополии и монополии не такие высокие. Очевидно, что конкуренция между этими двумя форматами также будет существовать. У компании, готовой участвовать в платформенной занятости, есть два варианта – разработка собственной платформы или выход с заявкой на маркетплейс платформенной занятости. Выбор между этими двумя вариантами будет делаться в первую очередь на основе транзакционных издержек: что выгоднее – отдавать этот процесс на аутсорс или инвестировать в собственную площадку? В случае создания собственных площадок также необходима формализация роли со стороны регулирующих органов, которую она может играть в отношении работников и работодателя.

Важным аспектом, который также может оказать негативное влияние на будущее платформенной занятости и который был отмечен в анализе воздействия сервисов на работников, является развитие горизонтальных связей и профессиональных объединений. В классической модели занятости компании активно поддерживают процесс обмена знаниями, так как он помогает использовать наиболее релевантные и эффективные практики и методологии. В случае с платформенной занятостью данная обязанность переходит к самим платформам, ведь они управляются процессами работы с соискателями, то есть с носителями знаний и умений. Без этого платформенная занятость не сможет полноценно развиваться и все больше проникать и замещать классические формы занятости. Негативный эффект также может перейти и на экономику, ведь сокращения процессов обмена знаниями способно приводить к замедлению развития производительности труда. Это крайне опасно для России, так как страна снижает отставание уровня производительности труда от иностранных государств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Повсеместная цифровизация оказывает серьезное влияние на множество сфер экономики и форм отношений, в том числе и на трудовые. Помимо перехода к цифровым решениям и инструментам трудовых отношений, например к дистанционной форме труда и электронной трудовой книжке, цифровизация оказывает значимое влияние на форму краткосрочных трудовых отношений. Гиг-экономика получила новую веху развития благодаря стремительному совершенствованию платформенной занятости.

В РФ, как и во многих странах мира, платформенная занятость находится на этапе активного роста, который подразумевает быстрые изменения и неустоявшиеся формы взаимодействия. В связи с этим крайне сложно установить четкое определение и классификацию платформенной занятости, но в данной работе был опробован один из вариантов.

Потенциал развития платформенной занятости в России велик, особенно в условиях дефицита рабочей силы и высокого уровня цифровизации населения. При этом оказываемое ею влияние при злоупотреблении со стороны владельцев компаний может приводить к серьезному и негативному воздействию на соискателей и работодателей. Без правового определения роли и полномочий платформ преимущества, получаемые в особенности соискателями, могут быть нивелированы этим негативным влиянием. Это особенно важно в условиях того, что платформам выгоден сетевой эффект. В случае сохранения прав и ряда гарантий как для сотрудников, так и для работодателей они могут дать значительный эффект множеству отраслей экономики РФ.

Платформенная занятость имеет все шансы занять прочные позиции в трудовых отношениях в России в ряде специальностей и видах работ, но полностью вытеснить классические долгосрочные трудовые отношения между работодателем и сотрудником вряд ли получится, ведь ее преимущества в некоторых специальностях фактически отсутствуют либо перекрываются более сильными негативными факторами. При успешной модернизации сервисов платформенной занятости, определении роли, прав и обязанностей платформ, а также при формировании понятных и проверенных сценариев работы между всеми субъектами процесса гиг-экономика может стать эффективным инструментом развития экономики России.

Список литературы

1. Banik N., Padalkar M. The spread of gig economy: trends and effects. Foresight and STI Governance. 2021;1(15):19–29. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2021.1.19.29>
2. Бычков Д.Г., Гришина Е.Е., Феокистова О.А., Локтюхина Н.В. Профили самозанятости и платформенной занятости в России. Уровень жизни населения регионов России. 2024;3(20):339–355. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_2_339_355
3. Илякова И.Е., Бурланков П.С. Трансформация сферы социально-трудовых отношений в условиях формирования гиг-экономики. Человек. Общество. Инклюзия. 2024;2(15):70–79. <https://doi.org/10.24412/2412-8139-2024-2-70-79>
4. Мирзабалаева Ф.И., Шичкин П.А. Особенности развития платформенной занятости. Экономика труда. 2020;12(7):1117–1134. <https://doi.org/10.18334/et.7.12.111436>
5. Синяевская О.В., Бирюкова С.С., Карева Д.Е., Стужук Д.А. Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых. Экспертный доклад. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 2024. 64 с.

6. Ниорадзе Г.В. Труд пенсионеров и гиг-экономика: прекаризация или новые возможности? Социологический журнал. 2022;4(28):102–117. <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.4.9317>
7. Мирзабалаева Ф.И., Забелина О.В. Регулирование платформенного труда: гибкий баланс государственных гарантий и саморегулирования. Экономика труда. 2022;3(9):587–604. <https://doi.org/10.18334/et.9.3.114438>
8. Tan Zh.M., Aggarwal N., Cows J., Morley J., Taddeo M., Floridi L. The ethical debate about the gig economy: a review and critical analysis. Technology in Society. 2021;65. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101594>
9. Серова А.В. В поисках концепции правового регулирования платформенной занятости. Вестник Томского государственного университета. 2022;477:260–268. <https://doi.org/10.17223/15617793/477/30>
10. Миронова С.М., Кожмякин Д.В., Пономарченко А.Е. Адаптация правового регулирования трудовых, гражданских, налоговых правоотношений к условиям гиг-экономики. Правоприменение. 2022;4(6):314–329. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(4\).314-329](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(4).314-329)

References

1. Banik N., Padalkar M. The spread of gig economy: trends and effects. Foresight and STI Governance. 2021;1(15):19–29. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2021.1.19.29>
2. Bychkov D.G., Grishina E.E., Feoktistova O.A., Loktyukhina N.V. The profiles of the self-employed and platform workers in Russia. Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2024;3(20):339–355. (In Russian). https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_2_339_355
3. Ilyakova I.E., Burlanov P.S. Transformation sphere of social and labor relations in the conditions of formation of the gig economy. Human. Society. Inclusion. 2024;2(15):70–79. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2412-8139-2024-2-70-79>
4. Mirzabalaeva F.I., Shichkin I.A. Particularities of the platform employment development. Russian Journal of Labour Economics. 2020;12(7):1117–1134. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/et.7.12.111436>
5. Sinyavskaya O.V., Biryukova S.S., Kareva D.E., Stuzhuk D.A. Platform employment in Russia: dynamics of prevalence and key characteristics of the employed. Expert report. Moscow: National Research University “Higher School of Economics”; 2024. 64 p. (In Russian).
6. Niøradsø G.V. Older workers’ labor and the gig-economy: precarization or new opportunities? The Sociological Journal. 2022;4(28):102–117. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.4.9317>
7. Mirzabalaeva F.I., Zabelina O.V. Platform employment regulation: flexible balance of state guarantees and self-regulation. Russian Journal of Labor Economics. 2022;3(9):587–604. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/et.9.3.114438>
8. Tan Zh.M., Aggarwal N., Cows J., Morley J., Taddeo M., Floridi L. The ethical debate about the gig economy: a review and critical analysis. Technology in Society. 2021;65. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101594>
9. Serova A.V. Legal regulation of platform employment: in search of a concept. Tomsk State University Journal. 2022;477:260–268. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/477/30>
10. Mironova S.M., Kozhemyakin D.V., Ponomarchenko A.E. Adaptation of the legal regulation of labor, civil, tax relations to the gig economy. Law Enforcement Review. 2022;4(6):314–329. (In Russian). [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(4\).314-329](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(4).314-329)

Методологические основы оценки баланса устойчивого развития региональных экономик в условиях инновационной активности

Симонов Сергей Валентинович

Канд. экон. наук, преп. Высшей школы бизнеса и технологий
ORCID: 0009-0008-5145-9352, e-mail: shackiaa@rambler.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Целью работы в сложившихся сложных экономических условиях для развития региональной экономики автор видит в методологических основах оценки баланса устойчивого развития региональных экономик совместно с внедрением и применением инновационной активности и инновационных технологий. При оценке баланса устойчивого развития региональных экономик в условиях инновационной активности выявлены направления для применения различных методологических приемов, основанных на анализе рейтингов комплексных показателей и уровня их реализации. Данный процесс неоднозначен. Проведенное исследование направлено на разработку различных методологических приемов по оценке баланса устойчивого развития региональных экономик в условиях инновационной активности. Ведущим подходом (или методом) к исследованию данной проблемы является оценка рейтинга устойчивости развития региональных экономических систем. Расчет основан на комплексных показателях, воздействие на которые способствует повышению рейтинга регионов при непременном сбалансированном функционировании. Вывод по проведенному исследованию был сформулирован исходя из материалов ученых, изучавших и изучающих рассмотренную проблему: процесс результативного подхода к сбалансированному развитию региональных экономических систем основывается на целостности с делением на входящие в него структурные элементы.

Ключевые слова

Региональная экономика, инновации, устойчивое развитие, методологические основы, инновационная активность, региональные экономические системы, оценка баланса

Для цитирования: Симонов С.В. Методологические основы оценки баланса устойчивого развития региональных экономик в условиях инновационной активности // Вестник университета. 2025. № 5. С. 138–145.

Methodological foundations for assessing the balance of sustainable development of regional economies in the context of innovation activity

Sergey V. Simonov

Cand. Sci. (Econ.), Lecturer of the Higher School of Business and Technology
ORCID: 0009-0008-5145-9352, e-mail: shackiaa@rambler.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

In the current difficult economic conditions, methodological foundations for assessing the balance of sustainable development of regional economies, together with the introduction and application of innovative activity and innovative technologies, are of the purpose of the work for the development of the regional economy. When assessing the balance of the sustainable development of the regional economies in the context of the innovation activity, the directions for the application of various methodological techniques are identified, which are based on the analysis of ratings of complex indicators and assessment of the level of their implementation. This process is unambiguous. The conducted research is aimed at developing various methodological techniques for assessing the balance of the sustainable development of the regional economies in the context of the innovation activity. The leading approach (or method) to the study of this problem is the assessment of the sustainability rating of regional economic systems. The calculation is based on the complex indicators, the impact of which contributes to an increase in the rating of regions with an indispensable balanced functioning. The conclusion of the study is formulated on the materials of scientists who have studied and are studying the problem under consideration: the process of an effective approach to the balanced development of the regional economic systems is based on integrity, divided into its structural elements.

Keywords

Regional economy, innovation, sustainable development, methodological foundations, innovation activity, regional economic systems, balance assessment

For citation: Simonov S.V. (2025) Methodological foundations for assessing the balance of sustainable development of regional economies in the context of innovation activity. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 138–145.

ВВЕДЕНИЕ

В русле общемировой тенденции Российская Федерация (далее – РФ, Россия) также взяла на вооружение принципы устойчивого развития, предполагающие гармоничное развитие экономики, экологии и социальной составляющей. Данный подход призван повысить уровень жизни населения и рационально использовать природные богатства для следующих поколений. Однако для достижения устойчивого развития на национальном уровне ключевое значение имеет устойчивость отдельных субъектов. В связи с этим обеспечение региональной устойчивости становится все более важной задачей. Для того чтобы добиться успеха, необходимо досконально изучить суть понятия «устойчивость развития региональных систем» и при этом осуществить разработку действенных методов и приемов для ее оценки. Помимо всего прочего, также необходимо выделить факторы, оказывающие наиболее существенное влияние на развитие региональных экономических систем в сложившихся условиях риска и неопределенностей.

Устойчивое развитие проникает во все аспекты жизни, формируя стратегию развития страны и определяя ее ключевые направления. Новые технологии внедрялись в ограниченном объеме на фоне уменьшения числа инновационных передовиков, в то время как использование устаревших значительно возросло из-за увеличения количества предприятий, работающих с применением старых, менее эффективных, но проверенных технологий. Большинству экспертов и ученых, изучающих процесс перехода региональных экономических систем к устойчивому развитию, необходимо начинать с регионального уровня. Обосновывается это тем, что именно такой подход позволяет лучше понимать социально-экономические и экологические процессы, а также считать и учитывать все специфические особенности субъекта и его отраслей [1].

Регулирование инновационного направления развития региональных экономических систем основывается на методологических приемах по оценке эффективного баланса развития региональных систем малого и среднего предпринимательства и осуществляется двумя уровнями власти – федеральным и региональным посредством разработки и утверждения законодательных актов.

В условиях геополитической нестабильности и экономических потрясений, характеризующих современный многополярный мир, возникает потребность в обновленных подходах к взаимодействию, интеграции и партнерству. Происходит трансформация целей, задач и приоритетов, определяющих развитие экономических систем на государственном, региональном и отраслевом уровнях национальных экономик. Новая реальность диктует необходимость переосмысления стратегий и инструментов экономического развития [2; 3]. Старые модели уже не отвечают требованиям времени, что вынуждает искать инновационные решения для обеспечения устойчивого роста и процветания. Важно наладить эффективный диалог между различными акторами мировой экономики для совместного преодоления вызовов и использования новых возможностей. Взаимовыгодное сотрудничество и координация усилий становятся ключевыми факторами успеха в условиях глобальной взаимозависимости. Государства, регионы и отрасли должны адаптироваться к меняющейся конъюнктуре, чтобы сохранить конкурентоспособность и обеспечить благосостояние своих граждан. По указанию Президента РФ В.В. Путина, были пересмотрены планы развития субъектов страны, включая Дальний Восток и новые регионы. Крупные экономические центры должны стать движущей силой для развития территориальных образований.

Используемые методы, которые применяются на современном этапе при оценивании роста экономических показателей и уровня их развития, не учитывают степень истощения природных ресурсов. В современных научных работах все чаще применяются инновационные методы анализа этого уровня, которые учитывают не только экономические, инновационные и социальные параметры, но и экологическую составляющую [4]. В реалиях российской экономики, опираясь на существующие научные труды, можно выделить несколько основных подходов к оценке сбалансированного развития региональных экономических структур.

Факторы и условия, которые были рассмотрены, обязательны к учету при тщательной разработке стратегии устойчивого социально-экономического развития региона, которая должна содержать конкретные меры и сроки их реализации.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Исследование базируется на работах ведущих ученых, таких как Н. Мончев, И. Перлаки, В.Д. Хартман, Э. Мэнефилд, Р. Фостер, Б. Твист, Й. Шумпетер, которые посвятили свои труды изучению происхождения

и методологических основ оценки баланса устойчивого развития региональных экономик в условиях инновационной активности. Исследование аспектов и перспектив этих методологических основ во взаимосвязи с использованием инновационных методов и приемов были проведены А.Б. Яффе, Дж. Лернером, С. Штерном, А. Пагано. Одним из ключевых направлений инновационной экономики являются прорывные технологии, которые способствуют ускорению инновационного развития в экономике [5].

Данное исследование направлено на определение значимости методологических основ оценки баланса устойчивого развития региональных экономик в условиях инновационной активности, рассматриваемых как база улучшения социально-экономической ситуации в субъектах. В качестве объекта исследования рассматриваются региональные экономические системы России. Методология опирается на системный подход. В ходе работы применялись как общенаучные, так и специализированные аналитические методы, включая логический анализ, который использовался для изучения методик оценки сбалансированности регионального развития. Также был задействован структурно-логический анализ, позволяющий систематизировать и уточнять терминологию. Кроме того, использовались методы обобщения и группировки.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В ходе работы использовались общепринятые научные методы, включая сравнительный анализ и выявление взаимозависимостей. Информационной базой послужили вторичные статистические данные, полученные с официального веб-сайта Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат). Представленная информация охватывает различные аспекты инновационной активности в российских регионах и систематизирована по федеральным округам за период с 2019 г. по 2023 г.

Ключевые характеристики включают:

- экстенсивность (объем экономического потенциала и ресурсной базы);
- интенсивность (эффективность производственных и обменных процессов);
- информационную составляющую (структуру и организацию системы).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Современная экономика России занимает незначительные позиции на международной арене и постепенно переориентируется с европейского направления на юго-восточное. В настоящее время практика региональной поддержки отдельных инициатив часто проявляется в отсутствии единства. Контроль за выполнением региональных планов сосредоточен на соблюдении сроков и иногда на оценке качества, при этом отсутствует анализ влияния на конкурентные преимущества субъекта. Проблемы возникают из-за недостаточной проработки методологии и несоответствия программных действий целям развития. Необходимо создать взаимосвязанную систему программ, которая обеспечит разработку и реализацию мер для достижения стратегических целей [6].

Первый и наиболее важный подход заключается в использовании системы показателей, отражающих различные векторы развития. Этот метод позволяет выделить в рамках общей системы индикаторы, относящиеся к социальной, экономической, экологической и институциональной сферам.

Второй подход предполагает использование обобщенного, комплексного или интегрального показателя, который характеризует степень равновесия и общий прогресс региона.

В рамках актуальной региональной политики наиболее пристальное внимание уделяется сущностным направлениям, способным формировать устойчивое развитие экономических систем субъектов, с учетом социальных, экономических и экологических факторов. Данные разработки подчеркивают значимость как с теоретической, так и с практической точки зрения, способствующей более эффективному исследованию региональных экономических систем. При использовании данного подхода выделяются факторы устойчивости региональных систем, что делает проведенную работу особенно важной и своевременной.

При исследовании устойчивого развития региональных экономических систем важно уделить внимание нескольким ключевым аспектам:

- 1) устойчивое развитие субъекта должно обеспечивать комфортные условия жизни и удовлетворение потребностей его жителей;
- 2) регион рассматривается с точки зрения целостной системы, обладающий уникальной структурой и сложившимися закономерностями;

3) межрегиональное сотрудничество и устойчивое развитие региональной экономики взаимосвязаны;
4) внедрение и активное использование информационных технологий и инноваций в различных сферах общественной деятельности выступают основополагающим условием устойчивого развития, что делает инновационную активность региональных экономических систем особенно актуальной.

5) применение современных информационных технологий и инноваций, нацеленных на устойчивое развитие, должно способствовать интеграции всех муниципальных направлений деятельности. При создании эффективного механизма управления необходимо учитывать уровень устойчивости и развития регионального потенциала выступающих актуальными направлений для дальнейшего изучения. Автор данного исследования предлагает метод оценки устойчивого развития региональных экономических систем по рейтинговому принципу, способного устранить дефицит информации об инновациях в российских субъектах.

Методика оценки рейтинга устойчивого развития региональных экономик основывается на анализе комплексных показателей и уровня их достижения [7]. Рейтинги, как внутренние, так и внешние, играют ключевую роль в характеристике устойчивости субъекта или его экономических систем. Их оценка помогает установить цели для развития региональных экономик, определить вклад в социально-экономическое развитие как субъекта, так и страны в целом, а также создать условия для улучшения качества жизни населения.

Формирование рейтингов предполагает отбор индикаторов и вычисление сложных показателей, которые служат основой для построения рейтинга устойчивого развития региональных экономических систем. Для этого используются специальные алгоритмы обработки данных. Показатели ранжируются в порядке убывания величины сложного показателя, что и определяет структуру рейтинга. Далее для каждого индикатора рассчитывается интегральная рейтинговая оценка в пределах от 1 до 100.

Интегральная оценка устойчивого развития региональных экономических систем вычисляется как среднее геометрическое рейтинговых оценок сложных показателей. Для каждой группы сложных показателей она определяется путем нахождения среднего арифметического значений ее компонентов.

Результатом является наглядное представление показателей, влияющих на рейтинг устойчивости развития региональных экономических систем, что позволяет определить приоритетные направления для сбалансированного функционирования.

ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ факторов устойчивого развития регионов, проводимый исследователями, подчеркивает важность экономических, экологических и социальных аспектов.

Некоторые эксперты и организации акцентируют внимание на экологическом равновесии. Всемирный банк предлагает методику оценки скорректированных чистых сбережений, отражающей лишь разницу между валовым накоплением капитала, инвестициями в добычу ресурсов и их исчерпание, а также ущербом вследствие загрязнения и расходами на развитие человеческого капитала и охрану окружающей среды.

Другие исследователи используют методы оценки экономических, экологических и социальных аспектов. Для анализа экономического положения регионов и распределения финансовых ресурсов предлагаются показатели устойчивого развития на уровнях субъектов РФ, предприятий и домохозяйств. Все показатели можно классифицировать на экономические, социальные и экологические, что соответствует критериям надежности и однородности. Проведенный анализ дает возможность распределить регионы по уровням устойчивого развития, основываясь на основных индикаторах. В методологии Уральского отделения Российской академии наук оцениваются четыре категории показателей, которые адаптированы для промышленных субъектов. Социальные индикаторы включают доходы населения, продолжительность жизни и демографические процессы [8].

Устойчивое развитие определяется как одно из состояний устойчивости региональной системы. Именно так оно представлено в исследованиях, проводимых Т.В. Усковой по оценке устойчивости региональных экономических систем [9].

При определении методологии оценивания уровня устойчивого развития территорий и подборе ключевых показателей применяются два основных подхода. Первый предполагает использование первичных данных, обычно из Росстата, для последующего расчета интегрального индикатора. Второй основывается на анализе существующих рейтинговых оценок. Выбор индикаторов для анализа устойчивости региона – задача комплексная.

Предложенная автором методология оценивания рейтинга устойчивого развития региональных экономических систем полностью основывается на системном изучении и оценке рейтинговых индикаторов, определяя степень их практической реализации. Совокупность внутренних и внешних рейтингов является значимым параметром устойчивого прогресса субъекта или самой системы.

Оценка рейтингов позволяет сформировать ключевые цели развития региональных экономических систем, определить их значение для социально-экономического роста субъекта и государства, а также создать благоприятную среду для улучшения качества жизни населения, проживающего на территории данных систем [10].

В современных экономических исследованиях приоритетное значение придается вопросам гармоничного развития региональных экономических систем. Основные направления экономического прогресса и сбалансированности включают:

- выявление направлений, ключевых векторов и драйверов, стимулирующих прогресс и сбалансированное расширение экономических образований [10];
- разработку и укрепление инструментов для гарантирования продолжительной устойчивости экономических комплексов;
- исследование условий и последствий технологического совершенствования;
- обнаружение детерминант и численную оценку итогов, содействующих подъему и гармоничной эволюции хозяйственных платформ.

При оценивании комплексных индикаторов пропорционального развития экономических комплексов крайне важно принимать во внимание наличие ресурсной базы. Другими словами, перманентное и пропорциональное развитие территориальных экономических систем подразумевает неуклонное улучшение параметров резистентности, что обуславливает потребность в конкретных ресурсах. Кроме того, определение источников сбалансированного развития экономической системы должно учитывать соотношение между ростом ресурсов и их производительностью, а также повышение эффективности существования российских экономических систем.

Эта взаимосвязь отражается в производственных функциях, которые устанавливают связь между объемами производства и затратами, характеризуя производственный потенциал региональных экономических систем. С помощью производственных функций можно оценить уровень развития комплексных показателей устойчивости последних и предпринять меры по устранению существующих диспропорций [10].

Ключевую роль в инновационной экономике играют передовые технологии, цифровая модернизация и платформенные подходы, что значительно ускоряет прогресс в сфере инноваций. Ученый Э.М. Роджерс определяет инновацию как новую для определенного процесса идею. Поэтому более существенную роль приобретает изучение такого понятия, как «новизна в инновациях», которая характеризуется как сущность, вызванная потребностями развития производственных процессов, представляющая собой сформированное содержание нововведения. Она кардинально отличается от всего, что существовало ранее в данной подсистеме, по степени воздействия на ключевые параметры инновационного состояния, демонстрируя при этом количественные и качественные изменения в производственном процессе [10].

Оценка сбалансированного развития требует учета ресурсного обеспечения. Определение источников развития должно учитывать баланс между приростом ресурсов, их производительностью и эффективностью региональных экономических систем.

Производственные функции, связывающие объемы выпуска и затрат, отражают производственные возможности региональных экономических систем. Они позволяют оценить уровень устойчивости и устранить диспропорции.

Современная мировая экономика характеризуется ускоренным инновационным развитием, где региональные системы играют ключевую роль, взаимодействуя с технологиями, обществом и пространством. Инновации – это преобразование знаний в создание, освоение и распространение новшеств, требующее целостной системы управления. Инновационное развитие повышает эффективность всех сфер экономики.

Стратегическими направлениями становятся прорывные технологии, цифровая трансформация и платформенные решения, ускоряющие инновационный прогресс. Инновации – это сущность, сформированная потребностями бизнеса, отличающаяся от предыдущего опыта и приводящая к количественным и качественным преобразованиям. Сбалансированное развитие – это стратегические изменения, обеспечивающие равные возможности развития с учетом приоритетов устойчивости.

Учитывая специфику целостных систем, элементами последнего могут быть выработка решений проблем, трансформация решений в цели, апробация соответствия идей задачам, моделирование теории на базе опыта, внедрение теории, анализ технологической реализации и значимости, моделирование разновидностей новшеств, конструирование модели новшества.

В рамках предложенного подхода с использованием рейтингов авторская методика предполагает применение уже действующих методик и способов рейтинговой оценки регионов в контексте целей устойчивого развития. Для внедрения и применения этой идеи необходимо пройти несколько шагов: провести оценку научных исследований, касающихся оценки устойчивости региональных экономических систем, и определить нужный подход; выбрать соответствующие рейтинги региональных систем и сопоставить их с целями устойчивого развития; собрать нужные данные; выбрать метод расчета и вычислить интегральный индекс устойчивого развития.

В результате анализа были отобраны четыре рейтинга «РИА Рейтинга», отражающие материальное благополучие, приверженность, социально-экономическое положение и научно-технологическое развитие. Для оценки экологической составляющей использован Национальный экологический рейтинг от организации «Зеленый патруль».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенные подходы, которые принимают во внимание экологические, экономические, социологические и другие аспекты, в настоящее время являются наиболее значимыми. Согласованное прогрессивное развитие экономики может быть обеспечено посредством следующих основополагающих элементов:

- 1) разработка идей, направленных на преодоление насущных проблем, стимулирующих экономический подъем;
- 2) трансформация концепций в четко определенные задачи, характеризующиеся потенциальным влиянием на установленные показатели;
- 3) апробация на практике, демонстрирующая соответствие реализуемой идеи намеченным целям;
- 4) формирование целостной системы теории и инноваций, опирающейся на накопленный опыт;
- 5) выявление областей применения и внедрения теории с определением наиболее эффективных параметров;
- 6) анализ степени технологической реализации, функциональности и социально-экономической значимости нововведений;
- 7) построение разнообразных моделей инноваций (методик, классификаций, подкатегорий и т.п.).

В современных условиях наиболее продуктивный способ обеспечения сбалансированного экономического роста заключается в применении системного рейтингового подхода, при котором экономика рассматривается как взаимосвязанная структура с последующей декомпозицией на составные части [10]. В современных условиях РФ требуются специалисты, способные обеспечить развитие сильной национальной экономики и промышленного сектора. Это квалифицированные менеджеры, экономисты, управленцы и инициативные предприниматели. Для достижения успеха необходимо получить качественное образование.

В итоге была разработана методика оценки уровня устойчивого развития российских региональных систем, определены показатели и факторы, оказывающие влияние на индекс устойчивого развития, а также положения каждой региональной экономической системы по социально-экономическому развитию. Полученные результаты будут полезны для органов государственной власти при формировании региональной политики.

Результаты были сопоставлены с выводами других исследователей, которые оценивали уровень социально-экономического развития субъекта в указанные временные периоды, основываясь на анализе сбалансированности региональных подсистем и прогнозах относительно будущих перспектив регионального развития.

Список литературы

1. Муслимова С.Ю. Устойчивое развитие региона. Журнал прикладных исследований. 2022;6:44–48. http://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_6_1_44
2. Грузневич Е.С. Развитие, устойчивое развитие и сбалансированное устойчивое развитие и их взаимосвязь на уровне региона: терминологические аспекты. В кн.: Россия: тенденции и перспективы развития: сборник трудов конференции, выпуск 12, часть 2, Москва, 20–21 декабря 2016 г. М.: Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; 2017. С. 839–844.

3. Алфёрова Т.В. Устойчивое развитие региона: подходы к отбору показателей оценки. Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». 2020;4(15):494–511. <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2020-4-494-511>
4. Репушевская О.А. Характеристика экономических систем и ее индикаторов. Вопросы региональной экономики. 2023;2(55):112–117.
5. Тюкавкин Н.М., Миронова Е.А. Инновационное развитие региональных экономических систем: учебное пособие. Самара: Самарский университет; 2024. 128 с.
6. Голованов Е.Б. Методический подход в оценке устойчивого развития региональной экономики. Современные технологии управления. 2015;3(51):23–29.
7. Мельников В.А., Можая Р.А., Новикова Н.Е., Лукашева О.А., Лучкин А.Г., Ковалева Е.Н. и др. Комплексное развитие экономики региона: вызовы, приоритеты, стратегические ориентиры. Смоленск; 2024.
8. Козлова О.А., Багирова А.П., Корнилов Г.Е., Кулькова И.А., Берзин Б.Ю., Неклюдова Н.П. Глобальные вызовы демографическому развитию: сборник научных статей. Том 2. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук; 2022. 407 с.
9. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук; 2009. 355 с.
10. Янусян А.П., Муравьев К.А., Берестин Д.К. Новый методический подход к оценке региональных социально-экономических систем. Modern Economy Success. 2021;3:13–18.

References

1. Muslimova S.Yu. Sustainable development of the region. Journal of Applied Research. 2022;6:44–48. (In Russian). http://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_6_1_44
2. Gruznovich E.S. Development, sustainable development, balanced sustainable development and their interrelation at the regional level: terminological aspects. In: Russia: trends and prospects of development: Proceedings, issue 12, part 2, Moscow, December 20–21, 2016. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 2017. Pp. 839–844. (In Russian).
3. Alferova T.V. Sustainable development of the region: approaches to selecting evaluation indicators. Perm University Herald. Economy. 2020;4(15):494–511. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2020-4-494-511>
4. Repushevskaya O.A. Characteristics of economic systems and their indicators. Problems of Regional Economy. 2023;2(55):112–117. (In Russian).
5. Tyukavkin N.M., Mironova E.A. Innovative development of regional economic systems: textbook. Samara: Samara University; 2024. 128 p. (In Russian).
6. Golovanov E.B. Methodological approach in assessing sustainable development of regional economy. Modern Management Technology. 2015;3(51):23–29. (In Russian).
7. Melnikov V.A., Mozhaeva R.A., Novikova N.E., Lukashova O.L., Luchkin A.G., Kovalova E.N. et al. Integrated development of the region's economy: challenges, priorities, strategic guidelines. Smolensk; 2024. (In Russian).
8. Kozlova O.A., Bagirova A.P., Kornilov G.E., Kulikova I.A., Berzin B.Yu., Neklyudova N.P. Global challenges to demographic development: collection of scientific articles. Volume 2. Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2022. 407 p. (In Russian).
9. Uskova T.V. Management of sustainable development of the region: monograph. Vologda: Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences; 2009. 355 p. (In Russian).
10. Yanukyan A.P., Muravyev K.A., Berestin D.K. A new methodological approach to the assessment of regional socio-economic systems. Modern Economy Success. 2021;3:13–18. (In Russian).

Управление продовольственной безопасностью Китая

Шарипов Фанис Фалихович

Канд. экон. наук, доц. каф. управления промышленными организациями

ORCID: 0000-0003-0129-017X, e-mail: fanissh@rambler.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Продовольственная, энергетическая и финансовая безопасность – так выглядит тройка ключевых проблем безопасности современной мировой экономики в турбулентности последних лет. Предметом настоящего исследования выступает действующая в Китайской Народной Республике (далее – КНР, Китай) система продовольственной безопасности. Китай, где проживает почти пятая часть населения Земли, уделяет этому вопросу серьезное внимание как ключевому элементу национальной безопасности. Целью настоящего исследования является изучение подхода Китая к обеспечению продовольственной безопасности. Рассмотрены риски продовольственного кризиса и успехи продовольственной безопасности КНР. Вопрос развития национального сельскохозяйственного производства связан с большим количеством не менее важных для жизнедеятельности человека аспектов. Изменение климата, экология и природопользование, производство современной машиностроительной продукции для сельскохозяйственной отрасли, химических удобрений, строительство систем орошения, объектов хранения, переработки сельскохозяйственной продукции, селекция животных и растений, география сельскохозяйственного производства – практически все отрасли науки и экономики привязаны к исследуемой теме. Изучены вопросы социально-экономического развития сельскохозяйственных регионов. Рынок продовольствия Китая представляет интерес для сельскохозяйственных производителей из Российской Федерации.

Ключевые слова

Продовольствие, продовольственная безопасность, риски продовольственного кризиса, урожай, продовольственный кризис, сельскохозяйственное производство, продуктовая корзина, государственное регулирование

Для цитирования: Шарипов Ф.Ф. Управление продовольственной безопасностью Китая // Вестник университета. 2025. № 5. С. 146–152.

China's food security governance

Fanis F. Sharipov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Industrial Organisations Management Department
ORCID: 0000-0003-0129-017X, e-mail: fanissh@rambler.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

Food, energy, and financial security are the three key security issues facing the modern global economy amid the turbulence of recent years. The subject of the study is the People's Republic of China's (hereinafter referred to as PRC, China) current food security system. China, being the home to almost one-fifth of the world's population, attaches great importance to the issue as a key element of national security. The purpose of the study is to examine the PRC approach to ensuring food security. The food crisis risks and China's successes in food security have been considered. The issue of developing national agricultural production is linked to a large number of aspects that are no less important for human life. Climate change, ecology and nature management, modern machinery production for the agricultural sector, chemical fertilisers production, irrigation systems and agricultural products storage and processing facilities construction, animal and plant breeding, and agricultural production geography – virtually all branches of science and economics are linked to the topic under study. Issues of social and economic development in agricultural regions have been studied. China's food market is of interest to agricultural producers from Russia.

Keywords

Food, food security, food crisis risks, crop, food crisis, agricultural production, food basket, government regulation

For citation: Sharipov F.F. (2025) China's food security governance. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 146–152.

ВВЕДЕНИЕ

Продовольственная безопасность как составная часть безопасности Китайской Народной Республики (далее – КНР, Китай) представляет интерес для исследования неслучайно. Большое количество исследований по этой теме проводится китайскими учеными. Говоря о рисках продовольственного кризиса КНР, мы определяем вслед за Академией общественных наук Китая следующие ключевые факторы этих рисков: урбанизация, приведшая к потере 20 % пахотных земель в стране, и старение. По данным Академии наук Китая и Всемирного фонда дикой природы о потерях продовольствия в Китае в результате его складирования, транспортировки, переработки и потребления, за 2015 г. эти потери составили около 18 млн т продовольствия.

В настоящее время городской житель КНР в среднем за один прием пищи выбрасывает примерно 100 г продуктов. Государство под впечатлением от полученных данных приняло решение о проведении пропагандистской компании «Чистая тарелка», целью которой было искоренение привычки обычных граждан заказывать в учреждениях питания еды больше, чем они могут съесть. Исходя из количества граждан страны, за год скапливается от 18 до 40 млн т пищевых отходов. Этими продуктами можно накормить около 40 млн чел.

Тема риска продовольственного кризиса возникла из-за разных эпидемий последних лет. Африканская чума 2019 г. привела к забою поголовья свиней в количестве более 300 млн голов. В условиях пандемии COVID-19 рост аграрного производства составил около 1 % вместо запланированных 3–4 %. Нашествие гусениц листовой совки и бамбуковой саранчи нанесло существенный ущерб урожаю ряда провинций Китая в и без того сложном 2020 г. Свой вклад со знаком «минус» вносят стихийные бедствия в виде наводнений, тайфунов. Площадь наводнений, например, в том же 2020 г. в дельте реки Янцзы и ее притоках составила 60 млн га сельскохозяйственных угодий, а на площади 11,4 млн га урожай был утерян совсем¹.

В этих условиях Китай вынужден наращивать импорт продовольствия, что представляет новые экспортные возможности сельхозпроизводителям из Российской Федерации (далее – РФ, Россия).

ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ

Попробуем сформулировать основные достижения реализации последовательной политики продовольственной безопасности КНР за последние 45 лет реформ:

- рост урожайности зерновых культур;
- эффективное формирование продовольственных резервов;
- улучшение общего состояния здоровья и питания населения;
- эффективное решение проблем питания малоимущих граждан.

Вступивший в силу в 2024 г. закон «О продовольственной безопасности» стал логическим завершением усилий политического руководства Китая в последние годы, в первую очередь касаясь вопросов производства зерна, его транспортировки, хранения и переработки. В современный период XVIII съезд Коммунистической партии Китая стал новой точкой отсчета в развитии продовольственной безопасности страны. Центральный комитет партии определил новую концепцию продовольственной безопасности, основанную на развитии собственного производства зерновых культур и обеспечения необходимого количества и качества продуктов из так называемой продуктовой корзины, или обеспечения привычного для населения количества и качества ключевых продуктов питания в рационе. Производство зерновых культур, логистика хранения и доставки зерна по всей территории страны, индустрия производства современных продуктов питания на базе выращенных зерновых культур – в этих вопросах Китай добился особо впечатляющих результатов. Можно смело говорить о самообеспеченности хлебными злаками до 95 % [1].

Определим и рассмотрим несколько ключевых показателей производства зерновых культур.

Во-первых, производство зерновых в стране на душу населения стабильно превышает в последние годы среднемировой уровень. В 1949 г., в момент создания КНР, обеспеченность зерном составляла менее 209 кг/чел. в год. К 1996 г. этот показатель увеличился до 414 кг/чел. Затем, к 2019 г., он вырос до 470 кг/чел. и, наконец, к 2023 г. – до 480 кг/чел., существенно превысив среднемировой уровень в 400 кг/чел.

¹ РЕПОСТ. Продовольственная безопасность Китая. Режим доступа: <https://repost.press/news/prodovolstvennaya-bezopasnost-kitaya> (дата обращения: 01.02.2025).

Во-вторых, необходимо отдельно рассмотреть рост урожайности с единицы обрабатываемой площади пахотных земель. В 1996 г. урожайность достигла показателя в 4,483 тыс. кг/га. К 2010 г. этот показатель превысил 5 тыс. кг/га, в 2018 г. – 5,621 тыс. кг/га, в 2024 г. – 5,921 тыс. кг/га, причем злаковые культуры достигли урожайности в 6,493 тыс. кг/га.

В-третьих, валовой сбор зерна значительно изменился с 1949 г. В 1949 г. он составлял 110 млн т, в 1976 г. – 300 млн, в 1996 г. – 500 млн т. Затем 550 млн т, 600 млн т, 660 млн т за 2010 г., 2012 г. и 2015 г. соответственно. Наконец, 2024 г. принес урожай в 706,5 млн т. Колебания в урожае в последнее десятилетие составляют до 6 %, в зависимости от климатических условий [2].

В отличие от производства зерновых, высока зависимость Китая в импорте соевых бобов. В 2024 г. он импортировал 105,03 млн т соевых бобов. Ключевыми позициями в импорте продовольствия в Китай являются мясо, мясные продукты, фрукты, рыба, молоко, молочные продукты, а также корм для животных.

Кроме обеспечения ассортимента продуктов, ответственные лица в КНР уделяют постоянное внимание обеспечению необходимыми для жизнедеятельности человека продуктами малоимущих граждан. После уже упомянутого XVIII съезда Коммунистической партии Китая определены вектор развития экономики села, меры адресной поддержки бедных и искоренения нищеты, повышение доходов граждан, проживающих на сельской территории. Необходимо особо отметить, что по сравнению с 1978 г., годом начала реформ и открытости в Китае, когда бедное население составляло 770 млн чел., на конец 2018 г. количество малоимущих граждан сельских районов страны составило 16,6 млн чел., или около 8 % населения [3]. Говоря о государственной политике Китая в этом вопросе, необходимо отметить программы по организации питания подростков-школьников в бедных районах, проекты по улучшению питания новорожденных, малолетних детей и пожилых граждан страны.

Рассмотрим ключевой вопрос – развитие системы доставки, складирования и хранения продуктов продовольственной корзины по всей территории государства в различных климатических зонах с учетом возможных стихийных бедствий: землетрясений, тайфунов, наводнений, снегопадов. Можно говорить о развитии здорового питания в стране в виде увеличения доступности и разнообразия диетических продуктов (мясных, рыбных, а также овощей и фруктов). Ведется учет пищевой ценности продуктов для населения. Мониторинг Государственного комитета по делам здравоохранения Китая приводит данные о ежедневной потребности организма человека в энергии на одного человека – 2,172 тыс. ккал, потребления белка – 65 г, жиров – 80 г, углеводов – 301 г. В целом растет потребление высококачественных белков; потребление жиров и углеводов также находится под постоянным наблюдением.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ

Попробуем сформулировать главные направления развития продовольственной безопасности КНР.

1. Рост мощностей по производству зерна. Речь идет о сохранении и необходимой защите пахотных земель, комплексном планировании землепользования, когда строго контролируется отчуждение пашни, в первую очередь высококачественных земельных угодий, для различных целей строительства. Общая площадь пахотных земель в Китае составляет 134,88 млн га, из которых 117 млн га приходится на посевные площади зерновых культур. Особое внимание уделяется формированию сплошных и экологически чистых пахотных земель высоких стандартов, что дает увеличение производства зерна с каждого гектара на 1,5 тыс. кг [4]. Ведется учет рационального использования удобрений с применением комплексного подхода к удобрению почвы, включая удобрение почв органической составляющей, например соломой.

Большое значение в различных климатических зонах территории Китая имеет производство мелиоративных мероприятий. Под мелиоративными мероприятиями мы понимаем строительство и эксплуатацию высокотехнологических гидротехнических сооружений для экономии воды и оптимизации водоснабжения. Происходит интеграция воды и удобрений на новой технологической платформе. Кроме того, постоянно модернизируются существующие системы мелиорации. Огромное значение имеет системное районирование сельскохозяйственного производства от высококачественного выращивания пшеницы, кукурузы и картофеля на северо-востоке Китая до двухурожайного выращивания риса, картофеля на юго-востоке и юге страны.

2. Государственная поддержка населения, занятого в производстве зерновых. Отменены налог на животноводство, налог на забой скота (в свиноводстве), налог на особые средства земледелия и лесоводства.

Уже с 2006 г. в Китае отменен сельскохозяйственный налог, который существовал более 2,6 тыс. лет. Постоянно совершенствуется механизм ценообразования сельскохозяйственной продукции, в первую очередь зерна. Приняты специальные компенсационные механизмы сохранения плодородия пашни.

Среди административных мер необходимо отметить развитие семейного подряда в производстве зерна в сочетании с внедрением социальных обслуживающих организаций на селе. В настоящее время в Китае трудятся свыше 600 тыс. семейных фермерских хозяйств, крестьянских кооперативов – более 2,173 млн, организаций социальных услуг – более 370 тыс. [1].

3. Инновации в системе рынка продовольствия. Вместе с государственными зерноперерабатывающими предприятиями создаются частные кооперативы и корпорации. Поддерживаются крупные трансграничные зерноперерабатывающие консорциумы и малые зерноперерабатывающие кооперативы. Важно развивать и гармонизировать систему торговли продовольствием с созданием единой нормативной базы и единой государственной электронной площадки в сочетании с организацией электронных площадок уровня провинций и уездов. Можно говорить о создании более 500 рынков хлебной продукции, обеспеченных самой современной логистикой. Приведем еще немного статистики по развитию уровня обслуживания потребителей продовольственными товарами: за 2018 г. было проведено 3,935 тыс. ярмарок, объем зерновых сделок составил 136,27 млн т, общая сумма сделок – 231,9 млрд китайских юаней [5].

4. Государственное регулирование развития продовольственной безопасности. Перечислим лишь некоторые значимые правовые акты, разработанные после XVIII съезда Коммунистической партии Китая: 13-й пятилетний план народнохозяйственного и социального развития Китая, Программа национальной продовольственной безопасности в среднесрочной и долгосрочной перспективе (2008–2020 гг.), Программа развития Китая по вопросам продовольствия и питания (2014–2020 гг.), Программа устойчивого сельскохозяйственного развития в Китае (2015–2030 гг.), Всекитайский план использования государственных земель (2016–2030 гг.), Государственное стратегическое планирование возрождения деревни (2018–2022 гг.), Программа развития продовольственной индустрии на 13-ю пятилетку. Государство регулирует систему закупок, запасы зерна, ценообразование [6]. Китай производит закупки зерна в определенную дату и по специальной цене с учетом себестоимости производства и конъюнктуры рынка на эту дату. Затем закупленное зерно продается свободно по рыночной цене. Важно наличие системы продовольственных резервов: центральных и местных. Центральный резервный фонд зерна – ключевой элемент продовольственной безопасности Китая.

5. Развитие индустрии производства продуктов питания с учетом интересов города, уезда, индустриального парка, предприятия-производителя в соблюдении интересов всех участников и сторон процесса.

6. Контроль качества произведенных продуктов питания осуществляют 6 государственных, 32 провинциальных, 305 городских и 960 уездных контролирующих организаций на основе разработанных и опубликованных стандартов (например, «Зерна и масла высокого качества»).

7. Продовольственная научно-техническая инновационная система. Это включает селекцию и поддержание семенного фонда производства зерновых, производство и внедрение научно обоснованных технологий удобрений, цифровизацию логистики (складирования и транспортировки) зерновых.

8. В продолжение п. 4 о государственном регулировании необходимо отдельно отметить развитие законодательной базы обеспечения продовольственной безопасности. Так, внесены поправки и разработаны специальные законы и правила, такие как законы «О сельском хозяйстве», «О землеустройстве», «О профилактике и борьбе с загрязнением воды и почвы», «Об охране водных и почвенных ресурсов», «О земельном подряде в деревне», «О распространении аграрных технологий», «О содействии механизации сельского хозяйства», «О семенах», «О качестве и безопасности сельскохозяйственных продуктов», «О карантине ввозимых и вывозимых животных и растений», «О специализированном крестьянском кооперативе», «Об охране основного пахотного клина», «Правила рекультивации земель», «Правила управления сельскохозяйственными препаратами», «Правила карантина растений», «Правила управления хлебным обращением»².

Кроме того, законодательно гармонизируется взаимодействие центра и провинций: «Некоторые соображения по поводу создания и совершенствования режима ответственности губернатора провинции по обеспечению продовольственной безопасности» (Государственный совет Китая, 2014 г.) и «Методика проверки режима ответственности губернатора провинции по обеспечению продовольственной безопасности» (Канцелярия Государственного совета Китая, 2015 г.) В этих документах руководство КНР определило

²The State Council of the People's Republic of China. Официальный сайт. Режим доступа: https://www.gov.cn/xinwen/2021-01/17/content_5580496.html (дата обращения: 01.02.2025).

полномочия и ответственность провинциальных руководителей по обеспечению национальной продовольственной безопасности на всех этапах – от производства до потребления. Сформированы система оценок и проверок, обязанности местных властей по обеспечению продовольственной безопасности [7].

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ В СФЕРЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Китайский рынок продовольствия представляет серьезную перспективу для российских сельскохозяйственных производителей в части поставок зерна: пшеницы, гречихи, кукурузы, ячменя. Рынок соевых бобов огромен в традиции потребления этого продукта жителями Китая. Интерес представляет увеличение поставок мяса: свинины, курицы. Медленно, но уверенно растет количество поставок молочных продуктов, шоколадной продукции из РФ в Китай [8]. Эта тема требует отдельного углубленного изучения и формулировки выводов по развитию сотрудничества между странами в сфере обеспечения продовольствием.

Автор сознательно не исследует детально все аспекты международного сотрудничества Китая в сфере продовольствия в свете новой торговой войны между ним и Соединенными Штатами Америки (далее – США). Необходимо время, чтобы оценить последствия введения санкций на импортируемые Китаем продукты питания из США. При этом Китай декларирует содействие в достижении целей повестки Организации Объединенных Наций в области устойчивого развития до 2030 г., касающейся ликвидации голода, реализации продовольственной безопасности, улучшения питания и содействия устойчивому ведению сельского хозяйства³.

При изучении международной повестки важно понимать, что обеспечение продовольствием является серьезной задачей для построения нового, более справедливого миропорядка. Китай будет развивать торгово-экономическое сотрудничество в продовольственной сфере со странами, поддержавшими его глобальную инициативу «Пояс и путь» [9]. Россия продолжает безвозмездные поставки подсолнечного масла, пшеницы, гороха в беднейшие страны Африки: Зимбабве, Буркина-Фасо, Центрально-Африканскую Республику, Нигер, Мали, Сомали, Государство Эритрея. Проблема мирового голода обострилась во время пандемии COVID-19 в 2020–2023 гг. и актуальна по сегодняшний день [9]. США и Европейский союз рассматривают условия оказания помощи беднейшим государствам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отметим результаты последовательной политики Китая в достижении продовольственной безопасности. Так, реализуется политика в развитии собственного производства зерновых культур при очевидном дефиците пахотных земель для населения, поэтому особо ценны усилия по государственному регулированию развития земледелия, сельскохозяйственного производства, сбора урожая, доставки, хранения и переработки зерновых культур. Созданная законодательная база, система регулирования и контроля оборота зерновых позволяет сделать вывод о хорошей перспективе развития пищевой промышленности Китая на основе национальной зерновой продукции.

В очередной раз приходится признать факт достоинств плановой экономики КНР, особенно на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Вопросы продовольственной безопасности страны рассчитаны и увязаны с другими вопросами безопасности до 2050 г.

Поучителен пример Китая в развитии электронной торговли в сфере продуктов питания, что требует отдельного детального исследования перспектив в этой области для производителей из России. Необходимо отметить планомерные усилия Китая в научно-техническом развитии во всех сферах, и продовольственная отрасль не является исключением. Селекция, цифровизация, новые технологии – все это применяется в сельскохозяйственном производстве, доставке, хранении, переработке, организации распределения по всей территории страны, независимо от климата, экономического развития того или иного региона.

Российских ученых, как и всегда, интересует китайский опыт с точки зрения возможностей его применения в отечественной экономике. При этом климатические и географические факторы развития сельского хозяйства в РФ достаточны не только для формирования основ собственной продовольственной безопасности, но и для развития экспорта зерновых культур, мяса, напитков в другие страны.

³ БелТА. Китай в 2021–2025 годах намерен реализовать новый план развития. Режим доступа: <https://belta.by/comments/view/kitaj-v-2021-2025-godah-na-meren-realizovat-novyy-plan-razvitiya-7479/?ysclid=mbkfq7l3vz884231188> (дата обращения: 01.02.2025).

Список литературы

1. Двойченко В.О. Балансы зерновых культур (пшеница, рис) в КНР: 2000–2020-е гг. Восточная аналитика. 2023;1(14):19–35. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-019-035>
2. Козырьская И.Е., Бао С. Сельское хозяйство Китая: краткая характеристика современного состояния. Российско-китайские исследования. 2022;2(6):93–102. [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2022.6\(2\).93-102](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2022.6(2).93-102)
3. Huang J., Yang G. Understanding recent challenges and new food policy in China. Global Food Security. 2017;12:119–126. <http://dx.doi.org/10.1016/j.gfs.2016.10.002>
4. Колесник А.А., Полянская Н.М. Некоторые итоги продовольственной стратегии России, Китая и Японии. Проблемы Дальнего Востока. 2022;5:62–79. <https://doi.org/10.31857/S013128120022591-1>
5. Макаренко Б.В. Агробιοтехнопарки как новый вектор развития агропромышленного комплекса: опыт Китая. Прогрессивная экономика. 2023;11:157–177. https://doi.org/10.54861/27131211_2023_11_157
6. Якимович Е.А. Продовольственная проблема Китая: вопросы преобразования системы и безопасности в условиях кризиса. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2023;3(31):460–475. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2023-31-3-460-475>
7. Му Ч., Фей Л., Репецкий О.В., Яньнань Л., Пин Ч. Сравнительный анализ рисков и угроз развития современной экономики сельского хозяйства на примере Китая. Вестник НГИЭИ. 2024;6(157):115–129. <https://doi.org/10.24412/2227-9407-2024-6-115-129>
8. Деточенко Л.В., Фесенко В.В. Анализ современных российско-китайских отношений в торгово-экономической сфере: особенности и перспективы развития. Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2024;1(26):141–151. <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2024.1.12>
9. Линь Л. Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество на фоне стратегии «Поворот на Восток». Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024;1:194–200. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-194-200>
10. Инь С. Российско-китайские двусторонние отношения на фоне перехода от стратегии «Поворот на Восток» к концепции «Большая Евразия». Общество: политика, экономика, право. 2023;5:32–37. <https://doi.org/10.24158/pep.2023.5.4>

References

1. Dvoichenkov V.O. Grain crop balances (wheat, rice) in the PRC: 2000–2020s. Eastern Analytics. 2023;1(14):19–35. (In Russian). <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-01-019-035>
2. Kozyskaya I.E., Bao S. Agriculture of China: brief description of the current state. Russian and Chinese Studies. 2022;2(6):93–102. (In Russian). [https://doi.org/10.17150/2587-7445.2022.6\(2\).93-102](https://doi.org/10.17150/2587-7445.2022.6(2).93-102)
3. Huang J., Yang G. Understanding recent challenges and new food policy in China. Global Food Security. 2017;12:119–126. <http://dx.doi.org/10.1016/j.gfs.2016.10.002>
4. Kolesnyak A.A., Polyanskaya N.M. Some results of the food strategy of Russia, China and Japan. Far Eastern Studies. 2022;5:62–79. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013128120022591-1>
5. Makarenko B.V. Agrobiotechnological parks as a new vector of development of the country's agro-industrial complex: the experience of China. Progressive Economy. 2023;11:157–177. (In Russian). https://doi.org/10.54861/27131211_2023_11_157
6. Yakimovich E.A. China's food problem: issues of system transformation and security in a crisis. RUDN Journal of Economics. 2023;3(31):460–475. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2023-31-3-460-475>
7. Mu Zh., Fei L., Repetskii O.V., Yannan L., Ping Zh. Comparative analysis of risks and threats to the development of the modern agricultural economy on the example of China. Bulletin NGIEI. 2024;6(157):115–129. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2227-9407-2024-6-115-129>
8. Detchenko L.V., Fesenko V.V. Analysis of modern Russian-Chinese relations in the trade and economic sphere: features and development prospects. Journal of Volgograd State University. Economics. 2024;1(26):141–151. (In Russian). <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2024.1.12>
9. Lin L. Sino-Russian trade and economic cooperation against the backdrop of the “Eastern Pivot” strategy. State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;1:194–200. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-194-200>
10. Yin S. Sino-Russian bilateral relations amid the transition from the “Pivot to the East” strategy to the “Greater Eurasia” Concept. Society: Politics, Economics, Law. 2023;5:32–37. (In Russian). <https://doi.org/10.24158/pep.2023.5.4>

Влияние стабильности финансовых показателей и потенциала роста на инвестиционную привлекательность организации

Астафьева Ольга Евгеньевна

Д-р экон. наук, зав. каф. экономики и управления в строительстве
ORCID: 0000-0003-3957-790X, e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

Хвостов Юрий Евгеньевич

Магистрант
ORCID: 0009-0003-7261-1994, e-mail: yrik1881@gmail.com

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В данной работе в качестве критерия инвестиционной привлекательности и фактора воздействия на потенциал роста предприятия исследуются финансовая устойчивость и ее значение в контексте борьбы за доступ к инвестиционным ресурсам. Основываясь на ряде теоретических положений, авторы приходят к выводу о ключевой роли финансовой устойчивости в формировании условий для выбора предприятия в качестве объекта инвестирования. Получая достоверные и обоснованные данные о финансовой устойчивости организации, потенциальный инвестор может делать выводы и прогнозы относительно привлекательности объекта инвестирования, а потенциальный объект вложений, в свою очередь, приобретает возможность принимать необходимые меры для увеличения своей инвестиционной привлекательности. В актуальных экономических реалиях, характерными особенностями которых являются осложнение экономических отношений и затруднение маневрирования ресурсами, представляются необходимыми дальнейшее изучение взаимосвязи между инвестиционной привлекательностью и финансовой устойчивостью и исследование влияния последней на потенциал роста с целью формирования комплекса теоретических положений и разработки методик повышения экономической устойчивости коммерческих предприятий, защиты их экономических интересов, а также выработки мер по усилению конкурентоспособности и конкурентных преимуществ в борьбе за инвестиции.

Ключевые слова

Инвестиционная привлекательность, инвестиционный ресурс, потенциал роста, финансовая устойчивость, ликвидность, инвестиционный риск, развитие компании, финансовая отчетность

Для цитирования: Астафьева О.Е., Хвостов Ю.Е. Влияние стабильности финансовых показателей и потенциала роста на инвестиционную привлекательность организации // Вестник университета. 2025. № 5. С. 153–159.

Impact of financial stability and growth potential on the investment attractiveness of an organisation

Olga E. Astafyeva

Dr. Sci. (Econ.), Head of the Economics and Management in Construction Department
ORCID: 0000-0003-3957-790X, e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

Yuriy E. Khvostov

Graduate Student
ORCID: 0009-0003-7261-1994, e-mail: yrik1881@gmail.com

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

In this article, financial stability and its importance in the context of the struggle for access to investment resources are examined as a criterion of investment attractiveness and factor of influence on the growth potential of an enterprise. Based on a number of theoretical provisions, the authors come to the conclusion about the key role of the financial stability in forming the conditions for choosing an enterprise as an investment object. Receiving reliable and substantiated data on the financial stability of an organisation, a potential investor can draw conclusions and forecasts regarding the attractiveness of an investment object, and a potential investment object, in turn, gains the opportunity to take the necessary measures to increase its investment attractiveness. In the current economic realities, a characteristic feature of which is the complication of economic relations and resource maneuvering, it seems necessary to further study the relationship between the investment attractiveness and financial stability and study the influence of the latter on the growth potential in order to form a set of theoretical provisions and develop methods for increasing the economic stability of commercial enterprises, protecting their economic interests as well as for developing measures to enhance competitiveness and competitive advantages in the struggle for investments.

Keywords

Investment attractiveness, investment resource, growth potential, financial stability, liquidity, investment risk, company development, financial reporting

For citation: Astafyeva O.E., Khvostov Yu.E. (2025) Impact of financial stability and growth potential on the investment attractiveness of an organisation. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 153–159.

ВВЕДЕНИЕ

В существующих реалиях, для которых характерно затруднение экономических отношений, все более острой становится конкурентная борьба. Из-за санкций осложняется построение взаимоотношений с контрагентами, меняются системы поставок и сбыта, нарушается процесс производства, затрудняется маневрирование ресурсами, и предприятия постоянно находятся в поиске способов, позволяющих занять более устойчивые позиции на рынке. Стремление находить решения для повышения собственной конкурентоспособности заставляет обращаться, в частности, к инвестированию, так как выбор предприятия в качестве объекта инвестирования предоставляет ему не только доступ к финансовым ресурсам, но и защиту его интересов во внешнеэкономической среде. Способность организации привлекать инвестиционный ресурс будет свидетельствовать о том, насколько объект на основе инвестирования может в долгосрочной перспективе создавать ценность, – и эта способность будет определять результаты борьбы за инвестиции.

Объект инвестирования может являться как предприятием или отдельно взятым проектом, так и целой рыночной сферой, городом или даже государством. В зависимости от типа объекта будут отличаться и факторы его инвестиционной привлекательности, но в любом случае под последней понимается возможность организации создавать именно ту ценность, которая является релевантной требованиям инвестора. Показатели ценности предприятия для определенного инвестора привязаны в первую очередь к его финансовому состоянию, оценить которое позволяет финансовый отчет: в современном мире, полном различных учреждений, от самых маленьких индивидуальных предпринимателей до мощных публичных акционерных обществ, он является неотъемлемой частью работы любой компании, независимо от ее размера и сферы деятельности. Процедура формирования финансовой отчетности, предполагающая систематизацию и публикацию ключевых показателей эффективности в определенное время, превратилась в своеобразный «рентген» финансового состояния организации, благодаря которому компании могут анализировать свой путь, сравнивая текущие события с прошлогодними показателями, получая ценные сведения для выявления тенденций, разработки корпоративной политики и адаптации к изменениям в экономической среде. Использование инструментов финансового анализа позволяет своевременно реагировать на колебания рынка, оставаться конкурентоспособными и управлять ресурсами в динамичном деловом мире – однако его значимость выходит далеко за рамки решения внутренних трудностей общества. Финансовый анализ – важный источник информации для инвесторов, людей, которые готовы вкладывать свои деньги в различные организации с целью получения прибыли: они особенно заинтересованы в показателях финансовой отчетности, поскольку те дают им представление о финансовом состоянии компании, ее устойчивости и потенциале роста.

Финансовая устойчивость часто рассматривается в качестве ключевого фактора инвестиционной привлекательности предприятия, но на последнюю также влияют и другие факторы, такие как потенциал роста, макроэкономическая бизнес-среда, качество управления компанией и т.д. Соответственно, рассматривать финансовое состояние необходимо системно, с учетом взаимосвязи с другими элементами [1]. В данной статье акцент сделан на изучении связи между финансовой устойчивостью и инвестиционной привлекательностью предприятий, с одной стороны, и финансовой устойчивостью и потенциалом роста, с другой стороны, и этот фокус призван раскрыть содержание последней исходя из потенциальной возможности маневрирования инвестиционным ресурсом, который мог бы обеспечивать конкурентоспособность, инновационную активность, платежеспособность, а также высокие темпы роста предприятия.

ФИНАНСОВАЯ ОТЧЕТНОСТЬ И ОЦЕНКА ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

В актуальной экономической ситуации традиционной бухгалтерской отчетности, на основе которой определяется финансовое состояние компании, может оказаться недостаточно для честной оценки ее реальной стоимости. Возможные инвесторы требуют отчетности, которая поможет не только проанализировать успехи и неудачи компании за отчетный период, но и обеспечит понимание ее финансового положения и перспектив достижения основной цели – повышения стоимости фирмы.

Финансовая отчетность, отражающая абсолютное экономическое положение организации, ее способность погашать долги, привлекать инвестиции и оставаться жизнеспособной на рынке, может предоставить важные данные для оценки финансовой устойчивости, которая является одним из критериев

инвестиционной привлекательности компании для инвесторов [2]. Оценить финансовую устойчивость позволяют, в частности, следующие коэффициенты.

1. Коэффициент ликвидности (англ. liquidity ratio). Он показывает способность компании покрывать краткосрочные обязательства за счет своих активов. Высокий коэффициент ликвидности означает, что компания имеет достаточный запас наличных средств или легко превращаемых в деньги активов для погашения своих долгов.

2. Коэффициент рентабельности (англ. profitability ratio). Этот коэффициент показывает эффективность использования ресурсов компании. Он отражает, насколько прибыльной является фирма по сравнению с ее затратами. Высокий коэффициент рентабельности говорит о хорошем управлении ресурсами и о том, насколько успешно функционирует компания.

3. Коэффициент финансовой устойчивости (англ. solvency ratio). Он показывает способность компании покрывать свои долговые обязательства за счет собственного капитала. Высокий коэффициент финансовой устойчивости свидетельствует о том, что компания имеет достаточный запас прочности и не зависит от внешних финансовых источников.

4. Коэффициент платежеспособности (англ. debt ratio). Он показывает долю заемного капитала в общей структуре капитала компании. Низкий коэффициент свидетельствует о том, что компания не зависит от внешних финансовых источников и имеет достаточный запас собственных средств для развития.

5. Коэффициент оборачиваемости (англ. turnover ratio). Данный коэффициент показывает скорость обращения активов компании. Он отражает, как эффективно компания использует свои ресурсы для генерации дохода. Высокий коэффициент оборачиваемости свидетельствует о том, что фирма эффективно управляет своими активами и быстро превращает их в средства [1].

Анализируя вышеперечисленные коэффициенты, можно определить несколько типов финансовой устойчивости компании:

- 1) абсолютно устойчивый, когда все запасы покрыты собственными оборотными средствами;
- 2) нормально устойчивый, при котором организация покрывает траты за счет собственных или заемных средств, при условии, что сумма ликвидных активов превышает сумму кредитов;
- 3) неустойчивый, характеризующийся финансовыми трудностями, вызванными плохой ликвидностью, маленьким капиталом и неплатежеспособностью [3].

ФИНАНСОВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ И ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ

Следует отметить, что некоторые финансовые показатели в бухгалтерской отчетности могут быть абсолютно корректными и непредвзятыми, что часто связано с желанием компании представить свои результаты в более выгодном свете для потенциальных инвесторов. Тем не менее, действующие системные стандарты остаются основным источником информации, на который полагается большинство инвесторов. Чем надежнее отношения, тем более обоснованными являются рыночные выводы об истинной стоимости компании, что позволяет менеджерам более эффективно управлять активами и капиталом. Использование международных стандартов финансовой отчетности позволяет компаниям публиковать более точную и прозрачную информацию, что помогает улучшить процесс принятия решений и повысить прозрачность на рынках. Системная отчетность состоит из различных показателей, которые регулярно обновляются и отражают жизненный цикл организации, представляя значительный интерес для инвесторов. Основываясь на этих данных, инвесторы анализируют такие важные параметры, как ликвидность, инвестиционные риски и стоимость компании [3]. Ликвидный капитал является ключевым показателем качества инвестиций компании, и владельцы свободны от денежных потоков в бизнесе. Современные модели оценки фокусируются на способности предприятия поддерживать положительный баланс между последними как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, что отличает их от традиционного анализа, ориентированного на прибыль [4]. Положительные денежные потоки указывают на устойчивый бизнес, в то время как отрицательные значения часто указывают на снижение операционного потока, на значительные капиталовложения или выплаты по долгам. Способность компании генерировать положительные денежные потоки для собственников является важным показателем ее ликвидности и инвестиционной привлекательности [5].

Компании, которые обеспечивают прозрачность финансовой отчетности и доверие к ней, демонстрируют готовность своевременно отслеживать риски относительно привлечения источников финансирования, что говорит об эффективном управлении финансовым состоянием и в перспективе способствует повышению репутации предприятия на рынке и увеличению интереса инвесторов к нему [4]. Таким образом, финансовую устойчивость, оценка которой основывается на данных, представленных в финансовой отчетности компаний, можно рассматривать в качестве ключевого фактора инвестиционной привлекательности: чем она выше, тем стабильнее будет обеспечивать устойчивую отдачу от инвестиций и рост капитала.

ФИНАНСОВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ И ПОТЕНЦИАЛ РОСТА

Фактор потенциала роста чрезвычайно важен для инвесторов, поскольку он показывает, насколько компания может увеличивать свои доходы и развивать новые возможности на каждом этапе взаимоотношений, что демонстрирует динамику развития компании, ее способность расширять масштабы деятельности, наращивать продажи, завоевывать долю рынка, увеличивать численность сотрудников, прибыльность и капитализацию предприятия.

На потенциал роста предприятия могут оказывать влияние разнообразные факторы, как внешние (политические события, экономическое состояние, конкурентная среда), так и внутренние (финансовая структура, эффективность управления, возраст и размер фирмы). Исходя из этого оцениваться потенциал роста может также по различным критериям, в числе которых экономические, репутационные, организационные и др. [6]. Принимая во внимание тему нашей статьи, целесообразным представляется исследовать потенциал роста с точки зрения финансовой устойчивости. Соответственно, его можно определить как темп, с которым компания пытается достичь своих стратегических целей, и эта характеристика выступает в качестве важного показателя для анализа будущей прибыльности бизнеса, свидетельствуя об укреплении позиций компании по количественным показателям.

Если рассматривать финансовую устойчивость как стабильность деятельности предприятия в долгосрочной перспективе, необходимо не только оценивать соотношение между заемными и собственными средствами, а также между пассивами и активами, но и принимать во внимание его способность к росту. Потенциал роста – тот максимальный показатель, который может быть достигнут предприятием при условии неизменности соотношения элементов финансового состояния, и условием его достижения будет наличие финансовой устойчивости, которая способствует экономическому росту и развитию [7].

Изучать потенциал роста можно с помощью различных методик, например методом DuPont System, который основывается на оценке способности к генерации и реинвестированию прибыли и показывает устойчивость роста, или на базе показателей SGR (англ. sustainable growth rate – устойчивый темп роста), демонстрирующих скорость наращивания оборота и рассчитывающихся как математическое соотношение между приростом оборота и его объемом за последний период. Изучая устойчивость роста, можно сделать вывод о том, как меняется потенциал роста предприятия, исследуя его скорость – каким образом и с какой скоростью это происходит [5].

Однако нужно учитывать также и тот факт, что на ранних стадиях становления компании владельцы часто сосредотачиваются на увеличении капитала и операционной прибыли, а долгосрочные планы развития становятся второстепенными, но со временем владельцы неизбежно осознают необходимость укрепления стабильного положения на рынке и создания конкурентных преимуществ, повышающих стоимость и ликвидность компании. Без четкой стратегии и долгосрочного плана повышения конкурентоспособности будет трудно привлечь инвестиционные фирмы и получить доступ к капиталу [4]. Определяя направления развития, средства достижения целей и результаты, на которые рассчитывает предприятие, принимая во внимание данные анализа рынка, оценки рисков и возможностей, а также учитывая внешние и внутренние факторы, связанные с деятельностью компании, предприятие повышает свои шансы на привлечение инвестиционного ресурса: инвесторы предпочитают организации, которые способны поддерживать устойчивый долгосрочный рост, а не увеличивать прибыль в краткосрочной перспективе. Соответственно, им важны не только подкрепленная объективными и независимыми исследованиями стабильность положения компании на рынке, но и наличие признаков укрепления ее позиций в будущем [8].

Таким образом, чем выше потенциал роста компании, который показывает темп достижения стратегических целей и демонстрирует будущую прибыльность бизнеса, тем более привлекательной она будет для инвесторов, так как ожидания расширения и роста прибыли указывают на то, что фирма может обеспечить устойчивую отдачу от инвестиций и рост капитала. Высокий потенциал, в свою очередь, облегчает доступ к финансовым и капитальным ресурсам, необходимым для дальнейшего развития и расширения бизнеса. Укрепить доверие инвесторов и повысить стоимость компании на рынке поможет стратегический подход к управлению, поддерживающий независимую оценку рыночной ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Финансовая устойчивость предприятия способствует обеспечению его конкурентоспособности для борьбы за инвестиционный ресурс и формированию условий для повышения потенциала роста как темпа достижения стратегических целей. Столь высокое значение финансовой устойчивости объясняется самой сущностью инвестиционной привлекательности как понятия, связанного со способностью создавать будущую прибыль для инвестора: способность эта формирует ценность, которая характеризуется параметрами рентабельности капитала и демонстрирует выгоду для инвестора. Однако необходимо учитывать, что на инвестиционную привлекательность влияет не только сформированная ценность: на ней сказываются и факторы макромасштаба, такие как инвестиционная привлекательность климата в целом, общая экономическая стабильность, правовое обеспечение – управляющие предприятием лица не в силах их гарантировать. Соответственно, дальнейшее исследование взаимосвязи между финансовой устойчивостью и инвестиционной привлекательностью, финансовой устойчивостью и потенциалом роста представляется необходимым еще и с точки зрения возможности компенсации негативного влияния макроэкономических факторов.

Список литературы

1. Гребенникова В.А., Вареников В.А. Современные подходы к оценке инвестиционной привлекательности предприятия. *Международный журнал гуманитарных и строительных наук*. 2020;7–2(46):100–105. <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10895>
2. Бондарева Т.Б. Инвестиционная привлекательность: сущность и подходы к оценке. *Стратегии бизнеса*. 2021;1(9):9–12. <https://doi.org/10.17747/2311-7184-2021-1-9-12>
3. Кириченко Д.А. Инвестиционная привлекательность предприятия: сущность, факторы и оценка. *Экономика строительства*. 2021;6(72):58–67.
4. Вечер К.Н., Наумова О.А. Влияние финансовой устойчивости на инвестиционную привлекательность предприятий торговли, производства и транспорта. В кн.: VIII Международный молодежный симпозиум по управлению, экономике и финансам: сборник трудов конференции, том 2, Казань, 28–29 ноября 2019 г. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет; 2019. С. 240–242.
5. Шаймардан А. Оценка инвестиционной привлекательности модели аутсорсинга. *Молодой ученый*. 2020;26(316):133–135.
6. Бословяк С.В. Инвестиционная привлекательность в контексте гармонизации финансовых интересов инвестора и предприятия-реципиента. *Современные технологии управления*. 2015;7(55):7–12.
7. Бутковская Г.В., Сумафорова Е.В. Цифровые стратегии компаний: потенциал роста и причины провала. *E-Management*. 2019;3:48–57. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2019-3-48-57>
8. Валиурова А.С., Казакова О.Б. Инвестирование: учебник. М.: Волтерс Клувер; 2010. 448 с.

References

1. Grebennikova V.A., Varenikov V.A. Modern approaches to assessment of the investment attractiveness of the enterprise. *International Journal of Humanities and Construction Sciences*. 2020;7–2(46):100–105. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-10895>
2. Bondareva T.B. Investment attractiveness: essence and approaches to assessment. *Business Strategies*. 2021;1(9):9–12. (In Russian). <https://doi.org/10.17747/2311-7184-2021-1-9-12>
3. Kirichenko D.A. Investment attractiveness of the enterprise: essence, factors, assessment. *Economics of construction*. 2021;6(72):58–67. (In Russian).
4. Vetcher K.N., Naumova O.A. Impact of financial stability on investment attractiveness of trade, production, and transport enterprises. In: VIII international youth symposium on management, economics, and finance: Proceedings, volume 2, Kazan, November 28–29, 2019 Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University; 2019. Pp. 240–242. (In Russian).

5. *Shaimardan A.* Assessment of investment attractiveness of the outsourcing model. *Young scientist*. 2020;26(316):133–135. (In Russian).
6. *Boslonyak S.V.* Investment attractiveness in the context of harmonization of financial interests of investors and recipients. *Modern Management Technology*. 2015;7(55):7–12. (In Russian).
7. *Butkovskaya G.V., Sumarokova E.V.* Digital strategies of companies: growth potential and reasons for failure. *E-Management*. 2019;3:48–57. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2019-3-48-57>
8. *Valinurova L.S., Kazakova O.B.* Investing: textbook. Moscow: Wolters Kluwer; 2010. 448 p. (In Russian).

Сравнительный анализ экологической составляющей при присвоении ESG-рейтинга

Головнин Руслан Сергеевич

Аспирант

ORCID: 0009-0001-9223-0430, e-mail: ruslan1463@mail.ru

Вятский государственный университет, г. Киров, Россия

Аннотация

Существенной проблемой ESG-рейтингов (англ. environmental, social, governance – экологическое, социальное и корпоративное управление) является их слабая или полная несопоставимость. Для оценки степени дивергенции между методологиями, представленными на российском рынке, автором проводится серия исследований, направленная на их сравнение с точки зрения трех составляющих: экологической (англ. E-environment), социальной (англ. S-social), управленческой (англ. G-government). Текущее исследование является второй по очередности работой, целью которой выступает анализ применяемых методов оценки E-компоненты у ведущих рейтинговых агентств Российской Федерации. В рамках серии работ используются методы рейтинговой и экспертной оценки, а также сравнительного анализа. В качестве объекта применения методологий выступает холдинг «Россети». Результатом стали развитие и детализация выводов, сделанных в первой части, посвященной S-составляющей; выявление ряда различий в подходах и выводах при анализе экологической компоненты у поставщиков ESG-данных, которые, однако, не носят радикального, непримиримого характера. Особенностью проводимой серии исследований является ее прикладной характер, позволяющий увидеть различия в методах проведения ESG-анализа различных поставщиков ESG-данных. Полученные результаты будут полезными для инвесторов, стремящихся учитывать экологические критерии при принятии решений, а также для компаний, желающих повысить свою привлекательность путем улучшения экологической устойчивости. Логичным развитием серии исследований станет анализ управленческой составляющей (G-компоненты).

Ключевые слова

ESG-рейтинг, E-компонента, энергоэффективность, экологический менеджмент, зеленые финансы, биоразнообразие, устойчивое развитие

Для цитирования: Головнин Р.С. Сравнительный анализ экологической составляющей при присвоении ESG-рейтинга // Вестник университета. 2025. № 5. С. 160–170.

Comparative analysis of the environmental component when assigning an ESG rating

Ruslan S. Golovnin

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0001-9223-0430, e-mail: ruslan1463@mail.ru

Vyatka State University, Kirov, Russia

Abstract

A significant problem with ESG (environmental, social, governance) ratings is their weak or complete incomparability. To assess the degree of divergence between the methodologies presented on the Russian market, the author conducts a series of studies aimed at comparing them in terms of three components: environmental (E-environment), social (S-social), and management (G-government). The current study is the second work, the purpose of which is to analyse the methods used to evaluate the E-component of the leading rating agencies in the Russian Federation. The series uses methods of rating and expert assessment as well as comparative analysis. The “Rosseti” holding company acts as the object of application of the methodologies. The result are the development and detailisation of the conclusions reached in the first part devoted to the S-component; the identification of a number of differences in approaches and conclusions when analysing the environmental component of ESG data providers, which, however, are not radical, irreconcilable. A special feature of the ongoing research series is its applied nature, which allows us to see differences in the methods of conducting ESG analysis of various ESG data providers. The results obtained will be useful for investors that seek to consider environmental criteria when making decisions as well as for companies that wish to increase their attractiveness by improving environmental sustainability. The analysis of the management component (the G-component) will be the logical development of the research series.

Keywords

ESG rating, E-component, energy efficiency, environmental management, green finance, biodiversity, sustainable development

For citation: Golovnin R.S. (2025) Comparative analysis of the environmental component when assigning an ESG rating. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 160–170.

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно главным требованием и целью инвесторов при портфельном инвестировании было обеспечение определенной нормы доходности на вложенные средства. Другими словами, размер прибыли был основным критерием при выборе объекта размещения ресурсов.

Однако с 1960-х гг. в Европе и Северной Америке постепенно формируется запрос на социально ответственное инвестирование. Бизнес-сообщество приходит к пониманию о его высоком влиянии на окружающую среду и общество, а также к осознанию того, что данное влияние должно быть ответственным [1].

Результатом подобных веяний стало требование обеспечения не только определенной нормы дохода, но и соответствия объекта инвестиций ряду социальных, экологических, этических критериев, соблюдения определенных норм корпоративного управления [1].

Участниками инвестиционных проектов, выдвигающими условия соответствия указанным принципам, являются в первую очередь крупные компании с иностранным капиталом и компании-экспортеры, поскольку их банки и партнеры выставляют в их адрес соответствующие требования [2].

При этом главная цель инвесторов осталась неизменной – обеспечение необходимой нормы доходности на вложенные средства. Трансформировались лишь условия и требования, предъявляемые к объектам инвестиций. Это, при прочих равных условиях, провоцирует снижение прибыли на единицу инвестированного ресурса в настоящем, но обещает ее увеличение в будущем.

Необходимость характеристики объекта вложений с точки зрения его влияния на окружающую среду, уровня социальной ответственности и корпоративного управления привело со временем к возникновению термина ESG-инвестирования (англ. environmental, social, governance – экологическое, социальное и корпоративное управление), а оценка инвесторами нефинансовой стороны деятельности коммерческих компаний стала происходить на базе ESG-критериев.

Данная аббревиатура сложилась на основании первых букв указанных выше аспектов: экологического (E – англ. environment), социального (S – англ. social) и управленческого (G – англ. government). Само же возникновение термина часто связывается с именем Генерального секретаря Организации Объединенных Наций К. Аннана, по инициативе которого в 2004 г. выпустили доклад «Неравнодушный побеждает» (англ. Who cares wins), где и были впервые расставлены акценты на устойчивое развитие компаний [3].

ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Стремление фирм удовлетворить запрос инвесторов на данные об ESG-деятельности компаний привело к возникновению множества рейтинговых агентств, готовых предоставить эту информацию. При этом на данный момент не существует каких-либо подробных общепринятых рекомендаций по проведению ESG-анализа на международном либо национальном уровне.

По этой причине на рынке по присвоению ESG-рейтингов наблюдается высокая степень отклонения результатов от различных поставщиков данных. Как следствие, встречаются ситуации, когда компании могут получить одновременно высокий балл от одного агентства и средний или даже низкий от другого [4].

По мнению Д.В. Овечкина, сущность дивергенции ESG-рейтингов состоит в отсутствии общей теории и соизмеримости, в различном понимании и интерпретации рейтинговыми агентствами характера ESG-деятельности, в разной расстановке акцентов на ее аспектах. Среди причин дивергенции автор выделяет различное социальное происхождение рейтинговых агентств, страновой контекст и стремление предложить уникальный продукт [5].

В работе А.О. Камаловой и Р.А. Таиловой, помимо уже упомянутых факторов, обращается внимание на отраслевые, внутрифирменные, а также временные факторы различия, которые обуславливают несопоставимость результатов рейтингов устойчивого развития [6].

В докладе Центрального банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ) «Модельная методология ESG-рейтингов» содержатся схожие выводы. В частности, главными причинами дивергенции называются различные определения понятия «ESG-рейтинг», методологическая несопоставимость, расхождение в оценке исходных переменных, разные веса элементов, отсутствие унифицированных рейтинговых шкал¹.

¹ Банк России. Модельная методология ESG-рейтингов. Доклад для общественных консультаций. Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/144085/Consultation_Paper_17012023.pdf (дата обращения: 06.03.2025).

В результате инвесторы сталкиваются с проблемой качества, точности и сопоставимости ESG-данных, которые они используют при анализе. Ощущается нехватка нормативного регулирования и возможностей для проверки раскрываемой ESG-информации [7].

В этой связи встает вопрос о значимости и достоверности результатов ESG-методологий от различных рейтинговых агентств, в том числе на российском рынке. По причине дивергенции данных ESG-рейтингов менеджмент компаний, исходя из корыстных побуждений, может заказывать и публиковать результаты только тех рейтингов, которые показывают наиболее благоприятную для них картину в области устойчивого развития. Тем более что метаанализ, объединяющий итоги более 2 тыс. эмпирических исследований, отметил, что 90 % работ выявили неотрицательную связь между факторами ESG и финансовыми показателями компании [8].

Данный вопрос уже поднимался автором в ранее опубликованной работе, в рамках которой была выдвинута следующая гипотеза: «предоставляемые на российском рынке услуги по оценке устойчивого развития компаний имеют низкую информационную эффективность, что приводит к несопоставимости их ESG-рейтингов и крайне разнящимся результатам» [9, с. 120].

Упомянутый труд представляет собой первую часть научного исследования, в рамках которого оценивалась сопоставимость результатов ESG-анализа по социальной составляющей (S-компоненты) на основе методологий нескольких крупных российских рейтинговых агентств. По его результатам выдвинутая гипотеза не была подтверждена, однако утверждать о ее ошибочности также еще преждевременно.

Таким образом, настоящая работа является второй частью научного исследования, цель которой – оценка сопоставимости результатов экологической составляющей (E-компоненты) у различных рейтинговых агентств, предлагающих услуги по присвоению ESG-рейтинга на российском рынке.

В качестве базы сравнения в первой части исследования использовался электросетевой холдинг публичного акционерного общества (далее – ПАО) «Россети» (далее – Общество, Группа). Во второй части принято решение не расширять перечень компаний, на основе которых будет проводиться анализ, поскольку в ином случае объем работы существенно превысит формат научной статьи.

В рамках выдвинутой цели необходимо решить следующие задачи:

- провести анализ рынка ESG-рейтингов в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) и определить его ключевых участников;
- сравнить подходы к оценке экологической составляющей главных игроков на рынке ESG-рейтингов страны;
- рассчитать и сопоставить результаты оценки E-компоненты различных рейтинговых агентств по избранной базе сравнения.

Для решения указанных задач были применены следующие методы:

- 1) рейтинговая оценка, которая составляет основную суть исследования ESG и позволяет оценить имеющиеся данные о деятельности компаний в области устойчивого развития и предоставить их в доступной для заинтересованных лиц форме;
- 2) экспертная оценка как один из главных методов интерпретации первичной информации, позволяющий проанализировать уровень различных показателей в рамках ESG-методологий;
- 3) сравнительный анализ, используемый как вспомогательный метод интерпретации первичных данных, помогающий определить динамику движения компании в области устойчивого развития.

РЫНОК ESG-ДАНЫХ В РОССИИ И ЕГО ОСНОВНЫЕ УЧАСТНИКИ

По оценкам компании KPMG, на глобальном рынке осуществляют деятельность около 160 лиц, присваивающих ESG-рейтинги или предлагающих информационные продукты с использованием ESG-данных. Они представлены как коммерческими, так и некоммерческими организациями, предлагающими широкие или специализированные информационные продукты².

В РФ ESG-рейтинги также присваивают как кредитные рейтинговые агентства, так и финансовые и нефинансовые организации. Основные игроки рынка ESG-рейтингов в России – четыре кредитных рейтинговых агентства. Их главным видом деятельности является предоставление рейтинговых услуг³. Так, рынок ESG-информации в России представлен следующими участниками.

² KPMG. Regulatory insights. Режим доступа: <https://kpmg.com/xx/en/home/insights/2023/03/esg-data-and-ratings.html> (дата обращения: 06.03.2025).

³ Банк России. Модельная методология ESG-рейтингов. Доклад для общественных консультаций. Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/144085/Consultation_Paper_17012023.pdf (дата обращения: 06.03.2025).

1. Общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО) «Национальные кредитные рейтинги» (далее – НКР). Компания создана в 2019 г. и является 100 %-ной дочерней компанией медиахолдинга РБК. Организация занимается присвоением рейтингов ESG рейтингуемым лицам, среди которых могут быть нефинансовые, финансового-кредитные фирмы, а также региональные и муниципальные органы власти⁴.

2. ООО «Национальное рейтинговое агентство» (далее – НРА). Общество осуществляет свою деятельность с 2002 г. Состоит в реестре кредитных рейтинговых агентств ЦБ РФ. Занимается присвоением кредитных, а также некредитных рейтингов⁵.

3. Акционерное общество (далее – АО) «Эксперт Рейтинговое агентство» (далее – «Эксперт РА»). Крупнейшее рейтинговое агентство с более чем 25-летней историей. Основано в 1997 г. и на сегодняшний день является старейшим российским рейтинговым агентством как по числу клиентов, так и по числу сотрудников. На конец 2022 г. доля на рынке рейтинговых услуг составляла 52 %⁶.

4. АО «Аналитическое кредитное рейтинговое агентство» (далее – АКРА). Основано в 2015 г. Акционерами являются 27 крупнейших компаний РФ, которые ведут свою хозяйственную деятельность в финансовом и корпоративном секторах. Главная задача АКРА – предоставление качественного рейтингового продукта пользователям рейтингового рынка России. Его методологии разрабатываются в соответствии с требованиями законодательства с применением лучших практик рейтинговой деятельности⁷.

В России деятельность по присвоению ESG-рейтингов осуществляют и другие рейтинговые агентства, однако основную долю рынка занимают лишь упомянутые выше компании. Дальнейшее исследование будет проводиться исключительно с использованием их методологий.

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ Е-КОМПОНЕНТЫ КЛЮЧЕВЫХ УЧАСТНИКОВ РОССИЙСКОГО РЫНКА

Ранее уже упоминалось, что одними из основных причин дивергенции ESG-рейтингов являются расхождение в оценке исходных переменных и различные веса элементов. Применительно к российской практике можно исследовать характер используемых при рассмотрении Е-компоненты параметров, условно разделив их на типы, в зависимости от объекта анализа.

Так, главные факторы, на которые обращают внимание рейтинги, включают показатели основной деятельности и риск-менеджмента, а также данные о взаимодействии с заинтересованными сторонами.

Показатели основной деятельности дают характеристику уровня экологичности производства с точки зрения влияния на изменение климата, воздействия на природные ресурсы.

Показатели риск-менеджмента оценивают экологичность бизнес-процессов компании и наличие декларируемых ею стратегий и целей в области экологии.

Данные о взаимодействии с заинтересованными сторонами показывают вклад компании в экологизацию бизнеса и степень участия в инструментах зеленых финансов.

Характеристика ESG-методологий крупнейших российских рейтинговых агентств с точки зрения влияния на их результат различных аспектов деятельности представлены в табл. 1.

Таблица 1

Влияние различных аспектов деятельности компании на результат при оценке Е-компоненты

Тип факторов	АКРА		НРА		НКР		«Эксперт РА»	
	Шт.	%	Шт.	%	Шт.	%	Шт.	%
Основная деятельность	3	9,2	30	47,6	6	50,0	5	66,7
Риск-менеджмент	18	55,3	24	38,1	4	32,5	3	33,3
Заинтересованные стороны	10	35,5	9	14,3	2	17,5	0	0,0

⁴ Национальные кредитные рейтинги. Официальный сайт. Режим доступа: <https://ratings.ru/> (дата обращения: 06.03.2025).

⁵ Национальное рейтинговое агентство. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.ra-national.ru/> (дата обращения: 06.03.2025).

⁶ Эксперт РА. Официальный сайт. Режим доступа: <https://raexpert.ru/> (дата обращения: 06.03.2025).

⁷ АКРА. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.acra-ratings.ru/> (дата обращения: 06.03.2025).

Тип факторов	АКРА		НРА		НКР		«Эксперт РА»	
	Шт.	%	Шт.	%	Шт.	%	Шт.	%
Всего	31	100,0	63	100,0	12	100,0	8	100,0

Составлено автором по материалам источников^{8,9,10,11}

Исходя из приведенных данных табл. 1, представленные в исследовании агентства существенно различаются как по количеству анализируемых показателей, так и по степени их влияния на итоговый результат. Так, НРА, НКР и «Эксперт РА» наибольшее значение уделяют факторам, оценивающим основную деятельность компаний. При этом у «Эксперт РА» данный тип показателей является приоритетным при формировании рейтинга (66,7 %). Одновременно с этим агентство совершенно не принимает во внимание политику взаимодействия с заинтересованными сторонами у нефинансовых компаний как значимый признак, не учитывая его при оценке экологической составляющей ESG. Стоит отметить, что в методологии «Эксперт РА» не делается попытка рассмотреть абсолютно все аспекты деятельности компаний, в результате чего количество оцениваемых факторов ограничивается⁸.

НКР также наибольшее значение уделяет показателям основной деятельности (50,0 %), однако одновременно с этим учитывает политику взаимодействия с заинтересованными сторонами как значимый признак при анализе (17,5 %). Подход агентства схож с тем, который использует «Эксперт РА». НКР в своей методологии старается ограничить количество используемых факторов, сосредоточив внимание на тех, которые ее экспертами воспринимаются как основные.

Аналитики НРА исходят из позиции, что должно быть учтено как можно большее количество показателей, в связи с чем их число составило 63. Подобное разнообразие может сильно увеличить риск ошибки в результате неверной оценки экспертами значимости факторов. Основная деятельность остальных типов показателей влияет на итоговый результат (47,62 %), при этом сумма оставшихся двух типов факторов превышает воздействие первого.

АКРА учитывает в своей методологии вдвое меньшее число факторов, чем НРА, однако подход этого агентства все равно характеризуется намерением включить как можно больше данных в анализ. Важно отметить, что АКРА – единственное агентство, которое наибольшее значение уделяет показателям риск-менеджмента (55,26 %). При этом существенное влияние в методологии отводится политике с заинтересованными сторонами (35,53 %). Показатели основной деятельности формируют результат лишь на 9,21 %.

Таким образом, по результатам анализа, проведенного выше, можно сделать вывод, что ESG-методологии всех исследуемых агентств обладают высокой степенью уникальности при характеристике Е-компоненты. При этом АКРА больше всего подходит для оценки деятельности компаний финансового сектора экономики, остальные же (НРА, НКР, «Эксперт РА») более ориентированы на промышленный сектор.

РАСЧЕТ Е-КОМПОНЕНТЫ ПО ОСНОВНЫМ ESG-МЕТОДОЛОГИЯМ РОССИЙСКОГО РЫНКА НА БАЗЕ ПАО «РОССЕТИ»

Для сравнения результатов ESG-рейтингов по основным аналитическим агентствам необходимо рассчитать Е-компоненту на базе одного источника сравнения. В его качестве в рамках исследования выступит электросетевой холдинг ПАО «Россети»¹².

ПАО «Россети» – это крупнейшая в России организация и одно из крупнейших в мире электросетевых предприятий, основными видами деятельности которого являются передача электрической энергии по электросетям, а также предоставление услуг по технологическому присоединению потребителей к российской электросистеме.

⁸ АКРА. Принципы присвоения ESG-рейтингов финансовым институтам. Режим доступа: https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/meth/20240322_ESG%20Methodology_Appendix_Financial_.pdf (дата обращения: 08.03.2025).

⁹ Национальное рейтинговое агентство. Методология присвоения ESG-рейтингов (некредитных рейтингов, оценивающих приверженность организаций экологическим и социальным рискам бизнеса, а также рискам корпоративного управления). Режим доступа: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2023/12/metodologija-prisvoeniya-esg-rejtingov-versija-5.0_vernaja-1.pdf (дата обращения: 08.03.2025).

¹⁰ Национальные кредитные рейтинги. Методология присвоения ESG-рейтингов. Режим доступа: https://ratings.ru/files/methodologies/2023/ESG_methodology_270623.pdf (дата обращения: 08.03.2025).

¹¹ Эксперт РА. Методология присвоения рейтингов ESG. Режим доступа: <https://raexpert.ru/docbank//57b/a7d/e85/35827e11353acf8098e2db0.pdf> (дата обращения: 08.03.2025).

¹² Россети. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.rosseti.ru/> (дата обращения: 08.03.2025).

Специфика работы комплекса характеризуется сравнительно невысоким воздействием на окружающую среду и климат. Основные виды деятельности не влекут за собой значительных выбросов в атмосферу или большого количества отходов. Тем не менее, исходя из масштабов своей деятельности, Обществу необходимо ответственно подходить к политике в области устойчивого развития и стремиться минимизировать ущерб окружающей среде.

При характеристике ПАО «Россети» с точки зрения заботы об окружающей среде необходимо последовательно раскрыть содержание ключевых сторон деятельности компании, на которые обращается внимание в ESG-методологиях. Среди них можно выделить систему экологического менеджмента, работу в области охраны окружающей среды, вклад в сохранение биоразнообразия, воздействие на атмосферный воздух, использование водных ресурсов, политику обращения с отходами, управление выбросами парниковых газов, энергопотребление и энергоэффективность, продвижение этических стандартов и практик устойчивого развития в цепочке поставок.

В Обществе и в каждой компании группы «Россети» действует система экологического менеджмента, которая распространяется на ключевые виды деятельности: передачу электроэнергии и технологическое присоединение к распределительным и магистральным электрическим сетям. ПАО «Россети» на регулярной основе проходит сертификацию по международному стандарту ISO 14001:2015 (англ. International Organization for Standardization – Международная организация по стандартизации)¹³ и по национальному стандарту ГОСТ Р ИСО 14001-2016 (ГОСТ – государственный стандарт)¹⁴.

В Обществе действует собственная экологическая политика, в которой декларируются задачи по сохранению биоразнообразия, снижению расхода топливно-энергетических ресурсов, увеличение доли работающего на экологическом топливе транспорта.

Также в Обществе разделены обязанности по исполнению основных функций в области экологического менеджмента. Так, совет директоров занимается формированием экологической политики и определением стратегических целей развития. Правление и генеральный директор ответственны за управление реализацией экологической политики. Дирекция инновационного развития и другие профильные департаменты осуществляют практическую реализацию экологической политики, анализируют состояние системы экологического управления и контролируют основные экологические метрики.

Холдинг «Россети» ежегодно увеличивает расходы на охрану окружающей среды. В частности, в 2023 г. рост затрат на природоохранные мероприятия в Обществе составил 17 %¹⁵.

Динамика платы за негативное воздействие на окружающую среду за последние три года не является устойчивой. В 2023 г. платежи Общества составили 10,4 млн руб., что на 2,2 млн руб. меньше уровня 2022 г., но на 0,8 млн руб. больше уровня 2021 г.¹⁶ При этом в 2023 г. группой «Россети» не было зафиксировано существенных нарушений природного законодательства.

Основным фактором влияния Общества на биологическое разнообразие является деятельность по прокладке и обслуживанию линий электропередачи (далее – ЛЭП). Их строительство оказывает воздействие на флору и фауну, в процессе эксплуатации ЛЭП возникает шумовое и электромагнитное загрязнение близлежащей местности. Рискуют подвергаться птицы, которые используют объекты электросетевого хозяйства для отдыха и гнездования.

Для снижения экологических рисков в области биоразнообразия Общество принимает ряд мер, среди которых оборудование шумозащитных экранов и птицезащитных устройств на действующих объектах холдинга, осуществление искусственного зарыбления в водоемах для восстановления и поддержания популяции рыб. Кроме этого, при проектировании новых ЛЭП выбираются маршруты с минимальной необходимостью вырубки деревьев, даже если это может повлечь дополнительные издержки.

¹³ CERT Academy. Международный стандарт ISO 14001:2015. Третье издание. Системы экологического менеджмента. Требования и руководство по их применению. Режим доступа: <https://cert-academy.org/wp-content/uploads/2017/07/ISO-14001-2015.pdf> (дата обращения: 08.03.2025).

¹⁴ Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р ИСО 14001-2016. Системы экологического менеджмента. Требования и руководство по применению. Режим доступа: <https://mskstandart.ru/upload/file/gost-r-iso-14001-2016.pdf> (дата обращения: 08.03.2025).

¹⁵ Россети. Отчет о социальной ответственности и корпоративном устойчивом развитии за 2023 год. Режим доступа: https://www.rosseti.ru/upload/iblock/3b5/37xjw4n9if7zcxkm3q2z09arvlnavjp/Book_Rosseti_SR23.pdf (дата обращения: 08.03.2025).

¹⁶ Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р ИСО 14001-2016. Системы экологического менеджмента. Требования и руководство по применению. Режим доступа: <https://mskstandart.ru/upload/file/gost-r-iso-14001-2016.pdf> (дата обращения: 08.03.2025).

ПАО «Россети» не наносит большого ущерба в части загрязнения атмосферного воздуха, поскольку основным видом ее деятельности является передача, а не выработка электроэнергии. Основные выбросы связаны с общехозяйственной деятельностью – транспортной, строительной, ремонтной. Сопутствующий ущерб атмосфере может быть нанесен в результате пожаров на электросетевых объектах, в связи с чем Общество принимает противопожарные меры, в частности опашку периметров энергообъектов в опасных зонах.

В части сокращения выбросов в атмосферу ПАО «Россети» реализует внедрение современных систем фильтрации и очистки воздуха, электрификацию транспорта, перевод мобильной генерации на более совершенные технологии сжигания топлива.

При этом валовый объем выбросов в 2023 г. увеличился на 15,51 %. Кроме того, увеличение носит устойчивый характер. Лишь отчасти это связано с включением в состав Группы новых дочерних обществ¹⁷.

Базовые принципы ПАО «Россети» в области использования водных ресурсов предполагают сохранение экосистем с чистой водой, обеспечение доступа к водным ресурсам, соблюдение всех требований законодательства по очистке и сбросу сточных вод. Для снижения водопотребления Общество активно внедряет водосберегающие технологии, очистку и повторное использование воды в замкнутом цикле.

В холдинге наблюдается снижение объема водопользования в 2023 г. на 16 %, при этом в сравнении с 2022 г. темп роста составил 100,97 %. В части водоотведения Группой фиксируется рост сброса сточных вод на 4,80 % в 2023 г. к 2022 г. (39,52 % по отношению к 2021 г.)¹⁸ При этом случаев нарушения требований к качеству воды при водоотведении не зафиксировано.

В части обращения с отходами ПАО «Россети» ответственно подходит к рациональному использованию ресурсов, выбирая материалы, обладающие высоким сроком службы и пригодные к переработке. Параллельно в Обществе растет доля утилизированных отходов.

Приоритет Группы – вывод из эксплуатации и передача на обезвреживание оборудования с содержанием полихлорированных бифенилов.

Стоит, однако, отметить, что за период 2021–2023 гг. образование опасных отходов (I–IV классы опасности) увеличилось на 43,75 %. Образование неопасных отходов (V класс) увеличилось на 72,65 %. При этом объем переработки вторичного сырья в Обществе возрос на 23 % в 2023 г.¹⁹

Основная часть выбросов парниковых газов в рамках холдинга происходит, главным образом, дочерними обществами, эксплуатирующими мобильные газотурбины и дизель-генераторные установки. Прочие выбросы генерируются автопарком и строительной техникой Группы. За период 2021–2023 гг. выброс парниковых газов увеличился на 27,87 %.

Энергопотребление ПАО «Россети» находится на относительно невысоком уровне в сравнении с другими отраслями промышленности. При этом у Общества имеются собственные цели в части энергосбережения, которые способствуют снижению издержек и сокращению воздействия на экологию. В частности, холдинг декларирует экономию и рациональное использование ресурсов, снижение технологического расхода электроэнергии при передаче, повышение энергоэффективности собственных электросетевых объектов.

Кроме этого, в Обществе действует отраслевой ключевой показатель эффективности с удельным весом 15 %. Он определяет целевое значение уровня потерь электрической энергии при передаче и используется для оценки деятельности высшего менеджмента компании.

Одним из результатов деятельности ПАО «Россети» в области энергоэффективности стало снижение расхода топливно-энергетических ресурсов в 2023 г. на 4,3 %²⁰.

В части взаимодействия с заинтересованными сторонами Группа принимает активное участие в различных экологических и благотворительных проектах, продвигает практики ответственного природопользования и этические стандарты устойчивого развития в цепочке поставок.

Таким образом, на основании вышеизложенной характеристики ПАО «Россети» в части экологической составляющей устойчивого развития становится возможно рассчитать Е-компоненту по основным

¹⁷ Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р ИСО 14001-2016. Системы экологического менеджмента. Требования и руководство по применению. Режим доступа: <https://mskstandart.ru/upload/file/gost-r-iso-14001-2016.pdf> (дата обращения: 08.03.2025).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

ESG-методологиям российского рынка. Результат этого расчета с раскрытием данных по вкладу каждого типа факторов в итоговый результат представлен в табл. 2.

Таблица 2

**Е-компонента ПАО «Россети» в разрезе влияния различных факторов
на итоговый результат по основным ESG-методологиям**

Тип факторов	АКРА		НРА		НКР		«Эксперт РА»	
	Вклад, %	Балл	Вклад, %	%	Вклад, %	%	Вклад, %	%
Основная деятельность	9,2	68	47,6	55	50,0	60	66,7	61
Риск-менеджмент	55,3	88	38,1	82	32,5	84	33,3	93
Заинтересованные стороны	35,5	70	14,3	61	17,5	67	0,0	0
Итого	100,0	80	100,0	66	100,0	69	100,0	72

Составлено автором по материалам источников ^{21,22,23,24,25}

По данным табл. 2, все анализируемые методологии в целом схожим образом оценили каждый из типов выделенных факторов. Наивысшие баллы у каждого агентства получили показатели риск-менеджмента. У ПАО «Россети» есть подробно раскрытые стратегии в области экологического менеджмента, понятные цели и задачи. Налажена внутренняя документация, ведется постоянный контроль количественных показателей в области экологии. Диапазон оценок показателей риск-менеджмента находится в пределах от 82 до 93 баллов.

Факторы основной деятельности оценены в целом хуже, чем факторы риск-менеджмента. Несмотря на постоянный контроль за выбросами и отходами, а также высокий вклад в повышение экологичности основной деятельности, фактические данные по ряду показателей негативного воздействия (объем водопользования, сброс сточных вод, образование отходов и т.д.) все же демонстрируют растущую динамику за последние годы. Это негативным образом влияет на итоговый результат. Диапазон оценок индикаторов основной деятельности находится в пределах от 55 до 68 баллов.

Показатели взаимодействия с заинтересованными сторонами находятся примерно на том же уровне, что и показатели основной деятельности. ПАО «Россети» активно налаживает контакты с благотворительными и экологическими организациями, принимает участие в сохранении биоразнообразия и природы в регионах присутствия. При этом в своих отчетах Общество не уделяет должного внимания инвестициям и зеленым финансовым инструментам. Диапазон оценок показателей взаимодействия с заинтересованными сторонами находится в пределах от 61 до 70 баллов.

Итоговая оценка экологической составляющей ПАО «Россети» у крупнейших рейтинговых агентств следующая: АКРА – 80 баллов, НРА – 66 баллов, НКР – 69 баллов, «Эксперт РА» – 72 балла. Отклонение между крайними оценками составило 14 баллов. После расчетов заметна тенденция: чем выше влияние показателей риск-менеджмента на итоговый результат, тем большую оценку получало Общество. Зависимость не носит катастрофического характера. Однако различная оценка исходных данных агентствами действительно оказывает влияние на итоговый результат, что позволяет высшему менеджменту в определенной степени воздействовать на свой ESG-рейтинг на этапе выбора поставщика данных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

²¹ АКРА. Принципы присвоения ESG-рейтингов финансовым институтам. Режим доступа: https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/meth/20240322_ESG%20Methodology_Appendix_Financial_.pdf (дата обращения: 08.03.2025).

²² Национальное рейтинговое агентство. Методология присвоения ESG-рейтингов (некредитных рейтингов, оценивающих приверженность организаций экологическим и социальным рискам бизнеса, а также рискам корпоративного управления). Режим доступа: https://www.ra-national.ru/wp-content/uploads/2023/12/metodologija-prisvoenija-esg-rejtingov-versija-5.0_vernaja-1.pdf (дата обращения: 08.03.2025).

²³ Национальные кредитные рейтинги. Методология присвоения ESG-рейтингов. Режим доступа: https://ratings.ru/files/methodologies/2023/ESG_methodology_270623.pdf (дата обращения: 08.03.2025).

²⁴ Эксперт РА. Методология присвоения рейтингов ESG. Режим доступа: <https://raexpert.ru/docbank//57b/a7d/e85/35827e11353acf8098e2db0.pdf> (дата обращения: 08.03.2025).

²⁵ Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р ИСО 14001-2016. Системы экологического менеджмента. Требования и руководство по применению. Режим доступа: <https://mskstandart.ru/upload/file/gost-r-iso-14001-2016.pdf> (дата обращения: 08.03.2025).

Таким образом, в результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

1. На российском рынке поставщиков ESG-данных доминируют четыре рейтинговых агентства: АКРА, НРА, НКР, «Эксперт РА». Их методологии чаще остальных используются при определении ESG-рейтингов в стране.
2. Поставщики ESG-данных в России используют разные подходы при составлении своих методологий по присвоению ESG-рейтингов. Одни стремятся рассмотреть как можно большее количество аспектов работы объектов исследования, другие пытаются акцентировать внимание на наиболее важных, по их мнению, сторонах. Как результат, количество используемых факторов может значительно отличаться.
3. Результаты оценки Е-компоненты у разных поставщиков ESG-данных различаются, однако отличия не носят радикального характера. Отдельные стороны деятельности компании (основную деятельность, риск-менеджмент, взаимодействие с заинтересованными сторонами) агентства оценивают в целом со схожими выводами. При этом общий рейтинг экологической составляющей отличается вследствие различного вклада однородных факторов в итоговый результат.

Выдвинутая в первой части работы гипотеза на данный момент не может быть принята однозначно. Так, результаты анализа Е-компоненты хотя и различаются у четырех представленных в исследовании поставщиков данных, но их выводы не носят противоположного или радикально отличного друг от друга характера.

Окончательно сделать вывод по сформулированной гипотезе предстоит в третьей части исследования, в рамках которой будет проведен сравнительный анализ G-компоненты на основе ESG-методологий представленных на российском рынке поставщиков ESG-данных.

Список литературы

1. Кабир А.С. Социально ответственное инвестирование: тренд или временное явление? Экономика. Налоги. Право. 2017;4:35–41.
2. Дронов В.Н., Махрова О.Н., Гордова Т.В. Устойчивое развитие в контексте внедрения ESG-практик. В кн.: Актуальные проблемы современной науки и производства: материалы VII Всероссийской научно-технической конференции, Рязань, 21–23 ноября 2022 г. Рязань: Рязанский государственный радиотехнический университет имени В.Ф. Уткина; 2022. С. 378–389.
3. Буякова А.В., Завьялова Е.Б. ESG-инвестирование: новое слово или новый смысл? Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021;4(29):613–626. <http://doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-613-626>
4. Dimson E., Marsh P., Stanton M. Divergent ESG ratings. The Journal of Portfolio Management. 2020;1(47):75–87. <http://dx.doi.org/10.3905/jpm.2020.1.175>
5. Овечкин Д.В. Ответственные инвестиции: дивергенция ESG-рейтингов. Modern Economy Success. 2021;1:170–174.
6. Камалова А.О., Таубова Р.А. ESG-критерии и ESG-факторы в инвестиционной политике. Бизнес. Образование. Право. 2022;4(61):208–212. <http://doi.org/10.25683/VOLBI.2022.61.480>
7. Батаева Б.С. Оценка интереса инвесторов к нефинансовой информации публичных компаний. Зарубежный опыт. В кн.: Управленческие науки в современном мире: сборник материалов научной конференции, том 1, 1–2 декабря 2015 г. М.: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; 2016. С. 262–266.
8. Емеев М.И. Корпоративное управление как ESG-фактор и доходность акций российских компаний. Экономическая безопасность. 2021;2(4):421–432. <https://doi.org/10.18334/ecsec.4.2.112142>
9. Головин П.С., Байбакова Т.В. Сравнительный анализ социальной составляющей при присвоении ESG-рейтинга. Вестник университета. 2024;7:118–131. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-7-118-131>

References

1. Kabir L.S. Socially responsible investing: a trend or a temporary phenomenon? Economics, taxes & law. 2017;4:35–41. (In Russian).
2. Dronov V.N., Makhrova O.N., Gordova T.V. Sustainable development in the context of implementation of ESG practice. In: Actual problems of modern science and production: Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Technical Conference, Ryazan, November 21–23, 2022. Ryazan: Ryazan State Radio Engineering University; 2022. Pp. 378–389. (In Russian).
3. Bunyakova A.V., Zavyalova E.B. ESG investing: a new word or a new world? RUDN Journal of Economics. 2021;4(29):613–626. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-4-613-626>
4. Dimson E., Marsh P., Stanton M. Divergent ESG ratings. The Journal of Portfolio Management. 2020;1(47):75–87. <http://dx.doi.org/10.3905/jpm.2020.1.175>

5. *Ovechkin D.V.* Responsible investments: divergence of ESG ratings. *Modern Economy Success*. 2021;1:170–174. (In Russian).
6. *Kamalova A.O., Taibova R.A.* ESG criteria and ESG factors in investment policy. *Business. Education. Law*. 2022;4(61):208–212. <http://doi.org/10.25683/VOLBI.2022.61.480>
7. *Bataeva B.S.* Evaluation of investors' interest in the non-financial information of public companies. Foreign experience. In: *Management sciences in the modern world: Proceedings of the Scientific Conference, Volume 1, December 1–2, 2015*. Moscow: Financial University under the Government of the Russian Federation; 2016. Pp. 262–266. (In Russian).
8. *Emets M.I.* Corporate governance as an ESG factor and the return on shares of Russian companies. *Economic security*. 2021;2(4):421–432. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/ecsec.4.2.112142>
9. *Golovnin R.S., Baibakova T.V.* Comparative analysis of the social component when assigning an ESG rating. *Vestnik universiteta*. 2024;7:118–131. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-7-118-131>

Инвестиционный и деловой климат стран Африки в области энергетики

Панков Дмитрий Анатольевич

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе
ORCID: 0009-0005-4237-0514, e-mail: da_pankov@guu.ru

Байкова Оксана Викторовна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе
ORCID: 0000-0003-4345-5497, e-mail: ov_baykova@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Инвестиционный и деловой климат стран Африки в области энергетики зависит от ряда факторов, таких как экономическая стабильность, природные ресурсы, государственная поддержка бизнеса, международные партнерства. Актуальность работы обусловлена значительными запасами природных ресурсов, большим потенциалом в области возобновляемых источников энергии стран Африки, что делает континент привлекательным для долгосрочных инвестиций. Целью данной работы выступает выявление государств, обладающих наибольшим потенциалом в сфере природных ресурсов и возобновляемой энергетики, развивающих в настоящее время инвестиционные проекты в области энергетики и имеющих при этом благоприятный инвестиционный и деловой климат. Проводится оценка инвестиционного климата африканских государств на основании рейтинга агентства Moody's, выявляются страны-лидеры и страны-аутсайдеры. Приводятся основные, реализующиеся в настоящее время инвестиционные проекты в области энергетики стран Африки. Проводится анализ делового климата этих государств, приводятся основные проблемы, такие как ограниченность энергетических сетей, слабое развитие транспортной инфраструктуры, политическая нестабильность и недостаточно развитая правовая база. В результате проведения сравнительного анализа выявляется, что, несмотря на сложности, инвестиционный климат ряда стран Африки в области энергетики имеет перспективы к улучшению за счет таких факторов, как применение новых технологий и создание международных партнерств. Страны Африки, которые активно внедряют реформы и привлекают иностранный капитал, имеют наибольшие перспективы на развитие энергетического сектора и улучшение качества жизни населения.

Ключевые слова

Инвестиционный климат, деловой климат, энергетика Африки, инвестиции, международные партнерства, капиталовложения, инвестиционный рейтинг, бизнес-проект

Для цитирования: Панков Д.А., Байкова О.В. Инвестиционный и деловой климат стран Африки в области энергетики // Вестник университета. 2025. № 5. С. 171–179.

Investment and business climate of African countries in the field of energy

Dmitry A. Pankov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics and Management in the Fuel and Energy Complex Department
ORCID: 0009-0005-4237-0514, e-mail: da_pankov@guu.ru

Oxana V. Baykova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics and Management in the Fuel and Energy Complex Department
ORCID: 0000-0003-4345-5497, e-mail: ov_baykova@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

Investment and business climate of African countries in the field of energy depends on a number of factors, such as economic stability, natural resources, government support for business, and international partnerships. The relevance of the article is due to the fact that Africa has significant reserves of natural resources, and many states have great potential in the field of renewable energy sources, which makes the continent attractive for long-term investments. The purpose of this article is to identify the countries with the greatest potential in the sphere of natural resources and renewable energy, which are currently developing investment projects in the field of energy and at the same time have a favourable investment and business climate. The work evaluates the investment climate of African states based on the Moody's rating agency, identifies the leading and outsider countries. The main investment projects currently being implemented in the field of energy in Africa are given. The analysis of the business climate of these states is conducted, the main problems, such as limited energy networks, poor development of transport infrastructure, political instability, and underdeveloped legal framework, are presented. As a result of the comparative analysis, it is revealed that despite the difficulties, the investment climate in a number of African countries in the field of energy has prospects for improvement due to such factors as the use of new technologies and creation of international partnerships. African countries that are actively implementing reforms and attracting foreign capital have the greatest prospects for developing the energy sector and improving the quality of life of the population.

Keywords

Investment climate, business climate, African energy, investments, international partnerships, capital investments, investment rating, business project

For citation: Pankov D.A., Baykova O.V. (2025) Investment and business climate of African countries in the field of energy. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 171–179.

ВВЕДЕНИЕ

Африканский континент обладает огромными запасами природных ресурсов, включая нефть, газ, уголь, а также большим потенциалом в области возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ), таких как гидроэнергетика, солнечная и ветровая энергия, что значительно усиливает его экономические возможности и привлекательность для инвестиций.

Энергетика африканского континента характеризуется неравномерным развитием, доступ к электроэнергии остается ограниченным: около 600 млн чел. (почти половина населения) не имеют доступа к электричеству. Северная и Южная Африка более развиты в энергетическом плане, активно используют ископаемое топливо и постепенно внедряют возобновляемые источники. В то же время страны Центральной и Восточной Африки сталкиваются с энергетической бедностью, несмотря на потенциал гидроэнергетики (например, река Конго) и геотермальной энергии (в районе Восточно-Африканского рифта).

Активное развитие солнечной и ветровой энергетики поддерживается международными организациями, такими как Всемирный банк и Африканский банк развития, однако нехватка инфраструктуры, политическая нестабильность, недостаточно совершенная правовая база остаются ключевыми проблемами ряда стран Африки.

Тем не менее, такие страны, как Марокко, Египет, Южная Африканская Республика (далее – ЮАР), Кения и Руанда, демонстрируют положительные изменения благодаря реформам, направленным на улучшение делового климата. Международные игроки, включая Китай, Соединенные Штаты Америки, Европейский союз, Объединенные Арабские Эмираты и Российскую Федерацию, активно инвестируют в африканский энергетический сектор, участвуя в строительстве гидро- и солнечных электростанций, LNG-терминалов (англ. liquefied natural gas – сжиженный природный газ).

В то же время африканские страны постепенно отходят от зависимости от нефти и угля, ориентируясь на более устойчивые источники энергии. Особенно заметны эти изменения в ЮАР, Кении, Марокко и Египте, где ведется активная работа по диверсификации энергетики и внедрению инновационных решений [1].

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА СТРАН АФРИКИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРОЕКТЫ В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИКИ

Оценка инвестиционного климата рассматриваемых африканских стран проводится на основании рейтинга агентства Moody's (табл. 1). Она включает изучение экономической ситуации (рассмотрение макроэкономических факторов, таких как валовый внутренний продукт и инфляция), корпоративного управления (эффективность менеджмента и стратегических решений), финансовый анализ (оценка ликвидности и уровня долгов) и анализ отраслевых перспектив.

Таблица 1

Инвестиционный рейтинг стран Африки, осуществляющих проекты в области энергетики

Страна	Рейтинги Moody's
Ботсвана	A3
Марокко	Ba1
ЮАР	Ba2
Кот-д'Ивуар	Ba2
Намибия	B1
Танзания	B1
Руанда	B2
Сенегал	B3
Уганда	B3
Ангола	B3
Нигерия	Caа1
Кения	Caа1
Египет	Caа1

Страна	Рейтинги Moody's
Тунис	Саа1
Мозамбик	Саа2
Гана	Саа2
Замбия	Саа2
Эфиопия	Саа3
Мавритания	С

Составлено авторами по материалам источника¹

Рейтинговая шкала Moody's (табл. 2) состоит из трех основных категорий, обозначенных буквами А (наивысший уровень), В (высокий и спекулятивный уровень) и С (низкий уровень).

Таблица 2

Шкала рейтингов Moody's

Инвестиционная категория		
Ааа		Наиболее качественные и подверженные самому низкому уровню кредитного риска обязательства
Аа	Аа1	Высококачественные и подверженные очень низкому кредитному риску обязательства
	Аа2	
	Аа3	
А	А1	Обязательства с надежностью выше среднего, подверженные низкому кредитному риску
	А2	
	А3	
Ваа	Ваа1	Обязательства средней надежности, подверженные умеренному кредитному риску. Могут обладать определенными спекулятивными характеристиками
	Ваа2	
	Ваа3	
Спекулятивная категория		
Ва	Ва1	Спекулятивные обязательства, подверженные существенному кредитному риску
	Ва2	
	Ва3	
В	В1	Спекулятивные обязательства, подверженные высокому кредитному риску
	В2	
	В3	
Саа	Саа1	Спекулятивные обязательства низкого качества, подверженные очень высокому кредитному риску
	Саа2	
	Саа3	
Са		Обязательства близки к состоянию дефолта. Есть шансы на восстановление основного долга и процентов
С		Обязательства, как правило, находятся в состоянии дефолта, и кредиторы имеют низкие шансы на взыскание основной суммы и процентов

Составлено авторами по материалам источника²

Согласно агентству Moody's, высокий рейтинг (Ва и выше) имеют страны с достаточно стабильной экономикой: Ботсвана, Марокко, ЮАР, Кот-д'Ивуар. Ряд стран Африки имеют средний рейтинг В – Намибия, Руанда, Сенегал, Уганда, Ангола, Танзания. Низкая оценка (Саа1-Саа3) у Нигерии, Кении, Египта, Мозамбика, Туниса, Ганы, Замбии, Эфиопии. Спекулятивный рейтинг инвестиционной среды (оценка С) имеет Мавритания.

¹ Moody's Ratings. Официальный сайт. Режим доступа: <https://ratings.moody's.com/> (дата обращения: 10.03.2025).

² Там же.

Рейтинг А3 Ботсваны по шкале Moody's относится к категории А, которая обозначает высокое кредитное качество и низкий уровень кредитного риска, и это значит, что Ботсвана как государство обладает хорошей способностью выполнять свои финансовые обязательства.

Рейтинги Ba1, Ba2, B1, B2, B3, Caa, присвоенные таким государствам, как Марокко, ЮАР, Кот-д'Ивуар, Намибия, Танзания, Руанда, Сенегал, Уганда, Ангола, Нигерия, Кения, Египет, Тунис, в соответствии с классификацией Moody's относятся к категориям, которые входят в группу спекулятивных рейтингов. Это указывает на то, что данные страны характеризуются повышенным уровнем кредитного риска в сравнении со странами, находящимися в инвестиционной категории (Baa и выше). Тем не менее, они сохраняют определенную способность выполнять свои финансовые обязательства. Данные рейтинги отражают наличие существенных экономических, финансовых или политических рисков, которые могут усиливаться в периоды нестабильности. Несмотря на это, страны с рейтингами Ba1, Ba2, B1, B2, B3, Caa1 демонстрируют относительную устойчивость и потенциал для выполнения своих обязательств.

Рейтинги Caa2, Caa3 и C таких стран, как Мозамбик, Гана, Замбия, Эфиопия, Мавритания в соответствии с классификацией Moody's, относятся к категориям, характеризующимся крайне высоким уровнем кредитного риска. Они входят в группу неинвестиционных, что подчеркивает их повышенную спекулятивность. Подобные оценки указывают на то, что эти государства находятся в зоне значительной финансовой уязвимости и испытывают серьезные сложности в выполнении своих долговых обязательств. Наличие таких рейтингов свидетельствует о глубоких экономических, финансовых или политических проблемах, которые делают их особенно чувствительными к негативным изменениям внешней или внутренней среды. Вероятность дефолта или необходимости реструктуризации долга для стран с рейтингами Caa2, Caa3 и C оценивается как очень высокая, что подчеркивает их крайне нестабильное финансовое положение.

АКТУАЛЬНЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИКИ И ДЕЛОВОЙ КЛИМАТ СТРАН СЕВЕРНОЙ, ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ

В Северной, Западной и Восточной Африке множество стран активно развивает инвестиционные проекты в области энергетики, включая ВИЭ, нефтегазовый сектор и электроэнергетику.

Марокко занимает лидирующие позиции среди инвестиционно привлекательных государств Африки благодаря выгодному географическому положению, устойчивой политической обстановке и активному экономическому росту. В стране активно развиваются альтернативная энергетика и автомобилестроение, а среди ключевых проектов – солнечная электростанция Noor Ouarzazate и ветровые электростанции. В совершенствование инфраструктуры вкладываются такие инвесторы, как Африканский банк развития, Всемирный банк и Марокканское агентство по устойчивому развитию энергетики (англ. Moroccan Agency for Sustainable Energy). Целью является превращение страны в лидера в области солнечной энергетики Африки. В результате реформ деловая среда стала более благоприятной, а регистрация компании иностранным инвестором занимает всего две-четыре недели. Акцент делается на трудоустройстве местных специалистов, а для иностранных работников обязательными условиями являются высокая квалификация и редкая профессия. Развитая портовая и логистическая инфраструктура способствует упрощению управления внешнеторговыми операциями.

Египет предлагает привлекательные условия для инвестиций в энергетический сектор и строительство. Среди крупных проектов – солнечный парк Бенбан, ветровые электростанции в Суэцком заливе и строительство атомной электростанции «Эль-Дабаа» совместно с «Росатомом»³.

К крупнейшим инвесторам относятся Siemens, ACWA Power и международные финансовые институты. Планируется увеличение доли ВИЭ до 42 % к 2035 г.⁴

Национальное законодательство гарантирует иностранным инвесторам равноправие с местными предпринимателями, а проведенные реформы значительно упростили процедуры регистрации компаний и получения лицензий. Инвесторы могут беспрепятственно выводить прибыль за границу и приобретать земельные участки в собственность. Также предоставляются налоговые преференции и доступ к упрощенной системе лицензирования через единый портал GAFI (фр. Groupe d'action financière –

³ Политический атлас современности. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.hypo.ru/> (дата обращения: 10.03.2025).

⁴ Консульский информационный портал. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.kdmid.ru/> (дата обращения: 10.03.2025).

Целевая группа по финансовым мероприятиям по борьбе с отмыванием денег)⁵. Однако сложности местного правового поля требуют профессиональной юридической поддержки.

Кения как ключевой экономической центр Восточной Африки делает ставку на развитие информационных технологий (далее – ИТ) и ВИЭ. В стране развиваются геотермальная энергетика в Олкарии и ветровые проекты на озере Туркана. Основными инвесторами выступают KenGen и международные партнеры, а главной целью является использование геотермальных ресурсов для обеспечения энергетической независимости. Иностранные предприниматели могут без препятствий регистрировать компании, включая совместные предприятия с местными партнерами. Особое внимание уделяется проектам, создающим новые рабочие места для граждан Кении. Инвесторам предоставляются налоговые льготы, однако процесс оформления разрешений на работу может занять несколько месяцев и потребовать значительных затрат. Использование электронных платформ упрощает управление внешнеторговыми операциями.

Нигерия, одна из крупнейших экономик Африки, сталкивается с серьезными вызовами, включая коррупцию и недостаточное развитие инфраструктуры. В стране ведутся модернизация электрических сетей, развитие солнечной энергетики и нефтегазовой отрасли. Основные инвесторы – Shell, TotalEnergies, африканские и международные банки. Целью является увеличение доступа к электроэнергии в сельских районах. Несмотря на значительный инвестиционный потенциал, запутанное законодательство и нестабильная политическая обстановка ограничивают рост предпринимательской активности.

Эфиопия активно развивает инфраструктурные и производственные инициативы, в том числе гидроэлектростанцию (далее – ГЭС) «Возрождение» на реке Нил, а также ветровые и солнечные проекты. Основными инвесторами являются китайские компании и Всемирный банк. Страна стремится стать региональным экспортером электроэнергии. Оптимальной стратегией для зарубежных инвесторов является создание совместных предприятий с местными компаниями, учитывая высокие таможенные пошлины и сложную административную систему [2; 3].

Сенегал демонстрирует устойчивый экономический рост, поддерживаемый вложениями в инфраструктурные проекты и альтернативную энергетику. Среди ключевых проектов – солнечные электростанции, такие как Senergy, и ветровые инициативы. Французские и арабские компании инвестируют в энергетический сектор страны, стремясь увеличить долю ВИЭ в энергетическом балансе. Политическая стабильность способствует притоку капитала, однако бюрократические процедуры могут создавать сложности для внешнеторговых операций.

Гана, обладая устойчивой политической обстановкой и прогрессирующим финансовым сектором, привлекает инвесторов в проекты гидро-, солнечной и ветровой энергетики, а также модернизацию электрических сетей. Основными выступают Африканский банк развития и частные инвесторы. Прозрачность правовой системы и внедрение цифровых технологий способствуют упрощению международных торговых операций, однако сохраняются риски мошенничества.

Тунис предлагает перспективные возможности в промышленности и ИТ-секторе, активно развивает солнечную и ветровую энергетику. Несмотря на оптимизированные процедуры ведения бизнеса, политическая нестабильность может осложнить долгосрочные инвестиции.

Танзания активно развивает ГЭС и солнечную энергетику при поддержке китайских компаний и Всемирного банка. Инвесторы проявляют интерес к горнодобывающей промышленности и инфраструктурным проектам, однако коррупция и административные барьеры затрудняют ведение бизнеса.

Уганда обладает потенциалом в энергетике, реализуя проекты в области гидро- и солнечной энергетики. Китайские компании и международные организации поддерживают развитие сектора. Однако инвесторы сталкиваются с бюрократическими сложностями, коррупцией и высокой государственной задолженностью, что ограничивает экономическую активность.

Кот-д'Ивуар демонстрирует устойчивый экономический рост, особенно в энергетике. В стране реализуются проекты в области гидро- и солнечной энергетики, привлекая французских и китайских инвесторов. Однако коррупция остается серьезным вызовом.

Руанда демонстрирует стабильный экономический рост и удобные условия ведения бизнеса. Инвесторы вкладывают средства в солнечные электростанции и проекты по использованию метана. Государство активно внедряет цифровые решения для упрощения внешнеторговых процедур [2; 4; 5].

⁵ Gafi. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.gafi.gov.eg/> (дата обращения: 10.03.2025).

Мавритания развивает ветровую и солнечную энергетику для экспорта, привлекая европейские инвестиции. Однако административные трудности и низкий уровень делового климата сдерживают экономический рост.

Алжир, несмотря на значительные природные ресурсы, сталкивается с бюрократическими барьерами и жесткими государственными ограничениями. Основные инвестиции сосредоточены в нефтегазовом секторе и солнечной энергетике.

Ливия обладает перспективами в нефтедобыче, однако политическая нестабильность практически остановила деловую активность. В стране ведется модернизация нефтеперерабатывающих заводов, электростанций и инфраструктуры при участии международных компаний.

Судан развивает гидро- и солнечную энергетику, а также модернизирует нефтеперерабатывающую отрасль. Перспективными инвестиционными решениями являются расширение мощностей крупнейшей ГЭС Мерове (Merowe Dam), разработка новых гидроэнергетических проектов на реке Нил, строительство солнечных электростанций в регионах с высокой инсоляцией (например, в Северном Судане). Несмотря на инвестиции из Китая и арабских стран, политическая нестабильность и сложные административные процессы ограничивают экономический рост [4–6].

Южный Судан, имея богатые нефтяные ресурсы, привлекает инвестиции в добычу нефти, развитие солнечной энергетики и модернизацию инфраструктуры. Однако внутренние конфликты и слабая инфраструктура создают высокие риски для бизнеса [4; 5; 7].

АКТУАЛЬНЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИКИ И ДЕЛОВОЙ КЛИМАТ СТРАН ЮЖНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКИ

ЮАР обладает развитой инфраструктурой и многоотраслевой экономикой, несмотря на существующие вызовы, такие как кризис в энергетической сфере и значительный уровень безработицы. Инвестиционная привлекательность страны сосредоточена в областях возобновляемой энергетики, технологий и горнодобывающей промышленности. Реализуются проекты по развитию солнечной и ветровой энергетики в рамках программы REIPPPP (англ. Renewable Energy Independent Power Producer Procurement Programme – Программа закупок независимых производителей электроэнергии из возобновляемых источников энергии), а также атомной энергетики. Международные компании, такие как Enel и Mainstream Renewable Power, активно вкладываются в сектор. Основные цели – сокращение зависимости от угля и увеличение доли ВИЭ. Процесс открытия бизнеса и трудоустройства иностранных специалистов регулируется строгими законодательными нормами, направленными на приоритетное трудоустройство представителей чернокожего населения. Для высококвалифицированных специалистов предусмотрены льготы, включая ускоренную процедуру получения гражданства. Однако бюрократические сложности и коррупция могут создавать дополнительные препятствия для ведения бизнеса.

Ботсвана, обладая устойчивой правовой системой и низким уровнем коррупции, активно развивает солнечную энергетику. Внешнеторговая деятельность четко регулируется, а правительство поддерживает инициативы по экономической диверсификации.

Мозамбик обладает значительными запасами природного газа, что делает его привлекательным для инвесторов, таких как TotalEnergies и ExxonMobil. Ключевые проекты включают газовые месторождения и ГЭС. Несмотря на реформы, коррупция и бюрократия остаются серьезными препятствиями [6; 7].

Намибия стремится стать лидером в производстве зеленого водорода, привлекая инвестиции немецких и европейских компаний в проекты солнечных электростанций. Страна обладает политической стабильностью и развитым горнодобывающим сектором, однако строгие ограничения на трудоустройство иностранцев создают барьеры для бизнеса.

Замбия активно развивает гидро- и солнечную энергетику для экспорта. Несмотря на поддержку международных финансовых институтов, высокий уровень инфляции и валютные колебания создают риски для бизнеса. Требования к участию местных граждан в капитале усложняют инвестиционный процесс.

Ангола активно стимулирует инвестиции в нефтегазовую отрасль, гидроэнергетику и инфраструктуру. Среди ключевых проектов – ГЭС Капанда и солнечные инициативы⁶. В стране проводятся реформы, направленные на упрощение регистрации бизнеса и формирование свободных экономических зон.

⁶ International Trade Administration. Официальный сайт. Режим доступа: <https://www.trade.gov/> (дата обращения: 10.03.2025).

Однако экономика остается зависимой от цен на нефть, а высокие уровни коррупции и государственного долга создают дополнительные риски.

Чад, обладая значительными запасами нефти, сталкивается с проблемами доступа к международным рынкам. Разрабатываются нефтяные месторождения, модернизируются перерабатывающие мощности и развивается солнечная энергетика. Перспективными инвестиционными проектами являются разработка нефтяных месторождений в регионе Добы (Doba Basin), модернизация нефтеперерабатывающего завода и строительство солнечных электростанций в Нджамене, однако политическая нестабильность сдерживает приток инвестиций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Энергетика Африки находится на перепутье: с одной стороны, огромный потенциал для роста, с другой – вызовы, связанные с бедностью, инфраструктурой и изменением климата.

Международные организации и инвесторы активно поддерживают проекты в области солнечной и ветровой энергетики, такие как инициатива Desert to Power в Сахеле, целью которой является обеспечение электричеством 250 млн чел. Однако для устойчивого развития необходимы инвестиции в инфраструктуру, технологии и политическую стабильность.

Энергетический сектор Африки активно развивается благодаря инвестициям в ВИЭ, модернизацию инфраструктуры и добычу традиционных энергетических ресурсов. Ведущие страны, такие как ЮАР, Египет и Марокко, делают ставку на солнечную, ветровую и атомную энергетику, стремясь к снижению зависимости от угля и нефти. Кения и Эфиопия развивают геотермальные и гидроэнергетические проекты, обеспечивая внутренний спрос и создавая экспортный потенциал. Нигерия, Мозамбик и Ангола продолжают осваивать нефтегазовые месторождения, одновременно модернизируя энергетические сети.

Как в Северной, Западной, Восточной Африке, так и в странах Южной и Центральной Африки разрабатываются нефтяные, газовые месторождения, выполняются инвестиционные проекты в области ВИЭ. Наибольшие объемы добычи угля отмечаются главным образом в ЮАР.

Наиболее привлекательными странами Африки с точки зрения инвестиционного и делового климата в области энергетики являются Руанда, Ботсвана, ЮАР, Марокко, Египет, Кения. Эти страны обладают самыми благоприятными условиями для бизнеса. Это связано с их развитой законодательной базой, стабильным экономическим климатом. Данные государства выделяются наиболее привлекательными условиями для ведения предпринимательской деятельности, что детерминировано их проработанной правовой системой и устойчивой экономической обстановкой.

В таких странах, как Нигерия, Тунис, Сенегал, Кот-д'Ивуар, Алжир, Намибия, Танзания, Уганда, созданы вполне благоприятные условия для ведения бизнеса. Однако, несмотря на их высокий экономический потенциал и динамично развивающиеся рынки, они пока уступают лидерам региона из-за более сложного государственного регулирования и менее развитой инфраструктуры.

В то же время Мозамбик, Судан, Ангола, Ливия, Эфиопия, Чад, Южный Судан и Мавритания, Замбия и Гана относятся к странам с умеренным или низким уровнем инвестиционной привлекательности. Здесь предприниматели сталкиваются с такими препятствиями, как политическая нестабильность, недостаточная эффективность государственного управления и пробелы в правовой системе, что усложняет ведение бизнеса и реализацию долгосрочных проектов.

Политическая и экономическая нестабильность остается вызовом для ряда стран Африки, но международные инвестиции и поддержка финансовых институтов способствуют росту энергетической независимости и устойчивому развитию региона.

Список литературы

1. *Зайцев Ю.К.* Инвестиционный климат: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт; 2024. 123 с.
2. *Серова Н.А.* Инвестиционный и предпринимательский климат России в международном пространстве. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018;4(14):673–687. <https://doi.org/10.24891/ni.14.4.673>
3. *Александров Г.А., Вязина И.В., Павлова Е.В., Скворцова Г.Г., Кондратьева О.А., Русина Е.В.* Привлекательность инвестиционного климата и инвестиционные риски: методология, методы диагностики и оценки: монография. М.: Креативная экономика; 2020. 340 с.
4. *Байкова О.В., Кулаков Д.А.* Альтернативная система расчетов в топливно-энергетическом комплексе: классификация и основные черты. Вестник университета. 2016;7–8:124–130.

5. Байкова О.В., Грамыко Е.О. Эффекты цифровой трансформации в нефтегазовом комплексе. Вестник университета. 2021;6:77–81. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-77-81>
6. Линник Ю.Н., Линник В.Ю., Байкова О.В. Нефтегазовая экономика и бизнес: учебник. М.: КноРус; 2023. 556 с.
7. Лукашова А.А., Тавгенъ Е.О., Шведко П.В. Экономика зарубежных стран: Африка. Перспективы и риски внешнеторгового сотрудничества. Минск: Белорусская наука; 2022. 336 с.

References

1. Zaitsev Yu.K. Investment climate: textbook for universities. Moscow: Urait; 2024. 123 p. (In Russian).
2. Serova N.A. The investment and business climate in Russia: an international view. National Interests: Priorities and Security. 2018;4(14):673–687. (In Russian). <https://doi.org/10.24891/ni.14.4.673>
3. Aleksandrov G.A., Vyakina I.V., Parlova E.V., Skvortsova G.G., Kondratova O.A., Rusina E.V. Attractiveness of the investment climate and investment risks: methodology, diagnostic tools and evaluation methods. Moscow: Creative Economy; 2020. 340 p. (In Russian).
4. Baikova O.V., Kulakov D.A. Alternative settlement system in the fuel and energy complex: classification and main features. Vestnik universiteta. 2016;7–8:124–130. (In Russian).
5. Baikova O.V., Gromyko E.O. Effects of digital transformation in the oil and gas complex. Vestnik universiteta. 2021;6:77–81. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-6-77-81>
6. Linnik Yu.N., Linnik V.Yu., Baikova O.V. Oil and gas economics and business: textbook. Moscow: KnoRus; 2023. 556 p. (In Russian).
7. Lukashova A.A., Tangen E.O., Shvedko P.V. Economy of foreign countries: Africa. Prospects and risks of foreign trade co-operation. Minsk: Belarusian Science; 2022. 336 p. (In Russian).

Необанки как инновационные разработчики финансовых технологий на рынке финансовых услуг

Кереева Диляра Зинеденовна^{1,2}

Финансовый директор

ORCID: 0000-0002-3266-0762, e-mail: 999thunderstorm666@gmail.com

¹Акционерное общество «ВЭР», г. Москва, Россия

²Общество с ограниченной ответственностью «Гарант», г. Москва, Россия

Аннотация

Цифровизация, совершенствование искусственного интеллекта оказывают воздействие на различные сферы хозяйствования, в том числе на финансовый рынок, способствуя появлению и развитию нового вида институтов, – необанков, которые становятся полноценными конкурентами для классических кредитных организаций. Темой настоящего исследования является изучение необанков как инновационных производителей финансовых технологий на рынке финансовых услуг. Цель – исследование необанков как инновационных разработчиков финансовых технологий на данном рынке. Объект – необанки. Предмет – совокупность инструментов и способов, которые последние используют в своей деятельности. В качестве методологии необходимо выделить анализ интернет-ресурсов, соответствующих тематике исследования, синтез и обобщение полученных данных. К главным результатам относятся проведение детального анализа теоретико-методологических основ определения необанков, выделение их видов, достоинств и недостатков и выявление направлений дальнейшего развития и увеличения эффективности функционирования. Основные выводы исследования: уточнение понятийного аппарата, рассмотрение особенностей деятельности современных необанков, их специфики, достоинств и недостатков по сравнению с традиционными банками, предоставление обобщенного анализа программ и услуг, предлагаемых необанками, и обозначение рекомендаций по повышению эффективности их функционирования.

Ключевые слова

Необанки, цифровизация, онлайн-сфера, кредитные организации, финансовые услуги, диджитал организации, финансовые технологии, искусственный интеллект

Для цитирования: Кереева Д.З. Необанки как инновационные разработчики финансовых технологий на рынке финансовых услуг // Вестник университета. 2025. № 5. С. 180–189.

Neobanks as innovative developers of financial technologies in the financial services market

Diliara Z. Kereeva^{1,2}

Finance Director

ORCID: 0000-0002-3266-0762, e-mail: 999thunderstorm666@gmail.com

¹Joint-Stock Company “VER”, Moscow, Russia

²Limited Liability Company “Garant”, Moscow, Russia

Abstract

Digitalisation and enhancement of artificial intelligence have an impact on various areas of management, including financial market, contributing to the emergence and development of a new type of institution – neobanks, which become full-fledged competitors to classical credit organisations. The topic of this research is the study of neobanks as innovative producers of financial technologies in the financial services market. The purpose is to study neobanks as innovative developers of financial technologies in this market. The object are neobanks. The subject is a set of tools and methods that neobanks use in their activities. As a methodology, it is necessary to highlight the analysis of internet resources corresponding to the topic of the study, synthesis and generalisation of the data obtained. The main results include conducting a detailed analysis of theoretical and methodological foundations for determination of neobanks, highlighting their types, advantages and disadvantages, and identifying areas for further development and increase of the efficiency of functioning. The main conclusions of the study are clarification of the conceptual framework, consideration of the specifics of the activities of modern non-banks, their specifics, advantages and disadvantages compared with traditional banks, provision of a generalised analysis of programmes and services offered by neobanks, and designation of recommendations for improving the efficiency of their functioning.

Keywords

Neobanks, digitalisation, online sphere, credit institutions, financial services, digital organisations, financial technologies, artificial intellect

For citation: Kereeva D.Z. (2025) Neobanks as innovative developers of financial technologies in the financial services market. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 180–189.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение влияния новых финансовых технологий на рынок финансовых услуг становится необычайно актуальным в настоящее время. Глобализация и интеграция привели к трансформации экономических систем и к широкому распространению новых технологий. Цифровизация охватывает все отрасли хозяйствования и рынки, приводя к внедрению инновационных инструментов и искусственного интеллекта (далее – ИИ), способствуя созданию иных программ, услуг, технологий. Особенный интерес в этой связи представляет финансовый рынок, в рамках которого происходит не только их использование, но и инвестирование средств в дальнейшее развитие, а также создание новых институтов, которые способствуют повышению результативности распространения финансовых технологий и услуг.

В настоящее время все компании, вне зависимости от того, к какой сфере предпринимательства относятся, сталкиваются с необходимостью обращения за теми или иными финансовыми услугами. При этом современные банки и финтех-организации (финтех – финансовые технологии) ставят своими целями разработку и предоставление потребителям наиболее привлекательных для них продуктов. Все вышесказанное определяет актуальность настоящего исследования.

Необходимо отметить, что между финансовыми и цифровыми технологиями существует значительное различие. Так, ко вторым относятся технологии, которые предоставляют возможность разрабатывать, сохранять информацию, преобразованную в электронный вид при помощи сети интернет, производить ее обработку и распространять. Под финансовыми технологиями принято понимать совокупность методов, способов и инструментов, а также инновационных диджитал-разработок, которые применяются для предоставления финансовых услуг, являются следствием воздействия цифровизации и формируют альтернативный традиционному рынку финансовых услуг сегмент. Анализ приведенных определений позволяет сделать вывод, что понятие «цифровые услуги» включает в себя финансовые услуги, так как они применяются в различных целях и формах организациями рынка банковских, финансовых и инвестиционных услуг, сферы образования, государственного управления и т.д.

К ним в широком смысле относятся формирование платежных систем и разработка различных услуг. Если платежные системы относятся к сфере макроэкономики, то банковские услуги – к микроэкономике и зависят от особенностей функционирования конкретного банка. Изучение инновационных технологий в отношении их влияния на рынок финансовых услуг представляет собой существенную актуальность в силу ряда обстоятельств.

Во-первых, их уникальность заключается в возможности повысить результативность деятельности всех подразделений финансовых рынков при помощи следующих положений:

- уменьшение неравномерности распределения информации;
- минимизация затрат, связанных с поиском необходимых данных [1].

Во-вторых, финансовые технологии предоставляют возможность увеличить конкуренцию на рынке финансовых услуг при помощи включения новых участников, а именно финтех-организаций и нео-банков, что, в свою очередь, приводит к уменьшению стоимости посреднических услуг и росту их доступности. Появление инновационных институтов и расширение спектра существующих услуг, а также рост их качества, доступности и оперативности способствуют повышению интенсивности социально-экономического развития стран, которые используют усовершенствованные финансовые технологии [2].

В-третьих, их разработка способствует увеличению рыночной капитализации организации. Последние годы население стран с развитой мировой экономикой активно использует услуги, которые предоставляются финтех-компаниями. Так, в соответствии с данными, полученными аналитической компанией Ernst & Young в рамках проведения исследования населения 29 развитых стран, с 2018–2022 гг. наблюдалась положительная динамика роста потребительского спроса на финансовые услуги с 16 до 64 %¹.

В-четвертых, инновационные финансовые технологии позволяют совершенствовать дистанционное банковское обслуживание, электронные системы предоставления услуг, которые дают клиентам банков возможность каждый день совершать транзакции в режиме реального времени. Появление новых и совершенствование существующих банковских операций ведет к необходимости разработки новых дистанционных каналов предоставления услуг [2].

¹ Ernst & Young. Global fintech adoption index 2019. Режим доступа: <https://eyfinancialservicesthoughtgallery.ie/wp-content/uploads/2019/09/ey-global-fintech-adoption-index.pdf> (дата обращения: 25.03.2025).

Необходимо отметить, что российские и зарубежные организации располагают существенным опытом по использованию инновационных финансовых технологий, однако требуется изучение особенностей их применения с учетом черт, характерных для искомых экономик, рынков и отраслей хозяйствования, при условии наиболее результативного использования. В настоящее время можно выделить различные виды финансовых услуг. К ним относятся:

- банковские операции (кредитные, сберегательные и прочие услуги);
- страховые услуги, операции на рынке ценных бумаг (биржевые услуги);
- сделки лизинга (финансовой аренды);
- иные услуги финансового характера (маркетплейсы, мастерчейны, особенности функционирования которых в разрезе современной ситуации не до конца изучены) [3].

Существование так называемых неопанков приводит к потере кредитными организациями клиентов, изменению подходов к ведению бизнеса, так как, помимо постоянного мониторинга рыночной конъюнктуры, им приходится проводить активные маркетинговые кампании по привлечению новых клиентов и сохранению лояльности существующих потребителей. В целях настоящего исследования остановимся подробнее на изучении специфики функционирования данных организаций и выявим их возможности в качестве производителей инновационных финансовых технологий на рынке финансовых услуг.

НЕОПАНКИ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Неопанком в настоящее время принято обозначать организацию, деятельность которой происходит только в онлайн-сфере. Современные исследователи предоставляют ряд различных трактовок данного феномена.

В.Ю. Петрова и В.Ю. Скаткова определяют неопанки как организации, которые нацелены преимущественно на обслуживание целевой аудитории через сеть интернет [4]. В.В. Тимофеева определяет данный феномен как новые организации (цифровые, виртуальные банки, «директ-банки, онлайн-банки»), которые предоставляют услуги при помощи различных цифровых инструментов. К последним относятся чат-боты, мессенджеры, сайты и т.д. [5].

По мнению Д.А. Озеровой и Д.А. Чичуленкова, неопанками являются специализированные денежно-кредитные организации, которые производят обслуживание клиентской базы при помощи определенных дистанционных каналов и не нуждаются в офлайн-подразделениях для дальнейшего развития [6]. В целях настоящего исследования под неопанком будет пониматься особая организация, которая нацелена на производство финансовых услуг и их предоставление целевой аудитории при помощи использования дистанционных каналов, онлайн-инструментов, сети интернет, не нуждается в открытии офлайн-офисов и активно применяет ИИ в своей деятельности.

В настоящее время наблюдается рост спроса на цифровые финансовые технологии, что подтверждается соответствующими статистическими данными. Так, согласно предоставленным данным, численность офлайн-офисов в мире ежегодно снижается. Например, JP Morgan Chase, Bank of America и Wells Fargo каждый год закрывают 1–2 % офлайн-подразделений. В Российской Федерации (далее – РФ, Россия) их численность снизилась с 2016 г. по 2022 г. на 33 % (с 43 555 до 28 700 ед.)². Повышение уровня информационной грамотности населения, распространение цифровых технологий приводят к росту потребности в услугах неопанков, что, в свою очередь, способствует росту их стоимости. Так, по оценкам Ernst & Young, стоимость крупнейшего российского неопанка «Т-Банк» составила 227,93 млрд руб., что ненамного ниже, чем капитализация ведущего банка, «Сбербанк» (256,58 млрд руб.)³.

В настоящее время неопанки могут существовать как самостоятельные организации или как своеобразные финтех-компании, которые являются онлайн-подразделениями крупных банков. Необходимо отметить, что важнейшей предпосылкой их появления стала необходимость разработки инновационных методов, которые позволяли бы привлечь новых представителей целевой аудитории и получить конкурентное преимущество на рынке [7].

В России неопанки начали функционирование в 2015 г., в большинстве своем являясь частями кредитных организаций, которые применяют Big Data (англ. большие данные) и чат-боты. В настоящее время на данном рынке выделяется несколько различных видов участников.

²Ernst & Young. Global fintech adoption index 2019. Режим доступа: <https://eyfinancialservicesthoughtgallery.ie/wp-content/uploads/2019/09/ey-global-fintech-adoption-index.pdf> (дата обращения: 25.03.2025).

³Тумовс Р. Неопанковская деятельность снизилась, но... Режим доступа: <https://vc.ru/u/977333-reynis-tumovs-reinis-tumovs/593709-neobankovskaya-deyatelnost-snizilas-no> (дата обращения: 25.03.2025).

Во-первых, классические кредитные организации, сегмент которых представлен, например, «Сбербанком», «ВТБ», «Альфа-Банком» и т.д. Они могут формировать взаимодействие между клиентом и необанком при помощи предоставления возможности работы под собственным брендом и того спектра услуг, которым располагает кредитная организация, или при осуществлении посреднической деятельности. В последнем случае, например, у бана «Точка», который не имеет собственной лицензии, можно применять платформы и технологии тех кредитных организаций, что заключают с ним договор, а он, в свою очередь, предоставляет потребителям возможность выбрать наиболее привлекательные для них условия, продукты и услуги.

Другим вариантом являются разработка и внедрение собственной цифровой платформы, которая позволяет построить взаимодействие с искомой компанией через мессенджеры, чат-боты и т.д. Например, подобной схемы работы придерживается «Т-Банк» [4].

Во-вторых, наряду с официальным сегментом, существуют организации, которые не попадают под действие Федерального закона № 395-1 «О банках и банковской деятельности»⁴, так как не регистрируются в качестве банка, представляя собой некредитные организации, деятельность которых распространяется только на проведение платежных транзакций. Они предоставляют ограниченный спектр услуг, не могут выдавать кредиты и т.д. [7].

Наряду с представленными выше видами, в настоящее время существует общепринятая в зарубежной практике классификация необанков, которая была разработана ИТ-корпорацией (ИТ – информационные технологии) IBM. В соответствии с ней обозначенные организации разделяются на четыре вида.

1. Подразделение классической кредитной организации, которое фиксируется под новым наименованием. Это осуществляется для того, чтобы снизить возможные репутационные риски. Наибольшее распространение этот тип необанков получил в самом начале развития организаций данного вида⁵.

2. Подразделение классической кредитной организации, которое функционирует под ее наименованием в онлайн-сфере. Подобный вид необанков появился как следующая стадия их развития, когда крупные компании оценили прибыльность, удобство и привлекательность предоставления дистанционных услуг, продвижения интернет-услуг и банковских онлайн-продуктов.

Значительное воздействие на этот процесс оказали цифровизация, распространяющаяся на все сферы функционирования человека, и пандемический кризис, когда по причине вводимых локдаунов у населения возникали сложности с обращением за офлайн-услугами, что привело к развитию диджитализации. Преимуществом данного вида необанков является возможность активного продвижения офлайн-компаний онлайн-учреждением и наоборот⁶.

3. Вновь создаваемые компании, функционирующие за счет предоставления полного спектра услуг и продуктов, которые предлагает на рынке классическая кредитная организация, но имеющие собственное наименование, стратегию продвижения и проведения маркетинговых кампаний. Как правило, подобный способ создания необанка применяется в том случае, когда классический банк имеет репутацию негибкой и низкоадаптивной кредитной организации, что делает нецелесообразным формирование онлайн-компаний под его эгидой⁷.

4. Инновационные (диджитал) кредитные организации, которые были изначально созданы в цифровом формате и ориентированы на предоставление дистанционных услуг. Данный вид необанков может располагать офлайн-подразделениями, однако они существуют и открываются по мере необходимости⁸.

Прибыльность функционирования необанков определяется степенью доверия и лояльностью целевой аудитории, восприятием бренда, спектром и удобством получения услуг. Помимо вышесказанного, на уровень полученного подобными кредитными организациями дохода влияет наличие у них банковской лицензии. В случае ее существования доходы необанков складываются не только из комиссий или абонентской платы, но и из чистого процентного дохода, как у классических кредитных организаций.

В соответствии со статистическими данными необанки как особый вид организаций, предоставляю-

⁴ Федеральный закон от 02.12.1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/?ysclid=mcjnv6ao7x891626409 (дата обращения: 25.03.2025).

⁵ Гайн К. Небанки или «банки для зумеров»: как они работают и куда растут. Режим доступа: <https://vc.ru/money/232724-neobanki-ili-banki-dlya-zumerov-kak-oni-rabotayut-i-kuda-rastut> (дата обращения: 25.03.2025).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

щих финансовые услуги, активно развиваются. Если в 2018 г. их количество в мировом масштабе насчитывало 60 подобных компаний, то в 2021 г. их численность достигла 254 ед. По итогам 2022 г. в мире функционировало 294 финансовых института, которые можно отнести к данному виду организаций⁹.

Вместе с тем объем привлеченных необанками средств в 2022 г. достиг 9,9 млрд долл. США, что практически в половину меньше, чем за 2021 г.¹⁰ Это говорит о том, что потребители стали более тщательно относиться к выбору подобного рода организаций и отдавать предпочтение традиционным банкам. Остановимся подробнее на выявлении отличий небанков от традиционных кредитных организаций.

Во-первых, диджитал-институты не располагают офлайн-подразделениями, в которых осуществляется обслуживание клиентов. Все услуги и продукты размещены в специальном приложении или на сайте небанка, при помощи которых формируется взаимодействие с целевой аудиторией.

Во-вторых, организации данного вида предоставляют намного меньше услуг по сравнению с классическими банками ввиду специфики функционирования онлайн-платформ. Несмотря на активное развитие данного направления, обозначенная тенденция сохраняется вплоть до настоящего времени.

В-третьих, управление небанками осуществляется не только Центральным банком РФ (далее – ЦБ РФ, Банк России), как в случае с традиционными кредитными организациями, но и Министерством финансов России, что объясняется наличием у первых различных лицензий на осуществление транзакций (платежной, финансовой и т.д.), в зависимости от выбранного вида деятельности.

Необходимо отметить, что с течением времени обозначенные выше виды организаций становятся более похожими друг на друга. Так, классические банки открывают подразделения в онлайн-сфере, а небанки заключают партнерские соглашения для начала работы необходимых в той или иной ситуации офлайн-филиалов [8].

Обобщая проведенный выше анализ, систематизируем приведенные характеристики и выявим устойчивые признаки небанков. Во-первых, необходимость наличия приложения для обращения за услугами. Во-вторых, организация коммуникаций через чат-боты. В-третьих, направленность на создание нестандартных, уникальных финансовых услуг для конкретной целевой аудитории. В-четвертых, уделение основного внимания динамике численности клиентов и использованию интернет-метрик. В-пятых, отсутствие офлайн-офисов. В-шестых, прибыль за счет комиссий от тех сервисов, при помощи которых потребители получают услуги.

ПРИМЕРЫ РОССИЙСКИХ НЕОБАНКОВ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

В России в настоящее время наблюдается тренд на открытие диджитал-офисов и развитие онлайн-среды классическими банками, в то время как количество небанков не достигает высокой отметки. Остановимся подробнее на их изучении.

Во-первых, «Т-Банк», который в настоящее время относится к одним из наиболее крупных диджитал-банков в мире. Он предоставляет широчайший спектр различных услуг, включающих в себя как открытие счетов, так и выдачу кредитов, а также разные программы лояльности, к которым относятся кеш-бэки, бонусы, бесплатная мобильная связь, преференции от партнеров банка и т.д. «Т-Банк» относится к первым банкам, которые начали формирование собственных экосистем. В настоящее время данный проект является одним из наиболее перспективных и активно развивающихся.

Во-вторых, банк «Точка», который представляет собой организацию, нацеленную на развитие предпринимательства. В его услуги входят возможность регистрации общества с ограниченной ответственностью и индивидуального предпринимателя без обращения в налоговую службу. Клиентам предлагаются услуги персонального менеджера, который помогает в открытии бесплатных счетов и в их обслуживании. Кроме того, «Точка» располагает чатом, где осуществляется круглосуточная поддержка потребителей, и в случае появления новых стандартов, законодательных актов клиентам производится рассылка.

В-третьих, «Яндекс Банк», созданный для оплаты за использование различных сервисов и сформированный на базе классической кредитной организации – «Банк Акropolis». Основным его продуктом является цифровая карта «Плюс», эмитированная системой «Мир», которая предоставляет возможность использовать функционал одноименного приложения, совершать покупки в офлайн-магазинах.

⁹ Тумовс Р. Небанковская деятельность снизилась, но... Режим доступа: <https://vc.ru/u/977333-reynis-tumovs-reinis-tumovs/593709-neobankovskaya-deyatelnost-snizilas-po> (дата обращения: 25.03.2025).

¹⁰ Совкомбанк. Банк реальный, отделение виртуальное. Что такое небанк и как с ним работать. Режим доступа: <https://sovcombank.ru/blog/sberezheniya/bank-realnoi-otdelenie-virtualnoe-cto-takoe-neobank-i-kak-s-nim-rabotat> (дата обращения: 25.03.2025).

«Яндекс Банк» также имеет программу лояльности, в соответствии с которой за каждую транзакцию в рамках экосистемы «Яндекс» производится накопление баллов. Ими можно в дальнейшем расплачиваться. Необанком также предлагается открыть депозит, для которого существует возможность пополнения и снятия средств.

В-четвертых, «Модульбанк», располагающий достаточно широким перечнем банковских продуктов и услуг. Он подключен к системе страхования вкладов, имеет банковскую лицензию, осуществляет профилирование целевой аудитории при помощи назначения для каждой группы клиентов собственных тарифов за услуги.

В-пятых, TalkBank, который в настоящее время является одним из наиболее прогрессивно развивающихся инновационных диджитал-банков в России, активно использующих в своей деятельности ИИ. Взаимодействие между ним и клиентской базой осуществляется при помощи работы в мессенджерах и не требует скачивания специального приложения.

Транзакции хеджируются при помощи закрепления за клиентом ПИН-кода (ПИН – персональный идентификационный номер) или отправки СМС-сообщений (англ. short message service – служба коротких сообщений) для одобрения проведенной операции. Чат-бот в мессенджерах доступен круглосуточно, без выходных и нацелен на идентификацию запросов целевой аудитории. Перечисленные клиенту средства могут быть получены в банкоматах любого банка¹¹.

Приведенный выше анализ деятельности необанков в РФ позволяет сделать вывод о том, что, за исключением «Т-Банка», другие диджитал-организации предоставляют типовой перечень услуг, в которые, как правило, не входят депозитарное обслуживание и выдача кредитов. Вместе с тем они предлагают существенный спектр программ, которые нацелены на помощь в открытии и ведении собственного бизнеса, на мониторинг расходов и т.д. Цифровизация и достижения ИИ позволяют расширить перечень услуг и повысить удобство от использования приложений или мессенджеров.

Классические кредитные организации также активно развивают онлайн-подразделения и дистанционное обслуживание, становясь конкурентами необанков. Подобные трансформации позволяют снизить издержки на содержание офлайн-филиалов, выплату заработной платы, уменьшить комиссии и сопутствующие расходы и разработать более привлекательные для целевой аудитории продукты¹².

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НЕОБАНКОВ В РОССИИ

С учетом проведенного выше анализа остановимся на перспективах развития необанков как инновационных производителей финансовых услуг. Несмотря на активное совершенствование финансовых диджитал-институтов, с нашей точки зрения, в настоящее время существует ряд проблем, которые ему препятствуют и снижают привлекательность необанков для целевой аудитории. К ним относятся:

- консерватизм большей части населения и организаций;
- отсутствие законодательного регулирования их деятельности;
- наличие мошенничества;
- недостаточная осведомленность целевой аудитории о специфике функционирования необанков, степени защиты транзакций и безопасности взаимодействия с ними.

Проведем критический анализ ограничивающих развитие необанков институциональных проблем.

Во-первых, в настоящее время в большинстве своем кредитные онлайн-организации не могут составить полноценную конкуренцию классическим организациям, за исключением «Т-Банка», так как являются подразделениями последних или приобретаются ими в качестве финтех-стартапа.

Во-вторых, негативное воздействие на развитие необанков оказывают значительный уровень недоверия населения России, которое является результатом низкой цифровой грамотности, и более высокие по сравнению с классическими банками риски.

В-третьих, ограниченный сегмент целевой аудитории, состоящий в большинстве своем из представителей молодежи, которые не являются значительной частью населения, располагают необходимыми для обращения техническими средствами и уровнем образования.

В-четвертых, ограниченная численность предлагаемых услуг, что является следствием того, что не все необанки могут получить полноценную лицензию и имеют разрешение на предоставление только отдельных услуг.

¹¹ Каниокова А. Банк реальный, отделение виртуальное. Что такое необанк и как с ним работать. Режим доступа: <https://journal.sovcombank.ru/sberezheniya/bank-realnyi-otdelenie-virtualnoe-cto-takoe-neobank-i-kak-s-nim-rabotat-?ysclid=mawc1fbfwb585012118> (дата обращения: 25.03.2025).

¹² Кредистория. Что такое необанкинг. Режим доступа: <https://credistory.ru/blog/cto-takoe-neobanking> (дата обращения: 25.03.2025).

ЦБ РФ в последние годы создает нормативную базу, необходимую для развития программных удаленных платформ для комфортного осуществления дистанционных транзакций. Цифровизация банковского сектора России становится одним из важнейших направлений развития экономической сферы государства.

Системы дистанционного обслуживания в банках в настоящее время являются независимым банковским продуктом, который, помимо расчетной деятельности, позволяет осуществлять маркетинговую деятельность банка и его контрагентов. Информация о проведенных операциях клиентов, Big Data дают характеристику пользователю, определяют привычный ему образ жизни, нормы поведения, ежедневные нужды¹³.

На этой основе банк разрабатывает и дистанционно предлагает своим клиентам новые продукты и услуги (новые депозиты, кредитные программы). Привлечение к дистанционным каналам обслуживания маркетологов ведет к росту продуктивности рекламных кампаний, к повышению лояльности и способствует развитию взаимоотношений с клиентами.

По нашему мнению, наиболее перспективными в настоящее время являются следующие направления удаленного проведения транзакций: бесконтактные платежи по технологии NFC (англ. near field communication – связь на ближнем расстоянии), блокчейн, разработка цифровых платформ и marketplace (англ. маркетплейс), а также создание общей экосистемы, включающей не только оказание банковских услуг, но и сопутствующие всем сферам жизнедеятельности потребителя продукты, а именно предоставление страховых услуг, специальных пакетов для развития малого и среднего бизнеса, бронирование билетов, автомобилей, ресторанов, отелей, создание собственного мобильного оператора, чтобы приобретать билеты на концерты, различные представления, проходить курсы повышения квалификации и т.д. Основным функционалом экосистемы небанка станут следующие положения:

- предоставление всестороннего и комфортного обслуживания для максимального количества категорий целевой аудитории;
- расширение спектра предоставляемых услуг;
- повышение лояльности и рост численности обращений пользователей.

На современном рынке дистанционного банковского обслуживания большинство клиентов финансовых услуг предпочитают проводить операции со своими кредитными денежными средствами, не выходя из дома и не посещая кредитную организацию. Этому поспособствовало закрытие многих объектов малого, среднего бизнеса, кафе и ресторанов в связи пандемией COVID-19 в 2020 г. Изменение условий деятельности реального сектора экономики, в свою очередь, стало причиной развития дистанционных банковских услуг со стороны финансовых институтов – коммерческих банков.

Совершенствование ИИ, цифровизация будут способствовать дальнейшему развитию онлайн-сферы и дистанционных услуг. Ввиду этого для решения обозначенных выше проблем, по нашему мнению, необходимо принятие ряда законопроектов, которые бы устанавливали требования и стандарты деятельности для небанков с целью снижения угрозы мошенничества.

Для увеличения заинтересованности целевой аудитории в их деятельности являются возможными организация и проведение специализированных семинаров, чтобы повысить финансовую и цифровую грамотность населения, в том числе курсов в вузах, колледжах, школах. Целесообразным видится разработка специализированного программного обеспечения (далее – ПО) и видов отчетности, которые могли бы использоваться в различных небанках, в том числе не обладающих лицензией Банка России, и отправляться уполномоченному органу для контроля деятельности. Кроме того, уместной кажется необходимость заключения договора о взаимодействии небанка с одним из ведущих банков для дополнительного контроля и расширения спектра продуктов и услуг.

Перспективными направлениями развития небанков с учетом проведенного нами анализа являются:

- расширение спектра предоставляемых программ и услуг;
- дальнейшее улучшение чат-ботов;
- активное использование мессенджеров.

Важным для развития отрасли видится создание специализированного портала небанков, на котором будет систематизирована информация о существующих организациях, их услугах, о динамике развития, особенностях взаимодействия, будут предоставляться отзывы клиентов и возможность обратной связи. Обозначенная мера, по нашему мнению, позволит повысить информированность целевой аудитории,

¹³ Ликув А., Бермишева П. Небанки: будущее или тупиковая ветвь развития банковской системы. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/technologii/344459-neobanki-budushchee-ili-tupikovaya-vetv-razvitiya-bankovskoy-sistemy> (дата обращения: 25.03.2025).

ее заинтересованность услугами необанков, приведет к росту обращений в данные организации и снизит уровень недоверия к ним, что будет способствовать дальнейшему устойчивому развитию этого сегмента рынка финансовых услуг. Несмотря на активность Банка России в сфере оперативного мониторинга и информирования клиентов банковских и финансовых учреждений, несмотря на наличие специализированного портала, более привлекательным для целевой аудитории является создание менее формального источника получения информации о необанках, где их преимущества будут объясняться в максимально доступной манере для всех категорий населения, в том числе не обладающих цифровой грамотностью. Вместе с тем рекламные и маркетинговые программы являются необычайно важными для роста информированности населения о наличии подобного информационного портала. В настоящее время они относятся к компетенциям не только коммерческих организаций-участниц рынка, стремящихся к узнаванию и экспансии, но и любых других компаний, которым необходимо привлечь целевую аудиторию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в настоящем исследовании анализ позволил нам сделать вывод о том, что необанки представляют собой особый вид производителей финансовых услуг, который функционирует только в сфере онлайн, что позволяет им снижать сопутствующую деятельность классических кредитных организаций издержки и предоставлять продукты на более выгодных условиях.

Система удаленного предоставления услуг пользователям представляет собой эффективный способ формирования взаимоотношений между кредитной организацией и ее клиентами и направление повышения конкурентоспособности на межбанковском рынке. Прибыль банка от применения системы дистанционного банковского обслуживания состоит из следующих позиций: прямые доходы (средства за обслуживание, переводы), экономия на операционных затратах, доходы от маркетинговой деятельности, осуществляемой через интернет-банк.

Для пользователей электронных систем нет необходимости обращаться в его подразделение с целью перевода средств или платежей. При помощи каналов дистанционного обслуживания существует возможность воспользоваться почти всеми видами банковских продуктов и услуг кредитной организации.

Нельзя не отметить, что за транзакции, проводимые через удаленное ПО, к которым относятся переводы в банки-контрагенты, обмен валюты, требуются меньшие комиссии, чем за транзакции, проводимые при операционном обслуживании в отделении кредитной организации. В ряде случаев комиссия за операции, совершенные дистанционно, отсутствует. Причиной является то, что операционное обслуживание включает в себя трудовые и временные затраты, в то время как удаленные сервисы этого не требуют.

Изучение особенностей функционирования необанков, их преимуществ и недостатков, специфики деятельности позволило сделать выводы о проблемах и перспективах дальнейшего развития в России. Для этого предлагаются разработка специализированного законодательного регулирования, проведение семинаров с целью повышения финансовой и цифровой грамотности населения и создание интернет-портала, который позволит систематизировать данные о деятельности необанков, их программах, отзывах клиентов, что даст возможность увеличить уровень информированности клиентской базы и снизить степень недоверия и мошенничества со стороны обозначенных организаций.

Список литературы

1. Джалили А.К. Механизмы финансовых технологий на мировом финансовом рынке. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022;3:205–208. <https://doi.org/10.23672/t3636-1937-5400-n>
2. Оборин М.С. Инновационные финансовые технологии. Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2022;1(58):27–35.
3. Арзуманян А.А., Яковенко С.Н. Банковский менеджмент в эпоху цифровизации: новые возможности и вызовы. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021;9–1(60):116–119. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-9-1-116-119>
4. Петрова В.Ю., Скаткова В.Ю. Необанк как банк нового типа, создающий банковские продукты и услуги для современных пользователей. Финансовые рынки и банки. 2022;10:41–46.
5. Тимофеева В.В. Особенности функционирования необанков в условиях развития финтех-индустрии. Вопросы российской юстиции. 2022;20:569–576.

6. Озерова Д.А., Чичуленков Д.А. Особенности бизнес-модели небанков и ее перспективы. Финансовые рынки и банки. 2023;3:67–76.
7. Мазурина Т.Ю., Неопуло К.Л., Шаманина Е.И. Анализ и основные направления развития цифровых банков в России. Вестник университета. 2022;4:153–160. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-4-153-160>
8. Борсов А.Ю. Проблемы развития финтеха в России. Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023;1(77):397–403.

References

1. Jalili A.K. Mechanisms of financial technologies in the global financial market. Humanities, socio-economic and social sciences. 2022;3:205–208. (In Russian). <https://doi.org/10.23672/t3636-1937-5400-n>
2. Oborin M.S. Innovative financial technologies. Scientific Bulletin: finance, banks, investments. 2022;1(58):27–35. (In Russian).
3. Arzumanyan A.A., Yakovenko S.N. Banking management in the age of digitalization: new opportunities and challenges. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021;9–1(60):116–119. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-9-1-116-119>
4. Petrova V.Y., Skatkova V.Y. Neobank as a new type of bank that creates banking products and services for modern users. Financial Markets and Banks. 2022;10:41–46. (In Russian).
5. Timofeeva V.V. Peculiarities of the functioning of neobanks under the development of the fintech industry. Issues of Russian Justice. 2022;20:569–576. (In Russian).
6. Ozerova D.A., Chichulenkova D.A. The business model of neobanks: features and prospects. Financial Markets and Banks. 2023;3:67–76. (In Russian).
7. Mazurina T.Yu., Neopulo K.L., Shamanina E.I. Analysis and main digital bank development directions in Russia. Vestnik universiteta. 2022;4:153–160. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-4-153-160>
8. Borsov A.Yu. Problems of fintech development in Russia. Skif. Student Science Issues. 2023;1(77):397–403. (In Russian).

Инициативное бюджетирование: выбор вектора развития в условиях цифровизации

Сергиенко Наталья Сергеевна^{1,2}

Канд. экон. наук, зам. зав. базовой кафедры¹, доц. каф. государственного и муниципального управления²
ORCID: 0000-0001-9042-8454, e-mail: nssergienko@mail.ru

¹Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, г. Москва, Россия

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

В работе рассмотрены особенности развития инициативного бюджетирования, официально введенного в Российской Федерации 10 лет назад, в условиях цифровизации с учетом региональной и муниципальной специфики. Преследуя цели вовлечения граждан в бюджетный процесс и повышения их роли в управлении местными финансами, проекты инициативного бюджетирования имеют широкую практику в части внедрения и применения различных управленческих и информационных технологий. Конкурсный подход в отборе проектов с опорой на оценку по заданным критериям позволяет обеспечить их гибкость и адаптивность к местным потребностям. Возможность применения дифференцированных подходов к инициативному бюджетированию позволяет органам власти разрабатывать региональные модели, эффективность которых также зависит от координации усилий между данными органами, общественными организациями и гражданами с учетом местных особенностей. В работе особое внимание уделено анализу преимуществ и рисков внедрения цифровых технологий в процесс формирования и реализации инициативных проектов. Выделены ключевые виды рисков, включая социальные, технологические, политические, экономические, правовые, организационные и репутационные, а также предложены меры по их минимизации. В работе подчеркнута необходимость комплексного подхода, включающего модернизацию цифровой инфраструктуры, повышение прозрачности и безопасности процессов, а также совершенствование нормативной правовой базы с учетом российских практик. Внедрение сбалансированного подхода к цифровизации инициативного бюджетирования позволит укрепить демократические процессы, повысить эффективность использования бюджетных средств и создать условия для равного участия граждан в принятии решений на муниципальном уровне.

Ключевые слова

Бюджетирование, инициативное бюджетирование, цифровизация, бюджетный процесс, участие граждан, открытость политики, прозрачность процессов, государственная политика, государственная поддержка, цифровая платформа, программное обеспечение, публичные расходы

Для цитирования: Сергиенко Н.С. Инициативное бюджетирование: выбор вектора развития в условиях цифровизации // Вестник университета. 2025. № 5. С. 190–199.

Proactive budgeting: choosing a development vector in the context of digitalisation

Natalia S. Sergienko^{1,2}

Cand. Sci. (Econ.), Deputy Head of the Basic Department¹, Assoc. Prof. at the State and Municipal Administration Department²
ORCID: 0000-0001-9042-8454, e-mail: ns Sergienko@mail.ru

¹Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation, Moscow, Russia

²Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

The article examines the features of the development of proactive budgeting, officially introduced in the Russian Federation 10 years ago, in the context of digitalisation with consideration to regional and municipal specifics. In pursuit of the goals of involving citizens in the budget process and increasing their role in managing local finances, initiative budgeting projects have extensive practice in terms of the introduction and application of various management and information technologies. A competitive approach in the selection of the projects based on evaluation according to specified criteria allows them to be flexible and adaptable to local needs. The possibility of applying differentiated approaches to the proactive budgeting allows authorities to develop regional models, the effectiveness of which also depends on coordination of efforts between these bodies of power, public organisations and citizens with consideration to the local peculiarities. The article focuses on the analysis of advantages and risks of introducing digital technologies into the process of forming and implementing initiative projects. The key types of risks, including social, technological, political, economic, legal, organisational and reputational ones, are identified, and measures to minimise them are proposed. The article highlights the need for an integrated approach, including modernised digital infrastructure, better transparency and process security as well as improvement of the regulatory framework with consideration to Russian practices. The introduction of a balanced approach to digitalisation of the proactive budgeting will strengthen democratic processes, increase the efficiency of budget use and create conditions for equal participation of citizens in decision-making at the municipal level.

Keywords

Budgeting, proactive budgeting, digitalisation, budget process, citizen participation, policy openness, process transparency, public policy, government support, incentives, digital platform, software, public spending

For citation: Sergienko N.S. (2025) Proactive budgeting: choosing a development vector in the context of digitalisation. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 190–199.

ВВЕДЕНИЕ

Внедрение цифровизации в механизмы вовлечения граждан в решение публичных проблем – это важный шаг к созданию более открытого, демократического и эффективного общества. Использование современных технологий позволяет не только расширить доступ граждан к процессам принятия решений, но и повысить их доверие к органам власти. Для достижения максимального эффекта необходимо учитывать вызовы цифровизации и обеспечивать их своевременное решение, чтобы каждый россиянин мог внести свой вклад в развитие общества. Государственная политика развития цифровизации¹ закреплена в ряде федеральных законодательных² и нормативных актов^{3,4}. Кроме того, ее внедрение в организацию предоставления государственных и муниципальных услуг стало инструментом технологии клиентоцентричного государства⁵.

В современных условиях цифровизация становится неотъемлемой частью всех сфер общественной жизни, включая механизмы вовлечения граждан в решение публичных проблем. Использование цифровых технологий в этом контексте открывает новые возможности для усиления диалога между гражданами и органами власти, для повышения прозрачности процессов принятия решений и обеспечения более эффективного распределения ресурсов. Цифровые платформы позволяют большему количеству россиян участвовать в обсуждении и урегулировании публичных вопросов, независимо от их географического положения или физической мобильности. При этом цифровые инструменты делают процессы принятия решений более открытыми и прозрачными, поскольку граждане могут не только отслеживать процедуры рассмотрения предлагаемых проектов, но и оценивать результаты их реализации. Очевидным становится тот факт, что процесс принятия решений о проекте с отражением на публичной платформе не только делает голосование репрезентативным, но и позволяет учесть мнение молодежи и мало-мобильных граждан. В этой связи остается открытым вопрос направления развития цифровых решений в инициативном бюджетировании.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Актуальные вопросы развития инициативного бюджетирования рассмотрены в контексте внедрения практик взаимодействия органов власти и населения в решении публичных задач [1–9], построения справедливой и ответственной социальной политики [10–12]. Особенности внедрения цифровизации раскрываются в управлении проектами на государственном и муниципальном уровнях управления в целях оценки цифрового равенства, обеспечения безопасности и снижения затрат на организацию инициативных проектов [13–17]. Вопросы применения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в системе публичного управления позволяют расширить подходы к определению этических границ цифровой трансформации [18–21]. Оценка рисков цифровизации и меры их преодоления в организации инициативного бюджетирования на современном этапе позволяют не только проанализировать перспективные направления такой партисипаторной практики, но и стать основой для расширения коммуникативных инструментов взаимодействия власти и населения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках исследования был применен комплексный подход, сочетающий как качественные, так и количественные методы анализа. Такой подход позволил всесторонне рассмотреть влияние цифровых технологий на процессы общественного участия в бюджетировании и определить наиболее перспективные направления их развития. Основой исследования послужили следующие методы: системный анализ, позволивший выявить ключевые элементы инициативного бюджетирования и определить их взаимосвязи

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 18.03.2025).

² Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/31584> (дата обращения: 18.03.2025).

³ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 18.03.2025).

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.10.2021 г. № 2816-р «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года». Режим доступа: <http://government.ru/docs/43451/> (дата обращения: 18.03.2025).

⁵ Херсонцев А.И. Государство для людей. Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/gosudarstvo_dlya_lyudey/?ysclid=mawm14agvs722339610 (дата обращения: 19.03.2025).

в контексте цифровой трансформации; сравнительный анализ, использованный для сопоставления практик реализации инициативного бюджетирования в различных регионах и странах, что помогло установить успешные модели и технологии, применяемые в цифровой среде. Для проведения работы использовались официальные статистические данные органов публичного управления, включая данные о реализации проектов инициативного бюджетирования в различных субъектах Российской Федерации; отчеты и аналитические материалы, подготовленные исследовательскими центрами, занимающимися изучением практик участия граждан в бюджетных процессах; эмпирические данные, собранные в ходе анализа цифровых платформ, применяемых для реализации этих проектов. Лучшие практики инициативного бюджетирования представлены на официальном сайте «Мои финансы. Инициативное бюджетирование»⁶. Исследование ограничено рамками доступных статистических данных и практик, реализуемых на момент проведения анализа. Также необходимо учитывать, что процессы цифровизации и инициативного бюджетирования находятся в динамичном развитии, что может влиять на изменчивость полученных результатов.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки рекомендаций по совершенствованию механизмов инициативного бюджетирования в условиях цифровизации, а также для оценки эффективности существующих цифровых инструментов, применяемых в бюджетных процессах.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Во Франции для вовлечения граждан в процесс распределения бюджета Парижа используется цифровая платформа Decider.Paris для участия в проектах по формированию городской среды. Decider.Paris отличается простотой доступа. Платформа доступна каждому парижанину начиная с 7 лет, включая студентов и работающих в Париже, независимо от гражданства. При этом каждый житель имеет возможность предложить свой проект для улучшения города, который, в соответствии с разработанным порядком, проходит обсуждение среди граждан и экспертов. На платформе Decider.Paris имеется возможность голосовать за инициативы, которые жители считают приоритетными. Успешно прошедшие голосования проекты финансируются и реализуются за счет средств парижского бюджета. Применение платформы позволяет сделать открытыми для просмотра сведения о стоимости проекта, процедурах отбора победителей и др. на каждом этапе (рассмотрение проектов, подача и реализация).

Платформа Decidim, разработанная и применяемая в Барселоне, нацелена на предоставление жителям возможности активно участвовать в демократических процессах и принятии решений, касающихся их города. Decidim разработана как свободное программное обеспечение (далее – ПО) с открытым исходным кодом, что позволяет любому желающему использовать, модифицировать и улучшать платформу⁷. Она поддерживает различные формы участия, включая стратегическое планирование, партисипаторные процессы, собрания, гражданские инициативы и консультации, а также партисипаторное бюджетирование. Платформа сочетает цифровые процессы с очными встречами, позволяя гражданам участвовать в обсуждениях и принятии решений как онлайн, так и офлайн. Платформа основана на принципах социального контракта, определяющего применение свободных лицензий, требования к прозрачности, равный доступ для всех пользователей и защиту данных⁸.

Платформа OmaStadi (Хельсинки) функционирует на основе открытого кода Decidim, разработанного в Барселоне⁹. Для участия в партисипаторном бюджетировании любой человек может предлагать идеи, независимо от возраста и места жительства, после создания и подтверждения учетной записи, однако голосование доступно только для хельсинкцев в возрасте от 12 лет и старше. В 2020–2022 гг. на реализацию предложений жителей было выделено 8,8 млн евро, распределенных между различными районами города, в зависимости от численности населения. Платформа поддерживает проведение совместных мероприятий и семинаров, где жители и городские эксперты могут обсуждать и дорабатывать предложения.¹⁰

Одним из аналогов платформы Decidim для партисипаторных практик является Consul – платформа с открытым исходным кодом, разработанная в Мадриде. Consul используется для поддержки различных форм гражданского участия, включая партисипаторное бюджетирование, общественные консультации

⁶ Мои финансы. Инициативное бюджетирование. Режим доступа: <https://xn--80apaohbc3aw9e.xn--p1ai/b-projects/about/> (дата обращения: 19.03.2025).

⁷ Decidim. Official website. Режим доступа: <https://decidim.org/> (дата обращения: 19.03.2025).

⁸ Decidim Docs. About. Режим доступа: <https://docs.decidim.org/en/develop/understand/about.html> (дата обращения: 19.03.2025).

⁹ International Observatory on Participatory Democracy. OmaStadi online service. Режим доступа: https://oidp.net/en/practice.php?id=1224&utm_source (дата обращения: 19.03.2025).

¹⁰ OmaStadi. Stages of OmaStadi. Режим доступа: <https://omastadi.hel.fi/pages/mika-on-omastadi?format=html&locale=en> (дата обращения: 20.03.2025).

и сбор предложений от граждан. Consul построена на основе свободного ПО, позволяя другим публичным органам и организациям легко адаптировать и использовать платформу для своих нужд. Платформа поддерживает различные модули, такие как партисипаторное бюджетирование, законодательные предложения, дебаты и опросы, что делает ее универсальным инструментом для гражданского участия. Consul была внедрена в более чем 100 городах и организациях по всему миру, включая Париж, Буэнос-Айрес и Монтевидео, что свидетельствует о ее эффективности и адаптивности к различным контекстам. Примером успешного использования Consul является платформа Decide Madrid, запущенная в Мадриде после муниципальных выборов 2015 г. Decide Madrid позволяет гражданам обсуждать, расставлять приоритеты и реализовывать городскую политику через партисипаторное бюджетирование и другие механизмы участия. У каждого жителя Мадрида в возрасте от 16 лет есть возможность вносить свои предложения, и, если предложение получает поддержку 1 % зарегистрированных пользователей, оно выносится на финальное голосование и может быть реализовано городскими властями.

Платформа электронного участия граждан CitizenLab, основанная в 2015 г. в Бельгии, широко известна в мире как цифровой инструмент для взаимодействия государственных органов с бельгийцами по вопросам местного значения. Платформа облегчает обмен информацией между городскими властями и жителями, позволяя горожанам выдвигать идеи и участвовать в дискуссиях, а властям — собирать мнения и предложения¹¹. На базе технологии обработки естественного языка (англ. natural language processing) и машинного обучения CitizenLab автоматически классифицирует и группирует подобные идеи, помогая государственным служащим эффективно обрабатывать большие объемы данных и определять приоритеты граждан. Основной характеристикой платформы выступает инклюзивное решение, поскольку особенностями платформы являются максимальное участие различных групп населения и учет их мнений при формировании государственной политики. Так, в 2019 г. платформа была использована для сбора более 1 700 идей и около 32 тыс. голосов молодежи по вопросам борьбы с климатическим кризисом. Используя инструменты анализа CitizenLab, эти идеи были сгруппированы по темам, что позволило нам определить 15 наиболее популярных тем для обсуждения с политиками. Опыт применения CitizenLab показал Лондон, где платформа стала основой для проведения общественных собраний и определения приоритетов местных проектов в одном из районов. В результате было отобрано 82 проекта, на которые совет выделил финансирование — 25 тыс. фунтов стерлингов для округа в первом раунде и 100 тыс. фунтов стерлингов во втором. Платформа CitizenLab используется более чем в 20 странах.

Таким образом, цифровые платформы способствуют дальнейшему исследованию и демократическим инновациям в цифровую эпоху, а также открывают возможности для совершенствования, открытости и развития политики участия граждан и демократических форм правления на различных уровнях с особым акцентом на муниципальном масштабе. Вместе с тем цифровая платформа не является единственным пространством для участия в зарубежных практиках. Она применяется для объединения в экосистему с личными пространствами и мероприятиями и позволяет рассмотреть разные варианты новых форм коллективных действий, инновации в практиках, процессах и культуре участия, которые возможны благодаря гибридизации личного и цифрового участия. По мнению разработчиков платформы decidim.barcelona, продвижение ее использования на низовом уровне исключенными социальными группами является ключевой задачей. При этом процессы цифрового участия должны регулироваться более строгими стандартами доступности (например, стандартами инициативы по обеспечению доступности веб-сайтов, англ. Web Accessibility Initiative). В этом отношении decidim.barcelona и процессам, использующим платформу, необходимо способствовать социальной независимости и самоорганизации. Кроме того, политическая принадлежность должна быть обязательным элементом многих процессов платформы, учитывая, что это ключевой элемент общественной и оперативной легитимности последней в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Цифровые платформы создают площадку для эффективной коммуникации между органами власти и населением в рамках инициативного бюджетирования. Цифровизация процедур обеспечивает доступность, прозрачность и интерактивность диалога, вовлекая граждан в процессы принятия решений и реализации

¹¹ CitizenLab. Addressing our mission. Режим доступа: https://www.impact2022.citizenlab.co/addressing-our-mission?utm_source (дата обращения: 20.03.2025).

общественно значимых проектов. Посредством онлайн-платформ жители могут предлагать проекты, голосовать за них и отслеживать ход их реализации через специализированные сайты или мобильные приложения. Немаловажное значение имеет дистанционное участие, поскольку цифровые инструменты позволяют взаимодействовать с властями из любой точки, исключая необходимость личного присутствия. В инициативном бюджетировании важную роль играет формирование доверия населения к власти за счет прозрачности процессов, упрощенных процедур подачи заявок и голосования. Устранению барьеров способствуют оперативный характер обработки запросов и внедрение инициативных идей.

Однако при расширении охвата инициативным бюджетированием российских регионов и партиципаторным (в мировой практике) становится понятным, что в ряде случаев цифровые платформы не достигают широкой аудитории, что приводит к низкому уровню участия. Причинами могут быть как отсутствие цифровых навыков у части населения, так и ограниченный доступ к интернету или недостаточная информированность о самом процессе. В ряде публикаций встречается мнение о том, что в отдельных случаях цифровые платформы не обеспечивают должного уровня прозрачности, что вызывает недоверие со стороны граждан. В некоторых случаях цифровые платформы становятся объектом манипуляций, когда определенные группы пытаются продвигать свои интересы, используя недобросовестные методы, такие как массовое создание фальшивых аккаунтов для голосования. Это подрывает легитимность процесса и может привести к реализации проектов, которые не отражают реальные потребности сообщества. Кроме того, успешное внедрение цифровых платформ инициативного бюджетирования требует инвестиций в развитие самой платформы, о чем свидетельствует информация на сайтах о данном инструменте, и в обучение граждан и сотрудников органов власти.

Таким образом, инициативное бюджетирование в условиях цифровизации открывает новые возможности для участия граждан в управлении общественными ресурсами, но одновременно порождает комплекс рисков, требующих всестороннего анализа и управления. Эффективная реализация мер по снижению этих рисков способствует повышению доверия общества к инициативным процессам, расширению вовлеченности граждан и укреплению устойчивости цифровых платформ (см. таблицу).

Таблица

**Виды рисков инициативного бюджетирования
в условиях цифровизации и меры по их снижению**

Группа риска	Вид риска	Содержание риска	Меры снижения риска
Социальные	Цифровое неравенство	Ограниченный доступ к интернету и цифровым технологиям в сельских или удаленных районах	1. Обеспечение цифровой доступности. 2. Разработка образовательных программ. 3. Возможность гибридного подхода
	Снижение вовлеченности	Неготовность некоторых групп населения использовать цифровые инструменты из-за недостаточной цифровой грамотности	
	Неравномерное участие	Более активное голосование цифровопродвинутых групп населения в ущерб интересам других слоев общества	
Технологические	Кибератаки	Взлом платформ и манипуляция результатами	1. Кибербезопасность. 2. Резервное копирование данных. 3. Тестирование вводимых систем
	Технические сбои	Утрата данных или срыв голосования из-за ошибок в ПО	
	Уязвимость данных	Утечка личной информации участников	
Политические	Недоверие к платформам	Сомнения граждан в честности и прозрачности процессов	1. Прозрачность процессов. 2. Общественный контроль. 3. Обратная связь
	Политизация инициатив	Использование механизмов бюджетирования для продвижения политических интересов	

Группа риска	Вид риска	Содержание риска	Меры снижения риска
Экономические	Высокая стоимость цифровизации	Значительные затраты на разработку и поддержание платформ	1. Рациональное планирование бюджета. 2. Пилотные проекты. 3. Аутсорсинг
	Неоптимальное использование средств	Недостаточная оценка расходов на реализацию проектов	
Правовые	Отсутствие нормативной базы	Неурегулированность порядка использования цифровых технологий	1. Разработка законодательства. 2. Регламентирование защиты данных
	Нарушение конфиденциальности	Недостаточная защита персональных данных	
Организационные	Низкая квалификация персонала	Недостаток знаний у организаторов и администраторов	1. Обучение сотрудников. 2. Модернизация систем. 3. Планирование внедрения
	Проблемы интеграции	Несовместимость новых технологий с существующими системами управления	
Этические	Манипуляция голосами	Использование ботов или других технологий для фальсификации результатов	1. Защита от ботов. 2. Идентификация участников процедур голосования. 3. Диверсификация инициатив
	Игнорирование интересов меньшинств	Сосредоточение на инициативах, поддержанных большинством	
Риски репутации	Негативное общественное мнение	Недовольство граждан результатами или процессами	1. Открытая коммуникация. 2. Аудит систем управления. 3. Работа с жалобами граждан
	Публичные скандалы и конфликты	Утечка данных или выявление манипуляций	

Составлено автором по материалам исследования

На основе анализа данных, представленных в таблице, можно сделать следующие обобщенные выводы о рисках инициативного бюджетирования в условиях цифровизации и о мерах по их снижению. Представленное многообразие рисков (социальные, технологические, политические, экономические, правовые, организационные, этические, репутационные) подчеркивает необходимость комплексного подхода к управлению ими на всех этапах реализации инициатив. Учитывая сложность и взаимосвязанность выявленных рисков, эффективное управление ими должно базироваться на системном подходе, включающем комплексную оценку на этапе планирования, постоянный мониторинг реализации инициатив, гибкость в корректировке стратегий управления, в зависимости от изменяющихся условий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровизация инициативного бюджетирования становится ключевым элементом клиентоцентричного подхода в государственном управлении. Такой подход позволяет эффективно учитывать запросы и потребности граждан, повышая их вовлеченность и доверие к органам власти. Создание удобных онлайн-платформ позволяет людям предлагать инициативы, голосовать за проекты и отслеживать их реализацию, не выходя из дома. Применение технологии блокчейн и открытые базы данных обеспечивают прозрачность и контроль на всех этапах – от подачи заявки до завершения проекта. При этом важно отметить повышение системы защиты от фальсификаций и манипуляций. Цифровые платформы позволяют оставить след предложений от разных групп населения по содержанию проектов, учитывающих потребности и возможности финансового обеспечения их реализации. Платформа на основе использования больших данных и ИИ для анализа предпочтений граждан и выявления приоритетных направлений для финансирования позволит в среднесрочной перспективе проводить прогнозную оценку успешности инициатив на основе собранных данных. Представляется, что интеграция цифровых решений с мобильными приложениями и социальными сетями облегчает обратную связь и увеличивает охват населения. Современные цифровые инструменты, такие как чат-боты, помогают оперативно отвечать на вопросы граждан и обеспечивать их связь с органами публичной власти.

Таким образом, цифровизация инициативного бюджетирования, выступая инструментом клиентоцентричного государственного управления, нацелена и на персонализированный подход. Существующие платформы адаптируются под запросы пользователя (например, рекомендации проектов

на основе местоположения), а опросы и комментарии помогают учитывать мнение граждан на всех этапах реализации, обеспечивая обратную связь с заинтересованными горожанами (органами власти) и равные возможности для участия населения, минимизируя барьеры, такие как расстояние или сложность подачи документов. Важным аспектом положительного эффекта внедрения платформы выступает ускорение обработки заявок и голосования благодаря автоматизации, что можно рассматривать и как исключение человеческого фактора в процессе подсчета голосов, и как снижение вероятности ошибок.

Сегодня уже стало понятно, что использование современных технологий, таких как геймификация и интеграция с популярными платформами, вовлекает молодежь в инициативное бюджетирование, а применение прозрачных и доступных механизмов участия усиливает доверие граждан к власти.

При этом важными остаются вопросы рисков и институциональные проблемы взаимодействия участников инициативного бюджетирования посредством платформы. К таким рискам относятся ограниченный доступ к интернету, отсутствие навыков работы с цифровыми платформами у некоторых групп населения, высокая вероятность их взлома, утечки данных или манипуляции результатами голосования. Высокие темпы развития цифровой инфраструктуры в перспективе позволят снизить вероятность указанных рисков, однако представляется важным продолжение гибридного формата взаимодействия всех участников инициативного бюджетирования, целью которого все же выступает сотрудничество власти и общества.

Список литературы

1. *Балынин И.В.* Участие гражданского общества в реализации социальных функций государства как фактор повышения качества управления расходами бюджета. Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2016;22(406):20–31.
2. *Бойцов П.А., Дорофеев М.А.* Перспективы развития инициативного бюджетирования в условиях мобилизационной экономики. Вестник университета. 2023;6:97–105. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-6-97-105>
3. *Вагин В.В., Шатова Н.А., Гаврилова Н.В.* Мониторинг развития инициативного бюджетирования: методика и практика организации. Финансовый журнал. 2019;2(48):51–64. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2019-2-51-64>
4. *Вагин В.В., Шурина Е.С.* Роль инициативного бюджетирования в формировании экосистемы гражданского участия в государственном и муниципальном управлении. Финансовый журнал. 2021;2(13):9–24. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-2-9-24>
5. *Векерле К.В., Соколов И.А.* Перспективы и условия востребованности инициативного бюджетирования в России. Экономическая политика. 2022;2(17):34–61. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2022-2-34-61>
6. *Галыник К.И.* Развитие теории инициативного бюджетирования. Инновации и инвестиции. 2022;10:35–38.
7. *Кириллова А.Н., Мусинова Н.Н.* Реализация инициативных проектов как фактор повышения потенциала территорий муниципального образования. Вестник университета. 2022;9:20–27. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-9-20-27>
8. *Курячая М.М.* Инициативное бюджетирование: синергия потенциалов гражданского общества и местного сообщества. Право и государство: теория и практика. 2022;8(212):57–59. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_8_57
9. *Пуркан М.В.* Анализ региональных практик инициативного бюджетирования. Финансовый журнал. 2017;3(37):119–130.
10. *Балынин И.В., Терехова Т.Б.* О приоритетах бюджетной политики Российской Федерации в области доходов федерального бюджета на 2023–2025 гг. Креативная экономика. 2023;5(17):1949–1966. <https://doi.org/10.18334/ce.17.5.117831>
11. *Мусинова Н.Н., Сергиенко Н.С.* К вопросу о финансовом обеспечении инициативного бюджетирования. Экономика и предпринимательство. 2020;7(120):1295–1299. <https://doi.org/10.34925/EIP.2020.120.7.268>
12. *Соляникова С.П.* Ответственная бюджетная политика в социальной сфере: проблемы разработки и реализации. Экономика. Налоги. Право. 2015;5:45–51.
13. *Вагин В.В., Шатохин Д.А., Петрова И.В.* Цифровые решения в инициативном бюджетировании: состояние, тренды и барьеры. Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024;3(147):63–68.
14. *Васильева Е.В., Хисюков Э.Р.* Исследование пользовательского опыта взаимодействия различных целевых аудиторий с интерфейсом портала. E-Management. 2023;2(6):61–72. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-2-61-72>
15. *Цветков В.Я.* Цифровая трансформация и цифровое государственное управление. E-Management. 2024;4(7):69–79. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-4-69-79>
16. *Сабирова З.Э.* Цифровая трансформация оказания госуслуг в сервисном государстве. Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2021;4(26(17)):11–17. <https://doi.org/10.34708/GSTOU.2021.90.54.001>

17. Савцова А.В., Паценко О.Н., Заргарян З.С., Дейч Ю.Р. Клиентоцентричная трансформация пенсионного обеспечения в условиях цифровизации. Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2022;2:111–119. <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2022.2.14>
18. Южаков В.Н., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В., Старостина А.Н. Цифровизация взаимодействия граждан и государства: оценка гражданами эффектов, рисков и перспектив. Вопросы государственного и муниципального управления. 2023;2:33–73. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-2-33-73>
19. Анисимов Н.Ю., Гохберг А.М., Дудорова О.Ю., Кузьминов Я.П., Паршин М.В., Яценко Н.С. (ред.) Индикаторы цифровой экономики: 2022 статистический сборник. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 2023. 332 с.
20. Дмитриева Н.Е., Жулин А.Б., Артамонов Р.Е., Титов Э.А. Оценка цифровой готовности населения России: доклад к XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 2021. 86 с.
21. Мезенцева Е.В., Королюк Е.В. Информационная инфраструктура как ключевой элемент развития цифровой экономики. ЦИТИСЭ. 2023;1(35):300–310. <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2023.1.24>

References

1. *Balynin I.V.* Participation of civil society in the implementation of social functions of the state as a factor of improving the quality of budget expenditure management. *Accounting in Budgetary and Non-Profit Organizations*. 2016;22(406):20–31. (In Russian).
2. *Boytsov P.A., Dorofeev M.L.* Prospects for development of initiative budgeting in mobilization economy. *Vestnik universiteta*. 2023;6:97–105. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-6-97-105>
3. *Vagin V.V., Shapovalova N.A., Gavrilova N.V.* The monitoring of development initiative budgeting in Russia's regions: methodology and practice of organization. *Financial Journal*. 2019;2(48):51–64. (In Russian). <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2019-2-51-64>
4. *Vagin V.V., Shugrina E.S.* The role of participatory budgeting in forming an ecosystem of civic participation in state and municipal governance. *Financial Journal*. 2021;2(13):9–24. (In Russian). <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-2-9-24>
5. *Vekerle K.V., Sokolov I.A.* Prospects and demand factors of participatory budgeting in Russia. *Economic Policy*. 2022;2(17):34–61. (In Russian). <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2022-2-34-61>
6. *Galynis K.I.* Development of the initiative budgeting theory. *Innovation & Investment*. 2022;10:35–38. (In Russian).
7. *Kirillova A.N., Musinova N.N.* Implementation of initiative projects as a factor in increasing the potential of the municipality's territories. *Vestnik universiteta*. 2022;9:20–27. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-9-20-27>
8. *Kuryachaya M.M.* Proactive budgeting: synergy of the potentials of civil society and the local community. *Law and state: theory and practice*. 2022;8(212):57–59. (In Russian). https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_8_57
9. *Tsurkan M.V.* Analysis of regional participatory budgeting practices in the framework of local initiatives support program. *Financial Journal*. 2017;3(37):119–130. (In Russian).
10. *Balynin I.V., Terekhova T.B.* Priorities of the budgetary policy of the Russian Federation in the area of federal budget revenues for 2023–2025. *Creative Economy*. 2023;5(17):1949–1966. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/ce.17.5.117831>
11. *Musinova N.N., Sergienko N.S.* On the issue of financial support for initiative budgeting. *Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2020;7(120):1295–1299. (In Russian). <https://doi.org/10.34925/EIP.2020.120.7.268>
12. *Solyannikova S.P.* A responsible budgetary policy in the social sphere: problems of development and implementation. *Economics, taxes & law*. 2015;5:45–51. (In Russian).
13. *Vagin V.V., Shatokhin D.A., Petrova I.V.* Digital solutions in proactive budgeting: status, trends and barriers. *Izvestiya St. Petersburg State University of Economics*. 2024;3(147):63–68. (In Russian).
14. *Vasileva E.V., Khisiyukov E.R.* Approach research of user experience of various target audiences' interaction with the portal interface. *E-Management*. 2023;2(6):61–72. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-2-61-72>
15. *Tsvetkov V.Ya.* Digital transformation and digital public administration. *E-Management*. 2024;4(7):69–79. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-4-69-79>
16. *Sabirova Z.E.* Digital transformation of rendering public services in a service state. *Herald of GSTOU. Humanitarian, social and economical sciences*. 2021;4(26(17)):11–17. (In Russian). <https://doi.org/10.34708/GSTOU.2021.90.54.001>
17. *Savtsova A.V., Patsenko O.N., Zargaryan Z.S., Deich Yu.R.* Client-centric transformation of pension provision in the context of digitalization. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 2022;2:111–119. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2022.2.14>

18. *Yuzhakov V.N., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V., Starostina A.N.* Digitalization of interaction between citizens and state: citizens' assessment of effects, risks and prospects. *Public Administration Issues*. 2023;2:33–73. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-2-33-73>
19. *Anisimov N.Yu., Gokhberg L.M., Dudorova O.Yu., Kuzminov Ya.I., Parshin M.V., Yatsenko N.S. (eds.)* Indicators of the digital economy: 2022: statistical compendium. Moscow: National Research University "Higher School of Economics"; 2023. 332 p. (In Russian).
20. *Dmitrieva N.E., Zhulin A.B., Artamonov R.E., Titov E.A.* Assessment of the digital readiness of the Russian population: report to the XXII April international scientific conference on problems of economic and social development. Moscow: National Research University "Higher School of Economics"; 2021. 86 p. (In Russian).
21. *Mezentseva E.V., Korolyuk E.V.* Information infrastructure as a key element of digital economic development. *CITISE*. 2023;1(35):300–310. (In Russian). <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2023.1.24>

Сравнительный анализ международных синдицированных кредитов

Тарасов Алексей Аркадьевич

Канд. экон. наук, эксперт по математическим методам и моделям в финансах

ORCID: 0000-0002-7902-5619, e-mail: alexey.tarasov@outlook.com

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия

Аннотация

В работе предлагаются три подхода к проведению сравнительного анализа международных синдицированных кредитов. В рамках первого подхода проводится сравнение сделок на первичном и вторичном рынках синдицированного кредитования. Данный анализ осуществляется по следующим направлениям: участники сделок; параметры синдицированных кредитов; применяемая юридическая документация; график реализации сделок. Второй подход предполагает сравнение последних для корпоративных заемщиков и финансовых институтов. На рынке синдицированного кредитования существует ряд форматов реализации сделок (классические синдицированные кредиты, сделки с предоставлением андеррайтинга), в то время как синдицированные кредиты для финансовых институтов, как правило, являются срочными кредитами, реализованными в клубном формате, и при этом имеют некоторые структурные особенности, включая опции продления срока сделки и использование специализированных финансовых ковенантов. При третьем подходе сравниваются сделки на международном и российском рынках синдицированного кредитования. Данный анализ осуществляется с учетом того, что первые номинированы в иностранной валюте, подчиняются международному праву и реализуются с участием международных кредиторов и инвесторов, в то время как вторые номинированы в рублях, подчиняются российскому праву и реализуются с участием российских банков и институтов развития.

Ключевые слова

Синдицированное кредитование, процесс синдикации, кредитная документация, юридические консультанты, управление активами банка, управление пассивами банка, привлечение корпоративного финансирования, инвестиционно-банковские услуги, брокеры, международные рынки капитала

Для цитирования: Тарасов А.А. Сравнительный анализ международных синдицированных кредитов // Вестник университета. 2025. № 5. С. 200–208.

Comparative analysis of international syndicated loans

Alexey A. Tarasov

Cand. Sci. (Econ.), Expert for Mathematical Methods and Models in Finances

ORCID: 0000-0002-7902-5619, e-mail: alexey.tarasov@outlook.com

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract

The article proposes three approaches to the comparative analysis of international syndicated loans. The first approach includes comparison of transactions on the primary and secondary syndicated loan markets. This analysis is based on the following aspects: parties to the deal; parameters of the syndicated loans; specialised legal documentation; timelines of the deals. The second approach proposes the comparison of deals for corporate borrowers and financial institutions. In the syndicated loan market corporate there is a wide array of transaction formats (classic syndicated loans, underwritten transactions), while the syndicated loans for financial institutions are usually term loans executed as club deals that include certain structural features, such as extension options and specialised financial covenants. The third approach consists of comparing transactions in the international and Russian syndicated loan markets. This analysis is conducted considering the fact that the first ones are denominated in foreign currency, are subject to international law and are implemented with the participation of international creditors and investors, while the second ones are denominated in rubles, are subject to Russian law and are implemented with the participation of Russian banks and development institutions.

Keywords

Syndicated lending, syndication process, loan documentation, legal counsels, assets management, liabilities management, raising corporate finance, investment banking services, brokers, international capital markets

For citation: Tarasov A.A. (2025) Comparative analysis of international syndicated loans. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 200–208.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая статья является продолжением работ автора, посвященных стратегическим и управленческим аспектам привлечения корпоративного финансирования [1; 2], в которой проводится анализ двух основных инструментов международных рынков капитала – синдицированных кредитов и еврооблигаций [3].

Существует несколько направлений проведения сравнительного анализа сделок синдицированного кредитования. Во-первых, это сравнение синдицированных и банковских кредитов как инструментов привлечения заемщиками кредитных ресурсов, в первом случае предоставляемых несколькими кредиторами, во втором – одним кредитором [4; 5]. Во-вторых, это сравнение синдицированных кредитов и облигаций как инструментов рынка капитала, при этом учитывается, что по ряду параметров первые являются рыночными инструментами (требования к раскрытию информации; наличие вторичного рынка; участие в сделках не только банков, но и инвесторов) и занимают промежуточное место между нерыночными двусторонними кредитами и рыночными облигациями [6; 7]. В-третьих, это сравнение клубных сделок и классических синдицированных кредитов как форматов реализации транзакций на рынке синдицированного кредитования [8; 9]: для первого случая характерна реализация сделки несколькими банками-партнерами заемщика (с формированием старшего синдиката) без проведения синдикации на кредитном рынке (без формирования общего синдиката); для второго – проведение букраннерами, сформировавшими старший синдикат, общей синдикации на кредитном рынке для привлечения в сделку максимального количества кредиторов.

В статье предлагается три подхода к сравнительному анализу международных синдицированных кредитов. В первом разделе проводится сравнение сделок на первичном и вторичном рынках синдицированного кредитования. Данный анализ осуществляется по следующим направлениям: участники сделок; параметры синдицированных кредитов; применяемая юридическая документация; график реализации сделок. Во втором разделе осуществляется сравнительный анализ последних для корпоративных заемщиков и финансовых институтов. На рынке синдицированного кредитования существует ряд форматов реализации сделок (классические синдицированные кредиты, сделки с предоставлением андеррайтинга), в то время как синдицированные кредиты для финансовых институтов, как правило, являются срочными кредитами, реализованными в клубном формате и имеют некоторые структурные особенности (опции продления срока сделки и использование специализированных финансовых ковенант). В третьем разделе сравниваются сделки на международном и российском рынках синдицированного кредитования. Данный анализ осуществляется с учетом того, что первые номинированы в иностранных валютах (долларах США, евро, фунтах стерлингов), подчиняются международному праву и реализуются с участием международных банков и инвесторов, в то время как вторые номинированы в рублях, подчиняются российскому праву и реализуются с участием российских банков и институтов развития.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СДЕЛОК НА ПЕРВИЧНОМ И ВТОРИЧНОМ РЫНКАХ СИНДИЦИРОВАННОГО КРЕДИТОВАНИЯ

Сделки на первичном рынке синдицированного кредитования организуются банками (универсальными, коммерческими и инвестиционными) для финансирования корпоративных заемщиков и финансовых институтов [10; 11]. К ним в рамках процесса синдикации присоединяются кредиторы рынка синдицированного кредитования, которые предоставляют заемщикам денежные средства. После закрытия сделки кредиторы и инвесторы (инвестиционные, управляющие и страховые компании, а также хедж-фонды) могут осуществлять торги долями участия в сделках на вторичном рынке [12; 13].

Приведем сравнительный анализ сделок на первичном и вторичном рынках синдицированного кредитования.

Во-первых, они имеют различных участников. На первичном рынке в процесс реализации сделки вовлечены банки, которые координируют ее и выступают в качестве букраннеров, осуществляющих синдикацию на кредитном рынке [14].

На вторичном рынке в процесс работы над сделкой вовлечены продавец и покупатель доли участия в синдицированном кредите. Реализация сделки согласуется с агентом по кредиту, при этом заметим, что в некоторых случаях для ее осуществления требуются согласие заемщика, а также участие специализированного брокера.

Во-вторых, сделки имеют различную документацию. Юридическая документация сделок на рынке синдицированного кредитования регулируется международным правом и соответствует стандартам международных ассоциаций рынка [15; 16].

На первичном рынке комплект юридических документов включает мандатное письмо (англ. mandate letter); кредитный договор (англ. facility agreement); обеспечительную документацию (англ. security documents); межкредиторское соглашение (англ. intercreditor agreement); письма касательно комиссий.

На вторичном рынке комплект юридических документов включает сертификат перевода доли участия в синдицированном кредите (англ. transfer certificate, далее – Сертификат); подтверждение сделки (англ. trade confirmation, далее – Подтверждение); письмо о ценообразовании сделки (англ. pricing letter, далее – Письмо).

Сделки на первичном рынке имеют более сложную и объемную документацию, требующую существенного времени для подготовки и согласования всеми участниками. Их документация на вторичном рынке является производной от документации первичного рынка и, как следствие, требует существенно меньше временных затрат контрагентов. Также следует отметить, что первую готовит один из участников, как правило, продавец, а вторую – юридический консультант.

В-третьих, сделки характеризуются различными по сложности и длительности бизнес-процессами. Реализация сделки на первичном рынке занимает 12–14 недель, на вторичном – три-четыре недели. График реализации приведен на рис. 1, рис. 2.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. График реализации сделки на первичном рынке синдицированного кредитования

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. График реализации сделки на вторичном рынке синдицированного кредитования

Подводя итог разделу, приведем в табл. 1 основные параметры синдицированных кредитов на первичном и вторичном рынках.

Таблица 1

Сравнительный анализ параметров сделок на первичном и вторичном рынках синдицированного кредитования

Параметр	Сделки на первичном рынке синдицированного кредитования	Сделки на вторичном рынке синдицированного кредитования
Объем	500–750 млн долл. США	10/25/50 млн долл. США
Цель	Организация банками сделок по привлечению финансирования заемщиками	Управление портфелем
Срок	Краткосрочные (до трех лет), среднесрочные (3–5 лет), долгосрочные (более 5 лет)	Как правило, краткосрочные
Юридическая документация	Пакет (мандатное письмо, кредитный договор, письма касательно комиссий), соответствующий стандартам LMA/APLMA/LSTA	Три документа (Сертификат, Подтверждение, Письмо), соответствующие стандартам LMA/APLMA/LSTA
Участники	Заемщики, банки-организаторы и банки-кредиторы (международные универсальные, коммерческие и инвестиционные), юридические фирмы	Кредиторы и инвесторы (международные инвестиционные управляющие и страховые компании, хедж-фонды), брокеры
Срок реализации	12–14 недель	Три-четыре недели

Примечание: LMA – Loan Market Association (англ. Ассоциация кредитного рынка); APLMA – Asia Pacific Loan Market Association (англ. Азиатско-Тихоокеанская Ассоциация кредитного рынка); LSTA – Loan Syndications and Trading Association (англ. Ассоциация синдицированных кредитов и торговли).

Составлено автором по материалам исследования

СИНДИЦИРОВАННЫЕ КРЕДИТЫ ДЛЯ КОРПОРАТИВНЫХ ЗАЕМЩИКОВ И ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ

Начнем с рассмотрения основных структурных параметров синдицированных кредитов для корпоративных заемщиков и финансовых институтов.

1. Объем. Сделки для корпоративных заемщиков имеют средний объем 750 млн долл. США, для финансовых институтов – 500 млн долл. США.

2. Цели и инструментарий. Сделки для корпоративных заемщиков реализуются в виде бридж-кредитов (для финансирования слияний и поглощений), револьверных кредитных линий (для пополнения оборотного капитала), срочных кредитов (для общекорпоративных целей и рефинансирования текущего кредитного портфеля), сделок предэкспортного финансирования (для поддержки экспортных операций), сделок проектного финансирования (для создания новых производственных мощностей). Сделки для финансовых институтов реализуются в формате срочных кредитов (для оптимизации структуры валютных пассивов банка, снижения стоимости привлеченных средств, поддержки сделок торгового финансирования).

3. Транши. Сделки для корпоративных заемщиков содержат один транш, для финансовых институтов – несколько траншей.

4. Срок. Корпоративные заемщики привлекают кратко-/средне-/долгосрочные синдицированные кредиты; финансовые институты реализуют кратко-/среднесрочные сделки, при этом с встроенной опцией на продление срока на один-два года (например: 1 + 1, 1 + 2).

5. График погашения. Сделки для корпоративных заемщиков имеют амортизационную структуру погашения (основной долг выплачивается ежемесячно или ежеквартально по окончании льготного периода). Сделки для финансовых институтов выплачиваются одним платежом в конце срока кредита.

6. Обеспечение. Сделки для корпоративных заемщиков могут включать обеспечение (поручительства и/или гарантии компаний из группы заемщика; залог активов, недвижимости и акций; залог экспортных контрактов и банковских счетов). Сделки для финансовых институтов реализуются без обеспечения.

Последние характеризуются более эффективным графиком реализации. Это объясняется тем, что если сделки для корпоративных заемщиков осуществляются в различных форматах (классические синдицированные кредиты, сделки с предоставлением андеррайтинга), то синдицированные кредиты для финансовых институтов, как правило, совершаются в клубном формате.

Приведем в табл. 2 сравнительный анализ синдицированных кредитов для корпоративных заемщиков и финансовых институтов.

Таблица 2

**Сравнительный анализ параметров синдицированных кредитов
для корпоративных заемщиков и финансовых институтов**

Параметр	Синдицированные кредиты для корпоративных заемщиков	Синдицированные кредиты для финансовых институтов
Объем	750 млн долл. США	500 млн долл. США
Срок	Краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные	Как правило, краткосрочные, среднесрочные. Включают опцию продления срока сделки
График погашения	Амортизационный (основной долг выплачивается ежемесячно или ежеквартально по окончании льготного периода)	Одним платежом в конце срока кредита
Обеспечение	Поручительства и/или гарантии компаний из группы заемщика; залог активов, недвижимости и акций; залог экспортных контрактов и банковских счетов	Отсутствует
Формат	Классический синдицированный кредит, сделки с предоставлением андеррайтинга	Клубные кредиты
Срок реализации	12–14 недель	8–10 недель

Составлено автором по материалам исследования

СРАВНЕНИЕ СДЕЛОК НА РОССИЙСКОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ РЫНКАХ СИНДИЦИРОВАННОГО КРЕДИТОВАНИЯ

Участниками международного рынка синдицированного кредитования являются международные банки и инвесторы. Важную функцию выполняют международные ассоциации данного рынка (LMA, APLMA, LSTA), разрабатывающие стандарты юридической документации, а также вовлеченные в вопросы его регулирования и стратегического развития. В качестве юридических консультантов выступают ведущие международные юридические фирмы. Сделки на международном рынке синдицированного кредитования номинированы в иностранных валютах и используют базовые процентные ставки для данных валют: Secured Overnight Financing Rate (англ. «эталонная» процентная ставка на денежном рынке в долларах США, далее – SOFR) для долларов США, Euro Interbank Offered Rate (англ. европейская межбанковская ставка предложения, далее – EURIBOR) для евро, Sterling Overnight Index Average (англ. «эталонная» процентная ставка на стерлинговом денежном рынке, далее – SONIA) для фунтов стерлингов.

Сделки на российском рынке синдицированного кредитования реализуются в пользу ведущих российских корпораций и финансовых институтов крупнейшими российскими банками и институтами развития. Юридическая документация таких сделок подчиняется российскому праву^{1,2} и соответствует стандартам, разработанным в рамках Комитета по инвестиционным банковским продуктам Ассоциации банков России. В качестве юридических консультантов выступают российские юридические фирмы. Данные сделки номинированы в рублях с использованием базовых процентных ставок рублевого рынка, включая ключевую ставку Центрального банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ).

Эти сделки по своей сути ближе к клубным: в них процесс синдикации ограничивается старшей стадией (без проведения общей синдикации). С учетом более быстрых сроков прохождения каждого их этапов

¹ Федеральный закон от 31.12.2017 г. № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42721> (дата обращения: 15.02.2025).

² Федеральный закон от 22.12.2020 г. № 447-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46253> (дата обращения: 15.02.2025).

для привлечения российского синдицированного кредита требуются 6–8 недель, для международного – от 12 до 14 недель.

Подводя итог, приведем в табл. 3 сравнительный анализ синдицированных кредитов на международном и российском рынках.

Таблица 3

**Сравнительный анализ синдицированных кредитов
на российском и международном рынках**

Параметр сделки	Синдицированные кредиты на российском рынке	Синдицированные кредиты на международном рынке
Инструментарий	Бридж-кредиты, срочные кредиты, сделки инвестиционного финансирования	Револьверные кредитные линии, сделки предэкспортного финансирования, проектное финансирование
Валюта	Рубли	Доллары США, евро, фунты стерлингов
Базовые ставки	Ключевая ставка ЦБ РФ	SOFR, EURIBOR, SONIA
Отраслевые особенности	В основном применяются заемщиками, ориентированными на российский рынок (транспорт, потребительские товары, розничная торговля)	В основном применяются заемщиками, ориентированными на международный рынок (промышленность, металлургия, химия)
Участники	Организаторами и кредиторами являются российские банки и институты развития	Организаторами являются международные банки, кредиторами – международные банки и инвесторы
Маркетинговые материалы	Более компактный набор материалов, включающий в основном финансовую информацию	Полный набор материалов, включающий информационный меморандум, инвестиционную презентацию, финансовую информацию
Кредитные рейтинги	Применяются рейтинги российских агентств	Применяются рейтинги международных агентств
Пресс-релизы	Один пресс-релиз по итогам сделки. Публикуется в российских финансовых СМИ	Несколько пресс-релизов. Публикуются в международных финансовых СМИ
Юридическая документация	Соответствует российскому праву. В сделках используется стандартная документация, разработанная в рамках комитета по синдицированному кредитованию Ассоциации банков России	Соответствует международному праву. В сделках используется стандартная документация, разработанная международными ассоциациями кредитного рынка (LMA, APLMA, LSTA)
Юридические консультанты	Ведущие российские юридические фирмы	Ведущие международные юридические фирмы
График реализации	Более простой график реализации сделки за счет клубного формата	Сложный график реализации сделки за счет двух уровней синдикации: старшего и общего
Срок привлечения кредита	6–8 недель	12–14 недель

Примечание: СМИ – средства массовой информации

Составлено автором по материалам исследования

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье был приведен многосторонний сравнительный анализ международных синдицированных кредитов.

В-первых, были рассмотрены сделки, которые реализуются как на первичном, так и на вторичном рынке синдицированного кредитования. Сделки на первичном рынке являются достаточно сложными, так как включают несколько этапов (основные из которых – процесс синдикации на кредитном рынке и процесс подготовки юридической документации) и имеют значительное количество участников (заемщик, координаторы, букраннеры, кредиторы, юридические консультанты). Сделки на вторичном рынке характеризуются более компактным графиком реализации, так как в них участвуют только покупатель

и продавец. Их документация является более простой по сравнению со документацией сделок на первичном рынке.

Во-вторых, был проведен сравнительный анализ международных синдицированных кредитов, заемщиками по которым являются корпорации, и сделок для финансовых институтов. Для сделок для корпоративных заемщиков характерен широкий набор инструментов международного рынка синдицированного кредитования, которые корпорации выбирают для решения специализированных финансовых задач. Сделки для финансовых институтов, как правило, реализуются в виде срочных синдицированных кредитов и не имеют обеспечения. При этом для них характерен специализированный набор банковских финансовых ковенантов.

В-третьих, был осуществлен сравнительный анализ сделок на международном и российском рынках синдицированного кредитования, в рамках которого выделены следующие основные отличия российского рынка: участие российских банков и институтов развития; подчинение документации российскому законодательству и стандартам; различный инструментарий; более компактный процесс синдикации, соответствующий клубным сделкам, в то время как в международных сделках синдикация более длительная (состоит из двух этапов – старшего и общего).

Список литературы

1. *Tarasov A.A.* Стратегические вопросы привлечения международного финансирования. Вестник университета. 2022;6:191–199. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-6-191-199>
2. *Tarasov A.A.* Управленческие решения в синдицированном кредитовании. Управление. 2023;3(11):61–68. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-3-61-68>
3. *Tarasov A.A.* Управленческий анализ инструментов привлечения международного финансирования. Управление. 2020;2(8):57–62. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-2-57-62>
4. *Campbell M., Weaver Ch.* Syndicated lending. Practice and documentation. 7th ed. Petersfield: Harriman House; 2019. 798 p.
5. *Iannotta G.O.* Investment banking. A guide to underwriting and advisory services. Heidelberg: Springer; 2010. 193 p.
6. *Altunbaş Ye., Gadanecz B., Kara A.* Syndicated loans. A hybrid of relationship lending and publicly traded debt. London: Palgrave Macmillan; 2006. 255 p.
7. *Shaiman L.M., Marsh B.K.* The handbook of loan syndications and trading. 2nd ed. New York: McGraw Hill; 2022. 976 p.
8. *Shutter A.* Practitioner's guide to syndicated lending. 2nd ed. London: Sweet & Maxwell; 2017. 560 p.
9. *Fight A.* Syndicated lending. Oxford: Butterworth-Heinemann; 2004. 208 p.
10. *Hommel U., Fabich M., Schellenberg E., Firnkorn L.* The strategic CFO. Creating value in a dynamic market environment. Heidelberg: Springer; 2013. 316 p.
11. *Whittaker D.* The strategic corporate investments handbook. London: Euromoney Institutional Investor; 2014, 282 p.
12. *Marston R.C.* Portfolio design. A modern approach to asset allocation. Hoboken: Wiley; 2011. 368 p.
13. *Francis J.C., Kim D.* Modern portfolio theory. Foundations, analysis, and new developments. Hoboken: Wiley; 2013. 576 p.
14. *Ryan R.* The role of lead counsel in syndicated lending transactions. The Business Lawyer. 2009;3:783–800.
15. *Wright S.* The handbook of international loan documentation. London: Palgrave Macmillan; 2014. 387 p.
16. *Bellucci M., McCluskey J.* The LSTA's complete credit agreement guide. 2nd ed. New York: McGraw Hill; 2016. 752 p.

References

1. *Tarasov A.A.* Strategic issues of raising international financing. Vestnik universiteta. 2022;6:191–199. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-6-191-199>
2. *Tarasov A.A.* Managerial decisions in syndicated lending. Management. 2023;3(11):61–68. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-3-61-68>
3. *Tarasov A.A.* Managerial analysis of instruments for raising international financing. 2020;2(8):57–62. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-2-57-62>
4. *Campbell M., Weaver Ch.* Syndicated lending. Practice and documentation. 7th ed. Petersfield: Harriman House; 2019. 798 p.
5. *Iannotta G.O.* Investment banking. A guide to underwriting and advisory services. Heidelberg: Springer; 2010. 193 p.
6. *Altunbaş Ye., Gadanecz B., Kara A.* Syndicated loans. A hybrid of relationship lending and publicly traded debt. London: Palgrave Macmillan; 2006. 255 p.
7. *Shaiman L.M., Marsh B.K.* The handbook of loan syndications and trading. 2nd ed. New York: McGraw Hill; 2022. 976 p.
8. *Shutter A.* Practitioner's guide to syndicated lending. 2nd ed. London: Sweet & Maxwell; 2017. 560 p.
9. *Fight A.* Syndicated lending. Oxford: Butterworth-Heinemann; 2004. 208 p.

10. *Hommel U., Fabich M., Schellenberg E., Firnkorn L.* The strategic CFO. Creating value in a dynamic market environment. Heidelberg: Springer; 2013. 316 p.
11. *Whittaker D.* The strategic corporate investments handbook. London: Euromoney Institutional Investor; 2014, 282 p.
12. *Marston R.C.* Portfolio design. A modern approach to asset allocation. Hoboken: Wiley; 2011. 368 p.
13. *Francis J.C., Kim D.* Modern portfolio theory. Foundations, analysis, and new developments. Hoboken: Wiley; 2013. 576 p.
14. *Ryan R.* The role of lead counsel in syndicated lending transactions. *The Business Lawyer*. 2009;3:783–800.
15. *Wright S.* The handbook of international loan documentation. London: Palgrave Macmillan; 2014. 387 p.
16. *Bellucci M., McCluskey J.* The LSTA's complete credit agreement guide. 2nd ed. New York: McGraw Hill; 2016. 752 p.

Хостелы: особенности и аспекты статистического исследования

Давлетшина Лейсан Анваровна¹

Канд. экон. наук, доц. каф. статистики
ORCID: 0000-0002-1497-1751, e-mail: fille_777@mail.ru

Карманов Михаил Владимирович²

А-р экон. наук, проф. каф. статистики
ORCID: 0000-0003-2643-2146, e-mail: Karmanov.MV@rea.ru

¹Государственный университет управления, г. Москва, Россия

²Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

Аннотация

Хостелы являются новым игроком на рынке в отрасли туризма и гостеприимства и требуют всесторонней оценки нормативного и правового регулирования, методики учета и отчетности, методов и способов регистрации явления, вопросов сбора и распространения данных о нем, подходов и приемов государственного регулирования с учетом общественного мнения. Целями данной работы выступают изучение особенностей статистического исследования хостелов и выявление их ключевых аспектов. По результатам проведенного анализа определено, что в российском обществе сложилось неоднозначное мнение о хостелах как мест массового размещения. Такое противоречивое отношение отчасти сформировалось за счет их открытия в многоквартирных домах. С другой стороны, наличие хостелов может стать драйвером развития отрасли туризма и гостеприимства в регионах, инструментом привлечения туристов. Установлено, что для объективной оценки и анализа развития хостелов в Российской Федерации необходимо более детальное изучение трактовок данного сегмента, а также их количественных и качественных характеристик. Несмотря на активный рост сегмента в стране, остается место для противоречивости явления. На данный момент отсутствуют единые формы учета и отчетности, которые позволили бы проводить статистическую оценку развития хостелов. Авторами в работе сформирована и обоснована система показателей, характеризующая их как объект статистического изучения. В ней раскрыты и увязаны между собой аспекты, позволяющие получить комплексное представление о хостелах как о специальных элементах гостиничного бизнеса и проводить в перспективе более глубокий анализ.

Ключевые слова

Хостелы, временное размещение, гостиничный бизнес, социальное явление, статистическое исследование, количественная оценка, система показателей

Для цитирования: Давлетшина Л.А., Карманов М.В. Хостелы: особенности и аспекты статистического исследования // Вестник университета. 2025. № 5. С. 209–216.

© Давлетшина Л.А., Карманов М.В., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Hostels: features and aspects of statistical research

Leysan A. Davletshina

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Statistics Department
ORCID: 0000-0002-1497-1751, e-mail: fille_777@mail.ru

Mikhail V. Karmanov

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Statistics Department
ORCID: 0000-0003-2643-2146, e-mail: Karmanov.MV@rea.ru

¹State University of Management, Moscow, Russia

²Plekhanov Russian University of Economics

Abstract

Hostels are a new player in the tourism and hospitality industry and require a comprehensive assessment of legal regulation, of accounting and reporting methods, of methods and ways of registering the phenomena, of issues of collecting and distributing data on it, of approaches and techniques of government regulation considering public opinion. The purposes of this work are to examine the features of the statistical study of hostels and to identify their key aspects. Based on the results of the analysis, it is determined that the Russian society has an ambiguous opinion about hostels as places of mass accommodation. This contradictory attitude was partly formed due to their opening in apartment buildings. On the other hand, the presence of hostels can become a driver for the development of the tourism and hospitality industry in regions, and a tool for attracting tourists. It has been established that for an objective assessment and analysis of the development of hostels in the Russian Federation, a more detailed study of the interpretations of this segment as well as their quantitative and qualitative characteristics are necessary. Despite the active growth of the segment in the country, there remains a place of inconsistency of the phenomenon. At the moment, there are no unified accounting and reporting forms that would allow for a statistical assessment of the development of hostels. The authors have developed and substantiated a system of indicators characterising hostels as an object of statistical study. It reveals and links aspects that allow us to acquire a comprehensive understanding of hostels as of special elements of the hotel business and to conduct a deeper analysis in the future.

Keywords

Hostels, temporary accommodation, hotel business, social phenomenon, statistical research, quantitative assessment, system of indicators

For citation: Davletshina L.A., Karmanov M.V. (2025) Hostels: features and aspects of statistical research. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 209–216.

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время по целому ряду причин объективного характера хостелы оказались в центре внимания средств массовой информации, представителей законодательной власти и широких слоев населения, так как вызвали достаточно заметный резонанс, связанный с более точным определением их места и роли в жизни современного российского общества.

Много спорят относительно содержания и сроков действия законов о размещении хостелов в жилых домах. При этом были явно обозначены две диаметрально противоположные позиции. Противники хостелов, особенно в жилых домах, однозначно убеждены в том, что необходимо навести порядок в рассматриваемом секторе гостиничного бизнеса и, самое главное, защитить права рядовых граждан, которые страдают от соседства с хостелами. Сторонники данного типа отелей считают, что такой подход разрушит это перспективное направление гостиничного бизнеса и, несомненно, отразится на росте цен за проживание в гостиницах и на уровне монополизации рынка гостиничных услуг.

С нашей точки зрения, чтобы правильно разобраться в сложившейся ситуации, необходимо, во-первых, учитывать весь спектр имеющихся мнений, а во-вторых, адекватно представлять реальные масштабы распространения хостелов, что невозможно сделать без участия статистики, а точнее, без количественных данных о различных параметрах состояния и развития сети хостелов.

Перспективность более или менее активной интеграции данных отелей в структуру гостиничного бизнеса, а также трактовка этого процесса как позитивной тенденции на некотором горизонте планирования, на наш взгляд, больших вопросов не вызывает. Все заключается лишь в том, с какой стороны смотреть на это. С точки зрения самого бизнеса и его новых агрегаторов хостелы, несомненно, раздвигают масштабы гостиничной индустрии, расширяют потенциальную аудиторию клиентов. С точки зрения населения, проживающего в более или менее непосредственной близости от хостелов, а также властей, обязанных соблюдать интересы и гарантировать права местных жителей, возникают определенные вопросы, которые иногда превращаются в трудно разрешимые проблемы. Поэтому только время, отсеив все малозначимое и второстепенное, способно внятно и однозначно ответить на вопрос о том, насколько распространение хостелов является позитивной тенденцией, а тем более перспективным направлением развития гостиничного бизнеса.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Обзор научных статей, посвященных вопросам деятельности хостелов и размещения населения в них, выявил следующие направления исследований. Наиболее актуальными являются проблемы правового регулирования деятельности хостелов в Российской Федерации (далее – РФ). В работах авторы проводят анализ последних изменений в законодательстве, касающихся запрета размещения данного типа отелей и оказания гостиничных услуг в жилых помещениях, в частности работы мини-гостиниц [1; 2]. Отмечаются наличие дискуссий о перспективах дальнейшего функционирования хостелов в правовых науках, важность порядка их функционирования в жилых помещениях и введение определенных ограничений на организацию их деятельности [3; 4].

После вступления в силу изменений правовых норм деятельности хостелов общество разделилось на два лагеря: сторонники запрета аргументируют свою позицию тем, что они нарушают права граждан на жилище; сторонники же развития индустрии гостеприимства отстаивают позицию того, что запрет будет сдерживать внутренний и въездной туризм, что негативно скажется на экономике государства [5].

Доступное жилье экономсегмента является востребованным при размещении иностранных трудовых мигрантов в современных городских хостелах крупных городов РФ, нуждается в анализе возможных вариантов расселения трудящихся приезжих и в выявлении приспособленности различных типов хостелов [6].

Изучение повышения конкурентоспособности хостела как средства размещения с использованием рекомендаций по организации дополнительных услуг с учетом целевой аудитории [7] невозможно реализовать без анализа современного состояния рынка гостиничных услуг и отражения статистических данных отразили [8]. Владелец явно видит выгоду в развитии этого типа отелей как средства коллективного размещения, стремятся улучшать хостелы до европейских и мировых стандартов. Туристы также активно поддерживают развитие хостелов, так как, оставаясь очень бюджетным вариантом, они, тем не менее, учитывают их основные и немаловажные потребности в расположении, условиях, предоставляемых услугах и т.п. [1].

Таким образом, результаты обзора научных статей не выявил работы, посвященные особенностям и аспектам статистического анализа хостелов.

ХОСТЕЛЫ КАК ОБЪЕКТ СТАТИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Если обратиться к специальной литературе, то среди публикаций, посвященных хостелам, можно встретить следующие трактовки рассматриваемого сегмента гостиничного бизнеса, в частности как объекта статистического исследования:

- 1) хостелы – это перспективное направление или перспективная тенденция развития гостиничного бизнеса [9; 10];
- 2) хостелы – это перспективная форма малого гостиничного бизнеса с ориентацией на клиентов экономкласса [11; 12];
- 3) хостелы – это одна из современных инновационных форм индустрии гостеприимства [13];
- 4) хостелы – это новая культура гостеприимства [14];
- 5) хостелы – это форма кампусов для долгосрочного проживания [15];
- 6) хостелы – это перспективный, но достаточно проблемный сегмент гостиничного бизнеса [16; 17].

Перспективность данного типа отелей как формы малого гостиничного бизнеса, тем более с акцентом на клиентов экономкласса, особенно в дорогостоящих мегаполисах туристской индустрии, скорее всего, почти не вызывает нареканий. Хостелы действительно являются яркими образчиками малого бизнеса в гостиничной индустрии, которые за счет дешевизны проживания, связанной с аскетичностью предлагаемых условий, становятся доступными для самых широких слоев населения: туристов, временно проживающих и т.д.

Рассматривая хостелы как современную инновационную форму индустрии гостеприимства, не стоит забывать, что исторически они возникли не сегодня и даже не вчера. Поэтому, на наш взгляд, более правомерно говорить об их современности и инновационности применительно либо к новому витку развития, либо к странам и регионам, где они раньше просто не получили распространение. В противном случае можно натолкнуться на принципиальное непонимание как со стороны историков гостиничного бизнеса, так и со стороны организаторов, занимающихся хостелами на протяжении достаточно длительного периода времени.

Примерно также, но с некоторой осторожностью, видимо, стоит относиться и к пониманию роли и места хостелов как новой культуры гостеприимства. Здесь вполне уместно упомянуть поговорку о том, что все новое есть хорошо забытое старое. В этой связи, несомненно, хостелы, особенно если до этого они редко встречались или не встречались вообще в конкретной стране, в определенном смысле несут некие элементы локально новой культуры гостеприимства. Правда, здесь важно заметить, что она возникла не сама по себе и не в ходе процесса эволюции гостиничного бизнеса, а, скорее всего, была замечена за границей и перенесена на российскую почву.

Принимая хостелы за форму кампуса для долгосрочного проживания, особенно в молодежной среде, никогда не стоит забывать, что такой подход носит строго индивидуальный характер. По мере взросления, получения более высокого образования, продвижения по служебной лестнице, обзаведения семьей, возникновения устойчивого источника доходов и т.п. взгляды на жизнь меняются и те приоритеты, которые еще вчера были незыблемыми, быстро обновляются. Следовательно, на разных этапах жизненного цикла и в зависимости от социально-экономической ситуации воззрения человека на приверженность хостелам могут быть подвержены быстрым трансформациям как в одну, так и в другую сторону.

Позиция, объединяющая перспективность и проблематичность хостелов как своеобразного направления развития гостиничной индустрии базируется на той действительности, которая сложилась в современном российском обществе. На самом деле нельзя не признать, что они позволяют несколько оживить гостиничный бизнес, привнести в его облик новые черты, помочь тем людям, которые не обладают даже средними доходами, найти жилье. Вместе с тем определенное несовершенство существующего законодательства провоцирует появление проблемных ситуаций с местными жителями, из которых далеко не все воспринимают хостелы как благо.

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ХОСТЕЛЫ» И ИСТОКИ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Чтобы разобраться с полученной многогранной, но достаточно расплывчатой оценкой, потребуется обратиться, собственно, к содержанию и истокам возникновения этого типа отеля как явления гостиничного бизнеса.

В переводе с английского «хостел» означает «общежитие», то есть проживание нескольких людей одновременно. Принято считать, что первый хостел появился в 1909 г., когда немецкий учитель Р. Ширманн принял решение использовать школу в качестве места для ночлега учащихся, а также молодых путешественников. В современном понимании он представляет собой комнаты для совместного проживания нескольких человек с кухней, душем и туалетом общего пользования. Его основными клиентами являются туристы, студенты, трудовые мигранты и прочее население, для которых качество и обязательное отдельное проживание не играют приоритетной роли при выборе места жительства [18].

SWOT-анализ (англ. strengths, weaknesses, opportunities, threats – сильные стороны, слабые стороны, возможности, угрозы) деятельности хостелов, присутствующий в многочисленных публикациях, позволяет выделить две принципиальные особенности. Главное достоинство хостелов заключено в их массовой доступности, способности удовлетворять всегда существующие запросы рынка в бюджетном месте проживания. Главный недостаток сводится к трудностям психологического и иного плана, связанным с совместным проживанием, особенно если оно носит относительно длительный характер, с незнакомыми людьми, которые могут не считаться с вашим режимом и образом жизни, а также с общепринятыми нормами поведения¹.

При этом отдельно стоит сказать о том, что недостаток хостелов с позиции потребителей гостиничных услуг не следует смешивать с реальными проблемами развития рассматриваемого сегмента гостиничного бизнеса, к которым, безусловно, относятся несовершенная и явно несовременная законодательная база; отсутствие внятного и прозрачного алгоритма сертификации деятельности, а также проверок со стороны контролирующих органов; активное противодействие со стороны местного населения в случае размещения хостелов в обычных жилых домах и др. [19].

Учитывая все вышеперечисленные обстоятельства, самое пристальное внимание хотелось бы обратить на факт несколько иного рода. В настоящее время, к большому сожалению, статистика хостелов, которая действительно позволила бы предельно точно и четко ответить на многие вопросы, касающиеся истинного состояния рассматриваемого элемента гостиничного бизнеса, находится не на должном уровне развития. Если попытаться обобщить статистические показатели, которые встречаются в открытом доступе и могут быть использованы для характеристики масштабов распространения и результатов деятельности сети хостелов, то возникает некий информационный дефицит [18], упирающийся в узкий круг общих и слишком поверхностных индикаторов:

- количество хостелов;
- количество новых открытых хостелов за год;
- годовой оборот и доходность хостелов;
- количество городов и населенных пунктов, где они имеются;
- среднее число мест для размещения в одной комнате;
- стоимость проживания и др.

СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОСТЕЛОВ

Однако совершенно очевидно, что в силу непростого характера объекта исследования названных показателей явно недостаточно. Для получения комплексного представления о хостелах как о специфических элементах гостиничного бизнеса требуется в обязательном порядке оцифровать и увязать между собой, как минимум, следующие четыре аспекта сети хостелов:

- 1) масштабы распространения и плотность;
- 2) особенности материально-технической базы;
- 3) кадровый потенциал;
- 4) результаты деятельности.

Масштабы распространения и плотность сети хостелов являются простыми, понятными, а также наглядными параметрами места и роли данных объектов в современном обществе. Для их характеристики можно использовать следующие показатели:

- количество субъектов (регионов) страны, а также городов, населенных пунктов, в которых функционируют хостелы;
- удельный вес субъектов (регионов) страны, а также городов, населенных пунктов, в которых функционируют хостелы;

¹ Sovet club. Что такое хостел? Режим доступа: <https://sovetclub.ru/chto-takoe-hostel> (дата обращения: 07.01.2025).

- общее число хостелов;
- количество новых хостелов, открытых в данном году;
- число хостелов в расчете на 100 км² территории;
- число хостелов в расчете на 1 тыс. чел. населения (на 1 тыс. туристов);
- удельный вес хостелов, расположенных в жилом и в нежилом фонде и др.

Материально-техническая база является основой их успешного функционирования. Поэтому без выяснения ее особенностей сложно делать выводы о состоянии и возможностях развития рассматриваемого сегмента гостиничного бизнеса. Чтобы определить его параметры, целесообразно привлекать следующие показатели:

- количество комнат для проживания в хостелах;
- структура данных комнат в зависимости от размера;
- общий размер площади для проживания в хостелах;
- средний размер одной комнаты;
- число комнат в расчете на 1 тыс. чел. населения (на 1 тыс. туристов);
- общий размер площади для проживания в хостелах на 1 тыс. чел. населения (на 1 тыс. туристов);
- число мест для проживания в хостелах;
- структура комнат в зависимости от числа мест;
- среднее число мест для проживания в одной комнате;
- число мест для проживания в хостелах на 1 тыс. чел. населения (на 1 тыс. туристов);
- удельный вес комнат, оснащенных кондиционированием, связью, интернетом и т.п.;
- общая и средняя площадь мест совместного пользования (холлы, душевые, туалеты и т.п.) и др.

Любая, даже самая качественная материально-техническая база не сможет функционировать без персонала, который должен быть обучен и подготовлен на определенном уровне квалификационных требований. По этой причине без выяснения размера, структуры и других параметров кадрового потенциала трудно вести предметный разговор о реальных возможностях деятельности сети хостелов. Чтобы раскрыть данный аспект функционирования сети хостелов, на наш взгляд, требуется обращать внимание на следующие показатели:

- численность сотрудников, занятых в хостелах;
- удельный вес работников, занятых в хостелах, в общей численности сотрудников сферы гостиничного бизнеса;
- численность работников хостелов в расчете на 1 тыс. чел. населения (на 1 тыс. туристов);
- структура сотрудников хостелов по должностям, квалификации, образованию, полу, возрасту и другим признакам;
- уровень средней заработной платы работников, занятых в хостелах (в целом и по категориям работников);
- соотношение средней заработной платы сотрудников хостелов и средней заработной платы сотрудников гостиничного бизнеса (в целом и по категориям работников);
- соотношение средней заработной платы сотрудников хостелов со средней заработной платой сотрудников в регионе;
- удельный вес работников хостелов, прошедших в текущем году повышение квалификации и др.

Хостелы как хозяйствующие субъекты имеют определенные результаты деятельности, которые наиболее рельефно отражают их место и роль в составе гостиничного бизнеса. Эта сторона функционирования сети хостелов может быть проиллюстрирована при помощи следующих показателей:

- 1) численность лиц, проживающих в хостелах;
- 2) численность лиц, проживающих в хостелах, в расчете на 1 тыс. чел. населения;
- 3) структура лиц, проживающих в хостелах, по длительности проживания, полу, возрасту, образованию и другим признакам;
- 4) средняя стоимость проживания (в целом и по отдельным группам хостелов);
- 5) годовой оборот сети хостелов;
- 6) рентабельность сети хостелов;
- 7) объем налогов, уплаченных по итогам деятельности сети хостелов;
- 8) количество и удельный вес хостелов, деятельность которых была приостановлена или прекращена по итогам проверок контролирующих органов и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, если объединить все представленные выше трактовки, то получается, что в настоящее время хостелы выступают в качестве простого и сложного, специфического и понятного, старого и нового, перспективного и одновременно проблемного элемента гостиничного бизнеса, который, развиваясь, пока не может быть однозначно идентифицирован с точки зрения его социальной значимости.

В результате изучения доступных материалов о деятельности хостелов и по проведенному ранее коллективами исследователей SWOT-анализу определено, что сильной стороной их развития является доступность, а слабой стороной выступают проблемы психологического плана.

В совокупности, с нашей точки зрения, именно совместное применение всех четырех выделенных разделов показателей позволяет вплотную подойти к комплексной статистической характеристике сети хостелов. Конечно, отдельные показатели того или иного направления могут быть уточнены и дополнены, но в целом они предоставляют возможность всесторонне отобразить деятельность данного сегмента в современном обществе.

В заключение отметим: крайне важно осознавать, что на современном этапе развития хостелы занимают все более заметное место не только с позиций экономики гостиничной индустрии, но и с позиций резонансного общественного мнения, вызываемого деятельностью объектов подобного рода. В таких условиях именно разносторонние статистические исследования параметров состояния и динамики сети хостелов позволят не только адекватно оценивать возникающие проблемы, но и принимать правильные управленческие решения, направленные на их успешное разрешение.

Список литературы

1. Григорьев Д.М. Современное правовое положение хостелов в многоквартирных домах в контексте соответствия назначению жилого помещения. Современный юрист. 2020;2(31):201–207.
2. Погодина И.В., Манохин В.С. Правовой и экономический эффект от введения запрета на размещение хостелов в многоквартирных домах. Туризм: право и экономика. 2020;1:6–10.
3. Афанасьевская А.В. Правовое регулирование деятельности хостелов в РФ. Научные известия. 2022;29:255–258.
4. Срибная Т.А. К вопросу о нормативно-правовом регулировании деятельности хостелов в Российской Федерации. Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2023;4–1:319–324.
5. Петрякова А.В. Запрет хостелов в России: оперативный мониторинг. Туризм: право и экономика. 2020;4:3–6.
6. Белобородова К.И. Хостел в современном мегаполисе России. Архитектура и строительство России. 2022;2(242):118–120.
7. Топоева А.А. Способы повышения конкурентоспособности хостела. Научное образование. 2020;3(8):364–365.
8. Краснова М.В. Хостелы: возможности развития в постпандемийный период. Экономика и предпринимательство. 2023;1(150):833–836. <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.150.1.165>
9. Делека В.В., Соковнина Н.В. Хостелы как перспективная тенденция развития гостиничного бизнеса. Иннов: электронный научный журнал. 2017;1(30).
10. Васильева В.С. Новые тенденции развития гостиничной индустрии. ЦИТИСЭ. 2016;2(6).
11. Левченко Т.П., Федоров Р.Г. Хостелы как перспективная форма развития малых средств размещения экономкласса. Известия Сочинского государственного университета. 2013;1–1(23):47–53.
12. Рогозина Э.Р. Хостел как привлекательный объект малого гостиничного бизнеса. В кн.: Региональный туризм: опыт, проблемы, перспективы: материалы IV Международной заочной научной конференции, выпуск 6, Ижевск, 27 сентября 2017 г. Ижевск: Ижевский институт компьютерных исследований; 2017. С. 215–217.
13. Дутова А.А. Современные инновации в индустрии гостеприимства. В кн.: Устойчивое развитие туристского рынка: сборник статей Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Ставрополь, 11–15 апреля 2016 г. Ставрополь: Секвойя; 2016. С. 95–99.
14. Боровская И.А., Александров Д.А. Хостелы – новая культура гостеприимства: опыт Санкт-Петербурга. В кн.: XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: сборник трудов конференции, книга 2, Москва, 1–4 апреля 2015 г. М.: Научно-исследовательский институт «Высшая школа экономики»; 2015. С. 453–460.
15. Тетун О.Н. Хостелы как форма кампусов для долгосрочного проживания. В кн.: Развитие туризма в контексте инновационных процессов современной экономики: сборник материалов международной научно-практической конференции, Елец, 3–4 октября 2018 г. Елец: Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина; 2018. С. 349–353.

16. *Суслова С.И.* Хостелы: проблемы правового регулирования. Туризм: право и экономика. 2016;2:3–6.
17. *Неганова О.С.* Хостелы в крупных городах России: проблемы и перспективы развития. В кн.: Социальные, естественные и технические системы в современном мире: состояние, противоречия, развитие. Восемнадцатые Вавиловские чтения: материалы международной междисциплинарной научной конференции, часть 2, Йошкар-Ола, 4–5 декабря 2014 г. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет; 2015. С. 384–385.
18. *Федоров Р.Г.* Развитие хостел-движения в России и за рубежом. В кн.: Актуальные вопросы экономических наук: материалы II Международной научной конференции, Уфа, 20–23 апреля 2013 г. Уфа: Лето; 2013. С. 115–117.
19. *Зилинский А.* Хостелы: прошлое, настоящее, будущее. В кн.: Туризм и сервис в России: проблемы и перспективы развития. Черкизово: Российский государственный университет туризма и сервиса; 2016. С. 54–58.

References

1. *Grigorev D.M.* Modern legal situation of hostels in apartment buildings in the context of conformity with the purpose of the residential premises. *Modern lawyer*. 2020;2(31):201–207. (In Russian).
2. *Pogodina I.V., Manokhin V.S.* The legal and economic effect of the introduction of a prohibition against setting up hostels in apartment blocks. *Tourism: law and economy*. 2020;1:6–10. (In Russian).
3. *Afanasyevskaya A.V.* Legal regulation of the activities of hostels in the Russian Federation. *Scientific news*. 2022;29:255–258. (In Russian).
4. *Sribnaya T.A.* On the issue of legal regulation of the activities of hostels in the Russian Federation. *Language and culture in the era of integration of scientific knowledge and professionalisation of education*. 2023;4–1:319–324. (In Russian).
5. *Petryakova A.V.* Prohibition of hostels in Russia: real-time monitoring. *Tourism: law and economy*. 2020;4:3–6. (In Russian).
6. *Beloborodova K.I.* Hostel in the modern metropolis of Russia. *Architecture and Construction of Russia*. 2022;2(242):118–120. (In Russian).
7. *Топова Л.А.* Ways to increase the competitiveness of a hostel. *Scientific Review*. 2020;3(8):364–365. (In Russian).
8. *Krasnova M.V.* Features of the resale of luxury fashion brands in modern conditions. *Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2023;1(150):833–836. (In Russian). <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.150.1.165>
9. *Leleka V.V., Sokornina N.V.* Hostels as a promising trend in the development of hotel business. *Innov: electronic scientific journal*. 2017;1(30). (In Russian).
10. *Vasilieva V.S.* New trends of hotel industry. *CITISE*. 2016;2(6). (In Russian).
11. *Levchenko T.P., Fedorov R.G.* Hostels as a promising form of the development of small economy class accommodation facilities. *Izvestiya Sochi State University*. 2013;1–1(23):47–53. (In Russian).
12. *Rogozina E.R.* Hostel as an appealing object of small hotel business. In: *Regional tourism: experience, problems, prospects: Proceedings of the IV International Correspondence Scientific Conference, issue 6, Izhevsk, September 27, 2017*. Izhevsk: Izhevsk Institute of Computer Research; 2017. Pp. 215–217. (In Russian).
13. *Dutova A.D.* Modern innovations in the hospitality industry. In: *Sustainable development of the tourist market: Proceedings of the All-Russian Student Scientific and Practical Conference, Stavropol, April 11–15, 2016*. Stavropol: Selvoya; 2016. Pp. 95–99. (In Russian).
14. *Borovskaya I.L., Aleksandrov D.A.* Hostels – a new culture of hospitality: experience of St. Petersburg. In: *XV April international scientific conference on the problems of economic and social development: Proceedings, book 2, Moscow, April 1–4, 2015*. Moscow: Scientific Research Institute “Higher School of Economics”; 2015. Pp. 453–460. (In Russian).
15. *Tepun O.N.* Hostels as a form of campuses for long-term residence. In: *Development of tourism in the context of innovative processes of modern economy: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Yelets, October 3–4, 2018*. Yelets: I.A. Bunin Yelets State University; 2018. Pp. 349–353. (In Russian).
16. *Suslova S.I.* Hostels: problems of legal regulation. *Tourism: law and economy*. 2016;2:3–6. (In Russian).
17. *Neganova O.S.* Hostels in large cities of Russia: problems and prospects of development. In: *Social, natural and technical systems in modern world: state, contradictions, development. The eighteenth Vavilov readings: Proceedings of the International Interdisciplinary Scientific Conference, part 2, Yoshkar-Ola, December 4–5, 2014*. Yoshkar-Ola: Volga State University of Technology; 2015. Pp. 384–385. (In Russian).
18. *Fedorov R.G.* Development of the hostel movement in Russia and abroad. In: *Current issues of economic sciences: Proceedings of the II International Scientific Conference, Ufa, April 20–23, 2013*. Ufa: Lето; 2013. Pp. 115–117. (In Russian).
19. *Zilinsky A.* Hostels: past, present, future. In: *Tourism and service in Russia: problems and prospects of development*. Cherkizovo: Russian State University of Tourism and Service; 2016. Pp. 54–58. (In Russian).

Управление академическим развитием научно-педагогических работников в контексте дисциплинарных социологических теорий

Ефимова Галина Зиновьевна

Канд. социол. наук, проф. каф. общей и экономической социологии
ORCID: 0000-0002-4826-2259, e-mail: g.z.efimova@utmn.ru

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Аннотация

В исследовании представлен анализ управления академическим развитием научно-педагогических работников (далее – НПР) с точки зрения различных социологических теорий. Рассматриваются теория отчуждения труда, структурный функционализм, социологизм, понимающая социология, теория рационализации, символический интеракционизм, теории человеческого капитала, доверия, габитуса и слабых связей. Каждая из них имеет специфические особенности и может применяться для анализа различных аспектов управления академическим развитием НПР. Использование спектра социологических теорий позволяет сформировать более полное представление о динамике процесса академического развития НПР, что способствует более эффективному управлению им со стороны высшего университетского менеджмента. Изучается, как различные аспекты рассмотренных социологических теорий могут применяться представителями университетского управления для улучшения исследуемого процесса. Подчеркивается значимость интеграции различных подходов для достижения наилучших результатов в управлении академическим развитием НПР. Недостаточная интеграция социологических теорий в практику последнего может негативно отразиться на организационном развитии университета и отдалении его от намеченных стратегических приоритетов. Работа адресована представителям высшего университетского менеджмента, ответственным за стратегическое развитие вуза и академическое развитие НПР, а также непосредственным участникам академической среды и специалистам, занимающимся разработкой образовательных программ, организационным развитием университета.

Ключевые слова

Научно-педагогические работники, академическое развитие, управление академическим развитием, теория отчуждения труда, структурный функционализм, социологизм, понимающая социология, теория рационализации, символический интеракционизм, теория человеческого капитала, теория доверия, теория габитуса, теория слабых связей

Благодарности. Автор выражает искреннюю признательность научному консультанту, П.А. Амбарову (доктору социологических наук, профессору Уральского федерального университета), за ценные рекомендации в процессе подготовки статьи. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-78-10085.

Для цитирования: Ефимова Г.З. Управление академическим развитием научно-педагогических работников в контексте дисциплинарных социологических теорий // Вестник университета. 2025. № 5. С. 217–232.

Management of academic development of academic staff through the lens of disciplinary sociological theories

Galina Z. Efimova

Cand. Sci. (Sociol.), Prof. at the General and Economic Sociology Department,
ORCID: 0000-0002-4826-2259, e-mail: g.z.efimova@utmn.ru

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract

The article presents an analysis of management of academic development of academic staff from the perspective of various sociological theories. They include the theory of labour alienation, structural functionalism, sociology, sociological understanding, symbolic interactionism, theory of rationalisation, symbolic interactionism, theories of human capital, trust, habitus, and weak ties. Each of these perspectives has specific features and can be applied to analyse different aspects of the management process. By using a range of the sociological theories, a more comprehensive understanding of the dynamics involved in the academic development process can be formed. This, in turn, leads to more effective management strategies from university administrators. The article discusses how various aspects of the sociological theories can be applied by university management representatives to improve the academic development process of the academic staff. It emphasises the importance of integrating different approaches to achieve the best results in managing the academic development of these professionals. The author argues that insufficient integration of the sociological theories may negatively affect organisational development of the university and distance it from its strategic priorities. The article is aimed at university management representatives responsible for the strategic and academic development as well as at direct participants of the academic environment and at specialists involved in educational programme design and organisational development.

Keywords

Scientific and pedagogical staff, academic development, management of academic development, theory of labour alienation, structural functionalism, sociology, understanding sociology, theory of rationalisation, symbolic interactionism, theory of human capital, theory of trust, theory of habitus, theory of weak ties

Acknowledgements. The author expresses her sincere gratitude to the scientific consultant, P.A. Ambarova (Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Ural Federal University), for valuable recommendations during the preparation of the article. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-78-10085.

For citation: Efimova G.Z. (2025) Management of academic development of academic staff through the lens of disciplinary sociological theories. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 217–232.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях значение всестороннего развития университетских преподавателей и исследователей становится особенно значимым. Объясняется это тем, что научно-педагогические работы (далее – НПР) не только передают знания, но и формируют критическое мышление у студентов, способствуя их личностному и профессиональному росту. Перед представителями университетского менеджмента и самими НПР стоит задача непрерывного повышения квалификации, в том числе освоения инноваций в методах обучения и исследованиях, что позволяет университету поддерживать конкурентоспособность. Преподаватели, активно занимающиеся научной деятельностью, привлекают к ней и студентов, мотивируя их к укоренению в академической среде в последующем и способствуя становлению новых идей и технологий. Кроме того, профессиональное развитие НПР напрямую влияет на качество образования и подготовку специалистов, соответствующих требованиям рынка труда. Так, инвестиции в развитие преподавателей и исследователей – залог успешного будущего университета.

Как социально-профессиональная общность [1] НПР являются саморегулируемой системой, обладающей хорошей агентностью и ориентированной на перманентную субъективную оценку собственных компетенций. При осознании недостаточности комплекса компетенций работник может проявлять готовность к их наращиванию (как собственными усилиями, так и при помощи инструментов, предоставленных работодателем). При этом в управлении компетентностным профилем НПР заинтересован и работодатель, так как от академического развития сотрудника напрямую зависят конкурентоспособность организации, ее место в рейтингах и качество привлекаемых абитуриентов.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

За рубежом становление теории академического развития персонала начиналось в 1950–1960-е гг., в период политических изменений в истории западных университетов [2] и под влиянием послевоенного контекста. На протяжении более чем полувека в разных странах оно стало важным теоретико-прикладным аспектом высшего образования и оказало влияние на требования к стандартам преподавания [3]. Интерес к вопросу академического развития нашел отражение в работах исследователей начала XXI в. – Б. Гранта, А. Ли, С. Клетга [2], К. Фрейзера [4], Р. Блэквелла, П. Блэкмора [5], А. Брю [6], Р. ди Наполи [7] и пр.

В русскоязычном публичном пространстве термин «академическое развитие» не использовался вплоть до начала XXI в., когда встречались единичные упоминания о нем, в основном применительно к успеваемости и эффективности обучения студентов, а также в отношении наращивания потенциала университета как организации. Устойчивый интерес отечественных исследователей к академическому развитию НПР сформировался в конце первого десятилетия XXI в. Корпус научных работ (преимущественно прикладного и обзорного, а не теоретического характера), посвященных ему как направлению научных исследований, сложится только в начале третьего десятилетия XXI в. [8].

Несформированность в отечественном научном пространстве концептуально-терминологической рамки, необходимой для анализа академического развития университетов отмечал в 2010 г. И.С. Чириков [9], что спустя десятилетие подтвердили А.К. Раицкая и Е.В. Тихонова [10].

Анализ трактовок термина [11] выявляет два подхода, закрепившихся в научной литературе: большинство авторов определяют приоритетную цель академического развития НПР в улучшении преподавательской деятельности (здесь термины «образовательное развитие» или «профессиональное развитие» используются как синонимы); значительно реже встречается комплексный подход к академическому развитию, рассматривающий его как синтез элементов, направленных на совершенствование НПР [12].

Академическое развитие трактуется нами как целенаправленный процесс профессионального, карьерного и личностного роста представителей научно-педагогического сообщества, предполагающий непрерывное совершенствование (наращивание) у них человеческого капитала, необходимого для повышения качества основных видов академической деятельности НПР. В свою очередь, управление этим процессом определяется нами как совокупность согласованных управленческих действий представителей университетского менеджмента, направленных на комплексный профессиональный, личностный и карьерный рост НПР в рамках установленных стратегических ориентиров университета и соответствующих с магистральными приоритетами для сферы высшего образования и науки в стране и мире.

В качестве существенного пробела в имеющемся теоретико-методологическом базисе отечественных исследований нами отмечены, во-первых, отсутствие фокусировки именно на академическом развитии НПР (как социальной общности), а не университета в целом; во-вторых, рассмотрение академического развития преимущественно через профессиональный компонент, что ограничивает накопление НПР ресурсного потенциала и его реализацию.

Обозначенные обстоятельства обусловили необходимость комплексного анализа социологических теорий и детальной разработки концепции управления академическим развитием НПР как самостоятельных субъектов социального института высшего образования.

Цель статьи – проанализировать применение дисциплинарных социологических теорий к управлению данным процессом и выстроить комплексную теоретическую рамку, предоставляющую возможность изучения этого управления, учитывая специфику и ограничения различных социологических теорий. Объективная оценка преимуществ и ограничений последних позволяет использовать их в синтезе для более объективного изучения управления академическим развитием как многомерного процесса.

Исследование последнего возможно через призму конкретных дисциплинарных (социологических) теорий и масштабных интеллектуальных движений, относящихся к общенаучному направлению (системный, институциональный, общностный и ресурсный подходы). Мы признаем методологическую значимость общенаучных подходов и необходимость использования их базовых положений для аргументации методологии теоретического изучения управления академическим развитием НПР. Однако в данном анализе предлагаем сместить исследовательский фокус на конкретные дисциплинарные (социологические) теории, которые могут применяться в изучении отдельных сторон процесса академического развития и управления им.

Рассмотрим следующие дисциплинарные (социологические) теории: теорию отчуждения труда, структурный функционализм, социологизм, понимающую социологию, символический интеракционизм, теории человеческого капитала, доверия, габитуса и слабых связей.

ТЕОРИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ ТРУДА

Первой среди классических теорий, имеющих отношение к управлению академическим развитием, проанализируем теорию отчуждения труда, предложенную и усовершенствованную марксистами. Классовая борьба как один из главных элементов марксизма предполагает, что развитие общества имеет в основе противодействие между различными классами, базирующееся на дифференцированном отношении к средствам производства.

Касательно НПР, их академическое развитие – тот процесс, в котором в большей степени заинтересован университет (как работодатель), так как инвестиции в рост сотрудника позволяют уже в краткосрочной перспективе улучшить эффективность его трудовой деятельности и получить более высокую прибыль. Осуществляя определенные вложения в сотрудника, работодатель рассчитывает в перспективе получить еще большую выгоду. Соответственно, вложения в академическое развитие НПР целесообразно рассматривать как корпоративные инвестиции, а не как затраты. При этом для работодателя сохраняются риски чрезмерного развития (англ. *overqualified*), когда работник или его работодатель проявляют значительный интерес к повышению квалификации, в то время как сфера применений приобретенных знаний имеет временные или постоянные ограничения; неполучения/недополучения прибыли, когда работник, достигший определенного уровня академического развития, может расторгнуть трудовые отношения с вузом, вследствие чего у последнего не будет ожидаемой выгоды от предпринятого комплексного развития сотрудника.

При этом управление академическим развитием также имеет свои рискованные перспективы. Недостаток внимания или неграмотная реализация практик управления может привести к деградации последних либо к оттоку работников, заинтересованных практиками развития, но не имеющих доступа к ним. Чрезмерная интенсивность разнообразных мероприятий влечет за собой утомление НПР, дисбаланс между работой и личной жизнью, а также уже упомянутую ранее ситуацию достижения избыточного уровня квалификации.

Через анализ историко-теоретических подходов социальные науки объясняют трудоцентричность современного общества (К. Маркс, М. Вебер, Я. де Фрис и др.), сопровождающуюся экономическим и внеэкономическим принуждением работника к труду. Труд НПР, помимо утилитарной функции (обеспечение материального благополучия работника и членов семьи) может приобретать для них иные смыслы (самореализация, призвание), проявляясь через творческий характер педагогической и научно-исследовательской деятельности.

Результатом экономико-философского анализа капиталистического общества К. Маркса стала концепция развития отчуждения человека от продуктов его труда и собственной сущности, превращения его лишь во фрагмент производственного процесса [13]. Отчуждение – форма социальных связей, социальная структура, нехарактерная для личности и разрушающая его сущность, господствующая над человеком и лишаящая его возможностей творческого саморазвития.

Марксизм определял основной целью общественного прогресса создание условий для формирования подлинной и всесторонне развитой личности. Данный тезис имеет непосредственное отношение к управлению академическим развитием в учреждениях высшего образования. Обеспечивая профессиональный и личностный прогресс для НПР, данная практика оказывает опосредованное влияние на рост обучающихся и иных категорий работников. Концепция управления академическим развитием возвращает НПР субъектность [14; 15], возможность влиять на трудовой процесс и совместно с работодателем определять перспективы роста для осуществления более эффективной деятельности.

Классическая теория отчуждения труда (К. Маркс), которая наряду с четырьмя прочими видами отчуждения выделяет отчуждение работника от производимого продукта, сохраняет актуальность и сегодня. Рассмотрение труда в рамках капиталистических отношений, порождающих его отчуждение, применимо как к современной социально-трудовой реальности, так и к социально-трудовым отношениям в отдельных университетах. Академический труд сопряжен с рядом социально-экономических противоречий и встроен в систему капиталистического менеджмента и академического капитализма. Мы можем наблюдать отчуждение работников от академического труда, которое приводит к снижению профессионального развития и отдачи от него. Поэтому считаем важным при последующем теоретико-эмпирическом анализе придерживаться принципа рассмотрения академического развития и управления им в контексте проблемы взаимосвязи академического труда, академического капитализма и отчуждения.

СТРУКТУРНЫЙ ФУНКЦИОНАЛИЗМ

Вторая теория, методологические основы которой мы предлагаем рассмотреть в контексте изучения академического развития – структурный функционализм (Т. Парсонс [16]). В нем преобладают три идеи: функциональное единство общества (согласованность функционирования); универсальный функционализм (полезность всех социальных явлений) и функциональная необходимость. С точки зрения данной теории, общество (и социальный институт высшего образования) – эволюционирующий живой организм, способный организовывать и контролировать процессы адаптации к окружающей реальности.

Для эффективного функционирования вузов необходимо понимать, что все элементы образовательной системы взаимосвязаны и работают совместно для достижения общей цели. Поэтому каждый элемент социального института высшего образования должен согласовываться с другими составляющими в рамках образовательной системы, а также не вступать в диссонанс с иными социальными институтами. При этом важно осознавать, что все социальные явления имеют определенную полезность и значимость для ее функционирования.

При исследовании управления академическим развитием важно учитывать все факторы, способные повлиять на эффективность работы преподавателей и качество обучения студентов, а также функционирование университета в целом. При этом каждый элемент образовательной системы необходим и должен выполнять свою функцию для достижения общих целей. Например, использование новых технологий способно повысить продуктивность академического развития, но только при условии действительной востребованности и эффективного их применения для достижения оптимальных результатов.

НПР должны быть готовы к изменениям и способны адаптироваться к новым социально-экономическим, техническим и иным условиям, чтобы способствовать развитию общества посредством своей образовательной, научно-исследовательской деятельности и иных направлений труда. В этом контексте управление академическим развитием – тот процесс, который в максимальной мере способствует сближению потребностей НПР с актуальными социально-экономическими запросами.

Ключевой методологической установкой данной теории, в соответствии с которой мы предполагаем далее изучать феномен управления академическим развитием, является принцип формирования функциональной связи управления этим процессом со структурно-функциональным порядком современного университета. Он, в свою очередь, определяется его полезностью для общества. Этот принцип позволит проанализировать взаимосвязи между различными элементами вуза, которые, взаимодействуя между

собой, влияют на управление академическим развитием НПР, обеспечивая эффективное функционирование и поддержание стабильности системы в целом.

ТЕОРИЯ СОЦИОЛОГИЗМА

Третья теория – теория социологизма (Э. Дюркгейм) предполагает, что существование и закономерности развития общества не зависят от действий отдельных индивидов. Каждая социальная единица должна выполнять определенную функцию, необходимую для существования общества как целого. Объединяясь в социальные группы, люди подчиняются общим правилам и нормам – коллективному сознанию. Э. Дюркгейм рассматривал общество как реальность, несводимую к отдельным индивидам. Основным принципом социологизма становится объяснение социального социальным [17].

По Э. Дюркгейму, основа социологии – социальные факты. Они обладают такими признаками, как объективность, независимое от индивида существование и способность оказывать на него давление. В отношении управления академическим развитием в университетах социальные факты отражают нормы, ценности и поведение, которое определяет социальную реальность и влияет на развитие университетского сообщества. Они могут применяться к академическому развитию следующим образом.

1. Академическое сообщество должно следовать базовым социальным нормам и ценностям (академическая честность, объективность и профессионализм), которые помогают установить стандарты для научных исследований и обучения, что способствует академическому развитию НПР.

2. Социальная структура вуза состоит из социальных групп (обучающиеся, преподаватели, исследователи, администрация и пр.). Каждая группа имеет специфические особенности и играет социальные роли, детерминирующие академический процесс. Детальное изучение социальной структуры помогает понять, какие факторы влияют на управление академическим развитием и как можно его улучшить.

3. Социальное взаимодействие в вузе происходит между студентами, преподавателями и административным персоналом и может оказывать влияние на академический процесс. Положительное взаимодействие способствует повышению эффективности образовательного процесса и результатов научно-исследовательской деятельности, а отрицательное провоцирует организационные конфликты, снижение трудовой удовлетворенности работников и мотивации обучающихся, а также ведет к иным деструктивным проявлениям. Исследование социального взаимодействия и определение факторов, оказывающих воздействие на академический процесс, позволяют понять, как его можно оптимизировать, в частности, посредством целенаправленного управления академическим развитием. Социальные факты могут помочь понять, как социальные нормы, ценности и структура влияют на академический процесс, и обозначить перспективные направления его улучшения. Это способствует профессиональному росту НПР и повышению качества образования.

При изучении управления академическим развитием можно опираться на методологическую установку теории социологизма, рассматривая университет как социальную институцию, вовлеченную в социальные процессы.

ПОНИМАЮЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Четвертая теория, помогающая раскрыть концепт академического развития, – понимающая социология (М. Вебер) [18]. Одно из ее базовых положений – социальное действие как элементарная частица поведения индивида в обществе, которое образует систему взаимоотношений между людьми [19]. Общество – совокупность действующих индивидов, каждый из которых стремится к достижению собственных целей и при необходимости объединяется в своих действиях с другими членами.

Используя теоретико-методологическую оптику понимающей социологии применительно к исследованию управления академическим развитием НПР, важно опираться на интерпретацию ими своей деятельности. Необходимо знать, как НПР воспринимают свою работу, чем она является для них (здесь можно привести две полярные фокусировки – источник заработка или пространство для самореализации, допуская множество переходных положений). Это позволит определить, каких ресурсов им недостаточно, какие факторы влияют на их развитие и какими управленческими действиями можно его улучшить. Одна из потенциальных трудностей, испытываемых НПР, связана со стрессом из-за высоких требований к работе или недостаточной административной поддержки. Понимание ситуации позволит определить, какие факторы влияют на академическое развитие НПР; как ими управлять для достижения

максимального результата при оптимальном использовании имеющихся ресурсов; какие ресурсы необходимы для достижения желаемого результата (в полном объеме и в оптимальные сроки).

Понимающая социология предполагает детальный анализ контекста, в котором происходят рассматриваемые социальные явления и процессы. Для его понимания необходимо учитывать особенности социальной структуры и практик социальных интеракций, а также комплекс факторов, находящихся в динамическом взаимодействии и оказывающих влияние на академическое развитие НПР. Например, социальная структура университета включает различные социальные категории НПР (по возрасту, полу, социальным потребностям, ожиданиям, уровню мотивации, культурным нормам, ценностям и пр.). Анализ контекста социальной реальности может способствовать пониманию факторов, влияющих на академическое развитие НПР и его оптимизацию с учетом интересов всех сторон взаимодействия (в первую очередь это представители университетского менеджмента и сами работники).

ТЕОРИЯ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ

По М. Веберу, экономическая рациональность капиталистического общества определяется рациональной религией (протестантизмом), рациональным правом и управлением (рациональной бюрократией), рациональным денежным обращением и пр., обеспечивающими возможность максимально рационального поведения в хозяйственной сфере и позволяющими добиться предельной экономической эффективности [18]. Бюрократия как рациональная форма управления может способствовать оптимальному академическому развитию НПР за счет соблюдения ключевых принципов.

1. Рациональное управление. Решения принимаются на основе логического анализа данных и фактов, а не базируются на субъективных предпочтениях или интуиции. Управление академическим развитием НПР реализуется и оптимизируется посредством использования рациональных методов для определения имеющегося несоответствия запросов внешней среды, способностей работников и перспектив опережающего развития.

2. Формализация процессов и процедур. Все процессы в рамках управления академическим развитием должны быть четко структурированы и документированы для предотвращения ошибок, некорректных толкований и субъективного влияния. Поэтому управление академическим развитием НПР может быть улучшено путем формализации как стратегических процессов, так и рутинных процедур. В частности, применяются разработка четких критериев оценки различных параметров персонала и их последующая оценка на основе обозначенных критериев.

3. Иерархическая организация. При управлении академическим развитием необходима иерархическая структура, где каждый уровень имеет свои обязанности и полномочия. Решения принимаются на основе иерархии, а не коллективного принципа. Так, управление академическим развитием НПР может совершенствоваться путем создания и поддержания иерархической структуры в университете, выполняющей отдельные элементы общего корпоративного плана академического развития – от разработки стратегии до ее планомерного воплощения.

4. Ориентация на результат. Все процессы и процедуры, реализуемые при управлении академическим развитием, должны быть направлены на достижение конечного результата в соответствии со стратегическими приоритетами организации, а не на удовлетворение индивидуальных предпочтений отдельных работников или потребностей представителей университетского менеджмента.

5. Контроль и отчетность. Все решения, которые принимаются в рамках управленческих процессов, ориентированных на академическое развитие, должны быть контролируемы и иметь отчетность. Это необходимо для гарантии прозрачности и возможности последующего анализа выполненных действий для обеспечения эффективности управленческих действий и оптимизации затрачиваемых ресурсов на академическое развитие НПР.

Рассматривая теорию рациональной бюрократии М. Вебера, предполагается, что она способна привести к улучшению и оптимизации процесса управления академическим развитием. Грамотные управленческие действия на основе ключевых принципов бюрократии могут содействовать академическому развитию НПР, повышать качество высшего образования и позволять университету достигать конкретных результатов в рамках обозначенных стратегических целей. Применительно к академическому сектору практика демонстрирует некоторую утопичность обозначенных предположений. Отчасти это происходит потому, что государственное управление XX в. унаследовало модель бюрократической системы XIX в., основанной на принципах иерархии и меритократии.

В университетской среде (в том числе в сфере академического развития) значимую роль играет неформализуемый компонент деятельности НПР. Вследствие этого считаем ошибочным абсолютизировать рациональную бюрократию как механизм улучшения процесса академического развития. Это означает, что методология рассматриваемой теории имеет ограничения для исследования процессов управления академическим развитием НПР и формирования уникальной академической среды в университетах.

Рациональная бюрократия, хотя и способна обеспечить некоторую степень организации и эффективности в управлении университетом, не всегда позволяет верно идентифицировать и точно оценить потенциал всех аспектов академического развития. Методология теории рациональной бюрократии ориентирована на формализацию процессов, стандартизацию процедур и упорядочение деятельности, что может привести к упущению важных неформальных и индивидуальных аспектов управления академическим развитием НПР.

Поэтому для полноценного исследования и совершенствования управленческих процессов академического развития в университетской среде стратегически значимо учитывать как рациональные, так и неформализуемые компоненты социально-профессиональной деятельности НПР. Обозначенный комплексный подход к управлению академическим развитием позволит достичь оптимальных результатов и создать благоприятные условия для роста университета.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ

Шестая теория, предлагаемая нами к рассмотрению, – символический интеракционизм (Г. Блумер) [20]. В ней постулируется, что символы играют важную роль во взаимодействии людей. Символический интеракционизм – теоретико-методологическое направление в социологии, предлагающее анализировать социальные взаимодействия преимущественно в их символическом содержании. Последователи подхода утверждают, что любые действия людей – проявление социального поведения, основанного на коммуникации. Символический интеракционизм предполагает, что люди совершают поступки в отношении объектов на основе значений, которые они придают этим объектам; символы используются для передачи информации друг другу; их значение определяется тем, как люди взаимодействуют друг с другом; символы влияют на социальное поведение людей.

Теория символического интеракционизма может применяться к изучению управления академическим развитием НПР. Согласно ей, данный процесс происходит путем использования символов, имеющих положительное значение (знаки отличия, подтверждения успеха или награды за работу и выдающиеся показатели эффективности), понятных и значимых для всех субъектов научного сообщества (рейтинги, индекс Хирша, процентиль по ядру Российского индекса научного цитирования и пр.).

При изучении управления академическим развитием НПР предлагаем опираться на методологическую установку символического интеракционизма, фокусируясь на том, как участники академического сообщества взаимодействуют друг с другом, какие символы и смыслы они создают в процессе управления.

ТЕОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Помимо названных теорий, целесообразно концентрировать внимание на теории человеческого капитала как на еще на одном значимом методологическом основании авторской концепции управления академическим развитием НПР. Человеческий капитал (англ. human capital) – совокупность знаний, умений, навыков, использующихся для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом. Впервые термин использовал Дж. Минсер (1958 г.), позже идею развили Т. Шульц (1961 г.) и Г. Беккер (1964 г.), сформулировав экономический подход к человеческому поведению. Человеческий капитал – мера воплощенной в человеке способности приносить доход; включает врожденные способности и талант, образование и приобретенную квалификацию (С. Фишер и др.) [21].

Человеческий капитал сотрудников становится определяющим элементом для эффективного функционирования университетов и наращивания их конкурентоспособности. Внимание представителей университетского менеджмента преимущественно направлено на формирование и развитие человеческого капитала научно-педагогических кадров [22], что обусловлено синтезом выполняемых ими профессиональных задач, ключевых для работы вуза: обязательное сочетание образовательной и научно-исследовательской деятельности, а также опциональный административно-управленческий и даже предпринимательский функционал.

Человеческий капитал представителей научно-педагогического сообщества становится ключевым условием не только их индивидуальной профессиональной успешности, но и коллектива структурного подразделения (кафедры, факультета, института) и университета в целом. Обозначенная необходимость роста и поддержания на высоком конкурентоспособном уровне человеческого капитала НПП актуализирует поиск и применение конкретных стратегий развития персонала. В исследуемой теории раскрывается понимание роли человека и влияния накопленных им образовательных результатов на показатели интенсивности и эффективности социально-экономического развития общества.

Сконцентрируем фокус внимания на методологических позициях теории человеческого капитала, которые дают понимание управления академическим развитием. Развитые страны сформировали экономику, основанную на знаниях, а развивающиеся движутся в этом направлении с разной скоростью. Один из ключевых элементов процесса – наличие конкурентоспособных ученых и преподавателей (обладающих высоким уровнем профессиональных компетенций, социальным капиталом и статусом). Достижение этой цели возможно посредством роста человеческого капитала представителей академического сообщества (экзогенная стратегия) и привлечения профессионалов из неакадемического сектора (эндогенная стратегия). В первом случае необходимы эффективные стратегии управления академическим развитием представителей научно-педагогического сообщества, а во втором – разработка значимых материальных и нематериальных стимулов для привлечения в академический сектор конкурентоспособных профессионалов и предоставления им возможностей академического развития.

При экзогенной стратегии инвестиции в развитие сотрудников должны идти от работодателя, определяющего направленность и размер финансирования. НПП сами ответственны за формирование своего человеческого капитала (а значит, и за инвестиции в него) и его последующую «продажу», то есть получение более высокого уровня оплаты труда за счет повышения в должности или трудоустройства к другому работодателю.

Цели управления академическим развитием различаются при реализации экзогенной и эндогенной стратегии. Так, при реализации последней в приоритетные задачи университетского управления входит оценка уровня актуальной квалификации работников и их планов по перспективам и направлению профессионального, личностного и карьерного роста, сопровождающаяся соотнесением со стратегией развития университета. Для этого в вузе необходимо проведение непрерывного мониторинга сведений о получении сотрудниками новых квалификаций, процедуры проверки соответствия и признания приобретенных компетенций. НПП, демонстрирующие наиболее высокую результативность академического развития, претендуют на предоставление соответствующих мотивационных бонусов (улучшение условий труда, карьерные возможности и пр.). Вместе с тем, помимо оценочной функции новых компетенций, приобретенных работниками, университетский топ-менеджмент ориентирован на стимулирование участия работников в практиках самообучения и корпоративных программах профессионального, личностного и карьерного роста. В этом случае, наряду с высшим университетским менеджментом, в реализации функции управления академическим развитием на правах субъектности вовлечен и сам работник.

При реализации экзогенной стратегии осуществление комплексных процедур академического развития НПП входит в функционал представителей университетского менеджмента. В таком случае именно управленческие работники обладают субъектностью, определяя направление, объем и интенсивность подобных практик, а научно-педагогические сотрудники становятся лишь объектами процесса управления академическим развитием. При этом ответственность за качество и полноту освоенных компетенций несет административно-управленческий персонал. Отсутствие агентности НПП при реализации практик академического развития может снижать их конкурентный потенциал по сравнению с внешними претендентами на должность.

Обозначенные различия должны учитываться при формировании и реализации управления академическим развитием НПП в университетах, в зависимости от их специфики и стратегических целей. Каждый вуз имеет особенности, поэтому корпоративная стратегия управления академическим развитием НПП должна адаптироваться под потребности каждого учебного заведения и их различия, среди которых специфика университета, его тип (технический, гуманитарный, медицинский и т.д.), миссия и ценности; размер и структура (количество факультетов, специальностей, обучающихся и НПП); уровень академической конкуренции (наличие других вузов в регионе или стране, с которыми учебное заведение конкурирует за студентов, финансирование и талантливых работников); ресурсы и возможности

(финансовые, материальные и человеческие для реализации стратегии); соответствие образовательных программ требованиям работодателей и рынка труда.

Так, человеческий капитал НПП – важный ресурс, способствующий росту университетов. Инвестирование в их стратегическое развитие и комплексная поддержка научной и образовательной деятельности позволяют учреждениям высшего профессионального образования повышать престиж и конкурентоспособность, привлекая дополнительное внебюджетное финансирование и становясь более привлекательными для успешных абитуриентов.

Для разработки концепции управления академическим развитием мы будем опираться на ряд методологических принципов теории человеческого капитала. Во-первых, данная теория подчеркивает значимость инвестирования в рост персонала для повышения производительности и экономического развития организации. В контексте управления академическим развитием это означает, что эффективное управление ресурсами (человеческим капиталом в виде НПП, а также представителей социальной общности университетского менеджмента и пр.) играет ключевую роль в достижении успеха вуза. Основываясь на этой методологии, мы можем анализировать эффективность управления академическими ресурсами, разрабатывать стратегии для их оптимального использования и повышения качества образовательного процесса.

ТЕОРИЯ ДОВЕРИЯ

Дополняющим компонентом теории человеческого капитала становится теория доверия. Она сопрягает фактор доверия с качеством инвестиций в человеческий капитал и базируется на работах П. Штомпки, Ф. Фукуямы, Э. Гидденса. Тематика доверия в высшем образовании проработана в научных трудах Г.Е. Зборовского и П.А. Амбарово́й [23; 24], а также представлена в статье И.М. Ширяева, Е.В. Фурсы, А.И. Маскаева, Д.И. Мокроусовой [25].

Опираясь на концептуализацию вопроса доверия, возникающего среди участников экономических отношений, которая представлена М. Грановеттером, рассмотрим ее применительно к управлению академическим развитием в университетской среде. Отношения НПП между собой и с представителями университетского менеджмента регулируются трудовым законодательством и направлены на достижение обоюдной экономической выгоды.

В контексте подобных интеракций академическое развитие становится своеобразным актом доверия, инвестицией университета в человеческий капитал сотрудников в расчете, что последние, получив необходимые качества и компетенции, не покинут университет на протяжении определенного периода «окупаемости». При этом цели названных субъектов социально-экономических отношений могут различаться. Так, университет заинтересован в получении максимальной отдачи от работника при минимальных вложениях в его развитие, особенно если сохраняется подозрение в оппортунистических действиях последнего. В свою очередь, НПП преследует собственные цели, среди которых определенное место может занимать стремление к профессиональному, личностному и карьерному развитию. Удовлетворенность имеющимся социально-экономическим положением и отсутствие его взаимосвязи с перспективным наращиванием компетенций может сделать работника незаинтересованным как отдельными направлениями роста (профессиональным, личностным и карьерным), так и комплексным академическим развитием. В случае если у работника имеется устойчивая незаинтересованность в наращивании человеческого капитала и построении карьерных траекторий за пределами организации, он способен стремиться воспользоваться ресурсами вуза для увеличения потенциала с последующим увольнением. В таком случае университет понесет определенные убытки. Подобная ситуация – частное проявление дилеммы заключенного [26].

При этом НПП можно отнести к представителям «плотной сети акторов», которые «продуцируют четко определенные стандарты поведения, которые легко контролируются стремительным распространением информации о случаях мошенничества» [27, с. 54]. Так, практики недобросовестности в научной среде получают широкую огласку и влекут санкции со стороны работодателя и профессионального сообщества. В то же время успешно реализованные работником практики по совершенствованию компетенций и его стремление к развитию карьеры весьма оперативно распространяются по сети социальных отношений. К такому работнику могут поступать запросы в соответствии со сферой его компетенций и карьерные предложения. При этом в научном сообществе развита атомизированность социальных контактов. Наиболее сильные межгрупповые связи сконцентрированы в пределах трудовых коллективов и/или научных групп.

При изучении управления академическим развитием в высшем образовании мы опираемся на следующую методологическую установку теории: эффективное управление основано на доверии между участниками процесса. В контексте высшего образования это означает, что доверие между университетским менеджментом, НПР и другими участниками данного процесса имеет ключевое значение в достижении успеха работников и роста учебного заведения. Установка на теорию доверия может способствовать созданию благоприятной организационно-управленческой среды, где каждый член чувствует себя необходимым и обладает устойчивой мотивацией к академическому развитию.

ТЕОРИЯ ГАБИТУСА

Следующая рассматриваемая нами теория – теория габитуса (П. Бурдьё). Как комплекс стереотипных привычек, интериоризированных по мере накопления социального опыта взаимодействия на институциональном уровне [28], габитус указывает на «единство стиля, который объединяет практики и блага какого-либо единичного агента или класса агентов. Он как порождающее и унифицирующее начало сводит собственные внутренние и реляционные характеристики какой-либо позиции в единый стиль жизни, т.е. в единый ансамбль выбора людей, благ и практик» [29, с. 60]. Габитус – продукт социальных позиций и практик, он дифференцирован, при этом сам выступает оператором различений, осуществляя дифференцирующую функцию.

В контексте управления академическим развитием теория габитуса применима к изучению формирования у НПР качеств и усвоения повседневных социальных практик, способствующих наиболее эффективному осуществлению профессиональной деятельности, а также ее второстепенного функционала. К последнему отнесем различные виды фактически выполняемой деятельности, которые не являются прямой профессиональной обязанностью, прописанной в должностной инструкции. К ним могут относиться популяризация науки и образования среди широкой общественности (оффлайн или онлайн, в том числе в виртуальных социальных сетях и на интерактивных площадках); научно-исследовательская работа вне основной тематики исследований; волонтерская деятельность в области образования и науки; проведение научно-популярных лекций и мастер-классов для широкой аудитории; работа в научных советах и общественных комитетах; реализация образовательных и научных инициатив. Эти и другие виды становятся важной частью трудовой деятельности НПР, предполагающей широкий спектр действий, связанных с наукой и образованием, при этом не являющейся строго профессиональной в традиционном понимании.

В частности, преломление данной теоретической фокусировки габитуса происходит через изучение процесса выработки НПР (как правило, на начальном этапе трудовой деятельности) привычек и правил поведения, отличающих представителей научно-педагогического сообщества от прочих профессий. В формате деструктивных проявлений такой усвоенный габитус может иметь вид профессиональной деформации, что должно выявляться и корректироваться представителями университетского менеджмента.

Формирование устойчивого габитуса облегчает профессиональную адаптацию работника, и его однократная выработка практически гарантирует узнавание как своего членами научно-педагогического сообщества в других учреждениях высшего образования. Интерпретируя тезис П. Бурдьё, обозначим траектории формирования габитуса НПР в высшей школе: траектория партнерства (влияние агентов сопровождения в процессе интеграции в профессиональную деятельность); индивидуальная траектория (в отсутствие агентов сопровождения в процессе) [30].

Габитус выполняет роль механизма, порождающего разнообразные социальные практики агента, по которым его можно идентифицировать даже за пределами профессионального пространства: язык тела (диспозиции габитуса оказываются вписаны в телесность и выражаются в манерах поведения, мимике, особенности держать себя на публике), особенности речи (структурированность, дикция), а также усвоенные этические и ценностные нормы. В этом контексте габитус НПР становится результатом экстериоризации усвоенных реакций на внешние стимулы и характеристики профессиональной деятельности. Проявляясь в нем, данные характеристики находят выход изнутри во внешнее проявление.

«Процесс формирования профессионального габитуса состоит из пяти этапов, каждый из которых определяется наличием специфических практик [30, с. 344]. Он трансформируется в процессе карьерного развития и профессионального роста.

Формирование первичного габитуса НПР как представителя социально-профессиональной общности, как правило, происходит во время обучения в университете под влиянием значимых членов научного

сообщества, с которыми установились партнерские отношения наставничества. Вторая ступень – вхождение в профессию. Третий этап – развитие и совершенствование в профессии, характеризуется наращиванием потенциала и показателей результативности. Четвертый этап – стагнация, достижение работником максимальной результативности. Пятый – выход из профессии и завершение карьеры вследствие выхода на пенсию или перехода в иную сферу профессиональной деятельности.

Диспозиции, определяющие габитус представителя любой профессии, способны влиять на различные стороны жизни человека, смежные с профессиональной сферой (семья, досуг и пр.), формируя целостность личности. Длительность существования диспозиций П. Бурдье называет гистерезисом и определяет как отставание габитуса. Рассматривая этот социальный феномен применительно к академической сфере, несложно понять, что инбридинг – нежелательное явление в университетах, так как научно-педагогический работник в новом социальном статусе может воспроизводить прежние социально-профессиональные установки, сформированные и интериоризированные им ранее (в статусе студента/аспиранта). Гистерезис габитуса способен приводить к негативным последствиям не только при инбридинге, но и в случае некорректной адаптации профессионала к новой социальной реальности вследствие воспроизведения прежних (уже не подходящих актуальной ситуации) социальных установок. Возможный результат – отвержение работника членами социальной общности. Так академическое развитие НПП помогает избежать гистерезиса или нивелировать различные формы его проявления.

Исследователи габитуса как социального феномена ссылаются на значимую роль первого учителя как транслятора некоторого идеала или образца, способствующего формированию диспозиций габитуса специалиста, социализируя его в профессиональной направленности и «помогая усвоению специфических профессиональных практик, демонстрируя их» [30, с. 344]. Применительно к НПП аналогичное значимое влияние может оказывать (и оказывает) научный руководитель кандидатской диссертации (как первой важной для ученого квалификационной работы).

Методологические положения теории габитуса успешно применяются в управленческих процессах академического развития. Она помогает понять, какие структуры и институты влияют на академическое развитие, какие нормы, ценности и практики преобладают в академической среде. Это позволяет управленцам анализировать и понимать контексты, в которых они работают, принимая более обоснованные решения. Габитус влияет на способы восприятия и взаимодействия людей в академической среде. На основании ключевых положений теории могут разрабатываться конкретные рекомендации для формирования представителями высшего университетского менеджмента долгосрочных стратегий развития вуза.

Габитус также воздействует на индивидуальные стратегии развития и успеха в академической среде. Теория габитуса имеет потенциал применения для понимания мотиваций и целей сотрудников, предоставления поддержки и ресурсов для их индивидуального роста и достижения успеха, а также для противодействия возможным проявлениям гистерезиса (отставания, запаздывания) габитуса. Именно гистерезис может стать препятствием изменениям в академической среде. Сформированные привычки и предпочтения могут препятствовать внедрению новых социальных практик и реализации идей в академической среде, в то время как для университетов приоритетную значимость приобретают четкое отслеживание трендов и новых запросов социальной реальности и максимально точная реакция на них.

Так, теория габитуса П. Бурдье способна стать полезным инструментом для представителей университетского менеджмента, помогающим понять социокультурные факторы, влияющие на академическое развитие, и учесть их при разработке наиболее эффективных управленческих решений.

ТЕОРИЯ СЛАБЫХ СВЯЗЕЙ

Обратимся к теории слабых связей (М. Грановеттер), которая может применяться в контексте управления академическим развитием НПП. Слабые связи в профессиональном сообществе задают вектор академического развития, вступая в конкуренцию с университетским управлением или же помогая ему. Это источник актуальных знаний, способов профессионального, карьерного и личностного роста, а также оценки его результатов. В частности, профессиональное сообщество НПП представляет собой специфические системы слабых связей, через которые осуществляется создание знаний и транслируется новое знание, передается информация о формах и способах академического развития, распространяется контент. Посредством использования слабых связей происходит и обратное воздействие – оценка того, что сделано. Одним из частных примеров того, как социально-профессиональное сообщество конвертирует их, могут быть виртуальные

социальные сети общей направленности («ВКонтакте») или специализированные (ResearchGate). Обмениваясь информацией, НПП как представители социальной общности узнают о возможностях профессионального и личностного развития (о конференциях, курсах повышения квалификации, вебинарах и пр.), получают сведения о вакансиях и пр. Ориентируясь на информацию, размещаемую прочими представителями профессионального сообщества, они могут соотнести свои успехи и уровень академического развития. Например, участие работника в значимой и статусной научной конференции или победа в конкурсе профессионального мастерства — одно из свидетельств высокого уровня его академического развития.

Управление последним может рассматриваться через призму влияния слабых связей на социальное взаимодействие акторов системы высшего образования, на передачу знаний, сотрудничество между учебными заведениями, а также на инновационные практики в образовании. Теория слабых связей способствует пониманию того, как важные ресурсы и информация распространяются в процессе управления академическим развитием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрена теоретическая рамка управления академическим развитием НПП с точки зрения различных социологических теорий (теории отчуждения труда, структурного функционализма, социологизма, понимающей социологии, теории рационализации, символического интеракционизма, теорий человеческого капитала, доверия, габитуса и слабых связей). Показан потенциал применения каждой из них в управлении академическим развитием НПП.

Теория отчуждения труда подчеркивает значимость профессионального вовлечения НПП, структурный функционализм акцентирует внимание на роли институциональных структур в формировании условий развития персонала. Социологизм и понимающая социология позволяют обозначить приоритет социально-экономических контекстов и индивидуальных смыслов, в которых функционируют НПП.

Символический интеракционизм открывает перспективы для изучения межличностных взаимодействий и формирования профессиональных идентичностей, а теория человеческого капитала акцентирует внимание на инвестициях в знания и навыки как ключевых факторов роста. Теория доверия и концепция габитуса подчеркивают важность социальных связей и культурных контекстов для успешного управления развитием, в то время как теория слабых связей и габитуса помогают понять, как взаимодействия на уровне микро- и макроструктур влияют на организационную практику.

Интеграция обозначенных теоретических подходов позволяет создать более полное представление о механизмах управления академическим развитием НПП, что может способствовать повышению трудовой удовлетворенности работников и повышению конкурентоспособности университета (как привлекающего работодателя). Результаты исследования подчеркивают необходимость дальнейшего изучения обозначенных теоретических взаимосвязей с целью разработки более эффективных стратегий управления человеческим капиталом в университетах.

Список литературы

1. *Зборовский Г.Е.* Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный университет; 2009. 304 с.
2. *Grant B., Lee A., Clegg S., Manathunga C., Barrow M., Kandlbinder P. et al.* Why history? Why now? Multiple accounts of the emergence of academic development. *International Journal for Academic Development*. 2009;1(14):83–86. <http://dx.doi.org/10.1080/13601440802659551>
3. *Clegg S.* Forms of knowing and academic development practice. *Studies in Higher Education*. 2009;4(34):403–416. <http://dx.doi.org/10.1080/03075070902771937>
4. *Fraser K.* Australasian academic developers' conceptions of the profession. *International Journal for Academic Development*. 2001;1(6):54–64. <http://dx.doi.org/10.1080/13601440110033706>
5. *Blackwell R., Blackmore P.* Rethinking strategic staff development. In: *Towards strategic staff development in higher education*. Maidenhead: Open University Press; 2003. Pp. 3–16.
6. *Brew A.* Academic development in a global context. *International Journal for Academic Development*. 2009;2(14):95–97. <http://dx.doi.org/10.1080/13601440902969934>
7. *Di Napoli R., Fry H., Frenay M., Verbesschen P., Verburgh A.* Academic development and educational developers: perspectives from different European higher education contexts. *International Journal for Academic Development*. 2010;1(15):7–18. <http://dx.doi.org/10.1080/13601440903529851>

8. Ефимова Г.З. Академическое развитие научно-педагогических работников и управление им как предмет социологического анализа. В кн.: Цифровая социализация и цифровая компетентность в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии: сборник трудов международной научно-практической конференции, Казань, 18–19 мая 2023 г. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет; 2023. С. 410–414.
9. Чириков И.С. Зачем университетам академическое развитие: опыт зарубежных вузов. Университетское управление: практика и анализ. 2010;5:15–23.
10. Раицкая А.К., Тихонова Е.В. Академическое развитие преподавателя: новое содержание в условиях цифровизации высшего образования. В кн.: Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы XII международной научно-практической конференции, часть 1, Москва, 28–29 марта 2019 г. М.: Российский университет дружбы народов; 2019. С. 17–22.
11. Leibowitz B. Reflections on academic development: what is in a name? International Journal for Academic Development. 2014;4(19):357–360. <http://dx.doi.org/10.1080/1360144X.2014.969978>
12. Sutherland K.A. Holistic academic development: is it time to think more broadly about the academic development project? International Journal for Academic Development. 2018;4(23):261–273. <https://doi.org/10.1080/1360144X.2018.1524571>
13. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. М.: АСТ; 2023. 224 с.
14. Matusov E., von Duyke K., Kayumova S. Mapping concepts of agency in educational contexts. Integrative Psychological and Behavioral Science. 2016;3(50):420–446 <http://dx.doi.org/10.1007/s12124-015-9336-0>
15. Куляпина А.М., Фам А.Х., Золотарева А.А. Чувство субъектности: понятие, структура, диагностика. Вопросы образования. 2024;1:127–141. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-19790>
16. Парсонс Т. Система современных обществ. Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. М.: Аспект Пресс; 1998. 270 с.
17. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Пер. с фр. А.Б. Гофмана. 4^е изд., испр. и доп. М.: Юрайт; 2024. 307 с.
18. Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. М.: Прогресс; 1990. 804 с.
19. Ионин А.Г. Понимающая социология: историко-критический анализ. М.: Наука; 1979. 207 с.
20. Blumer H. The methodological position of symbolic interactionism. In: Symbolic Interactionism. perspective and method. Berkeley: University of California Press; 1969.
21. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. Пер. с англ. Е.Е. Балашовой. М.: Юнити; 2002. 864 с.
22. Кельчевская Н.Р., Черненко И.М., Шириккина Е.В. Формирование и развитие человеческого капитала научно-педагогических кадров в организациях высшего образования РФ. Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2018;1(13):140–153. <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2018-1-140-153>
23. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Доверие в высшем образовании как социологическая проблема. Социологический журнал. 2018;4(24):93–112. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.4.6099>
24. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Доверие как принцип стратегий поведения ключевых образовательных общностей в вузе. Педагогический журнал Башкортостана. 2019;4(83):32–42.
25. Ширяев И.М., Фурса Е.В., Маскаев А.И., Мокроусова А.И. Доверие и институциональные ловушки в сфере образования и науки. Journal of Economic Regulation. 2019;4(10):146–161. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2019.10.4.146-161>
26. Rapoport A., Chamnah A.M. Prisoner's dilemma. A study in conflict and cooperation. Ann Arbor: University of Michigan Press; 1965. 258 p.
27. Granovetter M. Economic action and social structure: the problem of embeddedness. American Journal of Sociology. 1985;3(91):481–510.
28. Разов П.В. Институциональный подход и возможности его применения в социологии управления. Армия и общество. 2012;3(31):19–23.
29. Шматко Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории. Журнал социологии и социальной антропологии. 1998;2(1):60–70.
30. Ермилова А.В. Габитус спортсмена: социологическая интерпретация через призму теории П. Бурдьё. Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022;2:339–349. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-339-349>

References

1. Zborovsky G.E. Theory of social community. Yekaterinburg: Liberal Arts University; 2009. 304 p. (In Russian).
2. Grant B., Lee A., Clegg S., Manabunga C., Barrow M., Kandlbinder P. et al. Why history? Why now? Multiple accounts of the emergence of academic development. International Journal for Academic Development. 2009;1(14):83–86. <http://dx.doi.org/10.1080/13601440802659551>

3. Clegg S. Forms of knowing and academic development practice. *Studies in Higher Education*. 2009;4(34):403–416. <http://dx.doi.org/10.1080/03075070902771937>
4. Fraser K. Australasian academic developers' conceptions of the profession. *International Journal for Academic Development*. 2001;1(6):54–64. <http://dx.doi.org/10.1080/13601440110033706>
5. Blackwell R., Blackmore P. Rethinking strategic staff development. In: *Towards strategic staff development in higher education*. Maidenhead: Open University Press; 2003. Pp. 3–16.
6. Brew A. Academic development in a global context. *International Journal for Academic Development*. 2009;2(14):95–97. <http://dx.doi.org/10.1080/13601440902969934>
7. Di Napoli R., Fry H., Frenay M., Verbesschen P., Verburgh A. Academic development and educational developers: perspectives from different European higher education contexts. *International Journal for Academic Development*. 2010;1(15):7–18. <http://dx.doi.org/10.1080/13601440903529851>
8. Efimova G.Z. Academic development of scientific and pedagogical workers and its management as a subject of sociological analysis. In: *Digital socialisation and digital competence in the context of global systemic changes: regulatory technologies, risks, scenarios: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Kazan, May 18–19, 2023*. Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University; 2023. Pp. 410–414. (In Russian).
9. Chirikov I.S. Academic development in universities: experience of foreign universities. *University Management: Practice and Analysis*. 2010;5:15–23. (In Russian).
10. Raitskaya L.K., Tikhonova E.V. A university lecturer' academic development: new readings in the digitalisation milieu. In: *Higher education: experience, problems, prospects: Proceedings of the VI International Scientific and Practical conference, part 1, Moscow, March 28–29, 2019*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia; 2019. Pp. 17–22. (In Russian).
11. Leibowitz B. Reflections on academic development: what is in a name? *International Journal for Academic Development*. 2014;4(19):357–360. <http://dx.doi.org/10.1080/1360144X.2014.969978>
12. Sutherland K.A. Holistic academic development: is it time to think more broadly about the academic development project? *International Journal for Academic Development*. 2018;4(23):261–273. <https://doi.org/10.1080/1360144X.2018.1524571>
13. Marx K. Economic and philosophical manuscripts of 1844. Moscow: AST; 2023. 224 p. (In Russian).
14. Matusov E., von Duyke K., Kayumova S. Mapping concepts of agency in educational contexts. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2016;3(50):420–446 <http://dx.doi.org/10.1007/s12124-015-9336-0>
15. Kulyapina A.M., Fam A.H., Zolotareva A.A. Sence of agency: concept, structure, assessment. *Educational Studies Moscow*. 2024;1:127–141. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/vo-2024-19790>
16. Parsons T. The system of modern societies. Trans. from Eng. L.A. Sedov, A.D. Kovalev. Moscow: Aspect Press; 1998. 270 p. (In Russian).
17. Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose. Moscow: Urait; 2024. 307 p. (In Russian).
18. Weber M. Selected works. Trans. from Ger. Moscow: Progress; 1990. 804 p. (In Russian).
19. Ionin L.G. Understanding sociology: historical and critical analysis. Moscow: Nauka; 1979. 207 p. (In Russian).
20. Blumer H. The methodological position of symbolic interactionism. In: *Symbolic Interactionism. perspective and method*. Berkeley: University of California Press; 1969.
21. Fischer S., Dornbusch R., Schmalensee R. Economics. Moscow: Unity; 2002. 864 p. (In Russian).
22. Kelchevskaya N.R., Chernenko I.M., Shirinkina E.V. Formation and development of human capital of scientific and pedagogical staff of higher educational establishments of the RF. *Perm University Herald. Economy*. 2018;1(13):140–153. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2018-1-140-153>
23. Zborovskiy G.E., Ambarova P.A. Trust in higher education as a sociological problem. *Sociological Journal*. 2018;4(24):93–112. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.4.6099>
24. Zborovskiy G.E., Ambarova P.A. Trust as principle of behavior strategies of key educational communities at the university. *Pedagogical Journal of Bashkortostan*. 2019;4(83):32–42. (In Russian).
25. Shiriaev I.M., Fursa E.V., Maskaev A.I., Mokrousova D.I. Trust and institutional traps in education and science. *Journal of Economic Regulation*. 2019;4(10):146–161. (In Russian). <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2019.10.4.146-161>
26. Rapoport A., Chammah A.M. Prisoner's dilemma. A study in conflict and cooperation. Ann Arbor: University of Michigan Press; 1965. 258 p.
27. Granovetter M. Economic action and social structure: the problem of embeddedness. *American Journal of Sociology*. 1985;3(91):481–510.
28. Razov P.V. Institutional approach and possibilities of its application in sociology of management. *The Army and Society*. 2012;3(31):19–23. (In Russian).

29. *Shmatko N.A.* “Habitus” in the structure of the sociological theory. The Journal of Sociology and Social Anthropology. 1998;2(1):60–70. (In Russian).
30. *Ermilova A.V.* The habitus of the athlete: a sociological interpretation through the prism of P. Bourdieu’s theory. Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology. 2022;2:339–349. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-339-349>

Социальные ожидания взрослых пользователей социальных сетей в отношении программ краткосрочного электронного образования как предмет научного исследования

Полякова Оксана Александровна

Соискатель

ORCID: 0009-0003-5289-5838, e-mail: Profi.polyakova@yandex.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Работа представляет собой научное обоснование актуальности изучения социальных ожиданий взрослых в отношении краткосрочных программ электронного обучения. Отмечен существенный рост запроса со стороны общества на постоянное обучение на протяжении всей жизни, что стало следствием повсеместной цифровизации и ускорения темпов обмена информации. Следствием повышения социального запроса на образовательные программы стал рост рынка образовательных продуктов в сегментах формального и неформального образования. На фоне трансформации форматов обучения, стремительного развития электронного образования широкое распространение получили краткосрочные программы электронного образования, продвигаемые в социальных сетях. Цель исследования – теоретический анализ источников научной информации, которые, предположительно, могут составить методологическую основу для изучения социальных представлений взрослых пользователей социальных сетей в отношении данных краткосрочных программ. Материал представлен в соответствии с актуальностью проблемы влияния интернета на отдельного индивида и на трансформацию социальных процессов в целом, а также значимых изменений в системе образования. Уточнены понятия «социальные ожидания», «электронное образование». Сделан вывод о том, что к настоящему времени сложились предпосылки изучения влияния социальных сетей на ожидания взрослых пользователей от образовательных продуктов, создаваемых и продвигаемых в интернете. Обозначены перспективы практического приложения результатов предполагаемого исследования.

Ключевые слова

Социальные ожидания, краткосрочные образовательные продукты, электронные образовательные продукты, влияние социальных сетей, образование взрослых, электронное образование, формирование ожиданий, функции социальных ожиданий

Для цитирования: Полякова О.А. Социальные ожидания взрослых пользователей социальных сетей в отношении программ краткосрочного электронного образования как предмет научного исследования // Вестник университета. 2025. № 5. С. 233–240.

Social expectations of adult social media users regarding short-term e-education programmes as a subject of scientific research

Oksana A. Polyakova

Applicant

ORCID: 0009-0003-5289-5838, e-mail: Profi.polyakova@yandex.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The work provides a scientific justification for the relevance of studying social expectations of adults in relation to short-term e-learning programmes. There has been a significant increase in the demand from society for continuous lifelong learning, which was the result of widespread digitalisation and accelerated information exchange. As a result of the increased social demand for educational programmes, the market for educational products has grown in both segments of formal and non-formal education. Against the background of the transformation of learning formats and rapid development of e-education, the short-term e-education programmes promoted on social networks have become widespread. The purpose of the research is a theoretical analysis of sources of scientific information, which, presumably, can form a methodological basis for studying social perceptions of adult users of social networks in relation to these short-term programmes. The material is presented in accordance with the relevance of the problem of the internet influence on an individual and on the transformation of social processes in general and of significant changes in the education system. The concepts of the social expectations and e-education have been clarified. It is concluded that by now there are prerequisites for studying the influence of the Internet on the expectations of adult users from educational products created and promoted on the Internet. The prospects of practical application of the results of the proposed study are outlined.

Keywords

Social expectations, short-term educational products, e-educational products, impact of social networks, adult education, e-education, formation of expectations, functions of social expectations

For citation: Polyakova O.A. (2025) Social expectations of adult social media users regarding short-term e-education programmes as a subject of scientific research. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 233–240.

ВВЕДЕНИЕ

Ожидания индивида как социальный феномен и как понятие фигурируют в различных предметных сферах социально-гуманитарного знания. Социальные ожидания – это некие проекции в будущее, ориентир, которые во многом определяют смысл и траектории поведения личности. Их формирование как гибкой системы субъективной оценки целесообразности потенциально возможных действий или их последствий, безусловно, формируются в процессе всей жизни индивида. Ускорение динамики социальных процессов, обусловленные развитием и повсеместной интеграцией информационных технологий, являются значимым фактором, который находит отражение в социальных ожиданиях представителя цифровой эпохи. В рамках данной работы мы анализируем отдельный аспект влияния цифровизации на индивида, а именно воздействие на его социальные ожидания в отношении программ краткосрочного электронного образования.

Актуальность обозначенного объекта исследования обусловлена значимыми трансформациями, которые наблюдаются в сфере образования, самих программ, а также форм и методов ведения образовательной деятельности, которые отмечаются специалистами различных направлений.

Рост объема и скорости обращения информации в современном обществе обусловил целый ряд процессов, связанных с выполнением людьми ежедневных задач как в профессиональной, так и в другой сфере. В частности, значительно сократился временной период, когда владение определенными знаниями и навыками остается достаточным для качественного выполнения заданного функционала. Стремительно разрабатываются и внедряются новые решения, обеспечивающие более быстрое выполнение конкретной задачи в единицу времени, в частности, за счет средств автоматизации. Использование обозначенных инноваций предполагает, как минимум, их освоение. Естественным следствием данного процесса стал рост спроса на образовательные программы для взрослых, направленные на актуализацию профессиональных компетенций, освоение новых форм и методов работы, получение новых знаний. Параллельно наблюдаются значительные трансформации и появление иных форматов обучения, позволяющих оптимизировать процесс освоения материала. Активное развитие получило, в частности, электронное обучение. Следовательно, изучение ожиданий пользователей в отношении новых форматов обучения, выявление взаимосвязей таковых ожиданий с социально-биографическими фактами и личностными особенностями индивида выступают актуальными научными проблемами современной социальной психологии.

ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В психологических и социально-психологических исследованиях середины XX в. доминирует представление об ожиданиях как об особом образе, в котором определяющими являются неосознанные психологические состояния личности, базирующееся на ее предшествующем опыте. В этом направлении психологические аспекты состояния ожидания изучали, например, Дж.У. Аткинсон (1964 г.), В. Врум (1964 г.), В.Г. Фишбейн (1972 г.). Эффекты осуществления ожиданий затрагивали Т. Мертон (1948 г.) и впоследствии Д.Э. Розенталь (1992 г.). Некоторые аспекты проблемы социальных ожиданий затрагиваются в работах И.С. Кона (1984 г.), М.И. Бобневой (1978 г.), Т. Шибутани (2002 г.) и др. Большое число исследований освещают тематику социальных ожиданий, рассматривая их как особый вид требования относительно следования образцам поведения и выполнения социальных норм – например, труды Т. Парсонса (1937 г.), Г. Гарфинкела (1967 г.). Сегодня этот ракурс при их изучении прорабатывается чаще в работах социологов.

Различные подходы к пониманию сущности социальных ожиданий раскрываются в исследованиях отечественных и зарубежных авторов, которые трактуют их с разных точек зрения: как психическое состояние (И. Лингард, Ю.Е. Сосновикова, Ю.Т. Глазунов), как регулятор деятельности (Дж. Брунер, М.А. Гомелаури, О. Маурер, Х. Хекхаузен, Д. Макклелланд, Э. Толмен), как личностное образование (Т.В. Алексеева, Г.М. Андреева, А.М. Прихожан, Т.В. Снегирева, Н.Б. Трофимова). В психологических и социально-психологических исследованиях последнего десятилетия доминирует представление об ожиданиях как об особом образе, в котором определяющими являются неосознанные психологические состояния личности, базирующееся на ее предшествующем опыте.

Вопросы значения социальных ожиданий в становлении и развитии личности рассматриваются в работах И.С. Поповича, Д.Е. Грибова, И.В. Желтиковой и в ряде других отечественных исследований. Сопрежженными с ожиданиями индивида являются вопросы получения им образования.

Цели данной работы – теоретический анализ источников научной информации, которые, предположительно, могут составить методологическую основу для изучения социальных ожиданий взрослых пользователей социальных сетей в отношении краткосрочных программ электронного обучения, и предложение модели их эмпирического исследования.

Для достижения этих целей были сформулированы следующие исследовательские задачи:

- 1) осуществление обзора подходов к раскрытию понятия «социальные ожидания»;
- 2) анализ социальных ожиданий как базового социально-психологического механизма личности;
- 3) изучение социально-психологических закономерностей формирования ожиданий в отношении образовательных программ и потенциального влияния интернета на их трансформацию.

Использовались следующие методы: анализ научной литературы, контент-анализ, обобщение и систематизация теоретического материала, моделирование.

При разработке модели эмпирического исследования мы исходили из положений социально-психологического и системного подходов в изучении социальных феноменов, проявляющихся на уровне отдельного индивида, предполагающих, что ожидания являются результатом совмещения ситуационных и личностных факторов, влияющих на человека. Соответственно, исследование направлено на выявление взаимосвязей социальных ожиданий в отношении краткосрочных электронных образовательных программ с личностными особенностями и объективными факторами, такими как возраст, уровень образования, длительность периода с момента завершения предыдущего обучения, активность использования социальных сетей.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе исследования были получены следующие ответы на поставленные исследовательские задачи.

1. Ожидания индивида имеют социальную природу и существенно влияют на его выборы и поведение в течение всей жизни. «Социальные ожидания и нормы являются залогом внутренней мотивации, пронизывая сознание индивида с ранних лет» [1, с. 36].

Анализ психологических и социально-психологических исследований показал, что в литературе доминирует представление об ожиданиях как об особом образе, в котором определяющими являются неосознанные психологические состояния личности, базирующееся на ее предшествующем опыте (установки). В этом направлении изучаются психологические аспекты состояния ожидания, эффекты осуществления ожиданий и т.д.

Социальные ожидания личности – сложный феномен. Он включает в себя текущую социальную реальность в широком смысле слова, то есть ту обстановку, которая имеется на данный момент в обществе. В итоге социальные ожидания, возникающие и развивающиеся на коммуникативно-ролевой базе, реализуются как личностные или групповые феномены. Тем не менее, как отмечает А.Н. Суховская, «даже в этом случае они относятся к результату функционирования масштабной социальной системы» [2, с. 122]. В частности, Е.В. Никулина трактует понятие «социальные ожидания» как интегративное личностное образование, представленное в сознании в виде образа еще не наступившего события, отражающее эмоциональное и ценностно-смысловое отношение субъекта к ожидаемым событиям и тем самым определяющее мотивацию поведения [3]. В условиях кардинальных социокультурных изменений, когда индивид сталкивается с постоянно меняющимися ценностями, смыслами и жизненными стилями, социальные ожидания как регулятор социального поведения обретают статус объективированной субъектности. В числе функций последних можно также выделить функции ориентации, познания, мотивации.

В целом всю совокупность определений «социальные ожидания» можно разделить на две большие группы:

- понимание ожиданий как требований относительно поведения других индивидов и выполнения ими своих социальных ролей;
- понимание ожиданий как совокупности субъективных ориентаций относительно предстоящего хода событий, включающих социальные установки, стереотипы, знания, убеждения и т.д. и обеспечивающих готовность человека к предстоящим событиям [4].

2. Многие психологи связывают тематику социальных ожиданий с мотивационной теорией личности и потребностно-мотивационной сферой личности. В частности, А.С. Выготский понимает мотивационную сферу «как стержень личности, к которому приближаются такие свойства личности, как направленность, установки, социальные ожидания и другие психологические характеристики» [5, с. 64].

Социальные ожидания создают определенную среду, в которой формируются как векторы, так и ограничения возможных вариантов поведения индивида [6]. Речь идет об их влиянии как мотивационного или тормозящего деятельности компонента.

Социальные ожидания выступают базовым психологическим механизмом саморегуляции поведения. Через регуляционную, посредническую, корректирующую, ориентационную, прогностическую и трансформирующую функции обеспечивается их работа как базового компонента системы регуляции поведения личности, который содействует ее развитию как субъекта активности.

3. Формирование социальных ожиданий индивида – процесс постоянный, обусловленный влиянием целого комплекса факторов как в процессе взросления, так и на более поздних этапах. Процессы цифровизации, доступность интернет-технологий и развитие социальных сетей, в частности, также являются факторами, обуславливающими формирование социальных ожиданий.

В контексте обозначенной проблематики исследования стоит отметить вывод, с которым согласно большинство ученых, – это существенное влияние активного развития цифровых технологий и общего ускорения социальных процессов на сферу образования. «Цифровые платформы, онлайн-курсы и социальные сети предлагают новые способы взаимодействия между учащимися и наставниками, расширяя границы традиционного класса и позволяя обучающимся работать в рамках своей зоны ближайшего развития на расстоянии. Т.е. данные инструменты предоставляют доступ к информации и ресурсам, позволяя учащимся достигать новых уровней когнитивного развития, которые были бы недостижимы без такой поддержки» [7, с. 236]. Согласно данным А. Халима и его соавторов, «большое количество преподавателей и студентов используют социальные сети в качестве важного элемента общего процесса электронного обучения» [8, с. 275]. Одним из значимых аспектов применения социальных сетей в образовании является возможность персонализации обучения. Пользователи могут выбирать контент, который соответствует их интересам и уровню знаний, а также общаться с экспертами в выбранной области, получая индивидуальные рекомендации и обратную связь. Это помогает каждому обучающемуся максимально эффективно использовать учебные возможности и развивать навыки в соответствии со своими потребностями.

Однако у обозначенного процесса есть обратная сторона, напрямую связанная с ускорением движения передачи информации, способов ее обработки и анализа, а также с ее доступностью. Освоение новых знаний представителями цифровой эпохи имеет свою специфику. Речь идет о снижении ценности знаний и изменении способов их освоения.

Количество обрабатываемой мозгом представителем цифровой эпохи информации провоцирует срабатывание адаптационных механизмов, следствием чего стали процессы трансформации мышления в сторону поверхностного мониторинга, снижения глубины анализа и проявления клипового мышления. Как отмечают Н.Н. Самсонова и О.А. Овсяник, «для пользователей интернета может быть незаметным то влияние, которое он на них оказывает» [9, с. 502]. Следствием обозначенных процессов стала тенденция сознательного предпочтения обучающимися коротких и легких программ при решении задачи получения дополнительных знаний. Этим, на наш взгляд, в многом обусловлен рост спроса на краткосрочные электронные образовательные программы, представленные в социальных сетях.

Однако в числе значимых факторов спроса и смещения предпочтений потенциальных обучающихся не только особенности усвоения знаний и навыков представителем цифровой эпохи, но и влияние самих социальных сетей. Речь идет о силе влияния того контента, который пользователи потребляют, проводя время в социальных сетях. С учетом того, что значительная часть краткосрочных электронных образовательных продуктов продвигается авторами именно через них, мы можем говорить о воздействии на социальные ожидания в отношении обозначенных продуктов.

Влияние социальных сетей проявляется в формировании новых и корректировке имеющихся ожиданий в отношении краткосрочных образовательных программ. Сильное смещение реального и виртуального мира может оказывать различное влияние на людей, и степень этого воздействия будет зависеть от конкретной ситуации и способа использования виртуальных технологий. Трансляция большого числа примеров успеха, к которому можно прийти посредством прохождения образовательных программ, не требующих от индивида значимых усилий и временных затрат, является одним из механизмов формирования ожиданий. Контент подобного рода широко представлен в социальных сетях и используется как инструмент продаж образовательных продуктов в определенном сегменте.

Однако сила влияния социальных сетей на пользователя, а также само содержание ожиданий индивида в отношении краткосрочных образовательных программ существенно отличаются. В частности, «ожидания в отношении образования формируются в социальной среде и экономических условиях, предоставляемых семьями» [10, с. 986]. С учетом того, что процесс обучения занимает значимую часть жизни человека, сам опыт обучения, навыки усвоения информации, эмоциональные ассоциации, связанные с этим процессом, также неизбежно оказывают влияние на ожидания индивида от образовательных продуктов. Кроме того, взрослые потребители, стремясь удовлетворить потребности, предъявляют новые требования к содержанию и форматам получения знаний и навыков, исходя из понимания расширения образовательных возможностей, связанных с электронным образованием. Другими словами, мы говорим о корректировке ожиданий в отношении образовательных программ.

В данном контексте стоит отметить, что обучение взрослых имеет свои особенности. «Взрослые более сконцентрированы на использовании знаний здесь и сейчас, для определенных трудовых задач», — отмечает Н.М. Шевченко-Савлакова [11]. Образовательные потребности данной категории людей ориентированы больше на конкретные вопросы, чем на общее изучаемого предмета. Взрослые люди, выбирая образовательную программу, имеют ожидания касательно не только результата обучения, но и самого процесса, его структуры, поведения преподавателя и отношения к себе. Данное утверждение верно с точки зрения как формальных онлайн-программ, так и неформального образования.

Другими словами, объективные жизненные факты, опыт, уровень осознания актуальных потребностей, а также индивидуальные характеристики личности оказывают влияние на ожидания индивида в отношении образования в целом и конкретных образовательных программ.

Проведенный теоретический анализ научной литературы стал основой для формирования перспективной модели эмпирического исследования, которое позволит выявить факторы, взаимосвязанные с ожиданиями взрослых в отношении краткосрочных образовательных продуктов. Совокупность диагностических методик, подобранная нами, представлена в таблице.

Таблица

Модель эмпирического исследования социальных ожиданий взрослых в отношении краткосрочных электронных программ

Изучаемая характеристика	Задача эмпирического исследования	Метод диагностики
Социальные ожидания относительно краткосрочных образовательных программ и поведенческие привычки касательно социальных сетей		
Социальные ожидания индивида в отношении краткосрочных образовательных программ	Определение уровня заинтересованности и реального опыта приобретения электронных образовательных программ и субъективного отношения к таковым продуктам	Авторский опросник
Социально-биографические характеристики	Объективные факты жизнедеятельности индивида	Биографическая часть авторского опросника
Личностные характеристики индивида		
Внушаемость	Определение уровня внушаемости	Методика «Внушаемость» (С.В. Клаучек, В.В. Деларю)
Уровень психологического благополучия	Оценка уровня психологического благополучия	Опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко)
Ценностные ориентации, уровень осуществления	Получение данных о значимости у респондентов внешних и внутренних ценностей, а также о конфликтности осуществления ценностных ориентаций	Методика «Ценностные ориентации» (О.И. Мотков, Т.А. Огнева)

Составлено автором по материалам источников¹ и [12; 13]

¹ Мотков О.И. Методика изучения внешних и внутренних ценностей личности. Режим доступа: <https://psychologos.ru/articles/view/metodika-izucheniya-vneshnih-i-vnutrennih-cennostey-lichnosti> (дата обращения: 11.01.2025).

ВЫВОДЫ

Современный мир переживает период трансформаций, в центре которого находится цифровой переворот. Под влиянием цифровых технологий происходят кардинальные изменения в экономических, культурных и социальных сферах общества. Одним из ключевых направлений, подвергшихся этим изменениям, стала сфера образования. Информационные технологии, привнеся в жизнь современного человека новые возможности, в том числе направленные на повышение образовательного уровня, стали причиной корректировки процесса освоения новых знаний. При возникновении потребности в актуализации имеющихся знаний, навыков пользователи из всего спектра предложений на рынке образовательных услуг нередко сознательно отдают предпочтение максимально коротким и легким продуктам. Выбор обусловлен в значительной степени влиянием социальных сетей. Однако сила влияния последних определяется целым спектром факторов, в числе которых личностные особенности индивида. Назрела потребность в более детальном изучении взаимосвязей между особенностями ожиданий индивида в отношении краткосрочных программ электронного образования и показателями внушаемости, между уровнем осуществления ценностных ориентаций и уровнем субъективного благополучия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возрастающая роль интернет-технологий в жизни современного индивида предполагает дальнейшую трансформацию многих социальных процессов. Коммуникационные модели, форматы взаимодействия между людьми во многих областях жизни, формирование и удовлетворение целого ряда потребностей становятся обусловленными, в частности, влиянием интернета и социальных сетей. Понимание того, как платформы социальных сетей влияют на индивидуальные ожидания и восприятие реальности, открывает новые горизонты для исследований. Такая многогранная перспектива позволит создавать более целостные модели и стратегии, способные адекватно отражать динамику современного общества, которая в ближайшей перспективе будет предполагать уплотнение взаимосвязей между технологическим прогрессом и различными аспектами жизнедеятельности представителя цифровой эпохи.

Разработанное нами исследование, направленное на более детальное изучение влияния социальных сетей на индивида и, в частности, на его социальные ожидания, позволит получить новые научные данные о воздействии интернета на пользователей с различными личностными особенностями, для выявления которых мы предполагаем применение стандартизированных методик: методики «Внушаемость» (С.В. Клаучек, В.В. Деларю), опросника «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко), методики «Ценностные ориентации» (О.И. Мотков, Т.А. Огнева). При построении исследования обязательным ко включению выступает блок, нацеленный на выявление и последующий анализ автобиографических фактов, поскольку в контексте выбранной проблематики предполагается значительное влияние жизненного опыта индивида на ожидания в направлении образовательных практик. Для решения данной задачи предназначен специально разработанный авторский опросник, который включает в себя блок автобиографических вопросов, а также большой блок вопросов, направленных на выявление отношения индивида к краткосрочным образовательным продуктам и опыт обращения к ним.

Результаты исследования могут быть востребованы психологами при организации консультационной и коррекционной работы за счет расширения возможностей индивидуальной работы в психотерапии при диагностике причин формирования ряда социальных ожиданий, коррекции последних при выборе путей решения внутренних задач.

Список литературы

1. *Васютина О.В.* Социально-психологические факторы мотивации достижения в деятельности. В кн.: Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации. Социальный инженер—2023: сборник материалов международной научной конференции молодых исследователей, часть 5, Москва, 11–15 декабря 2023 г. М.: Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина; 2023. С. 35–38.
2. *Сужовская Д.Н.* Теоретико-методологические подходы к исследованию социальных ожиданий от обучения. Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2022;2:122–126.
3. *Никулина Е.В.* Психологические детерминанты формирования конструктивных социальных ожиданий старшеклассников. Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. Курск: Курский государственный университет; 2005. 20 с.

4. Черноиваненко Ю.О., Валиахметова М.М. Социальные ожидания и надежда. Социальные явления. 2015;3:41–45.
5. Белашина Т.В. Системные особенности мотивации личности в контексте проявления доминирующего психического состояния. Системная психология и социология. 2021;3(39):61–71. <http://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.39.3.5>
6. Нечаев И.А. Влияние социальных ожиданий на мотивацию субъекта в модели «Ожидание – ценность». Социальные явления. 2015;3:46–52.
7. Самоходкин Е.В. Исследование социального взаимодействия и его роли в когнитивном развитии. В кн.: Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации. Социальный инженер–2023: сборник материалов международной научной конференции молодых исследователей, часть 5, Москва, 11–15 декабря 2023 г. М.: Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина; 2023. С. 236–241.
8. Haleem A., Javaid M., Qadri M.A., Suman R. Understanding the role of digital technologies in education: a review. Sustainable Operations and Computers. 2022;3:275–285. <http://dx.doi.org/10.1016/j.susoc.2022.05.004>
9. Самсонова Н.Н., Овсяник О.А. Изменение взаимодействий в современном обществе под влиянием развития интернет-коммуникаций. В кн.: Актуальные проблемы информационного общества в науковедении, культуре, образовании, экономике: сборник научных докладов XV Международной научно-практической конференции, Москва, 19–20 апреля 2018 г. М.: Полиграф сервис; 2018. С. 501–507.
10. Tabak B.Ya. Education expectations and income level of families: an assessment within the framework of human capabilities approach. Educational Administration: Theory and Practice. 2021;1(27):985–1004. <https://www.sciencegate.app/app/redirect#aHR0cHM6Ly9keC5kb2kub3JnLzEwLjE0NTI3L2t1ZXkuMjAyMS4wMDM=>
11. Шевченко-Савлакова Н.М. Психологические особенности онлайн-обучения взрослых. Мастерство online. 2021;3(28).
12. Клаучек С.В., Деларю В.В. Разработка скринингового метода для выявления склонности к развитию индуцированных состояний. Психологический журнал. 1997;2(18):123–128.
13. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор концепций и методика исследования). Психологическая диагностика. 2005;3:95–129.

References

1. Vasyutina O.V. Socio-psychological factors of motivation for achievement in activity. In: Socio-humanitarian problems of education and professional self-realisation. Social Engineer–2023: Proceedings of the International Scientific Conference of Young Researchers, Part 5, Moscow, December 11–15, 2023. Moscow: Kosygin State University of Russia; 2023. Pp. 35–38. (In Russian).
2. Sukhovskaya D.N. Theoretical and methodological approaches to the study of social expectations from learning. Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. 2022;2:122–126. (In Russian).
3. Nikulina E.V. Psychological determinants of the formation of constructive social expectations of high school students. Abstr. Diss. ... Cand. Sci. (Psy): 19.00.07. Kursk: Kursk State University; 2005. 20 p. (In Russian).
4. Chernoiivanenko Yu.O., Valiakmetova M.M. Social expectations and hope. Social Phenomena. 2015;3:41–45. (In Russian).
5. Belashina T.V. Systemic features of personality motivation in the context of the manifestation of a dominant mental state. System Psychology and Sociology. 2021;3(39):61–71. (In Russian). <http://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.39.3.5>
6. Nechaev I.A. Influence of social expectations on the motivation of the subject in the “Expectation – value” model. Social Phenomena. 2015;3:46–52. (In Russian).
7. Samokhodkin E.V. Research of social interaction and its role in cognitive development. In: Socio-humanitarian problems of education and professional self-realisation. Social Engineer–2023: Proceedings of the International Scientific Conference of Young Researchers, Part 5, Moscow, December 11–15, 2023. Moscow: Kosygin State University of Russia; 2023. Pp. 236–241.
8. Haleem A., Javaid M., Qadri M.A., Suman R. Understanding the role of digital technologies in education: a review. Sustainable Operations and Computers. 2022;3:275–285. <http://dx.doi.org/10.1016/j.susoc.2022.05.004>
9. Samsonova N.N., Ovsyanik O.A. Change in interactions in modern society under the influence of the development of internet communications. In: Actual problems of the information society in science, culture, education, economics: Proceedings of the XV International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 19–20, 2018. Moscow: Poligraf Servis; 2018. Pp. 501–507. (In Russian).
10. Tabak B.Ya. Education expectations and income level of families: an assessment within the framework of human capabilities approach. Educational Administration: Theory and Practice. 2021;1(27):985–1004. <https://www.sciencegate.app/app/redirect#aHR0cHM6Ly9keC5kb2kub3JnLzEwLjE0NTI3L2t1ZXkuMjAyMS4wMDM=>
11. Shevchenko-Savlakova N.M. Psychological features of online adult education. Mastership online. 2021;3(28). (In Russian).
12. Klanchek S.V., Delaryu V.V. Designing a screening method to identify the propensity to develop induced conditions. Psychological Journal. 1997;2(18):123–128. (In Russian).
13. Shevelenkova T.D., Fesenko P.P. Psychological well-being of a personality (review of concepts and research methodology). Psychological Diagnostics. 2005;3:95–129. (In Russian).

Семейные факторы риска формирования отклоняющегося поведения у несовершеннолетних правонарушителей, осужденных за преступления различной степени тяжести

Левин Леонид Маркович

Ст. науч. сотр.

ORCID: 0009-0001-2731-4822, e-mail: levin_leonid@mail.ru

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Москва, Россия

Аннотация

С целью выявления семейных предикторов развития антисоциального поведения подростков было опрошено 260 чел.: 120 несовершеннолетних, отбывающих наказание в исправительных учреждениях за совершения тяжких и особо тяжких преступлений; 80 подростков, приговоренных к отбыванию наказания, не связанного с изоляцией от общества, за преступления средней степени тяжести; 60 правопослушных подростков, обучающихся по общеобразовательным программам. В процессе опроса использовались следующие методики: «Негативный детский опыт» (англ. Adverse Childhood Experiences), (А.Б. Холмогорова, 2024 г.); шкала детских воспоминаний Гилберта (2003 г.); опросник на привязанность к родителям для старших подростков (М.В. Яремчук, 2005 г.); «Профиль чувств в отношениях» (А.В. Куликов); «Подростки о родителях» (чеш. Adolescent o Rodičoch), (автор Е. Шафер, модификация З. Матейчика и П. Ржичана). После обработки данных было выявлено, что в семьях несовершеннолетних осужденных преобладал негативный эмоциональный фон, вследствие чего подростки чувствовали себя в большей степени подавленными, а также испытывали пренебрежение к себе и отсутствие позитивного интереса со стороны членов семьи. По результатам исследования обсуждается возможность их применения в практической работе в области профилактики преступности среди несовершеннолетних.

Ключевые слова

Детско-родительские отношения, несовершеннолетние осужденные, негативный детский опыт, преступность среди несовершеннолетних, ресоциализация правонарушителей, детские воспоминания, семьи правонарушителей

Для цитирования: Левин Л.М. Семейные факторы риска формирования отклоняющегося поведения у несовершеннолетних правонарушителей, осужденных за преступления различной степени тяжести // Вестник университета. 2025. № 5. С. 241–250.

Family risk factors for the development of deviant behaviour in juvenile offenders convicted of crimes of varying severity

Leonid M. Levin

Senior Researcher

ORCID: 0009-0001-2731-4822, e-mail: levin_leonid@mail.ru

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

Abstract

In order to identify family predictors of the development of antisocial behaviour in adolescents, 260 people have been interviewed: 120 minors serving sentences in correctional institutions for committing serious and especially serious crimes; 80 adolescents sentenced without isolation from society for crimes of medium severity; 60 law-abiding teenagers studying at general education programmes. The following methods have been used during the survey: “Adverse Childhood Experiences” (A.B. Kholmogorova, 2024); Gilbert childhood memories scale (2003); questionnaire on attachment to parents for older adolescents (M.V. Yaremchuk, 2005); “Profile of feelings in relationships” (L.V. Kulikov); “Teenagers about parents” (cze. Adolescent o Rodičoch), (author E. Schafer, modification by Z. Matejczyk and P. Rzichan). After data processing, it is revealed that in the families of juvenile convicts, negative emotional background prevailed, as a result of which adolescents felt more depressed, and also experienced neglect and lack of positive interest on the part of family members. Based on the results of the study, the possibility of their application in practical work in the field of crime prevention among minors is discussed.

Keywords

Child-parent relationships, juvenile convicts, negative childhood experiences, juvenile delinquency, resocialisation of offenders, childhood memories, families of offenders

For citation: Levin L.M. (2025) Family risk factors for the development of deviant behaviour in juvenile offenders convicted of crimes of varying severity. *Vestnik universiteta*, no. 5, pp. 241–250.

ВВЕДЕНИЕ

Преступность среди несовершеннолетних является одной из актуальных проблем в современной психологии. Несмотря на достаточно большое количество исследований в данной области, в научном сообществе до сих пор отсутствует единое мнение в понимании причин совершения подростками противоправных действий.

Современные статистические данные говорят о том, что с каждым годом стремительно уменьшается количество противоправных действий, совершаемых подростками, вследствие чего сокращается и количество исправительных учреждений для несовершеннолетних. Так, за последние 15 лет в 12 раз снизилась численность лиц, находящихся в воспитательных колониях, – с 9 199 чел. в 2008 г. до 812 в 2023 г., что привело и к значительному сокращению воспитательных колоний: с 62 в 2008 г. до 13 в 2023 г.¹ Позитивные изменения в тенденции подростковой преступности вместе с тем образуют ряд трудностей. Уменьшение воспитательных колоний, в которых отбывают наказание несовершеннолетние осужденные, приводит к этапированию подростков в исправительные колонии, находящиеся далеко от места его постоянного проживания, что затрудняет поддержание социально полезных связей (с семьей, друзьями и другими значимыми взрослыми). Гуманизация уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации (далее – РФ, Россия), когда все чаще подросткам дают условную судимость, приводит к тому, что в воспитательных колониях несовершеннолетние отбывают наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления. Данные обстоятельства требуют дополнительных психологических исследований и разработки психопрофилактических программ по работе с данной категорией осужденных.

Одной из причин, в которой кроется преступление закона несовершеннолетними, является специфика семейной истории подростков. Несмотря на достаточную изученность феномена семьи, до сих пор нет единого подхода к ее определению как социально-психологического явления и первичного института социализации.

СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ РИСКА ФОРМИРОВАНИЯ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Многие зарубежные и отечественные психологи (А. Адлер, М. Боуэн, А.Я. Варга, Д.В. Винникотт, В.И. Гарбузов, К. Роджерс, И.С. Кон, К. Левин, С.К. Нартова-Бочавер, А.А. Реан, Е.А. Сергиенко, А.А. Шутценбергер, Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис и др.) указывают на то, что специфика детско-родительских отношений, социальные характеристики семьи и эмоциональный внутрисемейный фон оказывают существенное влияние на становление личности любого ребенка [1]. Первоочередную роль семьи в социализации ребенка как первичного института социализации подчеркивают и другие исследователи (А.И. Захаров, Н.А. Пузыревич, А.М. Великоцкая, Т.А. Челнокова, И.К. Джерелиевская, Е.Н. Визгина, М.Н. Яшина, М.А. Мамалиева, С.В. Воликова, Т.В. Юдеева, Е.П. Белинская, Е.М. Дубовская и др.).

И.С. Кон в своей работе отмечает, что на формирование индивидуальной линии поведения подростка в существенной степени влияют его отношения с семьей как в прошлом, так и в настоящем [2].

Ряд отечественных исследователей (Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис) подчеркивают, что опыт детско-родительского взаимодействия, а также поведенческие сценарии, принятые в семье, затем транслируются ребенком вовне [3].

Отечественные психологи (М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова) отмечают, что при выявлении причин поведения человека следует рассматривать его через социальные связи, учитывая социально-экономические факторы [4].

Эмпирически было доказано, что существует влияние социальных характеристик семьи на формирование девиантного поведения ребенка. Зарубежные исследования также говорят о том, что люди выстраивают линию поведения, исходя из своего возраста, пола, коммуникативных параметров семьи как единой системы.

Ряд иностранных психологов эмпирически доказали, что существует положительная связь между поддержкой родителей и законопослушным поведением несовершеннолетних. Зарубежные ученые также доказали, что успешность человека зависит от его взаимоотношений с отцом и матерью.

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации. Статистика и аналитика. Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics?ysclid=m3indkjuха219833446> (дата обращения: 28.01.2025).

В некоторых отечественных исследованиях говорится о том, что противоправное поведение подростков может быть реакцией на особенности семейного функционирования и детско-родительских отношений [5].

А. Коэн, в свою очередь, среди факторов, влияющих на формирование отклоняющегося поведения у несовершеннолетних, на первое место ставит семью. При этом как сдерживающий фактор ученый указывает нормально функционирующую семью [6].

На формирование девиантного поведения влияет нахождение ребенка в психологически разрушенных, разделенных и дезорганизованных семьях. К основным характеристикам последних можно отнести ограниченное разрешение (или отсутствие решения) сложных морально-нравственных ситуаций, отсутствие четкой единой линии родительского воспитания и родительской позиции, эмоциональное неблагополучие [7]. Перечисленные факторы являются одними из основных факторов деморализации и криминализации личности несовершеннолетних.

Описанные социально-психологические особенности семей подростков оказывают существенное влияние на развитие у них противоправного поведения [8–11]. В этой связи нами было проведено изучение специфики внутрисемейных отношений с целью дополнения обсуждаемой темы эмпирическими данными.

ПРОЦЕДУРА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С целью выявления семейных предикторов противоправного поведения и поиска сдерживающих криминализацию факторов был проведен опрос трех групп респондентов для обнаружения особенностей в каждой из них.

Выборку исследования составили 260 чел., которые были разделены на три логические группы: 120 несовершеннолетних, отбывающих наказание в исправительных учреждениях за совершение тяжких и особо тяжких преступлений; 80 подростков, приговоренных к отбыванию наказания, не связанного с изоляцией от общества, за преступления средней степени тяжести; 60 правопослушных подростков, обучающихся по общеобразовательным программам. Базой для исследования послужили ряд воспитательных колоний, находящихся в уголовно-исполнительной системе РФ, филиалы уголовно-исполнительной системы России, несколько общеобразовательных организаций Москвы.

В исследовании применялись индивидуальная беседа (интервью), анализ индивидуальных случаев (англ. case study), контент-анализ личных дел, а также психодиагностический комплекс, который включал следующие методики:

- пересмотренный опросник «Негативный детский опыт» (англ. Adverse Childhood Experiences);
- шкала детских воспоминаний Гилберта (2003 г.). Эта шкала была разработана П. Гилбертом с соавторами для измерения эмоциональных воспоминаний в семье, связанных с чувством обесценивания, страха и необходимости подчиняться значимым взрослым [12];
- опросник на привязанность к родителям для старших подростков (М.В. Яремчук), разработанный в 2005 г. Данная методика предназначена для определения преобладающего типа привязанности в отношениях с каждым из родителей по трем классическим типам (надежный, избегающий и тревожно-амбивалентный);
- методика «Профиль чувств в отношениях» (А.В. Куликов), направленная на диагностику представления о чувствах, переживаемых личностью в ситуациях межличностного взаимодействия и общения со значимыми людьми;
- тест «Подростки о родителях» (чеш. Adolescent o Rodičoch), (автор Е. Шафер, модификация З. Матейчика и П. Ржичана). Методика «Подростки о родителях» изучает установки родителей, их поведение и методы воспитания так, как их видят дети в подростковом и младшем юношеском возрасте. Основой служит опросник Children's Report of Parental Behavior Inventory (англ. опросник описания детьми поведения родителей), который создал Е. Шафер в 1965 г. Состоит из нескольких шкал: позитивного интереса, директивности, враждебности, автономности, непоследовательности;
- незаконченные предложения (вариант Saks – Sidney в модификации Т.А. Заеко). Это проективная методика, выявляющая как отношение к матери и к отцу, так и к семье в целом.

ХАРАКТЕРИСТИКА ВЫБОРКИ

Всем несовершеннолетним, прошедшим анкетирование и тестирование, в среднем было 15,8 лет (семантический дифференциал (англ. semantic differential) SD = 0,8). Все респонденты, принявшие участие в исследовании, являются подростками мужского пола.

Большинство отбывающих наказание (105 подростков, 87,5 %) в исправительных учреждениях воспитывались одним из родителей либо другим членом семьи. Чаще всего обязанности по воспитанию ребенка возлагались на мать, в некоторых случаях — на бабушку и дедушку. Анализ личных дел и опрос респондентов этой группы показали, что отцы не принимали участия в жизни ребенка, а их общение с ним сводилось к минимуму. Чаще всего именно несовершеннолетние, отбывающие наказание в местах лишения свободы, говорили о климате в семье как о некомфортном и отрицательном. Более половины (57,5 %) подростков, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, воспитывались как матерью, так и отцом. Правопослушные подростки в большинстве своем (78,3 %) росли с матерью и отцом, имели доверительные и теплые отношения с ними, а семейный микроклимат описывали как доброжелательный и комфортный.

В большинстве семей подростков, отбывающих наказание в местах лишения свободы (80 случаев, 66,6 %), материальное положение было неудовлетворительным, во многих случаях не хватало даже на базовые потребности. Похожая ситуация сложилась и в группе условно осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции (50 семей, 62,5 %).

Часть опрошенных подростков имели опыт употребления психоактивных веществ. Так, 81 воспитанник исправительных учреждений (67,5 %) и 59 условно осужденных сверстников (73,75 %) систематически употребляли наркотические средства. Законопослушные несовершеннолетние лишь в 7 случаях (11,5 %) подтвердили опыт, связанный с наркотиками, что, однако, носило эпизодический характер.

Примечательно, что в 92 семьях воспитанников колоний для несовершеннолетних (76,6 %) и в 59 семьях условно осужденных (73,75 %) хотя бы один из родителей или значимых взрослых злоупотреблял алкоголем. В семьях правопослушных сверстников такая тенденция не прослеживалась.

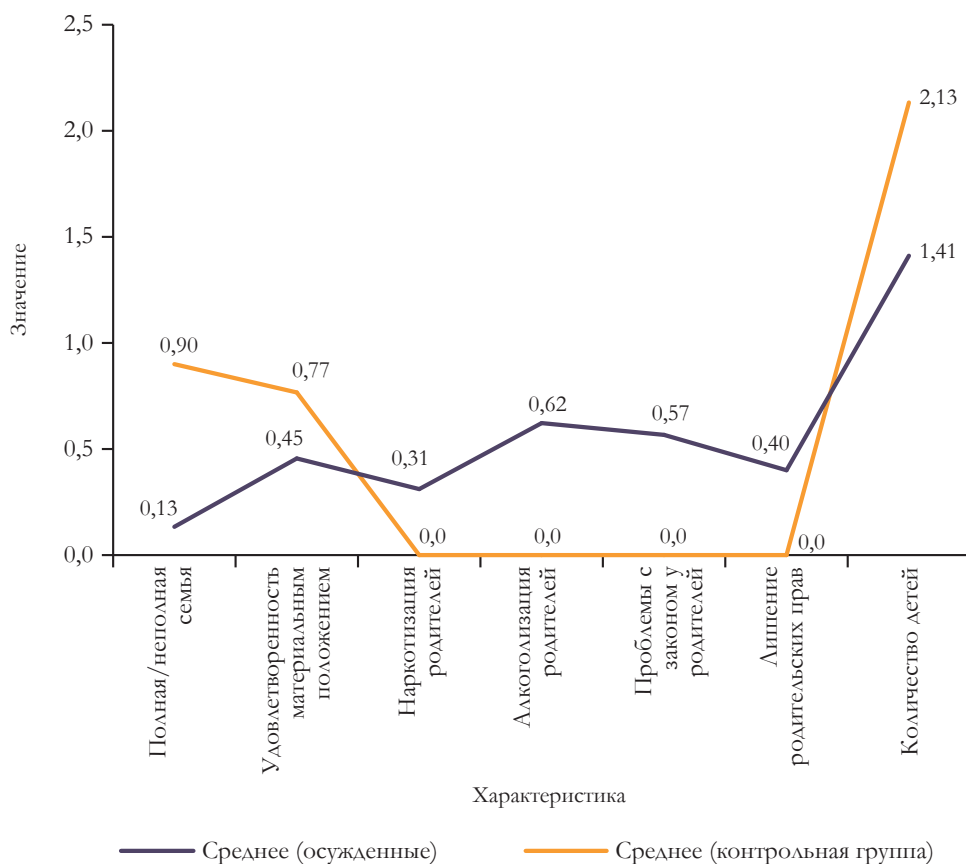
Важным показателем семейной истории являются взаимоотношения членов семьи с законом. Проведенное исследование показало, что у 94 осужденных к лишению свободы (78,3 %) и у 59 подростков, отбывающих наказание, не связанное с лишением свободы (73,75 %), хотя бы один из родителей находился в конфликте с законом и содержался в исправительном учреждении.

Со стороны органов опеки и попечительства какие-либо меры в отношении законных представителей, в том числе изъятие ребенка из семьи, применялись в 45 случаях (37,5 %) — у воспитанников мест лишения свободы и у 35 несовершеннолетних, приговоренных к наказанию без изоляции от общества (43,75 %), что являлось следствием попустительского отношения к родительским функциям: неполное обеспечение приобщения к образовательному процессу, неполное материально-бытовое обеспечение, регулярные побои и пр. Подростки, чьи родители лишены своих прав, в дальнейшем воспитывались в детском доме, что также повлияло на процесс их социализации. Правопослушные молодые люди с такими обстоятельствами не сталкивались.

Вследствие систематического нарушения законов и установленных правил опрошенные сталкивались с постановкой на учет в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав, в подразделения по делам несовершеннолетних (далее — ПДН). Так, в группе осужденных к лишению свободы на таком учете состояло 65 подростков (54,2 %). Среди подростков, осужденных условно, на такой вид контроля было поставлено 30 чел. (30,75 %). Примечательным является то, что часть молодых людей, отличающихся правопослушным поведением, также состоит на учете в ПДН — 10 опрошенных (16,6 %). Постановка производилась за систематические прогулы, кражи, регулярное мелкое хулиганство, драки и т.д.

Изучая характеристики семей респондентов, мы выявили ряд социальных характеристик, имеющих значение в плане криминализации опрошенных. Математико-статистическая обработка данных осуществлялась с помощью таких статистических критериев, как сравнительный анализ с применением U-критерия Манна-Уитни (для двух групп) и H-критерия Краскала-Уоллиса (для трех групп). Наиболее статистически значимые значения представлены на рис. 1. Было выявлено, что у несовершеннолетних чаще были неполные семьи, в которых они воспитывались преимущественно матерью (реже — бабушкой или дедушкой). При этом у осужденных к лишению свободы гораздо чаще встречается фактор неполной семьи, чем у условно осужденных. Еще одна характеристика, которая в большей степени присуща семьям подростков — неудовлетворенность материальным положением, что чаще встречается у респондентов, находящихся в местах лишения свободы, чуть реже — у условно осужденных. Как показала статистическая обработка данных, на криминализацию подростков оказали такие характеристики родителей, как их алкоголизация и наркотизация, лишение родительских прав, проблемы с законом. Данные факты

чаще встречаются в группе несовершеннолетних, находящихся в воспитательных колониях. У условно осужденных также встречаются схожие характеристики родителей, однако они совершали менее тяжкие преступления, так как у них были сдерживающие факторы в виде более обширного круга друзей и социально одобряемых увлечений.

Примечание: при составлении рисунка использовался статистический критерий Краскела-Уоллиса

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Социальная характеристика семей осужденных

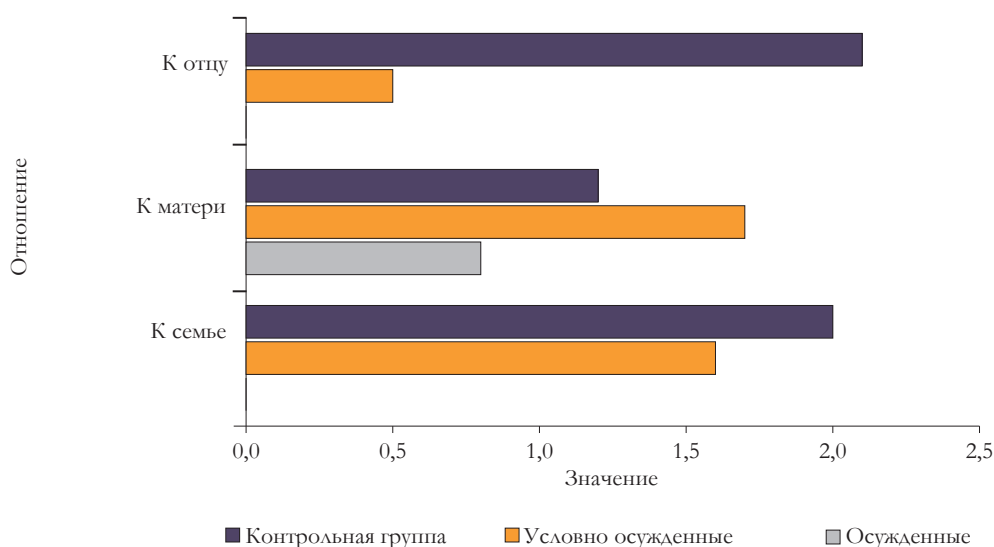
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ личных дел респондентов, а также математико-статистический анализ позволили выделить статистически значимые семейные предикторы развития антисоциального поведения у подростков.

Согласно подсчетам выявлено, что у несовершеннолетних чаще были неполные семьи, в которых они воспитывались преимущественно матерью (реже – бабушкой или дедушкой). При этом у осужденных к лишению свободы гораздо чаще встречается фактор неполной семьи, чем у условно осужденных. Еще одной характеристикой, которая чаще встречается у семей подростков, является неудовлетворенность материальным положением, что в большей степени также присуще респондентам, находящимся в местах лишения свободы, чуть реже – условно осужденным. Как показала статистическая обработка данных, на криминализацию подростков оказали такие характеристики родителей, как их алкоголизация и наркотизация, лишение родительских прав, проблемы с законом (соответственно, и отбывание наказания в местах лишения свободы). Данные факты чаще встречаются в группе несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательной колонии. У условно осужденных также встречаются схожие характеристики родителей, однако ими были совершены менее тяжкие преступления, так как у них имелись смягчающие факторы в виде более обширного круга знакомых и социально приемлемых хобби. В группе правопослушных подростков такие характеристики семьи отсутствуют: респонденты чаще воспитывались в полных семьях, имели достаточный уровень материального обеспечения, братьев и сестер, что способствовало нормативному течению процесса социализации.

У осужденных к лишению свободы статистически значимо (критерий Краскела-Уоллиса $H = 45,31$, значение $p < 0,001$) отрицательное отношение к отцу. Это объясняется ролью, которую он играл в их жизни: чаще – отстранение из жизни ребенка и минимальное участие в ней, так как основную функцию по воспитанию на себя брала либо мать, либо другие члены семьи. Также из анализа социальных характеристик семей следует, что именно отцы чаще всего были подвержены алкоголизму и наркомании, имели проблемы с законом, что также оказывало влияние на отношения между отцом и ребенком и на его дальнейшую криминализацию. Примечательно следующее: именно осужденные к лишению свободы отрицательно относятся к семье в целом, что связано с негативным опытом жизни в родительской семье, недостатком позитивного взаимодействия со значимыми взрослыми.

Результаты осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, и правопослушных подростков во многом переплетаются ввиду довольно схожего жизненного опыта и социальных характеристик. Эти категории респондентов в целом воспринимают семью более положительно, так как в системе их детско-родительских отношений есть более позитивное и искреннее взаимодействие. При этом условно осужденные несовершеннолетние к отцу относятся, скорее, нейтрально, что связано с различным опытом взаимодействия с ним. В это же время для законопослушных подростков отец является центральным человеком в жизни ребенка, искренне интересующимся жизнью семьи. Результаты представлены на рис. 2.

Примечание: при составлении рисунка использовались статистический критерий Краскела-Уоллиса, а также результаты метода незаконченных предложений

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Отношение к семье подростков из различных групп

В ходе исследования изучался негативный опыт, с которым респондентам пришлось столкнуться в процессе своей семейной истории. В данном случае под негативным опытом понимаются физическое наказание; сексуальное насилие; отрицательные отношения между членами семьи и ребенком; пренебрежение базовыми потребностями детей со стороны родителей; систематические унижения детей со стороны значимых взрослых; домашнее насилие; трагедия одного из родителей (развод/смерть); проживание с людьми, побывавшими в местах лишения свободы; проживание с людьми, имеющими психическое расстройство, злоупотребляющими психоактивными веществами. В таблице приведено количество респондентов, переживших различное количество видов негативного опыта в каждой из групп опрошенных.

По данным, представленным в таблице, видно, что большинство подростков, преступивших закон, систематически испытывали негативный опыт в процессе своего нахождения в семье. С наибольшим количеством видов такого опыта встречались несовершеннолетние, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления и отбывающие наказание в местах лишения свободы (70 % опрошенных данной

группы встречались с 7–10 видами таких ситуаций на протяжении своего проживания с семьей с разной степенью периодичности). Частый негативный детский опыт является одной из предпосылок для развития противоправного поведения у несовершеннолетних.

Таблица

Количество респондентов, переживших различный негативный опыт

Респонденты	7–10 видов	4–6 видов	1–3 вида
Несовершеннолетние, отбывающие наказание в местах лишения свободы, чел.	84 (70 %)	24 (20 %)	12 (10 %)
Несовершеннолетние, отбывающие наказание условно, чел.	30 (37,5 %)	36 (45 %)	14 (17,5 %)
Правопослушные несовершеннолетние, чел.	6 (10 %)	21 (35 %)	33 (55 %)

Составлено автором по материалам исследования

Психологическое обследование респондентов показало, что вследствие нехватки позитивного интереса к ребенку со стороны значимых взрослых их детско-родительские отношения находились в состоянии подавленности и стресса. При этом опрос подростков показал, что неоднократные попытки с их стороны наладить отношения с родителями не приводили к успеху.

Гедонистические чувства, то есть чувства, связанные с удовлетворением базовых человеческих потребностей, также занимали одно из центральных мест в жизни воспитанников исправительных учреждений. Это вызвано как отсутствием позитивных взаимоотношений с матерью и отцом, так и низким материальным положением семей респондентов из мест лишения свободы, а в ряде случаев и проживанием за чертой бедности. Выявленные обстоятельства также являются одним из предикторов развития антисоциального поведения.

Сближающие чувства, то есть искренне позитивные и доверительные отношения хотя бы с одним из родителей воспитанников колоний, присутствовали в единичных случаях. В это же время им были присущи напряжение и отторжение, отказ в эмоциональной близости (удаляющие чувства). Схожая тенденция прослеживается и в группе сверстников, отбывающих наказание, альтернативное лишению свободы.

Во многих семейных историях осужденных к реальному сроку прослеживаются беззащитность ребенка, его угнетенное состояние и неблагоприятный эмоциональный фон. Одними из черт поведения членов семьи, ответственных за воспитание, являлись подавление ребенка, пренебрежение его эмоциональным состоянием и чувствами.

Отец, являясь одной из ключевых фигур в жизни любого человека, в семьях респондентов, находящихся в местах лишения свободы, минимизировал свою роль в жизни детей, вследствие чего основные родительские обязанности ложились на мать либо на других родственников. Именно отец чаще всего находился в состоянии алкогольного опьянения или в наркотической абстиненции, в систематическом конфликте с законом. В своих действиях он был непоследовательным, при этом не только не проявляя интереса к потребностям ребенка, но и демонстрируя ему пренебрежение. Вследствие этого осужденные подростки испытывали страх перед сближением с отцом, у них возникало желание быть независимым от него, а также избегать любые межличностные контакты с последним. Вместе с тем правопослушные подростки имели с отцом доверительные отношения и воспринимали его как важного и авторитетного человека в своей жизни, который принимает участие во всех делах сына.

Одновременно с этим попустительское отношение к ребенку, ненадлежащее исполнение родительских обязанностей, непоследовательность и враждебность были свойственны и матери, которая в большинстве случаев являлась официальным опекуном осужденных. Такие обстоятельства влекли за собой лишение родительских прав и контроль со стороны органов опеки и попечительства. Незаинтересованность в ребенке объясняется и тем, что матери брали на себя ответственность за сына вследствие общепринятых норм и правил. Матери же правопослушных сыновей проявляли искреннюю заинтересованность в жизни детей и имели с ними доверительные отношения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ личных дел, опрос и психологическая диагностика респондентов показали, что существенными предикторами развития антисоциального поведения у несовершеннолетних являются особенности функционирования семейной системы, в том числе детско-родительские отношения и индивидуальная история семьи.

Разрабатывая индивидуальную программу психологического сопровождения несовершеннолетних осужденных, следует учитывать не только личностные особенности подростка и обстоятельства совершенного преступления, но и специфику внутрисемейных отношений. Для повышения эффективности психологического воздействия необходимо вовлекать в профилактическую работу членов семьи и других значимых взрослых, что будет способствовать гармонизации взаимоотношений с ближайшим окружением и облегчению процесса ресоциализации после освобождения.

Проведенное нами исследование может быть интересно специалистам системы профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями различного уровня. Представителям учреждений системы первичной профилактики необходимо наиболее тщательно изучать и вникать в текущую семейную ситуацию подростка, а в случае выявления дисфункциональности семьи принимать все нужные меры для гармонизации внутрисемейных взаимоотношений.

Перспективными направлениями исследований данной темы представляются выделение различных типов семей, в которых воспитывались несовершеннолетние осужденные, выявление стилей семейного воспитания, а также разработка психопрофилактических программ для каждой из них. Полезным было бы проведение аналогичного исследования в группе подростков женского пола для определения половозрастной специфики изучаемого феномена.

Список литературы

1. Реан А.А. Профилактика агрессии и асоциальности несовершеннолетних. Национальный психологический журнал. 2018;2(30):3–12. <http://doi.org/10.11621/npj.2018.0201>
2. Кон И.С. Психология ранней юности: книга для учителя. М.: Просвещение; 1989. 256 с.
3. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. 3^е изд. СПб: Питер; 2002. 656 с.
4. Бобнева М.И., Шорохова Е.В. (ред.) Психологические механизмы регуляции социального поведения. М.: Наука; 1979. 339 с.
5. Рыцарева Т.В. Индивидуально-психологические особенности подростков с разными типами отклоняющегося поведения и их связь с ценностными ориентациями родителей. Дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.13. М.: Институт психологии Российской академии наук; 2018. 234 с.
6. Парсонс Т. (ред.) Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. Пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. М.: Прогресс; 1971. 363 с.
7. Сухомлинский В.А. Родительская педагогика. М.: Знание; 1978. 95 с.
8. Антонян Ю.М., Гончарова М.В. Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018;2:87–100. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-2-87-100>
9. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях. Психология и право. 2020;2(10). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100201>
10. Суслов Ю.Е., Кулакова С.В., Макаренко Т.Д., Спасеникова М.Г. Криминологическая характеристика несовершеннолетних осужденных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, по результатам переписи 2019 года. Всероссийский криминологический журнал. 2020;2(14):290–297. <https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020>
11. Терезулова О.А. Психологические условия профилактики вовлечения несовершеннолетних в правонарушения. Дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.06. М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации; 2021. 236 с.
12. Gilbert P., Cheung M.S.-P., Grandfield T., Campey F., Irons C. Recall of threat and submissiveness in childhood: development of a new scale and its relationship with depression, social comparison and shame. Clinical Psychology & Psychotherapy. 2003;2(10):108–115. <http://dx.doi.org/10.1002/cpp.359>

References

1. Rean A.A. Prevention of aggression and antisocial behaviour in adolescents. National Psychological Journal. 2018;2(30):3–12. (In Russian). <http://doi.org/10.11621/npj.2018.0201>

2. *Kon I.S.* Psychology of early youth: teachers' book. Moscow: Prosveshchenie; 1989. 256 p. (In Russian).
3. *Eidemiller E.G., Yustitskii V.V.* Family psychology and psychotherapy. 3rd ed. St. Petersburg: Piter; 2002. 656 p. (In Russian).
4. *Bobneva M.I., Shorokhova E.V. (ed.)* Psychological mechanisms of regulation of social behavior. Moscow: Nauka; 1979. 339 p. (In Russian).
5. *Rytsareva T.V.* Individual and psychological characteristics of adolescents with different types of deviant behaviour and their relationship with value orientations of parents. Diss. ... Cand. Sci. (Psy): 19.00.13. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2018. 234 p. (In Russian).
6. *Parsons T. (ed.)* American sociology. Perspectives, problems, methods. Trans. from Eng. V.V. Voronin and E.V. Zinkovsky. Moscow: Progress; 1971. 363 p. (In Russian).
7. *Sukhomlinsky V.A.* Parental pedagogy. Moscow: Znanie; 1978. 95 p. (In Russian).
8. *Antonov Yu.M., Goncharova M.V.* Present state and causes of juvenile delinquency in Russia. Moscow Juridical Journal. 2018;2:87–100. (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-2-87-100>
9. *Bogdanovich N.V., Delibalt V.V.* Prevention of deviant behavior of children and adolescents as a field of activity of a psychologist in educational institutions. Psychology and Law. 2020;2(10). (In Russian). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100201>
10. *Suslov Yu.E., Kulakova S.V., Makarenko T.D., Spasennikova M.G.* Criminological characteristics of minors in penitentiary institutions according to the 2019 census. Russian Journal of Criminology. 2020;2(14):290–297. (In Russian). <https://doi.org/10.17150/2500-4255.2020>.
11. *Teregulova O.A.* Psychological conditions for the prevention of the involvement of minors in offenses. Diss. ... Cand. Sci. (Psy): 19.00.06. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2021. 236 p. (In Russian).
12. *Gilbert P., Cheung M.S.-P., Grandfield T., Campey F., Irons C.* Recall of threat and submissiveness in childhood: development of a new scale and its relationship with depression, social comparison and shame. Clinical Psychology & Psychotherapy. 2003;2(10):108–115. <http://dx.doi.org/10.1002/cpp.359>